

Журнал по психологическим наукам

Психология.
Историко-критические
обзоры и современные
исследования

Том 8, № 2А, 2019.

С. 1-236.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС»

Московская область, г. Ногинск

Journal of Psychology

Psychology.
Historical-critical
Reviews and Current
Researches

April 2019, Volume 8, Issue 2A.

Pages 1-236.

ANALITIKA RODIS publishing house

Noginsk, Moscow region

«Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования» Том 8, № 2А, 2019

Выпуски журнала издаются в двух частях: А и В. Периодичность части А – 6 номеров в год. Периодичность части В – 6 номеров в год.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редсовета и редколлегии, а также другими ведущими учеными.

Семёнов Игорь Никитович, доктор психологических наук (19.00.01), профессор, академик АПСН, академик Международной академии Гуманизации образования, действительный член Европейской академии естествознания (Лондон), лауреат Премии Президента РФ в области образования, создатель научной школы Рефлексивной психологии и педагогики творчества, член диссертационных советов по общей психологии и по общей педагогике, профессор кафедры общей и экспериментальной психологии, **Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики** – главный редактор журнала.

Савина Надежда Николаевна, доктор психологических наук (19.00.01), доктор педагогических наук, профессор кафедры технологий обучения, **Новосибирский государственный аграрный университет** – заместитель главного редактора.

В журнале публикуются результаты оригинальных исследований, проведенные в различных направлениях психологии и смежных дисциплин. Авторами статей являются ведущие специалисты в области психологии и смежных наук, а также исследователи, работающие над диссертациями по проблемам психологии. В журнале рассматривается весь спектр современных проблем психологической науки: история, теория, практика, инновации.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал «Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования» включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» в соответствии с приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 03 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), вступившим в силу 1 декабря 2015 года.

Генеральный директор издательства	Е.А. Лисина
Главный редактор	И.Н. Семенов, доктор психологических наук (19.00.01)
Зам. главного редактора	Н.Н. Савина, доктор психологических наук (19.00.01), доктор педагогических наук
Ответственный редактор	В.В. Галушкин
Научный редактор и переводчик	К.И. Кропачева
Корректор	Л.Л. Куприянчик, А. Ильина
Переводчики	В.Н. Ермаков, И.С. Злобина, И.А. Маркеева
Дизайн и верстка	М.А. Пучков
Адрес редакции и издателя	142400, Московская область, Ногинск, ул. Рогожская, 7
Телефоны редакции	+7 (495) 210 0554; +7 915 056 9894
E-mail	info@publishing-vak.ru
Сайт	http://www.publishing-vak.ru

Журнал издается с января 2012 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-43675 от 24.01.2011.

ISSN 2223-5477

Учредитель и издатель: «АНАЛИТИКА РОДИС»

Индекс по Объединенному каталогу «Пресса России»:

43049 «Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования»

Цена договорная. Подписано к печати 15.04.2019. Печ. л. 31,5. Формат 60х90/8.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Периодичность: 6 раз в год. Тираж 1000 экз. Заказ № 7221.

Отпечатано в типографии «Книга по Требованию». 127918, Москва, Сушевский вал, 49.

"Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches" April 2019, Volume 8, Issue 2A

The issues of the journal are published in two parts: A and B. The publication frequency of part A is 6 times a year. The frequency of part B is 6 times per year.

All articles published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and editorial staff as well as by other leading scientists.

Semenov Igor' Nikitovich, Doctor of Psychology, Professor, member of the Academy of Pedagogical and Social Sciences, member of the International Academy for the Humanization of Education, full-fledged member of the European Academy of Natural History (London), recipient of the prize of the President of the RF in the field of education, founder of the scientific school of reflexive psychology and pedagogy of creativity, member of dissertation councils in general psychology and in general pedagogy, **National Research University – Higher School of Economics** (Russia) – editor-in-chief.

Savina Nadezhda Nikolaevna, Doctor of Psychology, Doctor of Pedagogy, Professor of Learning Technologies Department, **Novosibirsk State Agrarian University** (Russia) – deputy editor-in-chief.

The journal publishes results of original researches conducted in various areas of psychology and related disciplines. The articles are written by leading experts in the field of psychology and related sciences as well as researchers working on dissertations on psychology. The journal covers the full range of modern problems of psychology: history, theory, practice and innovations.

The views and opinions of the publisher may not necessarily coincide with those of the authors. The journal "Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches" ("*Psikhologiya. Istorikokriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*") was included in the "**List of the peer-reviewed scientific journals**, in which the major scientific results of dissertations for obtaining Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees should be published" in accordance with Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 793 of July 25, 2014 (as amended by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 560 of June 3, 2015 that was registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on August 25, 2014 (registration No. 33863) and entered into force on December 1, 2015).

CEO of the publishing house	E.A. Lisina
Editor-in-chief	I.N. Semenov, Doctor of Psychology
Deputy editor-in-chief	N.N. Savina, Doctor of Psychology, Doctor of Pedagogy
Executive editor	V.V. Galushkin
Science editor and translator	K.I. Kropacheva
Proof-readers	L.L. Kupriyanchik, F.A. Il'ina
Translators	V.N. Ermakov, I.S. Zlobina, I.A. Markeeva
Styling and make-up	M.A. Puchkov
Address of the Publisher and the Editorial Board	P.O. Box 142400, 7 Rogozhskaya st., Noginsk, Moscow region, Russian Federation
Phones of the Editorial Board	+7 (495) 210 0554; +7 915 056 9894
E-mail	info@publishing-vak.ru
Website	http://www.publishing-vak.ru

The journal is issued since January 2012.

The publication is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).

Mass media registration certificate: PI No. FS77-43675 of 24.01.2011.

ISSN 2223-5426

Founder and Publisher: "ANALITIKA RODIS"

Subscription index of the union catalogue "The Press of Russia":

43049 "Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches".

Contract price. Passed for printing on 15.04.2019. 31.5 printed sheets. Format 60x90/8.

Offset printing. Offset paper. Periodicity: 6 issues per year. Circulation 1,000 issues. Order No. 7221.

Printed from make-up page in the "Kniga po Trebovaniyu" printing house.

P.O. Box 127918, 49 Sushchevskii val, Moscow, Russian Federation.

Редакционный совет

по направлению: 19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии

Мазилев Владимир Александрович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского.

Нургалеев Владимир Султанович – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии, Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма.

Савина Надежда Николаевна – заместитель главного редактора журнала, доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор кафедры технологий обучения, Новосибирский государственный аграрный университет.

Семёнов Игорь Никитович – главный редактор журнала, доктор психологических наук, профессор, академик АПСН, академик Международной академии Гуманизации образования, действительный член Европейской академии естествознания (Лондон), лауреат Премии Президента РФ в области образования, создатель научной школы Рефлексивной психологии и педагогики творчества, член диссертационных советов по общей психологии и по общей педагогике, профессор кафедры общей и экспериментальной психологии, Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики.

по направлению: 19.00.02 – Психофизиология

Балин Виктор Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Каменская Валентина Георгиевна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии и психофизиологии, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина.

Котова Светлана Аркадьевна – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой педагогики начального образования и художественного развития ребенка, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.

Черноризов Александр Михайлович – доктор психологических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой психофизиологии факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

по направлению: 19.00.03 – Психология труда, инженерная психология, эргономика

Белоусова Светлана Анатольевна – доктор психологических наук, доцент, начальник научно-исследовательского сектора, профессор кафедры психологии, Челябинский государственный университет.

Крук Владимир Михайлович – доктор психологических наук, профессор, Департамент государственной службы и кадров МВД России, ведущий консультант отдела организации психологической работы управления организации морально-психологического обеспечения ДГСК МВД России, профессор кафедры морально-психологического обеспечения Военного университета, профессор кафедры психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности, Московский университет им. В.Я. Кикотя Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Лысаков Николай Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры № 9, Национальный исследовательский университет – Московский авиационный институт.

Моргунов Евгений Борисович – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры управления человеческими ресурсами, Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики.

Сокольская Марина Вячеславовна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры «Психология, социология, государственное и муниципальное управление», Российский университет транспорта (МИИТ).

по направлению: 19.00.04 – Медицинская психология

Баранская Людмила Тимофеевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психиатрии, наркологии и психотерапии, Уральский государственный медицинский университет.

Решетников Михаил Михайлович – доктор психологических наук, профессор, ректор, Восточно-европейский институт психоанализа.

Фотекова Татьяна Анатольевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова.

по направлению: 19.00.05 – Социальная психология

Клейберг Юрий Александрович – доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры психологии труда и организационной психологии, Московский государственный областной университет.

Козлов Владимир Васильевич – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической психологии, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова.

Миронова Оксана Ивановна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной, общей и клинической психологии, Российский государственный строительный университет.

по направлению: 19.00.07 – Педагогическая психология

Борзова Татьяна Владимировна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии, Тихоокеанский государственный университет.

Зеер Эвальд Фридрихович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии профессионального развития, Российский государственный профессионально-педагогический университет.

Сыманюк Эльвира Эвальдовна – доктор психологических наук, профессор, директор Института социальных и политических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина.

по направлению: 19.00.10 – Коррекционная психология

Волкова Ирина Павловна – доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой основ коррекционной педагогики, Институт дефектологического образования и реабилитации, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.

Волковская Татьяна Николаевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры логопедии, Институт специального образования и комплексной реабилитации, Московский городской педагогический университет.

Никишина Вера Борисовна – доктор психологических наук, профессор, декан факультета повышения квалификации, заведующий кафедрой психологии здоровья и коррекционной психологии, Курский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Плаксына Любовь Ивановна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры олигофренопедагогики специальной психологии, Московский государственный педагогический университет.

Шаповалова Ольга Евгеньевна – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой коррекционной педагогики, психологии и логопедии, Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема.

по направлению: 19.00.13 – Психология развития, акмеология

Белов Василий Георгиевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры консультативной психологии и психологии здоровья, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы.

Носс Игорь Николаевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии труда и организационной психологии, Московский государственный областной университет.

Плугина Мария Ивановна – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики, психологии и специальных дисциплин, Ставропольский государственный медицинский университет.

Редакционная коллегия

Клюев Александр Сергеевич – доктор философских наук, профессор кафедры музыкального воспитания и образования, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.

Языков Константин Геннадьевич – доктор медицинских наук, профессор кафедры генетической и клинической психологии факультета психологии, Томский государственный университет.

Editorial board

Balin Viktor Dmitrievich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University (Russia).

Baranskaya Lyudmila Timofeevna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Psychiatry, Narcology and Psychotherapy, Ural State Medical University (Russia).

Belousova Svetlana Anatol'evna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Head of the research sector, Professor of the Department of Psychology, Chelyabinsk State University (Russia).

Belov Vasilii Georgievich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Consultative Psychology and Psychology of Health, Saint Petersburg State Institute of Psychology and Social Work (Russia).

Borzova Tat'yana Vladimirovna – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology, Pacific State University (Russia).

Chernorizov Aleksandr Mikhailovich – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor, Head of the Department of psychophysiology of the Faculty of psychology, Lomonosov Moscow State University (Russia).

Fotekova Tat'yana Anatol'evna – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of general and clinical psychology, Khakassian State University (Russia).

Kamenskaya Valentina Georgievna – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology and Psychophysiology, Yelets State University (Russia).

Klayberg Yurii Aleksandrovich – Doctor of Psychology, Doctor of Pedagogy, Professor, Moscow State Regional University (Russia).

Kotova Svetlana Arkad'yevna – PhD in Psychology, Associate Professor, Head of the Chair of Pedagogics of Primary Education and Child Development, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia).

Kozlov Vladimir Vasil'evich – Doctor of Psychology, Professor at the Department of social and political psychology, Demidov Yaroslavl State University (Russia).

Kruk Vladimir Mikhailovich – Doctor of Psychology, Professor, Department of Civil Service and Personnel of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Leading Consultant of the Department for the Organization of the Psychological Work of the Department of Moral and Psychological Support of the DGSK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Psychological Support of the Military University, Professor of the Psychology Department of the Educational and Scientific Complex psychology of official activity, Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia (Russia).

Lysakov Nikolai Dmitrievich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department No. 9, National Research University – Moscow Aviation Institute (Russia).

Mazilov Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of general and social psychology, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Russia).

Mironova Oksana Ivanovna – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Social, General and Clinical Psychology, Russian State University of Civil Engineering (Russia).

Morgunov Evgenii Borisovich – Doctor of Psychology, Professor at the Department of counseling, Dean of the faculty of practical psychology, Moscow School of Social and Economic Sciences (Russia).

Nikishina Vera Borisovna – Doctor of Psychology, Professor, Dean of the faculty of professional development, Head of the Department of psychology of health and correctional psychology, Kursk State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (Russia).

Noss Igor' Nikolaevich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Labor Psychology and Organizational Psychology, Moscow State Regional University (Russia).

Nurgaleev Vladimir Sultanovich – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of pedagogics and professional activity psychology, Siberia State Technological University (Russia).

Plaksina Lyubov' Ivanovna – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Oligophrenopedagogy of Special Psychology, Moscow State Pedagogical University (Russia).

Plugina Mariya Ivanovna – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Chair of Pedagogy, Psychology and Special Subjects, Stavropol State Medical University (Russia).

Reshetnikov Mikhail Mikhailovich – Doctor of Psychology, Professor, Rector, East European Institute of Psychoanalysis (Russia).

Savina Nadezhda Nikolaevna – Deputy editor-in-chief, Doctor of Psychology, Doctor of Pedagogy, Professor of Learning Technologies Department, Novosibirsk State Agrarian University (Russia).

Semenov Igor' Nikitovich – Editor-in-chief, Doctor of Psychology, Professor, member of the Academy of Pedagogical and Social Sciences, member of the International Academy for the Humanization of Education, full-fledged member of the European Academy of Natural History (London), recipient of the prize of the President of the RF in the field of education, founder of the scientific school of reflexive psychology and pedagogy of creativity, member of dissertation councils in general psychology and in general pedagogy, National Research University – Higher School of Economics (Russia).

Shapovalova Ol'ga Evgen'evna – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Correctional Pedagogy, Psychology and Speech Therapy, Sholom-Aleikhem Amur State University (Russia).

Sokol'skaya Marina Vyacheslavovna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Psychology, Sociology, State and Municipal Management, Russian University of Transport (MIIT) (Russia).

Symanyuk El'vira Eval'dovna – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of acmeology and psychology of management, Ural State Pedagogical University (Russia).

Volkova Irina Pavlovna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Head of the Department of bases of correctional pedagogy, Institute of Defectology Education and Rehabilitation, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia).

Volkovskaya Tat'yana Nikolaevna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of speech therapy, Institute of Special Education and Comprehensive Rehabilitation, Moscow City Pedagogical University (Russia).

Zeer Eval'd Fridrikhovich – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of professional development psychology of the Institute of Psychology, Russian State Vocational Pedagogical University (Russia).

Advisory Board

Klyuev Aleksandr Sergeevich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of music education, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia).

Yazykov Konstantin Gennad'evich – Doctor of Medical Sciences, Professor at the Department of genetic and clinical psychology of the faculty of psychology, Tomsk State University (Russia).

Содержание

Социальная психология

Горбатов Дмитрий Сергеевич

Байчик Анна Витальевна

Гендерные предрассудки и стереотипы в теориях толпы конца XIX – начала XX века.....7

Блюм Анна Ивановна

Василенко Татьяна Дмитриевна

Мангушев Филипп Юрьевич

Проблема деформации женской идентичности в современном российском обществе15

Квасова Ольга Григорьевна

К разработке модели ресоциализации личности в условиях социокультурных перемен, кризисов и катастроф (на примере анализа американской системы реадaptации ветеранов)23

Неруш Татьяна Григорьевна

Неруш Антон Александрович

Возможности применения социально-психологических механизмов игровой инклюзии в геймификации образования31

Костина Татьяна Анатольевна

Ларин Сергей Николаевич

Ноакк Наталия Вадимовна

Ларина Татьяна Сергеевна

Терминологическое обоснование инструментария для исследования социальных представлений пользователей о продуктах цифровой экономики38

Знаменская Александра Николаевна

Костина Татьяна Анатольевна

Ларин Сергей Николаевич

Ларина Татьяна Сергеевна

Реброва Наталья Андреевна

Обоснование методического подхода к разработке инструментария для исследования социальных представлений пользователей о продуктах цифровой экономики.....51

Дедов Николай Петрович

Кохова Ирина Владимировна

Социально-психофизиологические аспекты управления сотрудниками предпенсионного возраста в условиях цифровизации общества.....60

Дедов Николай Петрович

Психологическое своеобразие формирования авторитета педагога в условиях цифровизации образовательного процесса69

Потапов Даниил Сергеевич

Особенности категории врага в психоаналитической концепции.....76

Потапов Даниил Сергеевич

К вопросу об образе врага в социальных и психологических исследованиях83

Титова Дарья Владимировна

Проблемы исследования волонтерской деятельности в психологии90

Стульник Татьяна Дмитриевна
Пономарева Диана Игоревна
Гриб Елена Витальевна

Профессиональная реализация специалистов пенсионного возраста в структуре
Опытно-конструкторских бюро авиационных корпораций 99

Цаплин Евгений Валерьевич

Связь профессионально важных характеристик и профессиональной
идентичности госслужащих 109

Андреева Ольга Станиславовна

Цаплин Евгений Валерьевич

Содержательные характеристики кризиса профессиональной идентичности
госслужащих 115

Айдаралиева Назира Меирхановна

Основные проблемы психологической концепции личности В.М. Бехтерева
и этапы ее создания 123

Новиков Алексей Валерьевич

Кулакова Светлана Владимировна

Кротова Дарья Николаевна

Психолого-педагогические и гендерные особенности несовершеннолетних
осужденных, отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной
системы 130

Кулакова Светлана Владимировна

Новиков Алексей Валерьевич

Кротова Дарья Николаевна

Детерминанты суицидального поведения 139

Кузнецова Елена Сергеевна

Морозюк Светлана Николаевна

Взаимосвязь рефлексии и защитной рефлексии матери, воспитывающей
ребенка-дошкольника 147

Бендрикова Альбина Юрьевна

Бетенькова Елена Михайловна

Кочетова Юлия Юрьевна

Тимченко Наталья Станиславовна

Шершнева Карина Сергеевна

Этика и психология в изучении моделей взаимоотношений врача и пациента 153

Педагогическая психология

Сайганова Екатерина Геннадьевна

Акмеолого-педагогический аспект личностной физической культуры студентов
вузов 163

Никотина Алина Геннадьевна

Михайлова Наталья Васильевна

Психолого-педагогические условия формирования творческого потенциала
у детей старшего дошкольного возраста при помощи подвижных игр 172

Прибыткова Юлия Алексеевна

Неволина Виктория Васильевна

Развитие восприятия средствами арт-терапии 181

Усова Нелли Ильинична

Рогозина Виктория Андреевна

Формирование гендерной компетентности педагогов дошкольного образования.....187

Хрипченко Наталья Николаевна

Михайлова Наталья Васильевна

Роль ритмической гимнастики в снятии эмоционального напряжения у детей
старшего дошкольного возраста197

Психология труда, инженерная психология, эргономика

Васильченко Алеся Сергеевна

Вклад индивидуально-психологических и когнитивных особенностей
в увеличение риска попадания в дорожно-транспортное происшествие (часть 1).....205

Назарова Фаина Фаритовна

Взаимосвязь саморегуляции деятельности и профессионального выгорания
педагогов общеобразовательного учреждения.....216

Чернышенко Эдуард Александрович

Стилевые особенности достижения профессионализма: анализ и обобщение
результатов эмпирического исследования.....223

Медицинская психология

Петрова Лариса Витальевна

Типологические особенности ценностного отношения к здоровью педагогов231

Contents

Social psychology

Dmitrii S. Gorbatov

Anna V. Baichik

Gender biases and stereotypes in the theories of crowd behavior of late XIX – early XX centuries7

Anna I. Blyum

Tat'yana D. Vasilenko

Filipp Yu. Mangushev

The problem of female identity deformation in modern Russian society15

Ol'ga G. Kvasova

On the development of a model for the re-socialization of the individual in the context of sociocultural changes, crises and disasters (using the example of an analysis of the American system of veterans' rehabilitation)23

Tat'yana G. Nerush

Anton A. Nerush

The possibilities of using the socio-psychological mechanisms of game inclusion in the gamification of education31

Tat'yana A. Kostina

Sergei N. Larin

Nataliya V. Noakk

Tat'yana S. Larina

Terminological rationale tools for the study of social ideas of users about products of digital economy38

Aleksandra N. Znamenskaya

Tat'yana A. Kostina

Sergei N. Larin

Tat'yana S. Larina

Natal'ya A. Rebrova

Justification of the methodological approach to the development of tools for the study of social representations of users about the products of the digital economy51

Nikolai P. Dedov

Irina V. Kokhova

Social-psychophysiological aspects of management of employees of pre-retirement age in the conditions of digitalization of society60

Nikolai P. Dedov

Psychological originality of formation of the authority of the teacher in the conditions of digitalization of educational process69

Daniil S. Potapov

Features of the enemy category in the psychoanalytic concept.....76

Daniil S. Potapov

To the question of the enemy of the enemy in social and psychological researches83

Dar'ya V. Titova

The issues of the research on volunteering in psychology90

Tat'yana D. Stul'nik Diana I. Ponomareva Elena V. Grib	Professional implementation of retirement age specialists in the structure of the Aviation Corporation Experimental Design Bureau	99
Evgenii V. Tsaplin	Relation of professionally important characteristics and professional identity of civil servants	109
Ol'ga S. Andreeva Evgenii V. Tsaplin	Substantial characteristics of the crisis of professional identity of civil servants	115
Nazira M. Aidaralieva	The main problems of the psychological concept of personality by V.M. Bekhterev and the stages of its creation.....	123
Aleksei V. Novikov Svetlana V. Kulakova Darya N. Krotova	Psychological, pedagogical and gender characteristics of juvenile convicts serving sentences in the institutions of the penitentiary system.....	130
Svetlana V. Kulakova Aleksei V. Novikov Darya N. Krotova	Determinants of suicidal behavior	139
Elena S. Kuznetsova Svetlana N. Morozyuk	The relation of reflection and defensive reflection of the mother raising a preschooler.....	147
Al'bina Yu. Bendrikova Elena M. Beten'kova Yuliya Yu. Kochetova Natal'ya S. Timchenko Karina S. Shershneva	Ethics and psychology in the studies of doctor and patient relationships models.....	153
<i>Educational psychology</i>		
Ekaterina G. Saiganova	The acmeological pedagogical aspect of the personal physical culture of students in higher education institutions.....	163
Alina G. Nikotina Natal'ya V. Mikhailova	Psycho-pedagogical conditions of formation of the creative potential in children of senior preschool age with the help of mobile games	172
Yuliya A. Pribytkova Viktoriya V. Nevolina	Development of perception by art treatment	181
Nelli I. Usova Viktoriya A. Rogozina	Formation of gender competence of teachers of preschool education	187

Natal'ya N. Khripchenko

Natal'ya V. Mikhailova

The role of rhythmic gymnastics in relieving emotional stress in preschool children197

Labor psychology, engineering psychology, ergonomics

Alesya S. Vasil'chenko

The contribution of individual, psychological and cognitive features to the increased risk of being involved in a traffic accident (part 1)205

Faina F. Nazarova

The relationship of self-regulation activities and professional burnout of teachers of educational institutions.....216

Eduard A. Chernyshenko

Style features of achieving professionalism: analysis and synthesis of the results of empirical research223

Medical psychology

Larisa V. Petrova

Typological features of the value attitude to the health of teachers231

UDC 316.454.3

Gender biases and stereotypes in the theories of crowd behavior of late XIX – early XX centuries

Dmitrii S. Gorbatov

Doctor of Psychology, Associate Professor,
Professor of the Department of management in mass communications,
Saint Petersburg State University,
199034, 7-9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: gorbatov.rus@gmail.com

Anna V. Baichik

PhD in Political Science, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of international journalism
Saint Petersburg State University,
199034, 7-9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: annabaichik@gmail.com

This work is supported by Russian Foundation for Basic Research. The project 18-013-00302. "A crowd and a personality: The historical and psychological research of theories of the 19th - early 20th centuries".

Abstract

The article is devoted to the study of the tendency of feminization of spontaneous groups, the spread of gender biases and stereotypes in relation to them. It is established that initially the researchers characterized women in the crowd with partiality, but later, largely under the influence of the ideas of G. Le Bon, they began to attribute "female" characteristics to the crowd (variability of mood, impulsiveness of behavior, excessive feelings, tendency to suggestion, inability to reason, etc.). This contributed to the consideration of the crowd outside the social and situational context, legitimization of police violence, refusal to take into account the demands of the masses. The article states that the trend of feminization of the crowd was not long. The authors describe the features of its formation and ways of overcoming in science of the late XIX – early XX centuries. In particular, it is noted that the cessation of this trend was due to the emphasis on social factors of women's behavior in the crowd, the exclusion of pathological properties from the list of attributed ones, the gradual recognition of greater severity of individual differences in comparison with gender. The study is useful in the context of expanding the subject field of psychology of spontaneous social groups, as well as developing the conceptual foundations of a systematic approach to the phenomenon of the crowd.

For citation

Gorbatov D.S., Baichik A.V. (2019) Gender biases and stereotypes in the theories of crowd behavior of late XIX – early XX centuries. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 8 (2A), pp. 7-14.

Keywords

Crowd, theories of the crowd, women in the crowd, feminization of the crowd, gender biases, gender stereotypes.

Introduction

The theories of crowd behavior, which appeared in the late XIX – early XX centuries, are often considered in the context of the expression of collective fears by the ruling classes, concerned about the destruction of the usual world order, namely, increase in the number and activity of the proletariat, wave of anarchist terror, politicization of the labour movement, struggle for women's voting rights [Barrows, 1990]. It is no accident that the first description of spontaneous groups were accompanied by negative connotations. The researchers of those times considered the crowd as the personification of all "criminal", "low", "animal", "crazy", and "savage" in human nature. This list would be incomplete without mentioning the "feminine nature" of crowd, mental instability, irrationality of thinking and the expressed suggestibility of which were opposed to the "male" stability and sanity of the individual [Gallini, 1988].

Preconditions for feminization of the crowd

The attribution to spontaneous groups of features of the "weaker sex" at the initial stage of their study has the same origin as the biased characteristics of women by writer Emile Zola, historian Hippolyte Adolphe Taine, publicist Maxime Du Camp, anthropologist and psychiatrist Cesare Lombroso, hypnologist Ambroise-Auguste Liébeault and other representatives of the intellectual elite of the second half of the XIX century. The reason for this is the influence of gender stereotypes, improper generalizations, and prejudices, biased attitudes formed in the public consciousness of the time. Their presence has led to the fact that the random behavior of women is often taken for a typical, situation-based behavior – for a stable inherent, and concrete historical behavior – for unconditionally immanent.

Sexist aspects of Charles Darwin's theory of evolution had a significant influence on the scientific community. The famous scientist confidently proclaimed the mental and physical superiority of men as a consequence of millennia of fierce competition [Bergman, 2000]. If Charles Darwin limited himself to a set of theoretical calculations, the famous anatomist and anthropometrist, "apostle of scientific objectivity" P.P. Broca was the first to present the empirical justification for them. After weighing more than 400 samples of the brain of men and women extracted at autopsies, the reputable researcher found that the female brain is on average 14 percent lighter than the male. This has been interpreted as "exhaustive" proof that differences in intellectual characteristics are largely due to gender. Later P. Broca conducted a study of the volume of 13 skulls of primitive people found in the cave L'Homme Mort in the South of France. It was found that the difference between the cranial cavities, which he very arbitrarily classified as "female" or "male", was only 99.5 cm³ in primitive people, whereas it was in the range of 129.5 to 220.7 cm³ in the modern population [Gould, 1980]. There is a peculiar interpretation in the spirit of evolutionists: the active participation of men in the struggle for survival stimulated the intensive development of the brain, while the dependent and passive role of women seemed to have led to the fact that their brain has not almost developed since primitive times.

The biologist Stephen Jay Gould expressed reasonable doubts about the sufficiency of paleontological prerequisites for categorical conclusions and pointed to the lack of direct connection of intellectual characteristics with the volume of the skull. When he recalculated the data from the study of P. Broca on comparison of the weight of the brain of his contemporaries, adjusting for the stature of individuals and their age (women were smaller and, as a rule, older than men were), he received a not so significant difference. In his opinion, consideration of other factors that can affect the weight of the brain, for example, the specificity and duration of the disease, will reduce the real differences between the sexes to a statistical error [Gould, 1980].

The contribution of G. Le Bon in the process of feminization of the crowd

The ideas of Charles Darwin and measurements of P. Broca influenced Gustave Le Bon, the author of the most popular book on the phenomenon of the crowd [Le Bon, 1896]. In one of his early works, he tendentiously wrote that the volume of the skull of a Parisian woman as a typical sample of the "lower form of evolution" is closer to the skull of a gorilla than that of a modern man. Without denying the existence of women superior to the other sex in this anatomical characteristic, G. Le Bon defined them as a game of nature, similar to the birth of a gorilla with two heads. Directly linking the indicators of a smaller volume of the skull with intellectual "inferiority", he gave preference to women only in the manifestations of fine motor skills, intuition of instinctive order, external attractiveness and in those qualities that are indispensable in the education. Therefore, Le Bon perceived as a dangerous chimera the emerging practice of the same education for both sexes. From his point of view, the ensuing further rivalry with a man is a dead-end path of female existence. The real place of the girl he saw not in school, but near her mother, able to teach the basics of family life [Le Bon, 1881].

The researchers characterize G. Le Bon as a brilliant compiler of other people's ideas, who did not avoid plagiarism [Barrows, 1990]. Indeed, in his book on the crowd there are theses of Scipio Sighele, Gabriel Tarde, Henry Fournial without mentioning the original authors. However, with regard to the attribution of "feminine nature" to the crowd, we can on the contrary state the influence of G. Le Bon on researchers of spontaneous groups of that time.

The authors of the first Western European works on the psychology of the crowd [Sighele, 1893; Fournial, 1892] on the examples of mainly the French revolution and the Paris commune wrote not about the crowd "as a woman", but about specific women in the crowd, characterized by courage or cruelty. The reason for this behavior, they, following the hypnotologists of the time, saw in suggestibility as a consequence of natural impressionability, credulity, weakness of the will. Already in this they were not free from gender stereotypes. When S. Sighele described the crimes committed by a man in the crowd, he referred to his belonging to the category of "born offenders", pointed to the specificity of his profession or emphasized the role of madness. When the crime was committed by a woman, such detail was not observed. Gender was considered as "a factor explaining all the things". Gender bias was also evident in his work. Thus, the judgment of his teacher C. Lombroso that "a depraved woman is worse than a depraved man" S. Sighele considered more than fair to the subjects of mass crimes, categorically arguing: "When a woman is drunk with the blood, she knows no boundaries, no measures" [Sighele, 1893, 68-69]. Even more revealing is the comparison of a woman in a crowd with a hyena by H. Fournial. If she becomes a beast, then the most abhorrent among those animals, that attack in packs [Fournial, 1892, 83].

The first researcher who compared the nature group with a woman and found some similarities was Gabriel Tarde, who claimed that the crowd "like women and children" is prone to strange and unconscious contradictions, and its temperament is "nervous and a sort of female" [Tarde, 1893, 28]. In his next work on the subject, he was more specific: "in its usual whims, in its unbridled receptivity, in its credulity, nervousness, in its abrupt transitions from rage to softness, from despair to explosions of gaiety, the crowd resembles a woman even when it is, as almost always happens, of male elements. Fortunately for women, their way of life, which forced them to lock themselves in houses, condemns them to comparative seclusion" [Tarde, 1902, 173].

G. Le Bon progressed along this path much further, describing not only the "female" variability, suggestibility and impulsiveness of the crowd, but also its intellectual insufficiency – the inability to reason and criticism, that are characteristic of the "lower form of evolution." It was he who moved from comparisons to complete assimilation, arguing that "the crowd is *always* [our italics – D.G., A.B.] reveals features of a female character" [Le Bon, 1896, 176]. And if that is the crowd, then in communication with it, the author recommended to act, in fact, in the style of pick-uppers, lovers of the fleeting street dating: to paint enticing images, to base on illusions, defiantly to share experiences, to infect with emotion, to exaggerate, to speak flatly and simply, repeat in the same terms, to prefer slogans and stock phrases over the rules of logic, never try to prove anything by reasoning.

Efforts to feminize and pathologize spontaneous groups allowed him to bring the crowd beyond both social interaction, where the crowd, defending their rights, was one of the parties to the inter-group conflict, and situational interaction, ignoring the influence of forces opposing crowd. Now the crowd behavior is unconditionally regarded as irrational, unprovoked and deliberately destructive. Thus, the need to consider representatives of the masses as participants in the process of finding public consent was denied, and violence against them was perceived as a necessary measure [Reicher, Potter, 1985; Stott C., Drury, 2016; Gorbatov, Baichik, 2018].

After the publication of this book, S. Sighele also began to write about the crowd "as a woman", endowing it with all possible vices and individual advantages, a priori "inherent" to this sex, and also drew an even more consistent parallel between any manifestations of collective psychology and "female" one [Sighele, 1903]. G. Tarde, in his turn, singled out not only the "female" crowd, but also the same public, a set of people who acquire similarities of beliefs under the influence of information from the same sources. In his understanding, the "female public" is more categorical, intolerant, but at the same time, relatively harmless for all its large number [Tarde, 1902]. In addition, he replaced the old analogy between the properties of women and the crowd with the actual sign of equality. However, the ultimate expression of the trend is presented in the book of F. Cazanove, where gender prejudices and stereotypes are so mixed with collective fears of the masses, that it is sometimes difficult to understand what exactly is at stake – the psychological nature of women, the behavior of individual women in the crowd or the whole crowd "as a woman" [Cazanove, 1904].

Overcoming the ideas of "feminine nature" of the crowd

The trend towards feminization of spontaneous groups has not been sustained. An important step on the way to resolve it has become an alternative explanation of activity of women in violent crowd, consisting in the transition from the listing of "natural properties" to the designation of the role of social factors.

Here are typical examples. So, the revolutionary I.I. Dobrovolsky noted that the female nervous system causing explosion of her feelings in crowd differs in special "shakiness and instability" both due to the general oppression of national masses, and the increasing burdens of family life generated by dependence on the head of a family irritated with vital adversities [D-ob, 1894]. The emigrant from Russia B. Sidis in the first American publication emphasized the harmful influence of the monotony of impressions and actions as a consequence of the displacement of women in the narrow boundaries of the family sphere, as well as the power of social pressure, manifested in the form of prohibitions by the powerful, religion, fathers, husbands, even their own sons [Sidis, 1895]. Many social conflicts, according to the Russian lawyer P.N. Obninskij, could be avoided by providing consistent education of the people, especially the most downtrodden, oppressed and dark group – women [Obninskij, 1893]. The culmination of this approach was the ideas of the Italian researcher P. Rossi about the need for demopedia, a program of education of the masses, including a set of measures from legislative restrictions on the exploitation of women and child labor to the provision of political freedoms, the women's right to study at the universities, the opening of accessible libraries, theaters, concert halls [Rossi, 1904].

The possible logic of further conclusions of the scientific community was as follows: spontaneous groups accompany civilization at all stages of history, so if they should be given characteristics, then only "eternal" in nature. They can be extrapolated from lists of timeless hereditary qualities of individuals making up the crowd. But if extreme behavior women are merely prerequisites for social order, not the nature of the sex, the further attempts of the feminization of the crowds look incorrect.

A number of reactionary politicians for quite a long time continued to share the beliefs of Le Bon in "feminine nature" of the crowds or even nations [Moscovici, 1998; Lynch, 2013], but in the scientific community, the trend of likening the crowd to a woman lost popularity at the end of the first decade of the twentieth century. This does not mean that gender prejudices and stereotypes have been excluded from the field of study of the crowd. For example, even later it was possible to meet the following categorical statement: "a crowd of women worse than men: they live by instincts more than latest and their mind have weaker control over their actions than men`s" [Vagner, 1929, 166].

As far as this can be seen by analogy with the processes in the social sciences, the next steps towards the destruction of illegal generalizations and prejudices against the contribution of women to the activity of spontaneous were, first, the exclusion of pathological and clearly derogatory qualities from the attributed characteristics and, secondly, the recognition of greater manifestation of individual differences in comparison with gender ones. As a result, the generalized and vague image that united thousands of indistinguishable female faces in the eyes of researchers of the initial period gave way to images of representatives of various psychological types and social strata. However, the probable representation in the minds of researchers of gender stereotypes and prejudices in an unconscious, latent form does not give grounds to assert that these processes are complete. And if the crowd has long been "not a woman", the woman in the crowd is still the subject of close and sometimes biased attention of specialists.

Conclusion

In the late XIX – early XX centuries, under the influence of existing gender stereotypes and prejudices in Western European studies, there was a transition from biased descriptions of the behavior

of women in the crowd to endowing spontaneous groups in general with the characteristics attributed to women. A social philosopher and psychologist, an outstanding popularizer of science G. Le Bon, who extrapolated the biased arguments of Charles Darwin and P. Brock's interpretation of the nature of spontaneous groups, played a decisive role in the emergence of the trend of feminization of the crowd.

The attribution to the crowd of violations of emotional-volitional and intellectual spheres, as if specific to women, contributed to the consideration of its activity outside the social and situational context, the legitimization of violence against it, and the justification for refusing to take into account the demands of the masses. Overcoming this trend, which persisted in Western European science for at least a decade, took place in three directions: emphasizing the importance of social factors of women's behavior in the crowd, the exclusion from the list of attributed properties of derogatory and pathological ones, the gradual recognition of greater manifestation of individual differences in comparison with gender.

References

1. Barrows S. (1990) *Miroirs déformants. Réflexions sur la foule en France à la fin du XIX siècle*. Paris: Aubier.
2. Bergman J. (2000) The history of the teaching of human female inferiority in Darwinism. *Journal of Creation*, 14 (1), pp. 117-126.
3. Cazanove F. (1904) *Les femmes dans la foule; leur responsabilité criminelle*. Bordeaux: Y. Cadoret.
4. D-ov I. (Dobrovol'skii I. I.) (1894) *Psikhologiya "prestupnoi" tolpy* [Psychology of the "criminal" crowd]. *Russkaya mysl'* [Russian thought], 12, pp. 130-158.
5. Fournial H. (1892) *Essai sur la psychologie des foules: considérations médico-judiciaires sur les responsabilités collectives*. Lyon: A. Storck, Paris: G. Masson.
6. Gallini C. (1988) *Scipio Sighele et la foule délinquante*. *Hermes*, 2, pp. 105-133.
7. Gorbatov D. S., Baichik A. V. (2018) *Kritika teorii tolpy G. Lebona: istoriko-psikhologicheskii aspekt* [Criticism of the theory of the crowd G. Le Bon: historical and psychological aspect]. *Voprosy psikhologii* [Questions of Psychology], 3, pp. 137-146.
8. Gould S. J. (1980) *Women's brains. The Panda's Thumb*. N.Y.: W.W. Norton, pp. 152-159.
9. Le Bon G. (1987) *L'homme et les sociétés. Leurs origines et leur histoire. Deuxième partie. Les sociétés. Leurs origines et leur développement*. Paris: J. Rothschild, 1881.
10. Lebon G. (1896) *Psikhologiya narodov i mass* [Psychology of nations and masses]. Saint Petersburg: Publishing house of F. Pavlenkova.
11. Lynch C. E. C. (2013) *A multidão é louca, a multidão é mulher: a demofobia oligárquico-federativa da Primeira República e o tema da mudança da capital*. *História, Ciências, Saúde. Manguinhos*, 20 (7), pp. 1491-1514.
12. Moskovichi S. (1998) *Vek tolpy. Istoricheskii traktat po psikhologii mass* [The age of the crowd: a historical treatise on mass psychology]. Moscow: Center of psychology and psychotherapy.
13. Obninskii P. (1893) *Contagion morale i kholernye besporyadki* [Contagion morale and cholera disorders]. *Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogo prava* [Journal of civil and criminal Law], book 1, pp. 1-14.
14. Reicher S., Potter J. (1985) Psychological theory as intergroup perspective: A comparative analysis of "Scientific" and "Lay" accounts of crowd events. *Human Relations*, 38 (2), pp. 167-189.
15. Rossi P. (1904) *Sociologia e psicologia collettiva*. Roma: C. Colombo.
16. Sidis B. (1895) *A study of the mob*. *Atlantic Monthly*, 75 (448), pp. 188-197.
17. Sighele S. (1893) *Prestupnaya tolpa. Opyt kollektivnoi psikhologii* [The criminal crowd. The experience of collective psychology]. Saint Petersburg: Publishing house of F. Pavlenkova.
18. Sighele S. (1903) *U'intelligenza della folla*. Torino: F. Bocca.
19. Stott C., Drury J. (2016) Contemporary understanding of riots: Classical crowd psychology, ideology and the social identity approach. *Public Understanding of Science*, 26 (1), pp. 2-14.
20. Tard G. (1893) *Prestupleniya tolpy* [Crimes of the crowd]. Kazan': Typo-lithography of the Imperial University.
21. Tard G. (1902) *Obshchestvennoe mnenie i tolpa* [Public opinion and the crowd]. Moscow: Tov-vo tip. A.I. Mamontova Publ.
22. Vagner V.A. (1929) *Psikhologicheskie tipy i kollektivnaya psikhologiya* [Psychological types and collective psychology]. Leningrad: Nachatki znaniy Publ.

Гендерные предрассудки и стереотипы в теориях толпы конца XIX – начала XX века

Горбатов Дмитрий Сергеевич

Доктор психологических наук, доцент,
профессор кафедры менеджмента массовых коммуникаций,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, набережная Университетская, 7-9;
e-mail: gorbatov.rus@gmail.com

Байчик Анна Витальевна

Кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры международной журналистики,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, набережная Университетская, 7-9;
e-mail: annabaichik@gmail.com

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 18-013-00302, «Толпа и личность: историко-психологическое исследование теорий XIX – начала XX вв.».

Аннотация

Статья посвящена изучению характерной для первых теорий толпы тенденции феминизации стихийных объединений, распространения на них гендерных предрассудков и стереотипов. Установлено, что первоначально исследователи пристрастно характеризовали женщин в толпе, но позже, во многом под влиянием идей Г. Лебона, они стали приписывать толпе в целом «женские» характеристики (изменчивость настроения, импульсивность поведения, чрезмерность чувств, склонность к внушению, неспособность рассуждать и др.). Это способствовало рассмотрению толпы вне социального и ситуативного контекста, легитимизации полицейского насилия, отказу учитывать требования масс. В статье констатируется, что тенденция феминизации толпы не была продолжительной. Описываются особенности ее формирования и пути преодоления в науке в конце XIX – начале XX века. В частности, отмечается, что прекращение этой тенденции было связано с подчеркиванием социальных факторов поведения женщины в толпе, исключением патологических свойств из перечня приписываемых, постепенным признанием большей выраженности индивидуальных различий в сравнении с гендерными. Проведенное исследование представляется целесообразным в контексте расширения предметного поля психологии стихийных социальных объединений, а также для разработки концептуальных основ системного подхода к феномену толпы.

Для цитирования в научных исследованиях

Горбатов Д.С., Байчик А.В. Gender biases and stereotypes in the theories of crowd behavior of late XIX – early XX centuries // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 2А. С. 7-14.

Ключевые слова

Толпа, теории толпы, женщины в толпе, феминизация толпы, гендерные предрассудки, гендерные стереотипы.

Библиография

1. Вагнер В.А. Психологические типы и коллективная психология. Л.: Начатки знаний, 1929. 223 с.
2. Горбатов Д.С., Байчик А.В. Критика теории толпы Г. Лебона: историко-психологический аспект // Вопросы психологии. 2018. № 3. С. 137-146.
3. Д-ов И. (Добровольский И. И.) Психология «преступной» толпы // Русская мысль. 1894. № 12. С. 130-158.
4. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Изд-во Ф. Павленкова, 1896. 329 с.
5. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. 480 с.
6. Обнинский П. Contagion morale и холерные беспорядки // Журнал гражданского и уголовного права. 1893. С. 1-14.
7. Сигеле С. Преступная толпа. Опыт коллективной психологии. СПб.: Изд-во Ф. Павленкова, 1893. 116 с.
8. Гард Г. Преступления толпы. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1893. 44 с.
9. Гард Г. Общественное мнение и толпа. М.: Тов-во А.И. Мамонтова, 1902. 202 с.
10. Barrows S. Miroirs déformants. Réflexions sur la foule en France à la fin du XIX siècle. Paris: Aubier, 1990. 226 p.
11. Bergman J. The history of the teaching of human female inferiority in Darwinism // Journal of Creation. 2000. Vol. 14. No. 1. P. 117-126.
12. Cazanove F. Les femmes dans la foule; leur responsabilité criminelle. Bordeaux: Y. Cadoret, 1904. 120 p.
13. Fournial H. Essai sur la psychologie des foules: considérations médico-judiciaires sur les responsabilités collectives. Lyon: A. Storck, Paris: G. Masson, 1892. 113 p.
14. Gallini C. Scipio Sighele et la foule délinquante // Hermes. 1988. No. 2. P. 105-133.
15. Gould S.J. Women's brains // The Panda's Thumb. N.Y.: W.W. Norton, 1980. pp. 152-159.
16. Le Bon G. L'homme et les sociétés. Leurs origines et leur histoire. Deuxième partie. Les sociétés. Leurs origines et leur développement. Paris: J. Rothschild, 1881.
17. Lynch C.E.C. A multidão é louca, a multidão é mulher: a demofobia oligárquico-federativa da Primeira República e o tema da mudança da capital // História, Ciências, Saúde. Manguinhos, 2013. Vol. 20. No. 7. P. 1491-1514.
18. Reicher S., Potter J. Psychological theory as intergroup perspective: A comparative analysis of "Scientific" and "Lay" accounts of crowd events // Human Relations. 1985. Vol. 38. No. 2. P. 167-189.
19. Rossi P. Sociologia e psicologia collettiva. Roma: C. Colombo, 1904. 239 p.
20. Sidis B. A study of the mob // Atlantic Monthly. 1895. Vol. 75. No. 448. P. 188-197.
21. Sighele S. U'intelligenza della folla. Torino: F. Bocca, 1903. 168 p.
22. Stott C., Drury J. Contemporary understanding of riots: Classical crowd psychology, ideology and the social identity approach // Public Understanding of Science. 2016. Vol. 26. No. 1. P. 2-14.

УДК 159.9

Проблема деформации женской идентичности в современном российском обществе

Блюм Анна Ивановна

Кандидат психологических наук,
доцент кафедры общей и клинической психологии,
Курский государственный медицинский университет,
305041 Российская Федерация, Курск, ул. Карла Маркса, 3,
e-mail: frau.blum2013@yandex.ru

Василенко Татьяна Дмитриевна

Доктор психологических наук, профессор,
завкафедрой общей и клинической психологии,
Курский государственный медицинский университет,
305041 Российская Федерация, Курск, ул. Карла Маркса, 3,
e-mail: tvasilenko@yandex.ru

Мангушев Филипп Юрьевич

Аспирант,
кафедра общей и клинической психологии,
Курский государственный медицинский университет,
305041 Российская Федерация, Курск, ул. Карла Маркса, 3,
e-mail: mangushevf@gmail.com

Аннотация

В статье предпринимается попытка выявления рисков деформации женской идентичности посредством изучения закономерности структурных изменений и особенностей механизмов трансформации женской идентичности в условиях формирования различных типов нарушенного репродуктивного поведения в современном российском обществе. Делается акцент на том, что в ситуации деформации женской идентичности под влиянием внешних, социально-экономических факторов (общественные тенденции в брачной культуре, структура семьи, финансовые возможности, профессиональная деятельность, взаимоотношения с супругом) и внутренних, индивидуально личностных (ценности, инфантильность, невысокий уровень саморефлексии, наличие травмирующей жизненной ситуации) формируются неадаптивные репродуктивные установки, которые определяют неготовность женщины к материнству и формируют определенные стратегии отказа от материнской роли. Причины отказов связаны не столько с реальными трудностями, сколько с ощущением своей

несостоятельности, неспособности преодолеть жизненные испытания при реализации роли матери, приводящих к формированию нарушенного репродуктивного поведения. В статье анализируются причины и факторы формирования в современном российском обществе таких бессознательных стратегий отказа от материнской роли как привычное невынашивание беременности, бесплодие неясной этиологии и сознательных стратегий: приверженность к обществу «чайлдфри», искусственное прерывание беременности, сознательный отказ от ребенка в роддоме.

Для цитирования в научных исследованиях

Блюм А.И., Василенко Т.Д., Мангушев Ф.Ю. Проблема деформации женской идентичности в современном российском обществе // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 2А. С. 15-22.

Ключевые слова

Деформация женской идентичности, репродуктивное поведение, стратегии отказа от материнской роли, неготовность к материнству, материнство.

Введение

Проблемы семьи выступают своеобразным фокусом преломления всех социально-психологических проблем общества. В настоящее время в современном российском обществе наблюдаются такие явления как нарушение социокультурной преемственности поколений; нестабильность семейно-брачных отношений; разрушение религиозных основ брака; развод; снижение рождаемости, что может в дальнейшем составляет угрозу национальной безопасности страны. Изучение качественных изменений женской идентичности в условиях трансформации представлений о семье и браке в современном российском обществе с обозначением рисков деформации женской идентичности продвинет возможность получения перспективных результатов в одном из приоритетных на данный момент направлений исследований – повышения рождаемости в стране.

Основная часть

Социальное становление человека происходит в условиях, когда естественное стремление к самоутверждению и успеху сталкивается с возрастающей конкуренцией, высокими требованиями к личности на рынке труда. Под влиянием масштабных изменений, которым подвергается современное российское общество, и новое поколение в особенности, на политическом, экономическом и культурном уровне, семья в настоящее время переживает один из самых глубоких содержательных кризисов. Одним из важнейших проявлений этого кризиса является тенденция изменения поло-ролевой структуры женщин и мужчин внутри супружеской семьи. И.С Клецина отмечают, что современная женщина стремится отойти от традиционно закрепившейся в социальном сознании женской роли [Клецина, 2004]. В сознании молодого поколения происходит трансформация представлений о нормативном положении поло-ролевой структуры внутри семьи, когда женщина во многих аспектах берет на себя (вынужденно или нет) часть функций характерных для мужской роли. Все чаще, типично женские, фемининные черты начинают восприниматься как несоответствующие современному стилю поведения женщины. Для социально активной женщины становятся характерны такие тенденции, как:

отказ от материнства, роли хозяйки, ориентация на роль профессионала [Здравомыслова, Темкина, 2000]. Женщина погружается в неблагоприятную для себя социальную ситуацию развития, когда беременность порождает целый круг специфических тревожных переживаний, дестабилизирующих личность женщины и деформирующих ее представление о себе. Зачастую это связано с невозможностью совмещать требования динамичности современной жизни и реализации своей материнской функции.

В сложном современном процессе формирования идентичности выделяется ряд специфических психологических переживаний и кризисов личности, которые представляются как ролевой конфликт, проблема двойной идентичности, кризис маскулинности, повышение тревожности и чувства вины [Здравомыслова, 2000; Знаков, 2004; Кауфман, 2002; Лабунская, 2003; Клецина, 2004 и др.]. Преодоление данного кризиса требует от личности развития особенной психологической гибкости и умения осознанно подходить к осуществлению того гендерного ролевого репертуара, который задается средой.

Поиск причин, приводящих к усилению тенденции снижения рождаемости исключительно с медицинской позиции, не привел к исчерпывающим выводам и не позволил в полной мере решить проблему. В связи с этим возникает необходимость исследовать процесс деторождения с позиции целостного представления о влиянии как медико-биологических, так и социально-психологических факторов на готовность женщины к материнству.

Вопросы природы материнского поведения рассматривались зарубежными и отечественными учеными: Г.С. Васильченко, Т.Д. Василенко, И.В. Добряковым, И.С. Коном, М. Мид, А.М. Толстых, Н.Н. Прихожаном, Х.Е. Фишером, Г.Г. Филипповой и другими. В современной психологии готовность женщины к материнству рассматривается с позиции специфического личностного образования, основной образующей которого является ориентация на субъект – объектные отношения к будущему ребенку, как способность матери обеспечивать адекватные условия для развития ребенка. Это образование проявляется в определенном типе отношения матери к ребенку, который еще не родился, и этот тип отношения можно проследить уже на этапе планирования ребенка. Это образование, а точнее особый тип отношения, которое выстраивается между матерью и будущим ребенком соответствует определенному уровню готовности к материнству и связан с ценностью ребенка для матери [Филиппова, 2001; Василенко, 2012; Мещерякова, 2002; Овчарова, 2003].

В ситуации деформации женской идентичности под влиянием внешних, социально-экономических факторов (общественные тенденции в брачной культуре, структура семьи, финансовые возможности, профессиональная деятельность, взаимоотношения с супругом) и внутренних, индивидуально личностных (ценности, инфантильность, невысокий уровень саморефлексии, наличие травмирующей жизненной ситуации) формируются неадаптивные репродуктивные установки, которые определяют неготовность женщины к материнству и формируют определенные стратегии отказа от материнской роли. Эти стратегии можно объединить в две большие группы – сознательного отказа от материнства и бессознательного отказа. При этом причины отказов связаны не столько с реальными трудностями, сколько с ощущением своей несостоятельности, неспособности преодолеть жизненные испытания при реализации роли матери. Решающим является ощущение, что рождение ребенка может стать угрозой для реализации собственных социальных устремлений. В этой ситуации женщины сознательно выбирают различные стратегии невозможности реализации репродуктивной функции: сознательного нежелания иметь детей – приверженность к сообществу «чайлдфри», искусственное прерывание беременности, сознательный отказ от ребенка в роддоме.

Негативные установки относительно семейной жизни, неготовность к ней, страх перед изменениями, зачастую приводит к тому, что женщина, не имея достаточного психологического ресурса, отказывается от ребенка после его рождения. В результате деформации идентичности у женщины в такой ситуации не формируется адаптивная стратегия поиска решения, не актуализируется материнский инстинкт как пусковой механизм материнского поведения.

В начале двадцать первого века в Россию пришли новые тенденции, уже давно характерные для западных стран, которые проявляются в таких репродуктивных установках как добровольный отказ от рождения ребенка и материнства как роли. Так, в крупных российских городах формируется субкультура «чайлдфри», молодые представители которой придерживаются мировоззрения, что их жизнь насыщена и без детей. На ресурсе ВК сейчас около 75 сообществ, где обсуждается тема добровольно бездетных, из них с десятков групп, где несколько тысяч участников. Это тенденция негативно влияет на уровень рождаемости. В связи с этим возникает необходимость исследования психологических закономерностей данного явления, создание и реализация адекватных методов и технологий формирования условий активизации репродуктивного поведения молодых семей.

Ежегодно в России фиксируется примерно 1,5 миллиона аборт. Каждый пятый аборт приходится на девушку-подростка в возрасте от 10 до 18 лет [<http://www.neboleem.net/stati-o-detjah/6494-statistika-abortov.php>]. Среди психологических факторов, играющих роль в прерывании беременности, часто указываются личностные особенности женщин [Блюм, 2017; Василенко, 2012], нарушение материнско-детских отношений [Филиппова, 2005]. Очень часто в возникновении многих осложнений беременности прослеживается отчетливая связь с психотравмирующими ситуациями, включающими перенесенный опыт прерывания беременности, что делает актуальным поиск и раскрытие сущности механизмов этой взаимосвязи. Стоит отметить, что и сам факт прерывания беременности является психотравмирующей ситуацией для личности. Частота осложнений после искусственного прерывания беременности, по данным научных исследований, колеблется в пределах 16-52,0%.

Около 1% новорожденных ежегодно остаются без попечения родителей уже в родильных домах вследствие отказа от них матерей. Лишь небольшая часть отказов связана с тяжелым заболеванием или физическим дефектом младенца [Никитина, 2002].

Проблема привычного невынашивания стоит очень остро в современной медицине, по данным статистики, частота и стабильность данного нарушения процесса гестации в настоящее время достаточно высока, 15-20% от всех планируемых беременностей [Сидельникова, 2007]. Согласно статистическим данным, каждая пятая беременность прерывается самопроизвольным выкидышем (ежегодно 170 тыс.) или преждевременными родами (ежегодно 63,5 тыс.), а частота постановки диагноза привычного невынашивания среди женщин в возрасте 18-29 лет составляет от 39,1% до 56,7%. Причины возникновения угрозы прерывания беременности разнообразны, включающие как физиологические, так и социально-психологические факторы, которые необходимо рассматривать не изолированно, а совместно. Частота однозначно невыясненных причин, приводящих к невынашиванию беременности, достигает 41,2%. Сам факт угрозы прерывания беременности представляет собой универсальный показатель того, как организм реагирует на любое неблагополучие в организме матери, плода, а также в результате воздействия психологических, социальных факторов, и таким образом отражает системную неготовность к материнству, как самой женщины, так и актуальных для нее условий жизни. Сама жизненная ситуация появления ребенка в семье и адекватная ее оценка является одним из показателей общей психологической готовности женщины к материнству и расценивается в

современной психологии как показатель осознанной родительской позиции, обеспечивающей рождение и воспитание ребенка в подготовленных для этого жизненных условиях [Филиппова, 2005; Василенко, 2012].

В настоящее время все чаще становится вопрос о распространенности так называемого бесплодия неясной этиологии (идиопатическое бесплодие, бесплодие неясного генеза, психологическое бесплодие). Такой диагноз ставится в случаях, если пара не может забеременеть в течении 2-х лет половой жизни, стандартного медицинского обследования, на предмет биологических причин нарушения репродуктивной функции и результаты данного обследования говорят о фертильности пары.

В психологии бесплодие определяется, как соматическое воплощение психологических проблем будущей матери. По данным И.С. Розовского количество бесплодных женщин составляет 50% и, к сожалению, эта цифра постоянно растет, а значит, актуальность данной проблемы возрастает. Также отмечается, что от 4% до 40% от всех случаев женского бесплодия составляет бесплодие неясной этиологии, одной из причин которого многие авторы считают психогенные факторы: стрессы, эмоциональные воздействия, различные подсознательные конфликты. По нашему мнению, если женщина не имеет возможности получить информацию о причине ее бесплодия, она попадает в особую психосоциальную ситуацию [Блюм, 2017]. Неопределенность репродуктивного статуса создает такой жизненный контекст, который часто сам по себе вполне может рассматриваться как порождающий кризисные переживания, тем самым усугубляя деформацию идентичности. Женщины с диагнозом «бесплодие неясной этиологии» склонны атрибутировать ответственность за ситуацию бездетности на себя, постоянно находясь в некоем маргинальном положении, ожидая разрешения ситуации с каждым циклом, с каждым обследованием и вновь оказываясь в ситуации неопределенности. В связи с этим аутопластическая картина болезни женщины с «бесплодием неясной этиологии» отличается остротой, навязчивостью эмоциональных переживаний, неустойчивостью представлений о своем репродуктивном статусе, о причинах и последствиях бесплодия.

Заключение

Таким образом, мы отмечаем, что трансформация представлений о семье и браке в современном российском обществе взаимосвязана с изменением индивидуальной жизни личности. Несоответствие темпов социальных изменений и готовности к их разрешению в сочетании с индивидуально-личностными проблемами создает особую жизненную ситуацию, в которой оказывается женщина. Происходит изменение социально-ролевого статуса женщины, изменяется ценностно-смысловая ориентация. Эти изменения приводят к деформации женской идентичности в целом и аспекта, связанного с репродуктивным поведением, в частности. Женщина сознательно или неосознанно отказывается от материнской роли. В результате, зачастую оказывается в еще более тяжелом положении, поскольку с одной стороны формируется несоответствие социального ожидания и репродуктивного поведения, с другой стороны сам факт отказа от материнства в подавляющем числе случаев является психотравмирующей ситуацией, усугубляющей деформацию идентичности женщины. Для разработки адекватных и эффективных программ социально-психологической помощи беременным, испытывающим психологические трудности в принятии собственного ребенка, важным аспектом является работа с психологическими проблемами, которые могут привести женщины к принятию такого решения, как сознательный или бессознательный отказ от материнства.

Библиография

1. Блюм А.И. Бесплодие неясной этиологии как особая кризисная ситуация неопределенности в жизни женщины // Innova. 2017. №1(6). С. 17-19.
2. Василенко Т.Д. Телесность и субъективная картина жизненного пути личности: дис. ... докт. психол. наук. СПб., 2012. С. 414.
3. Здравомыслова Е.А. Социология тендерных отношений и тендерный подход в социологии // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 15.
4. Знаков В.В. Половые, гендерные и личностные различия в понимании моральной дилеммы // Психологический журнал. 2004. № 1. С. 41-51.
5. Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб., 2002. С. 24.
6. Кауфман М. Фрагменты из книги «Chacking the armour: power, pain and the lives of men» // Гендерная педагогика и гендерное образование в странах постсоветского пространства. Иваново, 2002. 432 с.
7. Клещина И.С. Психология гендерных отношений: автореф. дис. ... докт. психол. наук. СПб., 2004. 40 с.
8. Лабунская В.А. Социально-психологический подход к изучению феминности-маскулинности личности // Личность и бытие: Теория и методология. Краснодар, 2003. 323 с.
9. Мещерякова С.Ю. Психологическая готовность к материнству // Вопросы психологии. 2000. № 5. С. 18-27.
10. Никитина Т.Н. Проблемы реабилитации женщин, переживающих кризис отказа от материнства // Материалы Всероссийской научной конференции «Реабилитация как компонент устойчивого развития общества». М., 2002. 322 с.
11. Овчарова Р.В. Психологическое сопровождение родительства. М., 2003. 318 с.
12. Сидельникова В.М. Эндокринология беременности в норме и при патологии. М., 2007. 352 с.
13. Филиппова Г.Г. Психологическая готовность к материнству // Хрестоматия по перинатальной психологии: психология беременности, родов и послеродового периода. М.: УРАО, 2005. 328 с.

The problem of female identity deformation in modern Russian society

Anna I. Blyum

PhD in Psychology

Associate professor at the Department of General and Clinical Psychology,
Kursk State Medical University,
305041, 3, Karla Marksa st., Kursk, Russian Federation;
e-mail: frau.blum2013@yandex.ru

Tat'yana D. Vasilenko

Doctor of Psychology, Professor,
Head of the Department of General and Clinical Psychology,
Kursk State Medical University,
305041, 3, Karla Marksa st., Kursk, Russian Federation;
e-mail: tvasilenko@yandex.ru

Filipp Yu. Mangushev

Postgraduate,
Department of General and Clinical Psychology,
Kursk State Medical University,
305041, 3, Karla Marksa st., Kursk, Russian Federation;
e-mail: mangushevfj@gmail.com

Abstract

The article attempts to identify the risks of deformation of women's identity by studying the patterns of structural changes and features of the mechanisms of transformation of women's identity characterized by the formation of different types of impaired reproductive behavior in modern Russian society. The authors emphasize that in the situation of deformation of women's identity under the influence of external, socio-economic factors (social trends in marital culture, family structure, financial opportunities, professional activities, relationships with the spouse) and internal, individual personal (values, the immaturity, the low level of self-reflection, the presence of a traumatic life situation) formed maladaptive reproductive attitudes that determine a woman's unwillingness to motherhood and form certain strategies of abandonment of the maternal role. The causes of failures are associated not only with real difficulties, but also with the sense of its insolvency, inability to meet life's challenges in implementation the role of the mother, leading to the formation of the dysfunctional reproductive behavior. The article analyzes the causes and factors of formation in modern Russian society of such unconscious strategies of abandonment of the maternal role as habitual miscarriage, infertility of unknown origin and conscious strategies: commitment to childfree, abortion, conscious abandonment of the child in the hospital.

For citation

Blyum A.I., Vasilenko T.D., Mangushev F.Yu. (2019) Problema deformatsii zhenskoi identichnosti v sovremennom rossiiskom obshchestve [The problem of female identity deformation in modern Russian society]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 8 (2A), pp. 15-22.

Keywords

Deformation of female identity, reproductive behavior, strategies for abandoning the maternal role, unpreparedness for motherhood, maternity.

References

1. Blyum A.I. (2017) Besplodie neyasnoi etiologii kak osobaya krizisnaya situatsiya neopredelennosti v zhizni zhenshchiny [Infertility of unclear etiology as a special crisis situation of uncertainty in a woman's life]. *Innova*, 1(6), pp. 17-19.
2. Filippova G.G. (2005) Psikhologicheskaya gotovnost' k materinstvu [Psychological readiness for motherhood]. In: *Khrestomatiya po perinatal'noi psikhologii: psikhologiya beremennosti, rodov i poslerodovogo perioda* [Reader on perinatal psychology: psychology of pregnancy, childbirth and the postpartum period]. Moscow: URAO Publ.
3. Il'in E.P. (2002) *Differentsial'naya psikhofiziologiya muzhchiny i zhenshchiny* [Differential psychophysiology of men and women]. St. Petersburg.
4. Kaufman M. (2002) Fragmenty iz knigi «Chacking the armour: power, pain and the lives of men» [Fragments from the book "Chacking the armor: power"]. In: *Gendernaya pedagogika i gendernoe obrazovanie v stranakh postsovetetskogo prostranstva* [Gender pedagogy and gender education in the post-Soviet countries]. Ivanovo.
5. Kletsina I.S. (2004) *Psikhologiya gendernykh otnoshenii. Doct. Dis.* [Psychology of gender relations. Doct. Dis.]. St. Petersburg.
6. Labunskaya V.A. (2003) Sotsial'no-psikhologicheskii podkhod k izucheniyu feminnosti-maskulinnosti lichnosti [Socio-psychological approach to the study of personality femininity-masculinity]. In: *Lichnost' i bytie: Teoriya i metodologiya* [Personality and Being: Theory and Methodology]. Krasnodar.
7. Meshcheryakova S.Yu. (2000) Psikhologicheskaya gotovnost' k materinstvu [Psychological readiness for motherhood]. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 5, pp. 18-27.
8. Nikitina T.N. (2002) Problemy reabilitatsii zhenshchin, perezhivayushchikh krizis otказа ot materinstva [Problems of rehabilitation of women experiencing a crisis of maternity refusal]. In: *Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii «Reabilitatsiya kak komponent ustoichivogo razvitiya obshchestva»* [Proceedings of the All-Russian Scientific Conference "Rehabilitation as a component of the sustainable development of society"]. Moscow.

9. Ovcharova R.V. (2003) *Psikhologicheskoe soprovozhdenie roditel'stv* [Psychological support of parenthood]. Moscow.
10. Sidel'nikova V.M. (2007) *Endokrinologiya beremennosti v norme i pri patologii* [Pregnancy endocrinology in health and disease]. Moscow.
11. Vasilenko T.D. (2012) *Telesnost' i sub"ektivnaya kartina zhiznennogo puti lichnosti. Doct. Dis.* [Physicality and subjective picture of a person's life path. Doct. Dis.]. St. Petersburg.
12. Zdravomyslova E.A. (2000) Sotsiologiya tendernykh otnoshenii i tendernyi podkhod v sotsiologii [Sociology of gender relations and gender approach in sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 11, p. 15.
13. Znakov V.V. (2004) Polovye, gendernye i lichnostnye razlichiya v ponimanii moral'noi dilemmy [Gender and personality differences in understanding the moral dilemma]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 1, pp. 41-51.

УДК 33**К разработке модели ресоциализации личности в условиях
социокультурных перемен, кризисов и катастроф (на примере
анализа американской системы реадaptации ветеранов)****Квасова Ольга Григорьевна**

Кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологической помощи и ресоциализации,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: 220163@mail.ru

Аннотация

В фокусе работы рассмотрения трансформация личности в эпоху перемен, многомерности, множественности миров существования, кризисов, катастроф, разломов и поиск эффективных моделей и оснований психологической помощи, с точки зрения феномена заботы, душевной работы, работы личности. Развиваются взгляды относительно темпоральной смысловой работы личности, приводящей не только к дезадаптации или сохранению стабильности, но и к росту, трансгрессии, развитию. Теоретические предпосылки культурно-деятельностной трактовки психологической помощи рассмотрены на примере обоснования системы психологической работы с ветеранами войн в России и США. Задачей данного исследования было показать различие моделей, существующих в последние 30 лет в работе с психической травмой на примере системы восстановления ветеранов войн в США и разработанного в нашей стране в рамках культурно-деятельностного подхода в парадигме трансформаций личности. Предлагаемая модель продолжает быть инновационной в силу того, что при значительных финансовых, организационных, исследовательских возможностях, которыми обладает американская система, до сих пор она основывается на парадигме компенсации инвалидизации и дезадаптации.

Для цитирования в научных исследованиях

Квасова О.Г. К разработке модели ресоциализации личности в условиях социокультурных перемен, кризисов и катастроф (на примере анализа американской системы реадaptации ветеранов) // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 2А. С. 23-30.

Ключевые слова

Ресоциализация, ветераны, адаптация, кризис, катастрофа.

Введение

Происходящие в обществе существенные социальные, политические, культурные, подчас кризисные изменения, войны, насилие, катастрофы приводят к ломке социальной, ценностной, персональной жизни, поднимающие проблему существования человека в эпоху перемен, многомерности, гетерогенности, многоликости, неопределенности, множественности миров, разломов (А.Г. Асмолов, К. Герген, Ж. Лиотар, А. Маркус, У. Мишель, А.В. Петровский и др), ставя перед личностью задачи сохранения, реадaptации, преобразования или развития своих потенциалов в совладании с жизненными трудностями и заняв позиции к своим жизненным обстоятельствам, своей дезадаптации, своему горю, своей психологической травме [Магомед-Эминов, 2007].

Задачей данного исследования было показать различие моделей, существующих в последние 30 лет в работе с психической травмой на примере системы восстановления ветеранов войн в США и разработанного в нашей стране в рамках культурно-деятельностного подхода в парадигме трансформаций личности – в ходе психологической помощи, решении жизненных задач [Магомед-Эминов, 1990-2017]. Предлагаемая модель продолжает быть инновационной в силу того, что при значительных финансовых, организационных, исследовательских возможностях, которыми обладает американская система, до сих пор она основывается на парадигме компенсации инвалидизации и дезадаптации [Магомед-Эминов, 2007]. Система диагностики личности ветерана сводится, как и 40 лет назад, к измерению уровня инвалидности по выраженности посттравматического стрессового расстройства (General Rating Formula for Mental Disorders: Code of Federal Regulations, Title 38 – Pensions, Bonuses, and Veterans' Relief) от 0% при сохранности способности работать до 10, 30, 50, 70, 100% ПТСР, то есть полной утраты способности работать и дезадаптации. Диагностика влияния экстремального боевого опыта сводится преимущественно к диагностике посттравматического стрессового расстройства, а также таким клиническим проблемам как: депрессии, тревожные расстройства; выделяются также группы, требующие контроля гнева, подвергшиеся семейному насилию, находящиеся под воздействием семейного стресса, расстройств интимных отношений; вопросы, связанные с родительством; приспособление, ресоциализация в результате потери работы; в рамках медицинской парадигмы. В связи с вышеизложенным, программы восстановления после пережитого травматического опыта включают, в первую очередь, материальную компенсацию в зависимости от процента дезадаптации ветерана, а также индивидуальную и групповую терапию, консультирование после утраты близких в боевых действиях, сексуальной травмы, полученной на военной службе, терапию реадaptации наркозависимости, помощь в устройстве на работу, а также просветительскую работу с населением, разъяснительную работу по пользованию системой льгот.

Основная часть

Специфика, цели и задачи ресоциализации и реадaptации ветеранских центрах в США имеет свою уже двухсотлетнюю историю. Первые медицинские службы для ветеранов были организованы в Морском Доме в Филадельфии (Пенсильвания), который был создан в 1812 году. Сегодня вся система медицинской и психологической помощи, которую в американской

традиции принято называть системой реадaptации и переприспособления, которая по сути своей является системой ресоциализации, как перестройки личности, изменения, восстановления социальных связей, утраченных ценностных ориентаций и ролей, норм, переобучения, возвращения к нормальному образу жизни. Ветеранской Администрации, в которую сегодня входят все медицинские центры, госпитали и собственно центры реадaptации, на сегодняшний день насчитывает 377 805 сотрудников, 170 медицинских центров, 1061 амбулаторный центр помощи (в зависимости от степени сложности структуры – называемые амбулаторными госпитальными центрами). Вся эта система обслуживает 9 миллионов ветеранов ежегодно. Чтобы представить себе охват военных конфликтов, ветеранам которых оказывается психологическая и медицинская помощь и предоставляются возможности для ресоциализации в широких сферах жизни, перечислим географию иных военных конфликтов, в которых участвовали ветераны, подлежащие реадaptации. Ветераны второй мировой войны, Корейской войны, войны во Вьетнаме, в Ливане, в Гренаде, операций «Буря в пустыне», «Щит в пустыне», военных действий в Косово, боевых действий на территории бывшей Югославии, ветеранам войны под кодовым названием Глобальной войны с терроризмом в Афганистане, идущей до настоящего времени, операций «Вечная Свобода» (Афганистан 2001-2014) и новая Афганская война, идущая с 2015 года, Боевые действия «Иракская свобода» 2010-2011 гг., боевые действия «Новый рассвет» летом 2010 г., Операция «Полная поддержка» 2017, а также Абхазия, Алжир, Ангола, Бангладеш, Афганистан, Вьетнам, Даманский полуостров, Египет, Йемен, Камбоджа, Корея, Куба, Лаос, Мозамбик, Сирия, Таджикистан, Чечня, Эфиопия, Южная Осетия.

На поддержание системы реадaptации и ресоциализации Конгрессом выделяется 273 миллиарда долларов, и 106,5 миллиардов идет на систему компенсаций. Для того, чтобы лучше представить себе, как она работает и оценить какую психологическую линию создает система льгот и компенсаций для поддержания, развития\преодоления психологических последствий, дадим короткую справочную информацию о том, каким образом все центры ресоциализации ветеранской администрации диагностируют основания для назначения подобных компенсаторных выплат. Существует специальное подразделение Ветеранской Администрации по вопросам льгот, которое обязано требовать обследование для назначения компенсаций и пенсий, которое называется проверкой требований, так как ветераны запрашивают (требуют) эту проверку на предмет выраженности посттравматического стрессового расстройства, внесенного впервые в классификатор Американской Психиатрической ассоциации.

Для обозначения тяжелых психологических последствий травматического опыта в диагностическом статистическом руководстве DSM – III, 1980 и DSM –III – R, 1987 Американской психиатрической ассоциации (Diagnostic and Statistic Manual of Mental Disorders. Ed. 3; Ed. 3, rev.) была введена специальная нозологическая форма PTSD – Post Traumatic Stress Disorder, для обозначения которой в СССР был предложен термин Посттравматическое стрессовое расстройство – ПТСР [Магомед-Эминов, 1989]. Два типа освидетельствования проводится для определения и уточнения диагноза ПТСР, относящегося к военной службе – начальное и повторное. Начальное обследование посттравматического стрессового расстройства проводится психологом Ветеранской Администрации или психиатром сертифицированным Кабинетом Ветеранской Администрации по вопросам инвалидности и медицинской диагностики. Определение «Психолог Ветеранской Администрации или психиатр Ветеранской Администрации по инвалидности и медицинской диагностики» включает в себя также психологов и психиатров в частном секторе, кто проводит начальное и повторное

обследование для компании Медицинской Оценки Инвалидности, которая имеет контракт с Ветеранской Администрацией по льготам и проводит обследования от лица Ветеранской Администрации. Администрация в результате обследования утверждает уровень Посттравматического стрессового расстройства по специальной формуле Психических расстройств – код 38 Федерального регулирования пенсий, выплат и ветеранских льгот, которая предполагает несколько уровней выраженности критерия ПТСР, соответствующих конкретным уровням выплат и компенсаций.

Подобная работа осуществляется в Ветеранских центрах (Vet Center) по программе ветеранских центров ресоциализации (реадаптации), которая была создана Конгрессом в 1979 году как реакция на проблемы ветеранов Вьетнама, которые они продолжали испытывать после возвращения с военной службы. В последние годы Конгресс расширил возможность использования этой программы для ветеранов других военных конфликтов.

Вся система ветеранских центров построена по принципу доступности по месту жительства ветеранов. Их основная задача не только ресоциализация и ресоциализация в различных сферах жизни, но и психопрофилактики, просвещения населения о том, какие психологические последствия могут оказывать влияние на поведение, состояние и другие факторы и социальные последствия для их гражданской жизни и тех людей, кто находится рядом, близких, членов семей, соседей, коллег.

Для осуществления доступности такой помощи, компактности центров, они часто состоят из команды междисциплинарных специалистов, некоторые из которых в прошлом также служили, и являются ветеранами.

Процент ветеранов, имеющих так называемые «Ментальные расстройства», имеет тенденцию подниматься в США. В связи с этим поднимается и уровень финансирования в период с 2005 по 2008 он поднялся на 1.4. миллиарда долларов. В качественном отношении потому меняется и система ресоциализации и ресоциализации, например для тех ветеранов, кто имеет инвалидность, развивается система обучения, расширяется информированность, вводятся, например, в проекте Бостонского университета – основной национальный центр изучения ПТСР также находится в Бостоне) – который называется «телереабилитация». Поднимается государственный масштаб проблемы – службы ментального здоровья становятся частью Стратегического плана для достижения ментального здоровья. Этот план в части Ветеранской Администрации предполагает, что «качество психологической и медицинской помощи в центрах Ветеранской Администрации должно быть выше, чем в частном секторе», каким оно и является по 7-9 показателям. Фактически пациенты частного сектора не констатируют улучшений в результате оказываемой им помощи, хотя высоко ее оценивают.

Для улучшения качества такой помощи были введены специальные подразделения, под названием Диагностика суицидов и последующий мониторинг, которым занимается Скорая Ветеранская помощь, координирующая свою деятельность с амбулаторными службами помощи и ресоциализации и поддержкой по месту жительства.

Около 250 тыс. ветеранов насчитывали ряды тех, кто входит в число охваченных системой Ветеранской Администрации между 2001 и 2007 гг. – преимущественно ветераны Иракской и Афганских войн, 40% которых являются пациентами системы, по сравнению с ветеранами Вьетнама – 10%. Ветеранов можно было разделить на три группы – расстройства не психического характера, расстройства, отличные от ПТСР и собственно ПТСР (который преобладает в 90 процентов случаев)). Типичный ветеран – это мужчина, морской пехотинец, офицер низшего чина.

Основная стратегия и цели ветеранских центров реадaptации и ресоциализации: Добро пожаловать домой, мы гордимся Вами и обеспечиваем качественное консультирование и ресоциализацию, и предоставляя помощь заботливым способом. Ветеранский центр понимает высоко оценивает военный опыт ветеранов и при этом предоставляет им и членам их семей успешную пост-военную адаптацию близко к месту жительства ветерана.

Ветеранский центр предлагает реадaptирующее консультирование, чтобы помочь ветерану успешно перейти от военной службы к гражданской жизни. Для этого обеспечивают: индивидуальное и групповое консультирование и психотерапию; консультирование после утраты близких на действующей службе; консультирование по вопросам военной сексуальной травмы; депрессия, обусловленная мозговыми травмами на военной службе; пропаганда, целевая и просветительская работа среди населения, профилактика, обучение ветеранов и членов их семей; диагностика психоактивных зависимостей; помощь в трудоустройстве; юридические консультации по вопросам льгот; медицинские обследования.

Новым в американской системе ресоциализации является то, что происходит постепенное смещение акцентов в работе с медицинских и социальных проблем на проблемы межличностных отношений, которые выделялись в отечественной работе с самого начала становления системы помощи ветеранам [Магомед-Эминов, 1989, 1990, 2005] и делали акцент на смысловую систему травмы и проблему отношений. И только спустя 30 лет в центрах ветеранской Администрации появляется «уникальная» по мнению американских специалистов компания по «восстановлению разрушенных близких отношений» ветеранов

Для восстановления после пережитого экстремального опыта, связанного с участием в военных действиях в локальных войнах и конфликтах (Корея, Вьетнам, Ирак, Ливия, Босния, Косово, Афганистан и др.) сегодня в США действуют 170 медицинских центров для ветеранов, 1060 амбулаторных психологических центров восстановления, обслуживающих 9 миллионов ветеранов ежегодно, с повышением уровня инвестиций за 4 года на 1.4 миллиарда долларов. В нашей стране при отсутствии всякого финансирования восстановительных программ система помощи обоснована и введена в систему санаторно-курортной реабилитации в СССР еще в 1990 году [Магомед-Эминов и др., 1990]. С 1990 г. разработаны теоретические предпосылки психологической помощи людям, получившим травматический опыт не только выживания в войне, но и травму возвращения, вернувшихся в изменившуюся социально-политическую реальность разрушения социокультурных основ общества: 1) как практики заботы для решения жизненных задач, 2) как работа личности над собой, в которой она определяется как «быть собой, становясь иным», занимая позицию к своему опыту, 3) как смысловая работа личности в условиях не сочетаемых смысловых образований и социокультурных ценностей [Магомед-Эминов, 1996, 1997, 1998, 2005, 2009, 2014].

В данной модели ситуация помощи становится жизненной ситуацией, в ходе которой начинает осуществляться трансформация личности человека, в ходе восходящей и нисходящей работы личности, в которой нечто должно быть утрачено в личности, а нечто выращено и укреплено [Магомед-Эминов, 1998], происходит активация мотивационных новообразований роста, реализация своих потенциалов, превращающая психологическую помощь в ситуацию развития личности и формирования новой самоидентичности – было абсолютным новым поворотом в реабилитации ветеранов, которое вызывало непонимание не только у американских специалистов в 1989 году, оно отсутствует как практика и в настоящее время и в нашей стране, где тенденция видеть в людях, перенесших катастрофу, кризис, переживших драматический опыт скорее жертв или палачей, но как могущих открывать в своем

существовании глубоко человеческое, мир другого человека, жертвенности, взаимопомощи [Магомед-Эминов, 2007]. Смысловая трактовка автора феномена посттравматического роста позволяет пересмотреть понятие совладания с травматическим опытом, которое трактуется не как восстановление после травмы или адаптация после травматического события, а как рост личности, который выводит человека в новые зоны развития, а посттравматический рост личности в смысловой культурной работе создает разнообразные позитивные последствия – духовные, человеческие, межличностные, ценностные, но и служит фактором преодоления негативного опыта.

В эмпирических исследованиях на людях с экстремальным опытом утраты близких было показано, на примере воспоминания трех травматических событий: каким образом работа личности со своим опытом, выделенным в работе с психической травмой [Магомед-Эминов, 2009], меняет не только восприятие собственного опыта, но и сам опыт человека: 1) в работе отрицания, которая направлена на обесмысливание смыслов смерти; 2) в работе реконструкции, которая направлена на укрепление уверенности в себе, стойкости, мужества; 3) работа конструкции, которая направлена на повторение позитивных потенций, которые могут быть использованы в будущем.

Заключение

Было показано, в частности, что наличие активных действий по совладанию с травматическим опытом меняет динамику переживания темпорального опыта в экстремальной ситуации и создает конструирование полноценной и позитивной временной структуры личности, с ориентацией на позитивное прошлое и позитивное будущее [Кvasова, 2013, 2014, 2015]. Лучшим способом для человека, чтобы не заболеть, не получить негативных последствий от травмы является рост личности, работа личности со своим опытом, занятие позиции в периоды разломов, перемен, драм жизни для выхода из жизненного схождения в жизнеутверждение, жизневозрождение [Магомед-Эминов, 2009].

Библиография

1. Асмолов А.Г. Оптика просвещения: социокультурные перспективы. М., 2015. 447 с.
2. Асмолов А.Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. URL: <http://psystudy.ru/num/2015v8n40/1109-asmolov40>
3. Магомед-Эминов М.Ш. и др. Новые аспекты психотерапии посттравматического стресса. Методические рекомендации. Харьков, 1990. С. 62-73.
4. Магомед-Эминов М.Ш. Личность и экстремальная жизненная ситуация // Вестник Московского университета. 1996. № 4. С. 26-35.
5. Магомед-Эминов М.Ш. Трансформация личности. М., 1998. 496 с.
6. Магомед-Эминов М.Ш. Позитивная психология (в 2-х тт.). М, 2007. Т.1. 560 с.; Т.2. 624 с.
7. Магомед-Эминов М.Ш. Психика как работа // Вестник Московского университета. 2011. № 4. С. 92-108.
8. Магомед-Эминов М.Ш. Транзитная идентичность: смерть и воскресение идентичности // Инновационные ресурсы социальной психологии: теории, методы, практики: Сборник научных работ. М., 2017. С. 97-106.
9. Kvasova O. Temporal personality work and time perspective // Abstracts of the 14th European Congress of Psychology, EFPA & ENIC. Milan, Italy, 2015.
10. Magomed-Eminov M., Kvasova O. Time Perspective and posttraumatic growth in Extreme Situation // Abstract on 28th International Congress of Applied Psychology. Paris, 2014. URL: <http://www.icap2014.com>
11. Magomed-Eminov M.Sh., Kvasova O.G., Savina O.O. Resilience and Coping with the Traumatic Experience during Adolescence // Mediterranean Journal of Social Sciences, 2015. V.6. №6. P.470-476. DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n6.s1p4705

**On the development of a model for the re-socialization of the individual
in the context of sociocultural changes, crises and disasters (using the example
of an analysis of the American system of veterans' rehabilitation)**

Ol'ga G. Kvasova

PhD in Psychology,
Associate Professor at the Department of Psychological Aid and Resocialization,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1, Leninskie gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: 220163@mail.ru

Abstract

The focus of the work presented in the paper is the transformation of the personality in the era of change, multidimensionality, multiplicity of worlds of existence, crises, disasters, faults and the search for effective models and bases of psychological assistance in terms of the phenomenon of caring, mental work, personality work. Such ideas are developed regarding the temporal semantic work of the personality, leading not only to maladaptation or maintaining stability, but also to growth, transgression, and development. The theoretical prerequisites for the cultural-activity interpretation of psychological assistance are considered on the example of the justification of the system of psychological work with war veterans in Russia and the United States. The objective of this study was to show the difference of models that have existed in the past 30 years in dealing with trauma using the example of a recovery system for veterans of US wars and developed in our country as part of a cultural activity approach in the paradigm of personality transformations. The proposed model continues to be innovative due to the fact that with significant financial, organizational, research opportunities that the American system has, it is still based on the paradigm of compensation for disability and inadaptation.

For citation

Kvasova O.G. (2019) K razrabotke modeli resotsializatsii lichnosti v usloviyakh sotsiokul'turnykh peremen, krizisov i katastrof (na primere analiza amerikanskoi sistemy readaptatsii veteranov) [On the development of a model for the re-socialization of the individual in the context of sociocultural changes, crises and disasters (using the example of an analysis of the American system of veterans' rehabilitation)]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 8 (2A), pp. 23-30.

Keywords

Resocialization, veterans, adaptation, crisis, catastrophe.

References

1. Asmolov A.G. (2015) *Optika prosveshcheniya: sotsiokul'turnye perspektivy* [Optics of Enlightenment: Socio-Cultural Perspectives]. Moscow.
2. Asmolov A.G. (2015) *Psikhologiya sovremennosti: vyzovy neopredelennosti, slozhnosti i raznoobraziya* [Psychology of modernity: challenges of uncertainty, complexity and diversity]. *Psikhologicheskie issledovaniya*

- [Psychological studies], 8, 40. Available at: <http://psystudy.ru/num/2015v8n40/1109-asmolov40> [Accessed 02/02/2019]
3. Kvasova O. (2015) Temporal personality work and time perspective. In: *Abstracts of the 14th European Congress of Psychology, EFPA & ENIC*. Milan, Italy.
 4. Magomed-Eminov M.Sh. et al. (1990) *Novye aspekty psikhoterapii posttravmaticheskogo stressa. Metodicheskie rekomendatsii* [New aspects of psychotherapy of post-traumatic stress. Guidelines]. Kharkov.
 5. Magomed-Eminov M.Sh. (1996) Lichnost' i ekstremal'naya zhiznennaya situatsiya [Personality and extreme life situation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow University Bulletin], 4, pp. 26-35.
 6. Magomed-Eminov M.Sh. (1998) *Transformatsiya lichnosti* [Transformation of personality]. Moscow.
 7. Magomed-Eminov M.Sh. (2007) *Pozitivnaya psikhologiya (v 2-kh tt.)* [Positive psychology (in 2 vols.)]. Moscow.
 8. Magomed-Eminov M.Sh. (2011) Psikhika kak rabota [Psyche as work]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow University Bulletin], 4, pp. 92-108.
 9. Magomed-Eminov M.Sh. (2017) Tranzitnaya identichnost': smert' i voskresenie identichnosti [Transit Identity: Death and Resurrection of Identity]. In: *Innovatsionnye resursy sotsial'noi psikhologii: teorii, metody, praktiki: Sbornik nauchnykh rabot* [Innovative Social Psychology Resources: Theories, Methods, Practices: Collection of Scientific Works]. Moscow.
 10. Magomed-Eminov M., Kvasova O. (2014) Time Perspective and posttraumatic growth in Extreme Situation. In: *Abstract on 28th International Congress of Applied Psychology*. Paris. Available at: <http://www.icap2014.com> [Accessed 02/02/2019]
 11. Magomed-Eminov M.Sh., Kvasova O.G., Savina O.O. (2015) Resilience and Coping with the Traumatic Experience during Adolescence. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 6, 6, pp. 470-476. DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n6s1p4705

УДК 316.6+159.9+378

Возможности применения социально-психологических механизмов игровой инклюзии в геймификации образования

Неруш Татьяна Григорьевна

Кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры управления персоналом и психологии,
Саратовский социально-экономический институт (филиал),
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
410003, Российская Федерация, Саратов, ул. Радищева, 89;
e-mail: tgner@mail.ru

Неруш Антон Александрович

Студент,
Саратовский государственный национальный исследовательский
университет им. Н.Г. Чернышевского,
410012, Российская Федерация, Саратов, ул. Астраханская, 83;
e-mail: antonnertakagi@gmail.com

Аннотация

В статье рассмотрены проблемы внедрения технологий геймификации в образовании. Теоретический анализ показал, что технологии геймификации активно вводятся в образовательный процесс, но до сих пор не до конца раскрыты их психологические механизмы. Отмечается, что для их совершенствования необходимо выявление социально-психологических механизмов игровой инклюзии. Игровая инклюзия рассматривается авторами статьи как процесс вовлечения игроков в практики сетевого взаимодействия и увеличения степени их участия в онлайн-игре. С целью выявления механизмов игровой инклюзии реализовано эмпирическое исследование методом глубинного интервью. В качестве респондентов выступили пользователи Российского сегмента игр жанра MMORPG в возрасте от 18 до 30 лет. На основе выявленных социально-психологических механизмов игровой инклюзии даны рекомендации по разработке программ геймификации образования.

Для цитирования в научных исследованиях

Неруш Т.Г., Неруш А.А. Возможности применения социально-психологических механизмов игровой инклюзии в геймификации образования // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 2А. С. 31-37.

Ключевые слова

Игровая инклюзия, качественные методы исследования, глубинное интервью, геймификация, образование.

Введение

В эпоху активного внедрения цифровизации во все сферы жизни общества широко применяются технологии геймификации. На сегодняшний день простейшие технологии геймификации активно используются в сфере бизнеса с целью повышения потребительской активности и лояльности клиентов. В повседневной жизни данные технологии проявляются в таких формах, как: 1) карты лояльности, с помощью которых потребитель, собрав определенное количество стикеров, может получить бесплатный продукт; 2) бонусные программы авиакомпаний, РЖД и банков, связанные с начислением бонусов, которые в дальнейшем можно потратить на определенные привилегии и скидки; 3) онлайн-конкурсы, связанные с предложением ценного приза за небольшие усилия. За геймификацией сферы бизнеса последовала тенденция к внедрению игровых технологий в образовательный процесс [Титов, 2013]. Летом 2018 г. в РГСУ прошел XVIII Всероссийский социально-педагогический конгресс «Геймификация в образовании и профессиональной деятельности», на котором обсуждался вопрос, связанный с инновационными технологиями обучения с применением игровых механик. Одной из тем конгресса стала проблема профицита информации и преобразования этой информации в практическую деятельность [Носков, 2018]. В данном случае технологии геймификации могут предложить не только вовлечение пользователя в получение новой информации, но и смену ролей в практической деятельности. На сегодняшний день технологии геймификации образования нашли свое отражение в онлайн-проектах, направленных на дистанционное обучение (LinguaLeo, Duolingo (изучение иностранных языков), Codecademy (обучение программированию на JavaScript, HTML, Python, Ruby) и др.). Отметим, что в случае с общественными науками применение технологий геймификации, как правило, ограничивается видеокурсами и индивидуальной балльно-рейтинговой системой.

В практике геймификации большое внимание уделено эмоциональному вовлечению пользователя и его поощрению. Для достижения этой цели может быть использован ряд механизмов: развитие виртуальных навыков, шкалы прогресса, рейтинговая система, развитие игрового персонажа, постепенное открытие новых обучающих элементов, бейджики [Елисеева, 2015]. Применение метода теоретического анализа современных исследований по обсуждаемой проблеме (А.В. Бурлаченко; Л.П. Варенина; В.Ф. Габдулхаков, Э.Г. Галимов; А.И. Говоров, М.М. Говорова, Ю.О. Валитова; А.В. Макеева; П.В. Писклаков, О.Б. Елагина; А.Л. Мазелис; Н.Л. Караваев, Е.В. Соболева; О.В. Орлова, В.Н. Титова; С.А. Титов и др.) показало, что технологии геймификации активно продвигаются и внедряются в процесс образования, но не до конца изучены их психологические механизмы. Полагаем, что для совершенствования технологий геймификации и их популяризации необходимо начать с исследования игровой индустрии и выявления социально-психологических механизмов игровой инклюзии. Игровая инклюзия рассматривается как процесс вовлечения игроков в практики сетевого взаимодействия и увеличения степени их участия в онлайн-игре.

Исследование социально-психологических механизмов игровой инклюзии

С целью выявления социально-психологических механизмов игровой инклюзии с января по декабрь 2018 г. было реализовано эмпирическое исследование с использованием качественной методологии, метода глубинного интервью (n=30). Количество респондентов обусловлено насыщением кодировочных категорий (интервью с новыми респондентами не дают

исследователю нового понимания для раскрытия темы). Разработка программы исследования, постановка исследовательских задач, подготовка инструментария, сбор и анализ материала проводились по методологии «двойной рефлексивности».

Концепция двойной рефлексивности связывает теоретические категории качественного исследования и качественно-количественного интерфейса со стратегиями полевого исследования интерактивного типа, которому присущи вживание, глубинные интервью, а также коллективная интеллектуальная поддержка в режиме «длинного стола» [Девятко, 1998, 108].

В качестве респондентов выступили пользователи российского сегмента игр жанра MMORPG (массовая многопользовательская ролевая онлайн-игра) в возрасте от 18 до 30 лет. Вопросы, задаваемые геймерам, были разбиты на шесть блоков: «Игра как форма досуга», «Социальные коммуникации в играх», «Социально-психологические факторы и механизмы игровой инклюзии», «Экономические факторы игровой инклюзии», «Социальные проекции игровой инклюзии», «Коммуникативные практики вне игры».

Ключевой вопрос исследования был сформулирован следующим образом: «Каковы мотивы, факторы и социальные проекции игровой инклюзии молодежи в пространстве сетевых взаимодействий?». Интервью проводились в формате online с использованием голосовых и видеочатов (RaidCall, TeamSpeak, Skype, Mumble, Discord). Выбор такого формата проведения интервью обусловлен необходимостью отражения всех случаев, в том числе и геймеров, которые отказались бы от встречи в «реальном мире» по каким-либо причинам. Длительность интервью составила от 60 до 80 минут. При транскрипции авторы исследования старались сохранить специфику «естественного словаря» [Ковалев, Штейнберг, 1999, 208].

Результаты исследования позволили выделить ряд факторов, повлиявших на выбор игр пользователями и применимых в технологиях геймификации: 1) кросс-платформенность (возможность игры как с компьютера, так и с мобильного телефона); 2) рейтинг игры (например, в Google Play) и ее популярность среди целевой аудитории; 3) особенности игровой механики (графика, совмещение различных игровых жанров и механик); 4) возможность взаимодействия с иностранными игроками; 5) простое управление и низкие системные требования. В структуре мотивации начала и продолжения игры можно выделить два основных аспекта: мотивацию, создаваемую политикой онлайн-игры, и личная мотивацию игрока. Ежедневные бонусы за вход и время игры не дают ожидаемых результатов и не создают мотивацию продолжения игры. Гораздо большее значение для игроков имеют возможность психологической разгрузки и отдыха во время игры, смена привычных ролей и возможность самопрезентации и самореализации в сетевом пространстве, а также возможность общения и создания новых социальных связей в процессе игры.

Возможности использования механизмов игровой инклюзии в геймификации образования

Результаты проведенного исследования позволили дать рекомендации по созданию программ геймификации образования на основе социально-психологических механизмов игровой инклюзии. Исходя из полученных результатов, для совершенствования технологий геймификации в образовании можно выделить ряд необходимых механизмов: 1) возможность создания уникального профиля с широким спектром технологий самопрезентации; 2) возможность смены ролей; 3) элементы социальной сети, позволяющие пользователям искать и общаться с пользователями со схожими интересами; 4) публичная система достижений и

рейтингов, создающая соревновательный момент. С нашей точки зрения, применение данных технологий будет способствовать не только продвижению и совершенствованию геймификации образования и самообразования молодежи в различных направлениях, но и созданию групп молодых ученых.

Рассмотрим данный аспект на примере применения качественных методов в социологическом исследовании. Одной из важных составляющих качественного исследования методом глубинного интервью является метод «длинного стола». Однако в реальной жизни исследователь сталкивается со сложностями в подборе «кадрового состава» и проблемой взаимопонимания между членами исследовательской группы. Особенно актуальной данная проблема является среди молодых ученых, только начинающих свои исследования.

Для проведения качественного исследования необходимо формирование исследовательского коллектива с благожелательным и уважительным отношением друг к другу, со здоровой конструктивной критикой и самокритикой, так как методика качественного исследования предполагает периодическое обсуждение хода исследования со всеми участниками проекта, которые одновременно должны быть разработчиками программы исследования, включая постановку задач и постоянную корректировку методов исследования, а также результатов полевой работы его исполнителями и аналитиками. Поэтому программа исследования должна предполагать специально планируемую и организованную процедуру по созданию рабочей команды для качественного исследования [Ковалев, Штейнберг, 1999].

Однако данные проблемы могут быть решены с использованием технологий геймификации и онлайн-сервисов. Так, например, могут быть созданы онлайн-площадки, включающие в себя: 1) потенциалы теоретического изучения качественной методологии с системой достижений и уровнями для последовательного освоения программы и исследовательской этики; 2) возможности самопрезентации (создание собственного уникального профиля, в котором можно, к примеру, указать свои научные интересы, достижения, разместить публикации в свободном доступе); 3) в рамках данной платформы должна быть реализована возможность коммуникации между участниками, в том числе чат с разделением на сегменты.

Таким образом, обеспечивается возможность создания исследовательских групп на основе общих научных интересов для реализации технологии «виртуального длинного стола». В данном случае перенесение обсуждений в онлайн решает ряд проблем, стоящих перед исследователями: географическое положение участников группы, поиск места для проведения, обмен файлами, выбор удобного времени. Безусловно, обсуждение темы исследования в рамках данного метода практически невозможно в текстовом формате, поэтому необходима интеграция голосового чата (например, Discord или аналогичных кросс-платформенных программ с возможностью видеоконференций).

Заключение

Выявленные в результате проведенного эмпирического исследования социально-психологические механизмы игровой инклюзии (возможность психологической разгрузки и отдыха во время игры, возможность смены привычных ролей, возможность самопрезентации и самореализации в сетевом пространстве, возможность общения и создания новых социальных связей в процессе игры) обеспечивают вовлечение игроков в практики сетевого взаимодействия и увеличение степени их участия в онлайн-игре. Применение данных механизмов может содействовать продвижению технологий геймификации образования, совершенствованию его

программ, созданию новых игровых платформ по обучению различным гуманитарным дисциплинам (истории, социологии, политологии, юриспруденции и др.) для бакалавров, магистрантов и аспирантов, а также формированию исследовательских групп молодых ученых. Внедрение аналогичных игровых технологий в образовательный процесс будет способствовать популяризации самообразования среди молодежи в различных направлениях и выработке социально полезных навыков в процессе досуговой деятельности.

Библиография

1. Бурлаченко А.В. Почему геймификация работает и три основных правила мотивации // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2013. № 23. С. 36-40.
2. Варенина Л.П. Геймификация в образовании // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. Т. 6. № 6-2. С. 314-317.
3. Габдулхаков В.Ф., Галимова Э.Г. Цифровая педагогика и геймификация образования в университетах // Образование и саморазвитие. 2014. № 4. С. 37-43.
4. Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1998. 208 с.
5. Дынкина Е.Д. Геймификация как новый тренд в обучении персонала // Бизнес-образование в экономике знаний. 2016. № 3. С. 18-21.
6. Елисеева А.В. Геймификация как тренд в развитии системы профессионального образования // Научный альманах. 2015. № 10-2. С. 162-164.
7. Караваев Н.Л., Соболева Е.В. Анализ программных сервисов и платформ, обладающих потенциалом для геймификации обучения // Концепт. 2017. № 8. С. 14-25.
8. Ковалев Е.Ж., Штейнберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999. 384 с.
9. Носков Е.А. Технологии обучения и геймификация в образовательной деятельности // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 6. С. 138-143.
10. Титов С.А. «Геймификация» дистанционного обучения // Cloud of science. 2013. № 1. С. 21-23.

The possibilities of using the socio-psychological mechanisms of game inclusion in the gamification of education

Tat'yana G. Nerush

PhD in Pedagogy, Docent,
Associate Professor at the Department of personnel management and psychology,
Saratov Socio-Economic Institute (branch),
Plekhanov Russian University of Economics,
410003, 89, Radishcheva st., Saratov, Russian Federation;
e-mail: tgner@mail.ru

Anton A. Nerush

Student,
Saratov State National Research University named after N.G. Chernyshevsky,
410012, 83, Astrakhanskaya st., Saratov, Russian Federation;
e-mail: antonnertakagi@gmail.com

Abstract

The article aims to show the possibility of applying the socio-psychological mechanisms of game inclusion in the gamification of Russian education. It deals with the problems of active implementation of gamification technologies in all spheres of social life, their application both in business and in everyday life. The application of the method of theoretical analysis shows that gamification technologies are being actively introduced into the educational process in the Russian Federation, but their psychological mechanisms are not fully disclosed. The authors of the article believe that in order to improve the technologies used for the gamification of education, it is necessary to identify the socio-psychological mechanisms of game inclusion. Game inclusion is viewed as a process of involving gamers in the practices of networking and increasing their participation in online games. In order to identify the mechanisms of game inclusion, the authors carried out empirical research using in-depth interviews. The respondents were users of the Russian segment of games of the MMORPG genre, aged 18 to 30 years. Interviews were conducted online using voice and video chats. The authors present the results of the study, give recommendations for the gamification of educational programs on the basis of the socio-psychological mechanisms of game inclusion.

For citation

Nerush T.G., Nerush A.A. (2019) Vozmozhnosti primeneniya sotsial'no-psikhologicheskikh mekhanizmov igrovoi inklyuzii v geimifikatsii obrazovaniya [The possibilities of using the socio-psychological mechanisms of game inclusion in the gamification of education]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 8 (2A), pp. 31-37.

Keywords

Game inclusion, qualitative research methods, in-depth interview, gamification, education.

References

1. Burlachenko A.V. (2013) Pochemu geimifikatsiya rabotaet i tri osnovnykh pravila motivatsii [Why gamification works and three basic rules of motivation]. *Sovremennye tendentsii v ekonomike i upravlenii: novyi vzglyad* [Modern trends in economics and management: a new view], 23, pp. 36-40.
2. Devyatko I.F. (1998) *Metody sotsiologicheskogo issledovaniya* [Methods used in sociological research]. Ekaterinburg: Ural University.
3. Dynkina E.D. (2016) Geimifikatsiya kak novyi trend v obuchenii personala [Gamification as a new trend in staff training]. *Biznes-obrazovanie v ekonomike znaniy* [Business education in the knowledge economy], 3, pp. 18-21.
4. Eliseeva A.V. (2015) Geimifikatsiya kak trend v razvitii sistemy professional'nogo obrazovaniya [Gamification as a trend in the development of the vocational education system]. *Nauchnyi al'manakh* [Science almanac], 10-2, pp. 162-164.
5. Gabdulkhakov V.F., Galimova E.G. (2014) Tsifrovaya pedagogika i geimifikatsiya obrazovaniya v universitetakh [Digital pedagogy and the gamification of education in universities]. *Obrazovanie i samorazvitiye* [Education and self-development], 4, pp. 37-43.
6. Karavaev N.L., Soboleva E.V. (2017) Analiz programmnykh servisov i platform, obladayushchikh potentsialom dlya geimifikatsii obucheniya [Analysis of software services and platforms with potential for gamification of training]. *Kontsept* [Concept], 8, pp. 14-25.
7. Kovalev E.Zh., Shteinberg I.E. (1999) *Kachestvennye metody v polevykh sotsiologicheskikh issledovaniyakh* [Qualitative methods in field sociological research]. Moscow: Logos Publ.
8. Noskov E.A. (2018) Tekhnologii obucheniya i geimifikatsiya v obrazovatel'noi deyatel'nosti [Teaching technologies and gamification in educational activities]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl pedagogical bulletin], 6, pp. 138-143.

-
9. Titov S.A. (2013) “Geimifikatsiya” distantsionnogo obucheniya [“Gamification” of distance learning]. *Cloud of science*, 1, pp. 21-23.
 10. Varenina L.P. (2014) Geimifikatsiya v obrazovanii [Gamification in education]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and socio-educational idea], 6 (6-2), pp. 314-317.

УДК 159.9.07**Терминологическое обоснование инструментария
для исследования социальных представлений
пользователей о продуктах цифровой экономики****Костина Татьяна Анатольевна**

Младший научный сотрудник,
Центральный экономико-математический институт Российской академии наук,
117418, Российская Федерация, Москва, просп. Нахимовский, 47;
e-mail: kostina1@yandex.ru

Ларин Сергей Николаевич

Кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник,
Центральный экономико-математический институт Российской академии наук,
117418, Российская Федерация, Москва, просп. Нахимовский, 47;
e-mail: sergey77707@rambler.ru

Ноакк Наталия Вадимовна

Кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник,
Центральный экономико-математический институт Российской академии наук,
117418, Российская Федерация, Москва, просп. Нахимовский, 47;
e-mail: n.noack@mail.ru

Ларина Татьяна Сергеевна

Научный сотрудник,
Институт международных стандартов учета и управления,
119285, Российская Федерация, Москва, ул. Пудовкина, 4;
e-mail: lartaser@rambler.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-013-00669а «Исследование психологических механизмов формирования социальных представлений и доверия пользователей к продуктам цифровой экономики».

Аннотация

Продукты цифровой экономики сегодня представлены практически во всех сферах жизнедеятельности современного общества. Более того, темпы появления новых разновидностей и их численность увеличиваются в геометрической прогрессии. Указанное обстоятельство предопределяет рост актуальности проведения исследований, в результате которых будут выявлены механизмы формирования социальных представлений пользователей о продуктах цифровой экономики. Основной целью данного исследования является обоснование терминов и определений, которые будут использованы для

разработки инструментария, позволяющего анализировать социальные представления российских пользователей о продуктах цифровой экономики. При этом будут учтены основные групповые особенности пользователей относительно уровня доверия, возрастных различий, цифровой грамотности, гендерных характеристик. В качестве предмета настоящего исследования нами определен подход к терминологическому обоснованию инструментария для анализа социальных представлений пользователей о продуктах цифровой экономики. Объектом данного исследования выступают особенности формирования социальных представлений пользователей о продуктах цифровой экономики. Методологической основой исследования стали труды известных зарубежных и отечественных ученых, в которых исследовались разные аспекты проявления социальных представлений в жизнедеятельности общества. Новизна настоящего исследования заключается в попытке адаптации уже известных положений теории социальных представлений к бытовой и производственной деятельности пользователей продуктов цифровой экономики. Полученные в ходе проведения исследований результаты позволили обосновать терминологический аппарат и разработать инструментарий, который в последующем будет использован для выявления и анализа особенностей формирования социальных представлений пользователей о продуктах цифровой экономики.

Для цитирования в научных исследованиях

Костина Т.А., Ларин С.Н., Ноакк Н.В., Ларина Т.С. Терминологическое обоснование инструментария для исследования социальных представлений пользователей о продуктах цифровой экономики // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 2А. С. 38-50.

Ключевые слова

Продукты цифровой экономики, пользователи, социальные представления, инструментарий исследования, терминологический аппарат.

Введение

Стремительная цифровизация практически всех сфер экономики и, в первую очередь, экономики знаний, стала причиной повышения актуальности решения такого вопроса, как формирование социальных представлений пользователей о продуктах цифровой экономики. Практика показывает, что сегодня пользователями продуктов цифровой экономики становятся практически все слои современного общества, независимо от их возраста, социального положения, уровня цифровой грамотности и других факторов. Поэтому неслучайно все большее число исследователей уделяет свое внимание данному вопросу.

В современных условиях актуальность такого рода исследований определяется потребностью формирования отвечающих запросам развития общества и экономики знаний социальных представлений пользователей о продуктах цифровой экономики. Поскольку большинство пользователей столкнулось с необходимостью использования продуктов цифровой экономики в повседневной и профессиональной деятельности буквально в последние 10-15 лет, то у них пока еще не сформировалось устоявшихся *социальных представлений* о принципиально новых функциональных возможностях разных продуктов и преимуществах их

практического использования. Вместе с тем, темпы развития цифровизации всех сфер экономики будут только нарастать. В этой связи первостепенную важность приобретает разработка инструментария для исследования формирования социальных представлений пользователей о продуктах цифровой экономики с учетом возрастных особенностей разных групп пользователей, уровня доверия и цифровой компетентности в использовании продуктов цифровой экономики, гендерных параметров и других факторов.

В статье будет представлен предлагаемый авторами подход к обоснованию терминологического аппарата для проведения исследования социальных представлений пользователей о продуктах цифровой экономики с учетом выбранных определений.

Цель исследования

Основной целью данного исследования является обоснование терминов и определений, которые будут использованы для разработки инструментария, позволяющего анализировать социальные представления российских пользователей о продуктах цифровой экономики. При этом будут учтены основные групповые особенности пользователей относительно уровня доверия, возрастных различий, цифровой грамотности, гендерных характеристик. Для достижения этой цели будут представлены определения четырех терминов, специально выбранных с целью проведения эмпирического исследования. Они обозначают продукты цифровой экономики, которые чаще всего используют в повседневной практике и профессиональной деятельности их пользователи. Выявление наиболее значимых характеристик (свойств) продуктов выбранной совокупности будет проведено путем сравнения полученной информации с реальными социальными представлениями различных групп пользователей об этих продуктах.

Терминологический аппарат исследования

В основу терминологического аппарата, используемого в настоящем исследовании, был частично включен ряд определений и терминов, описанных авторами в более ранних публикациях [Нестик, Солдатова, 2017, 97; Ноакк, Костина, Знаменская, 2019, 41]. Кроме того, при его дальнейшей разработке и конкретизации был использован ряд работ отечественных и зарубежных ученых в исследуемой нами области. Далее будет приведен краткий обзор используемых терминов и определений, которые составили терминологический аппарат данного исследования.

Понятие социальных представлений и их измерение

Первая группа используемых нами в исследовании терминов относится к понятию *социальных представлений*. Основные положения концепции социальных представлений были разработаны С. Московичи и его последователями во второй половине прошлого века [Moscovici, 2000, 18-77]. Основные положения этой концепции были рассмотрены в ряде публикаций [Hoijer, 2011, 3-16; Jodelet, 2008, 411-430; Moscovici, 2001, 8-35].

Анализ этих положений позволил сделать вывод о большом интерпретационном потенциале данной концепции, что делает возможным использование ее для объяснения различных феноменов современной реальности. Однако, несмотря на это, число научных работ, посвященных исследованию социальных представлений о стремительно расширяющихся сферах использования продуктов цифровой экономики, пока еще остается незначительным.

На современном этапе проявление интереса к данной концепции обусловлено исследованием возможностей применения ее основных положений к реалиям расширения цифровизации во всех сферах жизнедеятельности человека и общества. Сегодня понятие *социальные представления* не имеет однозначного определения. Однако, сам основоположник концепции описывал их как сеть идей, понятий, метафор, образов, ценностей, практик, возникающих в повседневной жизни отдельного человека и социальной общности людей и позволяющих им конструировать реальность, интерпретировать и осмысливать ее для лучшей ориентации в окружающем мире. Социальные представления объединяют в себе: образы, в которых сконцентрированы совокупности значений и системы отсчета, позволяющие людям интерпретировать происходящие с ними события, осмысливать неожиданное; категории, служащие для классификации обстоятельств, феноменов, других людей; теории, позволяющие выносить о них решение [Почебут, Мейжиц, 2010].

При разработке инструментария измерения *социальных представлений* мы опирались на работы отечественных и зарубежных ученых по исследованию *отношения* к новым продуктам/технологиям цифровой экономики [Нестик, Журавлев, 2018, 9]. В них выделены следующие аспекты измерения: трудность освоения продукта/технологии, стоимость, социальное влияние, частота использования [Donat, Brandtweiner, Kerschbaum, 2009, 43; Vishwanath, 2014, 321]; трудоемкость освоения, полезность, интерес, стоимость и безопасность технологии [Venkatesh, Thong, Xu, 2012, 64]; степень риска, полезности, выгод от использования, а также доверие к информации об использовании нового продукта/технологии [Cox, Evans, 2008, 707].

Ряд критериев и предлагаемых шкал для их измерения, которые использовались при разработке нового инструментария, описаны в работе [Нестик, Журавлев, 2018, 11]. Социальные (коллективные) представления рассматриваются авторами как феноменологические проявления более глобальной категории *отношения* пользователей к новым продуктам/технологиям цифровой экономики, на которые распространяются выделенные авторами на основе анализа существующего инструментария и собственного экспериментального исследования российских пользователей критерии и шкалы их измерения. В частности, постулируется трехкомпонентная структура *отношения* (когнитивный, аффективный компоненты, готовность к практическому использованию); эмпирически определены наиболее важные факторы/детерминанты *отношения* к объекту измерения - продуктам/технологиям цифровой экономики. К ним относятся: 1) легитимность использования; 2) престижность; 3) привлекательность и легкость в использовании; 4) доверие к экспертам при оценке выгоды технологии; 5) идентификация с авторами технологии. Причем критерии привлекательности технологии и легкости в использовании, как подчеркивают авторы, имеют наибольшее значение для отечественных пользователей.

Принимая за основу когнитивные аспекты отношения к новым цифровым технологиям, авторы оперируют понятиями технооптимизма и технопессимизма. При этом, по результатам их исследования, в качестве наиболее весомых предикторов технооптимизма выступают уровень социального доверия (к ученым, разработчикам и продавцам новых технологий, государству) и использование интернета для общения, вовлеченность личности в коммуникацию с другими пользователями [Нестик, Журавлев, 2018, 7].

Мы будем опираться на структурный подход, сложившийся в теории социальных представлений, согласно которому в структуре последних выделяют три компонента:

информацию, установку и поле представления. Подробный анализ этих компонентов представлен в статье [Ноакк, Волкова, Стебеньева, 2018, 12]. Рядом авторов в *поле* представления выделяются *ядро и периферия* представления [Почебут, Мейжис, 2010, 419; Abric, 2003, 381]. В *ядро*, согласно гипотезе С. Московичи, входят наиболее ригидные и архаичные элементы, оно включает знания особого свойства, основанные на ценностях, которые, в свою очередь, связаны с коллективным бессознательным. *Периферическая система* социальных представлений призвана объяснить индивидуальные различия в процессе репрезентации. Она более изменчива, чем центральное ядро, и потому дает возможность интегрировать различные информации и практики. Она состоит из когнитивных схем и является опосредующим звеном между репрезентацией и реальностью [Почебут, Мейжис, 2010, 311]. Критерием выделения *ядра и периферии* структуры *социальных представлений* некоторыми исследователями устанавливается частота (ранг) употребления того или иного элемента представления в выборке [Бовина, 2012, www].

Новизна нашего подхода заключается в выявлении структуры *социальных представлений* пользователей продуктов цифровой экономики на основе разработанной авторами методики, предполагающей возможность свободного толкования предлагаемых слов-понятий, обозначающих продукты цифровой экономики, в различных пользовательских сообществах. Формулировки давались в свободной форме, что должно было привести к отражению в них реальных представлений испытуемых о конструкциях соответствующих понятий, их назначении, пределах их действия. Пользовательские сообщества различаются как по полу и возрасту, так и по уровню *цифровой компетентности*.

Понятие цифровой компетентности/грамотности

Следующая группа используемых нами в исследовании терминов относится к *цифровой компетентности/грамотности* как набору знаний и умений, которые необходимы для безопасного и эффективного использования цифровых технологий, продуктов и ресурсов в бытовой и/или профессиональной деятельности [Берман, 2017, www]. Цифровая грамотность - это способность человека как пользователя продуктов цифровой экономики (в самом широком смысле) эффективно использовать их функциональные возможности с пользой для себя. В целом, под цифровой грамотностью понимается вовлеченность индивида в цифровую среду, подкрепленная наличием теоретических компетенций (знаний) в области потребления, поиска и обработки, защиты информации, а также практических навыков и умений их использования для достижения поставленных целей [Давыдов, Логунова, 2015, 127; Шариков, 2016, 93].

Цифровая грамотность пользователей продуктов цифровой экономики представляет собой набор определенных теоретических компетенций и практических навыков и умений, позволяющих им эффективно и безопасно использовать в своей бытовой или профессиональной деятельности передовые функциональные возможности продуктов цифровой экономики. Она включает в себя:

- теоретические компетенции пользователей продуктов цифровой экономики, которые на практике трансформируются в тот или иной уровень использования самих продуктов, навыки поиска необходимой информации, умения использовать новые функциональные возможности, начиная с общения в социальных сетях и заканчивая проведением финансовых операций и покупок в режиме онлайн;
- практические навыки и умения характеризуют уровень эффективного использования продуктов цифровой экономики каждым конкретным пользователем в зависимости от его

знаний и опыта обращения с ними для достижения конкретных целей в процессе потребления;

- безопасное использование продуктов цифровой экономики пользователями характеризует их цифровую грамотность с позиций обеспечения надежной защиты персональной и другой информации в сети, ее хранения и необходимости получения санкционированного доступа к ней, создания резервных копий на дублирующих устройствах, потребления легального контента и др.

В практике потребления продуктов цифровой экономики традиционно принято выделять следующие направления: стационарный и мобильный интернет, цифровые устройства и технологии, новости, социальные сети, Госуслуги, использование облачных технологий для обработки и хранения информации, телемедицину, глобальные навигационные сети и др. В основу теоретических компетенций положены базовые требования эффективного использования новых функциональных возможностей информационных технологий, заложенных в продукты цифровой экономики. На практике состав теоретических компетенций обычно трансформируется в конкретные уровни умений и навыков поиска и критического восприятия информации, использования функциональных возможностей социальных сетей, проведения финансовых операций и покупок в режиме онлайн. Цифровая грамотность, по предварительной гипотезе, в современных условиях становится тем фактором, который играет важную роль в объединении/разделении людей в определенные пользовательские сообщества (в том числе профессиональные или по интересам), в формировании определенного *уровня доверия* к продуктам цифровой экономики и *социальных представлений* о них.

В работах [Нестик, Солдатова, 2017, 99; Солдатова, Рассказова, Нестик, 2017, 79] показано, что отношение к продуктам/технологиям цифровой экономики тесно связано с используемыми пользователями моделями *цифровой компетентности*. Вместе с тем, сегодня нельзя не замечать таких крайних проявлений исследуемых нами процессов, как технофобия и технофилия [Osiceanu, 2014, 1140]. Ядром модели цифровой компетентности у технофобов является поиск информации, у технофилов – использование интернета как средства общения.

Понятие продукт цифровой экономики

Это понятие рассмотрено в работе [Ноакк, Костина, Знаменская, 2019, 38-44]. Однако, как показывает практика, до настоящего времени оно не получило общепризнанного научного обоснования. В качестве рабочего определения в целях данного исследования было принято следующее определение: продукт цифровой экономики – это результат реализации конкретных функциональных возможностей определенной совокупности информационно-цифровых технологий. Это краткое определение можно дополнить такой важной характеристикой цифрового продукта, как возможность его коммерческого использования (потребления). В настоящее время к сквозным цифровым технологиям относят следующие: большие информационные массивы данных, нейротехнологии и искусственный интеллект, блокчейн, квантовые технологии, новые производственные технологии, промышленная безопасность, роботехника и сенсорика, беспроводная связь, виртуальная и дополненная реальность. К примеру, рядовые пользователи могут говорить об использовании продуктов цифровой экономики при совершении онлайн-покупок, использовании интернетом и мобильным телефоном, реализации своих бытовых потребностей через виртуальную реальность.

Для первого этапа исследования были выбраны четыре продукта цифровой экономики с целью выявления социальных представлений пользователей. Это: *компьютерный вирус, аккаунт, Wi-fi, облачный сервис для хранения данных*. Выбор именно этих терминов был

обусловлен несколькими причинами. Во-первых, они были выбраны методом экспертного опроса в качестве часто употребляемых в социальных коммуникациях, в различных социальных сообществах. Во-вторых, все они имеют непосредственное отношение к проблеме доверия/недоверия к продуктам цифровой экономики, в частности, связаны с другими вопросами разрабатываемого авторами инструментария, определяющими характеристики представлений пользователей по вопросам безопасного использования продуктов цифровой экономики, путей его обеспечения для себя и своих близких.

Дадим краткую характеристику указанным терминам, представленную в словарях и специальной литературе.

Словосочетанием «компьютерный вирус» принято обозначать вредоносные программы, которые без уведомления и согласия самих пользователей самостоятельно устанавливаются на их компьютеры и другие продукты цифровой экономики. В академической среде термин был употреблен Фредом Коэном в его работе «Эксперименты с компьютерными вирусами», где он сам приписывает авторство термина Леонарду Адлеману [Adleman, 2009, www]. Любопытно, что Адлеман предполагал наличие у компьютерных вирусов позитивных возможностей и потенциальной пользы для развития технологий будущего, способной преодолеть негативные последствия их использования. Более развернутое и обновленное определение *компьютерного вируса* приведено в [Словарь компьютерных терминов, 2014, www], где он определен как программа, обладающая способностями создания своих копий (не обязательно совпадающие с оригиналом) и внедрения их в вычислительные сети и/или файлы, системные области компьютера и другие продукты цифровой экономики с целью искажения и уничтожения хранящейся в них информации и установленного программного обеспечения. При этом вновь создаваемые рабочие копии так же способны к последующему распространению.

Анализ литературы показывает [Зимин, 2015, www], что *компьютерный вирус* можно считать наиболее распространенным словосочетанием, хотя в реальности следует говорить о «вирусах» вообще как о продуктах цифровой экономики, которые предназначены для нанесения определенной степени вреда другим продуктам цифровой экономики. Принцип их действия аналогичен биологическим вирусам, которые поражают человека, попадая в его организм. Вирусы, как продукты цифровой экономики, можно с достаточной долей условности классифицировать по их основным принципам действия и признакам нанесения вреда на шесть групп: по способам заражения продуктов цифровой экономики; по выбору среды существования внутри этих продуктов, по особенностям кодов, используемых для написания программ и их строению; по целостности разработанных программ; по степени нанесения возможного вреда; последняя категория вирусов обычно только выделяется и не классифицируется. К этой категории вирусов, как правило, относят шпионские и рекламные программы, программы-вымогатели, а также все вирусы, которые нельзя отнести к первым пяти категориям.

Для защиты от вирусов целесообразно одновременно использовать сочетание различных технических и организационных методов. К техническим методам относится использование таких продуктов цифровой экономики, предназначенных для защиты от вирусных атак, как: антивирусы, брандмауэры, антиспамы и другие. Сюда же следует отнести и своевременное обновление операционной системы продуктов цифровой экономики. Организационные методы, как правило, регламентируют правильные действия пользователя того или иного продукта цифровой экономики для обеспечения максимальной безопасности от вирусов при работе с ним.

Аккаунт представляет собой учетную запись конкретного пользователя продуктов цифровой экономики на сайте, портале или в мобильном приложении [Что такое аккаунт? 2017, www]. Обычно в аккаунт включены личные данные пользователя (его профиль), которые защищены логином и паролем. Создание аккаунта, с одной стороны, открывает для пользователя доступ к использованию всех возможностей конкретного продукта цифровой экономики. Но, с другой стороны, ставит его перед необходимостью передачи своих личных данных обезличенному продукту цифровой экономики, функции которого, в лучшем случае выполняет администратор. Таким образом, перед нами налицо отсутствие любых гарантий сохранности личных данных пользователя в случае создания им личного аккаунта. Защита личных данных обеспечивается самим пользователем путем использования сложных паролей и возможно более частой их смены, например, один раз в месяц.

Под термином *Wi-Fi* сегодня понимается технология создания и функционирования беспроводной локальной сети при помощи устройств на основе использования стандартов IEEE 802.11 [Технология Wi-Fi, 2016, www]. Другими словами, это технологичный продукт цифровой экономики, во многом аналогичный другим известным технологиям, таким как Bluetooth, передача данных при помощи инфракрасного сигнала, радио, технологии сотовых операторов и другие. Особенности практического использования этой технологии представлены в специальном стандарте. *Wi-Fi* – это сокращенное выражение *Wireless Fidelity*, что в переводе означает «беспроводная передача данных». Этот продукт цифровой экономики чаще всего используется для создания различных локальных сетей, к которым могут быть подключены другие устройства и продукты цифровой экономики. Обычно рядовые пользователи идентифицируют этот продукт цифровой экономики с возможностью использования сети Интернет. На самом деле это не соответствует действительности, поскольку, подключаясь к продукту цифровой экономики с технологией *Wi-Fi* следует знать, что пользователь подключается к другому продукту, который при помощи этой технологии раздает интернет на все подключенные продукты цифровой экономики. Неслучайно у продуктов цифровой экономики, обладающих технологией *Wi-Fi*, имеются две основные функции:

- 1) подключение к сети Интернет с возможностью входа на разные сайты и сервисы;
- 2) создание локальных сетей, в которых все, подключенные к одной точке доступа продукты цифровой экономики, могут видеть друг друга и передавать между собой файлы и другую информацию напрямую.

Расширение второго пункта возможно за счет подключения беспроводных устройств от принтеров и джойстиков до телевизоров и холодильников – все многообразие открывающихся возможностей представить достаточно сложно. Однако и здесь перед нами встает вопрос обеспечения безопасной работы пользователей продуктов цифровой экономики в сети Интернет при использовании ими технологии *Wi-Fi*.

Облачные сервисы для хранения данных сегодня занимают важное место в части сохранности информации [Онлайновые хранилища данных, 2010, 64]. Многие из них функционируют на бесплатной основе и позволяют хранить большие объемы данных. В настоящее время все больше пользователей продуктов цифровой экономики практикуют хранение данных в *облачных сервисах*. Это позволяет избежать потери информации, содержащейся в файлах обычного компьютера при выходе из строя жесткого диска. В случае необходимости использования информации, когда свой компьютер недоступен, достаточно

иметь при себе или найти общедоступный продукт цифровой экономики, имеющий выход в сеть Интернет и воспользоваться веб-интерфейсом *облачного сервиса*. При этом отпадает необходимость наличия flash-накопителя. Кроме того, большинство современных смартфонов поддерживает автоматическую загрузку нужной информации прямо в облако, как только появляется соединение с сетью *Wi-Fi*. Поэтому нет необходимости обеспечивать соединение каждого используемого пользователем продукта цифровой экономики с компьютером через USB-устройство, - просто в этом случае достаточно выйти в пространство *облачного сервиса*, единое для всех продуктов цифровой экономики конкретного пользователя. В настоящее время каждому пользователю продуктов цифровой экономики и сети Интернет доступно около десяти *облачных сервисов* для хранения больших объемов данных. Однако и в случае использования *облачных сервисов* необходимо решить вопрос обеспечения безопасной работы пользователей с этими продуктами цифровой экономики в сети Интернет.

Приведенные выше определения четырех выбранных для эмпирического исследования терминов, обозначающих продукты цифровой экономики, существуют в словарях и специальной литературе. В нашем же исследовании основной интерес был ориентирован на *социальные представления* пользователей продуктов цифровой экономики разных возрастных групп, а также сложившиеся у них практики оперирования основными понятиями, связанными с обеспечением их безопасного использования в практической деятельности. Для реализации поставленных нами задач мы обратились к теории социальных представлений, ее основным положениям, сформулированным выше. Проведенный анализ словарных статей и специальной литературы по четырем указанным терминам необходим для того, чтобы в первом приближении охарактеризовать массив существующей информации с целью последующего выявления уже в конкретных сообществах пользователей структурных компонентов сложившихся *социальных представлений*.

Заключение

В статье кратко описаны базовые понятия эмпирического исследования, даны их определения и представлен предлагаемый подход к исследованию *социальных представлений* пользователей о продуктах цифровой экономики. В терминологический аппарат исследования предлагается включить понятия *социальных представлений*, их *структуры*, *цифровой грамотности*, *продукта цифровой экономики*.

Дана характеристика инструментария исследования, обоснована целесообразность его выбора и практического применения. Именно этот инструментарий позволяет учесть следующие базовые характеристики пользователей продуктов цифровой экономики: уровень цифровой грамотности, уровень доверия к используемым продуктам цифровой экономики, принадлежность (включенность) к различным социальным/ профессиональным сообществам и возрастным группам, гендерные различия

Для эмпирического исследования отобраны четыре понятия, обозначающие продукты цифровой экономики: *компьютерный вирус*, *аккаунт*, *Wi-fi*, *облачный сервис для хранения данных*. Собрана информация по их определению в словарных статьях и специальной литературе с целью ее последующего сопоставления с реальными *социальными представлениями* конкретных выборочных совокупностей пользователей об обозначаемых этими понятиями продуктах цифровой экономики.

Библиография

1. Берман Н.Д. К вопросу о цифровой грамотности // Современные исследования социальных проблем. 2017. № 6-2. С. 35-38.
2. Бовина И.Б. Россия и современный мир как социальные представления // Психологическая наука и образование». 2012. № 2. С. 1-15.
3. Давыдов С.Г., Логунова О.С. Проект «Индекс цифровой грамотности»: методические эксперименты. // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2015. № 41. С. 120-141.
4. Зимин А. Виды компьютерных вирусов и чем они опасны. URL: <https://info-kibersant.ru/vidy-kompyuternyx-virusov.html>
5. Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Социально-психологическая детерминация готовности личности к использованию новых технологий // Психологический журнал. 2018. Том 39. № 5. С. 5-14.
6. Нестик Т.А., Солдатова Г.У. Представления о будущем цифровых технологий у российских студентов // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 1. С. 90-118.
7. Ноакк Н.В., Волкова А.Д., Стебеньева Т.В. Ретроспективный анализ понятия «социальные представления» и особенности его применения к продуктам цифровой экономики // Опыт и инновации в психологии и педагогике: сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. Ставрополь: Логос, 2018. 38 с.
8. Ноакк Н.В., Костина Т.А., Знаменская А.Н. Разработка комплексной психологической модели доверия к продуктам цифровой экономики с учетом категорий социальных представлений и адаптации пользователей // Приоритеты общественно-гуманитарных исследований в соответствии с глобальными вызовами и общественными трендами: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. М.: Профессиональная наука, 2019. С. 38-44.
9. Ноакк Н.В., Ларин С.Н., Патоша О.И. Психологические механизмы формирования социальных представлений пользователей о продуктах цифровой экономики // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 2А. С. 14-25.
10. Онлайн-хранилища данных // ComputerBild. 2010. № 4. С. 62-67.
11. Почебут Л.Г., Мейжис И.А. Социальная психология. СПб.: Питер, 2010. 672 с.
12. Словарь компьютерных терминов. URL: <http://letopisi.org/>
13. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017. 374 с.
14. Технология Wi-Fi – принципы работы, преимущества и недостатки. URL: http://www.mobi-city.ru/articlereview/wi-fi_technology
15. Что такое аккаунт? URL: http://infoogle.ru/chto_takoe_akkaunt.html
16. Шариков А.В. О четырехкомпонентной модели цифровой грамотности // Журнал исследований социальной политики. 2016. № 1. С. 87-98.
17. Abric J.C. L'analyse structurale des représentations sociales // Les méthodes des sciences humaines. P.: Presses Universitaires de France, 2003. P. 375-392.
18. Adleman L. An Abstract Theory of Computer Viruses. URL: https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F0-387-34799-2_28.pdf
19. Cox D.N., Evans G. Construction and validation of a psychometric scale to measure consumer's fears on novel food technologies: the food technology neophobia scale // Food quality and preference. 2008. V. 19. P. 704-710.
20. Donat E., Brandtweiner R., Kerschbaum J. Attitudes and the Digital Divide: Attitude Measurement as Instrument to Predict Internet Usage // Informing Science: The International Journal of an Emerging Transdiscipline. 2009. V. 12. P. 38-56.
21. Hoijer B. Social Representations Theory. A New Theory for Media Research // Nordicom Review. 2011. V. 32. No. 2. P. 3-16.
22. Jodelet J. Social Representations: The Beautiful Invention // Journal for the Theory of Social Behaviour. 2008. No. 38(4). P. 411-430.
23. Moscovici S. The phenomenon of social representations // Social Representations: Explorations in Social Psychology. N.Y.: New York University Press, 2000. P. 18-77.
24. Moscovici S. Why a Theory of Social Representations? // Representations of the Social. Oxford, UK: Blackwell Publishers, 2001. P. 8-35.
25. Osiceanu M.E. Psychological implications of modern technologies: “technophobia” versus “technophilia” // The 6th International Conference Edu World 2014 “Education Facing Contemporary World Issues”. 2014. P. 1137-1144.
26. Venkatesh V., Thong J.Y.L., Xu X. Consumer acceptance and use of information technology: extending the unified theory of acceptance and use of technology // MIS Quarterly. 2012. V. 36. № 1. P. 157-178.
27. Vishwanath A. The psychology of the diffusion and acceptance of technology // The Handbook of Psychology of Communication Technology. Malden, MA: Wiley Blackwell, 2014. P. 314-331.

Terminological rationale tools for the study of social ideas of users about products of digital economy

Tat'yana A. Kostina

Junior Researcher,
Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences,
117418, 47, Nakhimovskii av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: kostina1@yandex.ru

Sergei N. Larin

PhD in Technologies, Leading Researcher,
Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences,
117418, 47, Nakhimovskii av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sergey77707@rambler.ru

Nataliya V. Noakk

PhD in Psychology, Leading Researcher,
Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences,
117418, 47, Nakhimovskii av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: n.noack@mail.ru

Tat'yana S. Larina

Researcher,
Institute of International Standards of Accounting and Management,
119285, 4, Pudovkina st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: lartaser@rambler.ru

Abstract

Products of the digital economy today are represented in almost all spheres of life in modern society. Moreover, the rate of appearance of new varieties and their numbers are increasing exponentially. This circumstance predetermines the growing relevance of research, which will reveal the mechanisms of forming users' social perceptions about the products of the digital economy. The main objective of this study is to substantiate the terms and definitions that will be used to develop tools that allow analyzing the social perceptions of Russian users about the products of the digital economy. This will consider the basic group characteristics of users regarding the level of trust, age differences, digital literacy, gender characteristics. As the subject of this study, we have defined an approach to the terminological substantiation of tools for analyzing users' social perceptions about the products of the digital economy. The object of this research is the peculiarities of the formation of social ideas of users about the products of the digital economy. The novelty of the present study lies in the attempt to adapt the already well-known propositions of the theory of social representations to the household and production activities of users of digital economy

products. The results obtained in the course of the research made it possible to substantiate the terminological apparatus and to develop tools that will later be used to identify and analyze the characteristics of the formation of users' social perceptions about the products of the digital economy.

For citation

Kostina T.A., Larin S.N., Noakk N.V., Larina T.S. (2019) Terminologicheskoe obosnovanie instrumentariya dlya issledovaniya sotsial'nykh predstavlenii pol'zovatelei o produktakh tsifrovoi ekonomiki [Terminological rationale tools for the study of social ideas of users about products of digital economy]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 8 (2A), pp. 38-50.

Keywords

Digital economy products, users, social presentations, research tools, terminological apparatus.

References

1. Abric J.C. (2003) L'analyse structurale des représentations sociales. Les méthodes des sciences humaines. P.: Presses Universitaires de France.
2. Adleman L. An Abstract Theory of Computer Viruses. Available at: https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F0-387-34799-2_28.pdf [Accessed 02/02/2019]
3. Berman N.D. (2017) K voprosu o cifrovoi gramotnosti [On the issue of digital literacy]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern research of social problems], 6-2, pp. 35-38.
4. Bovina I.B. (2012) Rossiya i sovremenniy mir kak sotsial'nye predstavleniya [Russia and the modern world as social representations]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2, pp. 1-15.
5. Chto takoe akkaunt? [What is an account?]. Available at: http://infoogle.ru/chto_takoe_akkaunt.html [Accessed 02/02/2019]
6. Cox D.N., Evans G. (2008) Construction and validation of a psychometric scale to measure consumer's fears on novel food technologies: the food technology neophobia scale. *Food quality and preference*, 19, pp. 704-710.
7. Davydov S.G., Logunova O.S. (2015) Proekt «Indeks tsifrovoi gramotnosti»: metodicheskie ehksperimenty [Digital Literacy Index Project: Methodical Experiments]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie* [Sociology: methodology, methods, mathematical modeling], 41, pp. 120-141.
8. Donat E., Brandtweiner R., Kerschbaum J. (2009) Attitudes and the Digital Divide: Attitude Measurement as Instrument to Predict Internet Usage. *Informing Science: the International Journal of an Emerging Transdiscipline*, 12, pp. 38-56.
9. Hoijer B. (2011) Social Representations Theory. A New Theory for Media Research. *Nordicom Review*, 32, 2, pp. 3-16.
10. Jodelet J. (2008) Social Representations: The Beautiful Invention. *Journal for the Theory of Social Behavior*, 38(4), pp. 411-430.
11. Moscovici S. (2000) The phenomenon of social representations. In: *Social Representations: Explorations in Social Psychology*. N.Y.: New York University Press.
12. Moscovici S. (2001) Why a Theory of Social Representations? // K. Deaux and G. Philogene (eds.) *Representations of the Social*. Oxford, UK: Blackwell Publishers.
13. Nestik T.A., Zhuravlev A.L. (2018) Sotsial'no-psikhologicheskaya determinatsiya gotovnosti lichnosti k ispol'zovaniyu novykh tekhnologii [Socio-psychological determination of individual readiness to use new technologies]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 39, 5, pp. 5-14.
14. Nestik T.A., Soldatova G.U. (2017) Predstavleniya o budushchem tsifrovyykh tekhnologii u rossiiskikh studentov [Understanding the future of digital technology among Russian students]. *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya* [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology], 2, 1, pp. 90-118.
15. Noakk N.V., Volkova A.D., Stebenyaeva T.V. (2018) Retrospektivnyi analiz ponyatiya «sotsial'nye predstavleniya» i osobennosti ego primeneniya k produktam tsifrovoi ekonomiki [Retrospective analysis of the concept of "social perceptions" and features of its application to the products of the digital economy]. In: *Opyt i innovatsii v psikhologii i pedagogike: sbornik materialov VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Experience and innovations in psychology and pedagogy: a collection of materials of the VII International Scientific and Practical Conference]. Stavropol: Logos Publ.

16. Noakk N.V., Kostina T.A., Znamenskaya A.N. (2019) Razrabotka kompleksnoi psikhologicheskoi modeli doveriya k produktam tsifrovoi ekonomiki s uchetom kategorii sotsial'nykh predstavlenii i adaptatsii pol'zovatelei [Development of a complex psychological model of trust in the products of the digital economy, considering categories of social representations and user adaptation]. In: *Prioritety obshchestvenno-gumanitarnykh issledovaniy v sootvetstvii s global'nymi vyzovami i obshchestvennymi trendami: sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Priorities of social and humanitarian research in accordance with global challenges and social trends: a collection of scientific papers on the materials of the International Scientific and Practical Conference]. Moscow Professional'naya nauka Publ.
17. Noakk N.V., Larin S.N., Patosha O.I. (2018) Psikhologicheskie mekhanizmy formirovaniya sotsial'nykh predstavlenii pol'zovatelei o produktakh tsifrovoi ekonomiki [Psychological mechanisms of the formation of social representations users about products of digital economy]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 7, 2A, pp. 14-25.
18. (2010) Onlainovye khranilishcha dannykh [Online data storage]. *ComputerBild*, 4, pp. 62-67.
19. Osiceanu M.E. (2014) Psychological implications of modern technologies: “technofobia” versus “technophilia”. In: *The 6th International Conference Edu World 2014 “Education Facing Contemporary World Issues”*.
20. Pochebut L.G., Meizhis I.A. (2010) *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology]. St. Petersburg: Piter Publ.
21. Slovar' komp'yuternykh terminov [Computer vocabulary]. Available at: <http://letopisi.org/> [Accessed 02/02/2019]
22. Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Nestik T.A. (2017) *Tsifrovoe pokolenie Rossii: kompetentnost' i bezopasnost'* [Digital generation of Russia: competence and security]. Moscow: Smysl Publ.
23. *Tekhnologiya Wi-Fi – printsipy raboty, preimushchestva i nedostatki* [Wi-Fi technology: principles of operation, advantages and disadvantages]. Available at: http://www.mobi-city.ru/articlereview/wi-fi_technology [Accessed 02/02/2019]
24. Sharikov A.V. (2016) O chetyrekhkomponentnoi modeli tsifrovoi gramotnosti [About the four-part digital literacy model]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [Journal of Social Policy Studies], 1, pp. 87-98.
25. Venkatesh V., Thong J.Y.L., Xu X. (2012) Consumer acceptance and use of information technology: extending the unified theory of acceptance and use of technology. *MIS Quarterly*, 36, 1, pp. 157-178.
26. Vishwanath A. (2014) The psychology of the diffusion and acceptance of technology. In: *The Handbook of Psychology of Communication Technology*. Malden, MA: Wiley Blackwell.
27. Zimin A. Vidy komp'yuternykh virusov i chem oni opasny [Types of computer viruses and how they are dangerous]. Available at: <https://info-kibersant.ru/vidy-kompyuternyx-virusov.html> [Accessed 02/02/2019]

УДК 159.9.07

**Обоснование методического подхода к разработке
инструментария для исследования социальных представлений
пользователей о продуктах цифровой экономики**

Знаменская Александра Николаевна

Ведущий тренер, менеджер по персоналу,
научный сотрудник,
Центральный экономико-математический институт Российской академии наук,
117418, Российская Федерация, Москва, просп. Нахимовский, 47;
e-mail: znam17@mail.ru

Костина Татьяна Анатольевна

Младший научный сотрудник,
Центральный экономико-математический институт Российской академии наук,
117418, Российская Федерация, Москва, просп. Нахимовский, 47;
e-mail: kostina1@yandex.ru

Ларин Сергей Николаевич

Кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник,
Центральный экономико-математический институт Российской академии наук,
117418, Российская Федерация, Москва, просп. Нахимовский, 47;
e-mail: sergey77707@rambler.ru

Ларина Татьяна Сергеевна

Научный сотрудник,
Институт международных стандартов учета и управления,
119285, Российская Федерация, Москва, ул. Пудовкина, 4;
e-mail: lartaser@rambler.ru

Реброва Наталья Андреевна

Руководитель программы по привлечению партнеров и спонсоров,
Открытый университет Сколково,
121205, Российская Федерация, Москва, Сколково, бульвар Большой, 42;
e-mail: NRebrova@sk.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект №18-013-00669а «Исследование психологических механизмов формирования социальных представлений и доверия пользователей к продуктам цифровой экономики».

Аннотация

В последние два десятилетия продукты цифровой экономики находят все более широкое применение во многих сферах как мировой, так и российской экономики. Отсюда происходит стремительное увеличение числа пользователей самыми разными продуктами цифровой экономики, а у каждого конкретного пользователя или их групп формируются свои специфические социальные представления об использовании этих продуктов. К сожалению, глубоких исследований этого феномена современной цифровой реальности пока еще нет, что во многом объясняет несомненную актуальность тематики данной статьи. Ее основная цель заключается в разработке инструментария, позволяющего выявить и проанализировать социальные представления российских пользователей о продуктах цифровой экономики с учетом уровня доверия и навыков безопасного использования в профессиональной или бытовой деятельности разными возрастными группами пользователей. Предметом настоящего исследования выступает обоснование методического подхода к исследованию социальных представлений пользователей о продуктах цифровой экономики. Объектом данного исследования является разработка инструментария для выявления социальных представлений пользователей о продуктах цифровой экономики. Новизна исследования заключается в адаптации ряда известных положений теории социальных представлений применительно к пользователям продуктов цифровой экономики в их производственной и/или бытовой деятельности. В результате проведения исследования были разработаны методика и инструментарий, который позволят выявлять и анализировать особенности формирования социальных представлений разных возрастных групп пользователей о продуктах цифровой экономики.

Для цитирования в научных исследованиях

Знаменская А.Н., Костина Т.А., Ларин С.Н., Ларина Т.С., Реброва Н.А. Обоснование методического подхода к разработке инструментария для исследования социальных представлений пользователей о продуктах цифровой экономики // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 2А. С. 51-59.

Ключевые слова

Продукты цифровой экономики, пользователи, социальные представления, исследование, методический подход, обоснование инструментария.

Введение

Авторами настоящего исследования ранее был систематизирован материал по направлениям потребления, цифровым компетенциям, представлениям пользователей относительно трудностей и возможных способов решения проблем, возникающих при использовании ими различных продуктов цифровой экономики. Эти данные позволили в первом приближении определить *практики* использования продуктов (технологий) цифровой экономики, социальные представления пользователей об основных трудностях, связанных с использованием продуктов цифровой экономики, а также о предпочтительных способах их решения. На этом основании был выявлен специфический способ адаптации пользователей продуктов цифровой экономики к окружающей их цифровой реальности.

Однако предлагаемый подход и созданный для его реализации инструментарий обладали рядом недостатков, связанных, в основном, с ограниченной информативностью в области выявления структуры социальных представлений пользователей продуктов цифровой экономики, а также ограниченной выборкой представителей лишь одной возрастной группы пользователей – более 55 лет. Поэтому возникла необходимость дополнить и расширить инструментарий на другие возрастные группы пользователей, что позволит одновременно выявить и конкретизировать новые функциональные возможности его применения. В этом плане основной интерес вызывают учащаяся и работающая молодежь, а также люди среднего возраста, включенные в профессиональные сообщества. Кроме того, отдельное внимание будет уделено социальным представлениям пользователей разных возрастных групп о наиболее часто встречающихся в их профессиональной и бытовой деятельности продуктах (технологиях) цифровой экономики, обозначающих их понятиях, практиках их эффективного и безопасного использования, а также особенностях формирования уровня доверия к этим продуктам.

Цель исследования

Основной целью данного исследования является создание инструментария, позволяющего выявить и проанализировать *социальные представления* разных возрастных групп российских пользователей о продуктах цифровой экономики. Предлагаемый подход будет учитывать *уровень доверия* и навыков их безопасного использования в профессиональной и/или бытовой деятельности. Кроме того, важнейшей задачей настоящего исследования будет разработка методики анализа *структуры социальных представлений* пользователей о ряде терминов, обозначающих продукты цифровой экономики, предполагающей возможность свободного толкования предлагаемых слов-понятий в различных пользовательских сообществах.

Методы исследования

В качестве основного метода исследования было выбрано проведение опроса в виде анкетирования различных возрастных групп пользователей и дальнейшего их интервьюирования.

Для этого была разработана анкета, состоящая из 17 вопросов, которые отражали: направления потребления различных продуктов цифровой экономики (интернет, цифровые устройства и технологии, новости, социальные сети, Госуслуги, облачные технологии), цифровые компетенции пользователей продуктов цифровой экономики (поиск информации с использованием функциональных возможностей, использование функционала социальных сетей, проведение финансовых операций и покупок в режиме онлайн, критическое восприятие информации); *представления* пользователей о трудностях и возможностях использования продуктов цифровой экономики, о способах решения возникающих проблем. С целью повышения уровня универсализации анкеты и расширения возможностей ее использования для опроса различных возрастных групп, а также для решения поставленных в исследовании задач, были убраны некоторые специфические для уже изученной возрастной группы (более 55 лет) вопросы, а предлагаемый инструментарий был дополнен вопросами, позволившими расширить и конкретизировать области его применения.

Для конкретизации некоторых направлений изучения *уровня доверия* и *социальных представлений* пользователей продуктов цифровой экономики больше внимания было уделено исследованию следующих направлений:

1) выявление *социальных представлений* пользователей продуктов цифровой экономики об обеспечении их безопасного использования и путей его достижения;

2) выявление особенностей ценностно-смысловой сферы при *освоении* пользователями новых продуктов (технологий) цифровой экономики;

3) выявление когнитивных и аффективных компонентов структуры *социальных представлений* пользователей продуктов цифровой экономики.

При этом предполагалось провести анализ вербальной структуры *социальных представлений* относительно некоторых, специально отобранных на основе экспертного метода, терминов, обозначающих продукты цифровой экономики, с использованием методики свободных определений. Основными критериями выделения терминов стали их принадлежность к сфере безопасности использования продуктов цифровой экономики и к проблеме формирования уровня доверия к продуктам (технологиям) цифровой экономики, а также частота их применения пользователями в социальных коммуникациях. При анализе социальных представлений пользователей предполагалось использовать концепцию речевого поведения личности, разработанную в современной психологии личности, которая предлагает опереться на следующие принципы и приемы анализа текстовых определений значения того или иного термина.

1. Изучение его не по элементам, а по единицам. В качестве такой единицы может выступать высказывание. Одним из приемов анализа высказываний в условиях информационного поиска является выделение ключевых слов, которые понимаются как слово или словосочетание из текста, несущие основную смысловую нагрузку.

2. Эвристичность. Механизм порождения высказывания действует не жестко, однозначно. По-видимому, человек может пользоваться разными стратегиями и осуществляет выбор того пути, который кажется ему целесообразным.

3. Эффективной методикой выявления семантической структуры слова является прямое толкование слова, которое есть не что иное, как перифраза к толкуемому слову.

4. Анализ структур толкований в словарях позволяет весьма эффективно изучать процессы, связанные с актуализацией в толкованиях тех или иных компонентов значений. Актуализация определенных дифференциальных признаков толкуемого слова четко зависит от ситуации, в частности, от окружающего контекста [Сахарный, 1989, 117].

Результаты исследования и их обсуждение

В результате проделанной авторами работы был создан инструментарий, позволяющий выявить и проанализировать *социальные представления* российских пользователей разных возрастных групп о продуктах цифровой экономики. Ниже приведено описание ключевых вопросов анкеты, а также предлагаемых пользователям вариантов ответов.

Так, один из вопросов касался такой часто встречающейся практики использования продуктов цифровой экономики, как необходимости регистрации в новых сервисах, программах и согласия на обработку персональных данных. Пользователям предлагалось вербализовать свои переживания и опасения в этой ситуации. При этом предполагалось, что нежелание оставлять свои персональные данные связано как с низким *уровнем доверия* пользователей к цифровой среде, так и с уровнем осознанности рисков, связанных с использованием продуктов цифровой экономики (данные могут попасть к третьим лицам). Некоторые пользователи, оставляя свои персональные данные, могут предполагать большую вероятность получения

различных рекламных сообщений, которые не только создают условия для потери важной информации в почтовом ящике, но и создают угрозу передачи личных данных пользователей другим (нежелательным) пользователям. При формулировке ответов использовалась обычная шкала ранжирования от 1 до 10, где под 1 понимался самый важный и более предпочитаемый уровень, а под 10 – наименее важный и предпочитаемый уровень.

Если ранее в публикациях вопросы обеспечения безопасности входили в исследование *цифровой компетентности/грамотности*, то в последнее время замечен акцент на отдельное рассмотрение этих вопросов в силу их особой, выросшей в последнее время актуальности.

Основная гипотеза при составлении *вопросов по безопасности* заключалась в том, что чем выше *уровень доверия* пользователя к конкретному продукту цифровой экономики, тем меньше у него переживаний по поводу его безопасного использования. Пользователи с высоким уровнем доверия меньше задумываются о путях обеспечения безопасности. Кроме того, варианты ответов предполагали использование различных объектов, для отражения возможной угрозы безопасного использования продуктов цифровой экономики – финансовые (банковские карты), технические (камеры слежения), программные продукты (сайты, сервисы, антивирусные программы). Были учтены также различные каналы поступления возможной угрозы безопасного использования продуктов цифровой экономики – зрительный, слуховой, вербальный (письменный). При формулировке ответов обращалось внимание на *степень активности* пользователя в применении различных средств борьбы с возможными угрозами безопасности. Одно дело, когда речь идет об использовании проверенных сервисов, хотя это так же предполагает действия по экспертизе программ, сравнению, поиску. Но большая степень активности предполагает, например, периодическое обновление паролей, хранение данных на нескольких носителях. Сообразно указанным возможным угрозам безопасности были предложены возможные варианты ответов пользователей продуктов цифровой экономики, которые отражены в анкете.

Отдельный вопрос относился к представлениям пользователей продуктов цифровой экономики о путях обеспечения безопасного использования функциональных возможностей сети Интернет их родными и детьми. При включении этого вопроса в анкету авторы исходили из того, что существует связь между так называемым личным беспокойством (беспокойством за себя) – и тревогой за родных и детей в плане угроз цифровой безопасности. Возможно, чем повышенное личное беспокойство, будет способствовать повышению беспокойства за родных и детей. С другой стороны, эта связь не всегда столь однозначна – достаточно обратиться к описанию технофобов и технофилов, которое приведено [Нестик, Журавлев, 2018, 7]. Поэтому в анкету был включен вопрос, который, как и другие вопросы, предполагал несколько вариантов ответов. В качестве критериев ответов на него предлагались следующие: различный уровень тревоги-беспокойства и степени активности пользователей; использование определенных способов ограничения; степень дистанцированности пользователей по отношению к членам своей семьи.

Один из вопросов анкеты был посвящен тому, *как именно* пользователь продуктов цифровой экономики осваивает их новые функциональные возможности: на что обращает внимание в первую очередь, чему придает больше значения, как при этом может характеризовать степень доверия и уровень собственных знаний в этой области (частично – свою *цифровую компетентность*). В вариантах ответов использовались такие предпочтения, как: удобство работы с продуктом (*понятный интуитивный интерфейс; возможность пользоваться продуктом с компьютера, телефона, планшета; быстрота изучения алгоритмов использования*); социальные ориентиры (*опора на рекомендации коллег; отзывы в интернете*

об использовании продукта; известный (знакомый) производитель); разнообразный функционал. Отдельным ответом был предложен вариант *цены* продукта как главного критерия выбора.

Отдельный блок анкеты был посвящен выявлению когнитивных и аффективных компонентов структуры социальных представлений пользователей о четырех, наиболее употребляемых в социальных коммуникациях, с точки зрения эксперта, продуктах цифровой экономики. Это: *компьютерный вирус, аккаунт, Wi-fi, облачный сервис для хранения данных*. Выбор именно этих терминов был обусловлен несколькими факторами.

Во-первых, они были выбраны методом экспертных оценок в качестве часто употребляемых в социальных коммуникациях, в частности, в различных социальных сообществах. Во-вторых, все они имеют непосредственное отношение к проблеме доверия/недоверия к продуктам цифровой экономики, связаны с другими вопросами методики, определяющими характеристики отношения пользователей к вопросам безопасного использования продуктов цифровой экономики, путей его обеспечения для себя и своих близких.

Один из важных результатов исследования – разработанная авторами методика свободного определения *социальных представлений* пользователей об указанных выше терминах, обозначающих продукты цифровой экономики. При этом был частично использован принцип сбора формулировок, представлений о ряде часто встречающихся качествах личности, который ранее был положен авторами в основу создания оригинальной методики «Определи качество» [Ноакк, Знаменская, 2013, 43]. Формулировки давались в свободной форме, что должно было привести к отражению в них реальных представлений испытуемых о конструкциях соответствующих понятий, их назначении, пределах их действия. Пользовательские сообщества различаются как по полу и возрасту, так и по уровню *цифровой компетентности*.

Похожий инструментарий используется в психолингвистике. Так, существует *методика субъективной экспликации*, которая заключается в постановке перед респондентами задачи объяснения значения интересующего исследователя слова гипотетическому лицу (иностранцу, ребенку и т.д.). Респондент формирует свой текст, который затем экспериментатор изучает и интерпретирует [Виноградова, Стернин, 2016, 102]. Разработанная методика также близка *методу субъективных дефиниций*, предполагающему получение от испытуемых словесных дефиниций значения интересующего исследователя слова [Abric, 2003, 380]. Отличие используемой нами методики заключается в самом характере предлагаемых для определения слов-терминов. С одной стороны, это те термины, которые респонденты используют в своей каждодневной практике работы. С другой – это относительно новые термины, связанные со стремительно развивающейся областью цифровой экономики, во многом опережающей – по темпам своего развития – процессы понимания и осмысления этой области ее субъектами (в частности, потребителями). Заметную роль в данных процессах играет необходимость (возможно, навязываемость со стороны общества) использования данных терминов на практике. Таким образом, проблема связи и противоречий индивидуального и общественного имеет ключевое значение в нашем исследовании.

Принцип построения методики, в отличие от других подобных методик, используемых, в частности, и для исследования *социальных представлений*, дает возможность не только выявить ассоциации пользователей продуктов цифровой экономики с предлагаемыми определениями основных терминов. Речь идет о возможности построения каждым пользователем своего развернутого индивидуального определения значения того или иного термина, исходя из определяемого (вычисляемого по ответам на предыдущие вопросы) *уровня доверия* к продуктам цифровой экономики.

Кроме того, по выдвинутой авторами гипотезе, структура и содержание этих индивидуальных представлений будет зависеть как от характеристик социальной общности, куда включен данный пользователь, так и от некоторых других факторов, к которым, в частности, относится его возраст и пол. Одним из важных факторов может также явиться «чуждость» новых терминов, обозначающих продукты цифровой экономики, наличие семантической «дистанции» для пользователей в их освоении и потреблении, возможно, свидетельствующий о наличии определенного уровня недоверия к данным продуктам.

Для выявления структуры на первом этапе эмпирического исследования была частично использована методика П. Вержеса, описанная в работах [Бовина И.Б., Бовина Б.Г., 2013, www; Бовина, 2011, 12; Vergès, 1992, 207]. Ее основная идея основывается на том, что полученные вербализованные социальные представления анализируются с учетом двух параметров: частоты появления понятия в ответах респондентов и ранга появления понятия.

Заключение

В статье представлены результаты проведенного авторами исследования, важнейшими из которыми стали следующие.

Создание инструментария, позволяющего выявить и проанализировать *социальные представления* российских пользователей разных возрастных групп о продуктах цифровой экономики с учетом *уровня доверия* пользователей к продуктам цифровой экономики и навыков их безопасного использования в бытовой или профессиональной деятельности.

Разработанный инструментарий включает в себя 3 блока вопросов.

Первый блок предполагает выявление основных направлений потребления и общих функционально-потребительских характеристик продуктов цифровой экономики, а также социально-психологических характеристик самих пользователей (гендерных, возрастных, принадлежности к определенным сообществам, связанным и направлениями потребления, и уровнем цифровой компетентности).

Второй блок предполагает конкретизацию некоторых направлений изучения *уровня доверия* и *социальных представлений* пользователей продуктов цифровой экономики: 1) выявление *социальных представлений* пользователей о *безопасности* использовании продуктов цифровой экономики, а также путей его обеспечения; 2) выявление особенностей ценностно-смысловой сферы при *освоении* пользователями новых продуктов (технологий) цифровой экономики.

Третий блок направлен на изучение когнитивных и аффективных компонентов структуры *социальных представлений* пользователей относительно конкретных продуктов цифровой экономики.

Разработана методика анализа *структуры социальных представлений* пользователей о ряде терминов, предполагающая возможность свободного толкования предлагаемых слов-понятий, обозначающих продукты цифровой экономики, в различных пользовательских сообществах.

Библиография

1. Бовина И.Б., Бовина Б.Г. Преступление и его участники в социальных представлениях студенческой молодежи // Психологическая наука и образование. 2013. № 3. С. 222-233.
2. Бовина И.Б. Стратегии исследования социальных представлений // Социологический журнал. 2011. №3. С. 5-23.
3. Виноградова О.Е., Стернин И.А. Психолингвистические методы в описании семантики слова. Воронеж: Истоки, 2016. 160 с.
4. Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Социально-психологическая детерминация готовности личности к использованию новых технологий // Психологический журнал. 2018. Том 39. № 5. С. 5-14.

5. Ноакк Н.В., Знаменская А.Н. Социально-желаемые качества самооценки субъекта поведения и социальных взаимодействий: результаты экспериментального исследования // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 15(204). С. 40-47.
6. Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику. Л.: ЛГУ, 1989. 184 с.
7. Abric J.C. L'analyse structurale des représentations sociales // Les méthodes des sciences humaines. P.: Presses Universitaires de France, 2003. P. 375-392.
8. Vergès P. L'Evocation de l'argent: Une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation // Bulletin de psychologie. 1992. Tome XLV. No. 405. P. 203-209.

**Justification of the methodological approach to the development
of tools for the study of social representations of users about
the products of the digital economy**

Aleksandra N. Znamenskaya

Researcher,
Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences,
117418, 47, Nakhimovskii av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: znam17@mail.ru

Tat'yana A. Kostina

Junior Researcher
Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences,
117418, 47, Nakhimovskii av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: kostina1@yandex.ru

Sergei N. Larin

PhD in Technologies, Leading Researcher,
Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences,
117418, 47, Nakhimovskii av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sergey77707@rambler.ru

Tat'yana S. Larina

Researcher,
Institute of International Standards of Accounting and Management,
119285, 4, Pudovkina st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: lartaser@rambler.ru

Natal'ya A. Rebrova

Head of the program to attract partners and sponsors,
Open University Skolkovo,
121205, 42, Bol'shoi boulevard, Skolkovo, Moscow, Russian Federation;
e-mail: NRebrova@sk.ru

Abstract

In the past two decades, the products of the digital economy have been increasingly used in many areas of both the global and Russian economies. Moreover, today the activity of their use not only in professional, but also in everyday household activities is increasing almost daily. Hence, there is a rapid increase in the number of users of the most different products of the digital economy, and each specific user or their groups have their own specific social ideas about the use of these products. Unfortunately, there is no deep research on this phenomenon of modern digital reality, which largely explains the undoubted relevance of the topic of this article. Its main goal is to develop tools that allow identifying and analyzing social perceptions of Russian users about digital economy products, considering the level of trust and skills of safe use in professional or household activities by different age groups of users. The novelty of the research lies in the adaptation of a number of well-known propositions of the theory of social representations in relation to users of digital economy products in their production and / or household activities. As a result of the study, a methodology and toolkit were developed that will allow identifying and analyzing the features of the formation of social representations of different age groups of users about the products of the digital economy.

For citation

Znamenskaya A.N., Kostina T.A., Larin S.N., Larina T.S., Rebrova N.A. (2019) Obosnovanie metodicheskogo podkhoda k razrabotke instrumentariya dlya issledovaniya sotsial'nykh predstavlenii pol'zovatelei o produktakh tsifrovoi ekonomiki [Justification of the methodological approach to the development of tools for the study of social representations of users about the products of the digital economy]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 8 (2A), pp. 51-59.

Keywords

Products of the digital economy, users, social perceptions, research, methodical approach, toolkit rationale.

References

1. Abric J.C. (2003) L'analyse structurale des représentations sociales. Les méthodes des sciences humaines. P.: Presses Universitaires de France.
2. Bovina I.B., Bovina B.G. (2013) Prestuplenie i ego uchastniki v sotsial'nykh predstavleniyakh studencheskoi molodezhi [Crime and its participants in the social representations of students]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 3, pp. 222-233.
3. Bovina I.B. (2011) Strategii issledovaniya sotsial'nykh predstavlenii [Social Performance Research Strategies]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 3, pp. 5-23.
4. Nestik T.A., Zpuravlev A.L. (2018) Sotsial'no-psikhologicheskaya determinatsiya gotovnosti lichnosti k ispol'zovaniyu novykh tekhnologii [Socio-psychological determination of individual readiness to use new technologies]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 39, 5, pp. 5-14.
5. Noakk N.V., Znamenskaya A.N. (2013) Sotsial'no-zhelaemye kachestva samootsenki sub"ekta povedeniya i sotsial'nykh vzaimodeystvii: rezul'taty eksperimental'nogo issledovaniya [Socially desirable qualities of self-esteem of the subject of behavior and social interactions: the results of an experimental study]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Security], 15(204), pp. 40-47.
6. Sakharnyi L.V. (1989) Vvedenie v psikholingvistiku [Introduction to Psycholinguistics]. Leningrad: LSU.
7. Vergès P. (1992) L'Évocation de l'argent: Une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation. *Bulletin de psychologie*, XLV, 405, pp. 203-209.
8. Vinogradova O.E., Sternin I.A. (2016) Psikholingvisticheskie metody v opisaniy semantiki slova [Psycholinguistic methods in the description of the semantics of the word]. Voronezh: Istoki Publ.

УДК 159.923

Социально-психофизиологические аспекты управления сотрудниками предпенсионного возраста в условиях цифровизации общества**Дедов Николай Петрович**

Кандидат психологических наук, доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125993, Российская Федерация, Москва, просп. Ленинградский, 51;
e-mail: vedun60@yandex.ru

Кохова Ирина Владимировна

Кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры «Управление персоналом и психология»,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125993, Российская Федерация, Москва, просп. Ленинградский, 51;
e-mail: kokhova.ira@yandex.ru

Аннотация

В настоящей статье рассматривается актуальная проблема современного менеджмента и организационной психологии, которая заключается в социально-психологическом исследовании процесса управления сотрудниками предпенсионного возраста в условиях цифровизации общества. Пенсионная реформа, которая начинается в России, приобрела социальную значимость и общественный резонанс. Обсуждение в обществе данной проблемы носит скорее эмоциональный и субъективный характер. В то же время объективных научных исследований вовлеченности в профессиональную деятельность сотрудников предпенсионного возраста проводится мало, хотя практический запрос на изучение данной проблемы со стороны общества существует. Данный этап жизнедеятельности человека часто понимают с позиции психофизиологических нарушений, отражающих регрессивные изменения. Взаимосвязь физиологических параметров индивида с его психологическими характеристиками раскрывает существование единой структуры, которая становится эффективной в условиях социальной гармонии. Здоровый образ жизни, позитивный психологический настрой, высокие адаптивные способности, жизненная мудрость сотрудников предпенсионного возраста становятся важным критерием их эффективной производственной деятельности в организации. Социальные трансформации в обществе, его интенсивная информатизация и цифровизация сформировали дополнительные препятствия и психологические барьеры для большинства граждан, особенно предпенсионного возраста. Им приходится не только осваивать новые компьютерные и информационные технологии, но и активизировать свои психофизиологические ресурсы. Таким образом, в статье обращается внимание на социально-психологический потенциал сотрудников предпенсионного возраста, их регулятивные возможности и профессиональные навыки, а также даются рекомендации HR-менеджерам и раскрываются перспективы эффективного управления в эпоху цифровизации.

Для цитирования в научных исследованиях

Дедов Н.П., Кохова И.В. Социально-психофизиологические аспекты управления сотрудниками предпенсионного возраста в условиях цифровизации общества // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 2А. С. 60-68.

Ключевые слова

Управление персоналом, предпенсионный возраст, личность, сотрудник, профессионализм, психофизиологические показатели, цифровизация, менеджмент.

Введение

Пенсионная реформа в России с недавнего времени получила среди населения особую популярность, социальную значимость и общественный резонанс. Ее эмоциональное обсуждение в обществе в основном носит субъективный характер и предполагает неоднозначные социальные реакции. Причины такого поведения людей, с одной стороны, обусловлены социальными стереотипами и шаблонами, а, с другой стороны, отражают их отношение к труду и профессиональной деятельности. Предпенсионный возраст изначально определялся как период социально-психологической подготовки сотрудника к пенсии, к будущему «безмятежному отдыху».

Для большинства россиян внешнее, принудительное смещение целей и путей их достижения стало стрессом и фрустрацией. Прежняя устойчивость их жизненного мира, перспективы существования приобрели нестабильность и размытость. В результате они вынуждены были прикладывать дополнительные психические усилия для его коррекции и стабилизации. В соответствии с возникшей в обществе социальной ситуацией сформировался актуальный заказ для психологического анализа данного явления и дальнейшей его научной проработкой. Таким образом, появляется возможность разработки необходимых рекомендаций для работодателей, руководителей и HR-менеджеров.

Обзор научной литературы показывает, что объективных исследований профессиональной деятельности сотрудников предпенсионного возраста, к сожалению, немного и они не раскрывают общую социальную картину данного явления [Карсаевская, 2007]. Одна из задач данной работы состоит в том, чтобы рассмотреть сформулированную проблему в контексте современных условий развития общества, его цифровизации и информатизации. Пристальное внимание также уделяется специфическим особенностям и своеобразию социальной адаптации и профессионализации будущих пенсионеров с учетом их психофизиологических свойств, а также определяются пути реализации их личностного потенциала.

**Социально-психологическое и физиологическое
своеобразие предпенсионного возраста**

Пенсионная реформа в России определяет предпенсионный возраст у женщин 55–59 лет, а у мужчин 60–64 года и представляет собой особое социально-психологическое состояние личности, когда она находится в условиях эмоционального ожидания и подготовки к пенсии [Пряжников, 1999]. Этот процесс приобретает для нее эмоциональную значимость, насыщенность и обусловлен сложными мыслительными операциями, размышлениями.

Результатом такой деятельности становится выбор субъектом жизненной стратегии поведения, принятие им решения относительно своего социального положения или статуса. Этот период в его жизни во многом становится переломным, кризисным, т.к. здесь происходят кардинальные социальные, психологические и физиологические изменения [Малкина-Пых, 2005].

Научное понимание терминов «пенсия» и «предпенсионный возраст» предполагает несколько сторон их анализа и познания. С точки зрения обыденного восприятия, пенсия чаще всего понимается как определенный возраст индивида, когда он оказывается свободным от трудовой деятельности, от принудительной работы [Краснова, Лидерс, 2002], а предпенсионный возраст становится для него отражением эмоционального предчувствия и когнитивного ожидания будущих изменений. В соответствии с этим он разрабатывает соответствующие стратегии поведения и реагирования. Изменение пенсионного возраста привело к тому, что большинство людей, готовившихся к выходу на пенсию, были поставлены перед фактом продолжения трудовой деятельности.

Трудовой кодекс и Российское законодательство трактуют пенсию как «ежемесячную денежную выплату в целях компенсации застрахованным лицам заработной платы и иных выплат и вознаграждений, утраченных ими в связи с наступлением нетрудоспособности вследствие старости...» (Трудовой кодекс). В связи с этим понятие «предпенсионный возраст» было официально введено в России с 2018 года. Законодательно данный термин закрепили в ходе обсуждения пенсионной реформы в 2018 году. По новому закону предпенсионным считается возраст за 5 лет до наступления срока выхода на пенсию, в том числе и по льготным основаниям (т.е. досрочно). Таким образом, законодательство представляет будущую пенсию для личности как состояние ее нетрудоспособности, т.е. невозможности выполнять трудовые и профессиональные действия. Именно здесь основное внимание общества переносится на характерные психофизиологические изменения, нарушения, которые становятся барьером для производственной деятельности.

С философской позиции пенсия представляет собой не какой-то конкретный возраст человека, а скорее всего определенный жизненный этап, включающий в себя его мировоззренческие установки, социальное положение, трудовую деятельность и состояние здоровья [Анцыферова, 1996]. Будущая пенсия представляет для него особое психическое состояние, когда появляется возможность реализовать мудрость накопленного жизненного опыта. В связи с этим индивид может готовиться к пенсии задолго до своего паспортного возраста, оставаясь работоспособным, социально успешным и эффективным.

Психологическая сторона предпенсионного возраста личности раскрывает качественное своеобразие ее функциональных состояний, эмоциональных переживаний и мышления [Стюарт-Гамильтон, 2010]. Они говорят о том, что в данный период ее жизнедеятельности происходит качественная трансформация множества психофизиологических структур. При этом меняются не только ее физиологические параметры, но и психологические показатели, жизненные стратегии поведения и социального реагирования. Новое социальное положение субъекта предполагает для него необходимость эмоциональной и когнитивной регуляции своего состояния, психологической адаптации к изменившимся условиям жизни. В связи с этим у него отмечается неоднозначность реакций, действий и поступков, обусловленных самой ситуацией бытия. Предчувствие и ожидание индивидом будущей пенсии может быть связано с будущим прекращением активной трудовой, профессиональной деятельности, которое предполагает появление неопределенности, смутность перспектив и неясность самой ситуации существования. В то же время в период жизненной зрелости, к моменту выхода на пенсию, субъект достигает определенных социальных и личных успехов, реализуется профессионально,

получает необходимый статус и общественное положение. Таким образом, у личности происходит формирование социально-психологического парадокса, включающего в себя позитивное и негативное переживание нового общественного положения. Все это в совокупности приводит к возникновению устойчивой психологии «пожилого» человека [Ермолаева, 2011].

Энциклопедические словари дают понятию «пожилой» неоднозначное определение – это, с одной стороны, «человек начинающий стареть», а, с другой стороны, «период жизни после зрелости, когда происходит физическое ослабление организма» [Карсаевская, 2007]. В результате субъект в предпенсионном возрасте остается социально активным, дееспособным, но, при этом, общество начинает его во многих, в том числе и профессиональных, аспектах ограничивать. В связи с этим к нему предъявляются объективные требования, обусловленные физиологическими показателями, т.к. динамические психофизиологические явления, возникающие в данном случае, характеризуются преобладанием деструктивных процессов над конструктивными.

В то же время Э. Эриксон в своей психогенетической теории, рассматривая старость и пожилой возраст в контексте возрастной периодизации, указывал на альтернативность данного периода жизни [Эриксон, 1996]. Он обращал внимание, как на позитивные, так и на негативные стороны психического развития человека, его социального положения и статуса, оставляя за старостью двойственность исхода, которая определяется характером прохождения предшествующих этапов жизни. Пожилой человек оказывается перед сознательным выбором своих ведущих целей, приоритетов и ценностей, которые будут отражением его прогрессивной или регрессивной трансформации. В целом такой выбор позволяет характеризовать старость как возраст развития, возраст потенциальных возможностей, так и возраст угасания, деградации [Эриксон, 1996]. В соответствии с этим выбором устанавливается ведущая деятельность человека направленная либо на сохранение личности человека – поддержание и развитие его социальных связей, либо на обособление, индивидуализацию и «выживание» как индивида. Оба варианта старения подчиняются психологическим законам адаптации, хотя и обеспечивают различное качество жизни и даже ее продолжительность.

В научной литературе по геронтологии, к сожалению, наиболее подробно описан деструктивный вариант старения, когда возрастные изменения проявляются в особой перестройке организма с сохранением отдельных приспособительных функций [Альперович, 1998]. Данная стратегия приспособления предполагает кардинальную перестройку ведущей структуры регуляции физиологических процессов с целью сохранности, поддержания и увеличения продолжительности жизни индивида. Таким образом, происходит превращение «открытой» системы субъекта в «закрытую», обособленную структуру. Автор указывает на общее снижение у личности интересов и притязаний к внешнему миру, эгоцентризме, утрате эмоционального контроля, акцентуации некоторых личностных черт, а также в нивелировании индивидуальных качеств индивида [там же]. Во многом данные изменения могут быть обусловлены замкнутостью интересов пожилого человека на самом себе. В результате неспособность пожилого человека что-либо делать для других вызывает у него чувство неполноценности, усугубляемое раздражительностью и желанием изолироваться от окружающих [Ермолаева., 2011].

В отличие от деструктивного понимания старения, позитивное отношение к психическому и социальному состоянию пожилого человека в предпенсионный период заключается в его активной жизненной позиции, которая предполагает актуализацию и включение защитных адаптационных механизмов [Краснова, Лидерс, 2002]. В данном случае старение не становится

показателем тотального угасания организма, т.е. здесь наряду с возникающими инволюционными процессами у субъекта отмечаются динамические процессы преобразования, конверсии. Они состоят в том, что происходит качественная перестройка организма и психологии субъекта с сохранением его ведущих приспособительных и социальных функций. Личность предпенсионного возраста, таким образом, не теряет своих основных психологических качеств, т.к. она, оказываясь на новом этапе жизненного пути, успешно раскрывает свой внутренний потенциал и реализует свои внутренние регулятивные возможности. Можно говорить о том, что одна из важнейших социальных задач в современном обществе состоит в том, чтобы осуществлять эффективную психологическую профилактику для подготовки личности к выходу на пенсию. Первоначально она должна включать в себя осознание и переживание индивидом своего будущего индивидуального, социального и профессионального статуса, когда сам факт выхода на пенсию обусловлен изменением социально-психологической позиции и психофизиологического состояния. Данный процесс предполагает своеобразную психическую деятельность субъекта, которая соотносится с его активностью и способностью к регуляции поведения.

Таким образом, предпенсионный возраст человека определяется не только количеством прожитых лет, фиксацией физиологического состояния, но и указывает на его социальное качество как субъекта профессиональной деятельности. Календарный или паспортный возраст в основном служит только основанием для запрещения или разрешения выполнения личностью тех или иных социальных ролей. В случае успешной реализации выбранных ролей можно говорить об эффективной профессиональной адаптации сотрудников предпенсионного возраста. В связи с этим трудовой процесс в организации, включающий в себя данных сотрудников, необходимо рассматривать в соответствии с их сенсорно-перцептивной, эмоциональной и интеллектуальной сферами.

Психофизиологические особенности сотрудников предпенсионного возраста в условиях цифровизации общества

Процесс интенсивной компьютеризации, информатизации общества привел к тому, что большинство социальных и профессиональных видов деятельности приобрели ярко выраженный цифровой характер. В настоящее время трудно представить человека без электронного помощника, который помогает ему в выборе и принятии множества решений, начиная от пробуждения, приема пищи и завершая финансовыми операциями. В связи с этим множество трудовых операций в профессиональной деятельности преобразуются в цифровой формат и приобретают совершенно иную реальность, ее восприятие и понимание пользователем [Дедов, Смирнова, 2018]. Таким образом, происходит формирование единого информационного пространства. В результате современный мир оказывается «опутанным» интернетом, создавая предпосылки для информационной революции или «всеобщей цифровизации». Благодаря научно-техническому прогрессу кардинальным образом меняются требования к профессионализму персонала, его профессионально-важным качествам (ПВК). Теперь владение компьютером, использование смартфона и активность в социальных сетях становится естественным показателем для соискателя, который даже не обсуждается в резюме.

В то же время, как и любой социальный процесс, цифровизация осуществляется постепенно и поэтапно, хотя и достаточно быстро в рамках одного поколения и, поэтому, большинство сотрудников успешно обучаются и применяют в своей профессиональной деятельности компьютеры, смартфоны, информационные и социальные сети. Можно говорить

о том, что они активно включаются в виртуальную реальность, формируя к ней собственное отношение и понимание. Разработчики программного обеспечения электронных систем, компьютеров и смартфонов предполагают их будущую устойчивость, надежность, эффективность, способность к самообучению и самопрограммированию [Голиков, 2003]. При этом авторами и методологами цифровизации считаются представители, которые в настоящее время попадают в категорию людей предпенсионного возраста. Таким образом, старшее поколение, являясь инициатором информационной революции, начинает сталкиваться со своим продуктом, «детищем», который возводит социально-психологические барьеры для его вовлеченности в трудовой процесс. При этом их критическое отношение к превосходству, доминированию цифровых нововведений и инноваций приводит к формированию ригидности мышления. Оно проявляется в том, что действия электронных помощников выполняют роль оказания помощи, поддержки и должны контролироваться человеком-оператором, а не занимать равное с ним социальное положение.

Жизненный опыт, практические навыки решения профессиональных задач раскрывают высокий уровень профессионализма и квалифицированности сотрудников предпенсионного возраста. В соответствии с этим они способны реализовать сложные производственные планы, которые не вписываются в рамки заданной программы и стратегии организационного поведения. Благодаря такому креативному подходу они способны создавать новые технологические продукты, быть экономически выгодными и прибыльными для организации. Данное реагирование становится возможным в силу того, что их профессиональное обучение включало неоднозначность, неопределенность получения и переработки информации, знаний. Таким образом, они вынуждены были «здесь и сейчас» активно использовать творческий потенциал психики и регулятивные функции организма, которые в совокупности обеспечивали им высокую профессиональную продуктивность. Их умение и способность запускать адаптационные психофизиологические механизмы в результате стало инструментом, позволяющим сотрудникам предпенсионного возраста эффективно управлять процессом труда и добиваться высоких производственных результатов [Дикая, 2003].

Заключение

В заключении необходимо указать на то, что предпенсионный возраст сотрудников в организации становится своеобразным психологическим и управленческим потенциалом, как для руководителей, так и для HR-менеджеров, т.к. позволяет им не только развивать, стабилизировать внутриорганизационную культуру, но и выявлять показатели повышения производительности трудового коллектива. При этом угасание отдельных физиологических показателей, например, замедление и снижение скорости реакции может оказаться значительным плюсом в их профессиональной деятельности, т.к. позволяют индивиду адекватно оценивать возникающую ситуацию и принимать верное решение. А профессиональный опыт дает поддержку и подкрепление правильности выбранной стратегии.

Специфика и своеобразие психофизиологического развития сотрудников предпенсионного возраста характеризуется устойчивой и стабильной направленностью их профессиональной деятельности, волевой регуляцией поведения. Для них ведущей психологической характеристикой считается умение и способность преодолевать возникающие внешние препятствия и внутренние барьеры, используя психологические механизмы саморегуляции [там же]. Необходимость выполнения профессиональных задач, по принципу «надо», предопределяет достижение поставленных задач. Важным показателем их профессиональной

успешности являются творческий подход и психологическая устойчивость к воздействию внешних повреждающих факторов.

В связи с этим для эффективного управления сотрудниками предпенсионного возраста предлагается обратить внимание на ценность отдельных психофизиологических показателей, позволяющих им профессионально адаптироваться и продуктивно выполнять свои обязанности [Смирнова, 2015]. Таким образом, старение и предпенсионный возраст не являются статичным психическим и функциональным состоянием, а представляют собой динамический процесс, который обусловлен скорее позитивными характеристиками, чем негативными.

Библиография

1. Альперович В.Д. Геронтология. Старость. Социально-философский анализ. Ростов-на-Дону, 1998. 104 с.
2. Анцыферова Л.И. Поздний период жизни человека: типы старения и возможности поступательного развития личности // Психологический журнал. 1996. № 6. С. 60-71.
3. Голиков Ю.Я. Методология психологических проблем проектирования техники. М.: ПЕР СЭ, 2003. 223 с.
4. Дедов Н.П., Смирнова М.Е. Психофизиологическое обеспечение профессиональной деятельности в условиях цифровой экономики // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 3А. С. 3-11.
5. Дикая Л.Г. Психическая саморегуляция функционального состояния человека (системно-деятельностный подход). М., 2003. 318 с.
6. Ермолаева М.В. Практическая психология старости. М.: ЭКСМО-Пресс, 2011. 375 с.
7. Карсаевская Т.В. Человек стареющий. М.: Знание, 2007. 32 с.
8. Краснова О.В., Лидерс А.Г. Социальная психология старости. М.: Академия, 2002. 288 с.
9. Малкина-Пых И.Г. Кризисы пожилого возраста. М.: Эксмо, 2005. 368 с.
10. Пряхников Н.С. Личностное самоопределение в преклонном возрасте // Мир психологии. 1999. № 2. С. 111-123.
11. Смирнова М.Е. Целесообразность использования психофизиологических аспектов в управлении персоналом // Научный альманах Центрального Черноземья. 2015. № 2. С. 122-124.
12. Стюарт-Гамильтон Я. Психология старения. СПб.: Питер, 2010. 320 с.
13. Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: ЛЕНАТО, 1996. 592 с.

Social-psychophysiological aspects of management of employees of pre-retirement age in the conditions of digitalization of society

Nikolai P. Dedov

PhD in Psychology, Associate Professor,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, 51, Leningradski av., Moscow, Russian Federation:
e-mail: vedun60@yandex.ru

Irina V. Kokhova

PhD in Economics, Associate Professor,
Department «Personnel management and psychology»,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, 51, Leningradski av., Moscow, Russian Federation:
e-mail: kokhova.ira@yandex.ru

Abstract

In the present article the current problem of modern management and organizational psychology which consists in a social and psychological research of management of employees of pre-retirement age in the conditions of digitalization of society is considered. Pension reform which begins to be carried out in Russia gained the social importance and a public response now. Discussion in the society of this problem has rather emotional and subjective character. At the same time objective scientific research of the involvement into professional activity of employees of pre-retirement age is carried out a little though the practical request for studying of this problem from society exists. This stage of activity of the person is often understood from a position of the psychophysiological violations reflecting regressive changes. The interrelation of physiological parameters of the individual with his psychological characteristics opens existence of uniform structure which becomes effective in the conditions of social harmony. The healthy life style, a positive psychological spirit, high adaptive abilities, vital wisdom of employees of pre-retirement age become important criterion of their effective production activity in the organization. Social transformations in society, its intensive informatization and digitalization created additional obstacles and psychological barriers to most of citizens, especially pre-retirement age. Thus, in article the attention to the social and psychological potential of employees of pre-retirement age, their regulatory opportunities and professional skills is paid and also recommendations to HR-managers are made and the prospects of effective management during a digitalization era reveal.

For citation

Dedov N.P., Kokhova I.V. (2019) Sotsial'no-psikhofiziologicheskie aspekty upravleniya sotrudnikami predpensionnogo vozrasta v usloviyakh tsifrovizatsii obshchestva [Social-psychophysiological aspects of management of employees of pre-retirement age in the conditions of digitalization of society]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 8 (2A), pp. 60-68.

Keywords

Human resource management, pre-retirement age, personality, employee, professionalism, psychophysiological indicators, digitalization, management.

References

1. Al'perovich V.D. (1998) *Gerontologiya. Starost'. Sotsial'no-filosofskii analiz* [Gerontology. Old age. Socio-philosophical analysis]. Rostov-on-Don.
2. Antsyferova L.I. (1996) Pozdnii period zhizni cheloveka: tipy starenia i vozmozhnosti postupatel'nogo razvitiya lichnosti [Late period of human life: types of aging and the possibilities of progressive development of the personality]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 6, pp. 60-71.
3. Dedov N.P., Smirnova M.E. (2018) Psikhofiziologicheskoe obespechenie professional'noi deyatelnosti v usloviyakh tsifrovoi ekonomiki [Psychophysiological support of professional activities in a digital economy]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 7, 3A, pp. 3-11.
4. Dikaya L.G. (2003) *Psikhicheskaya samoregulyatsiya funktsional'nogo sostoyaniya cheloveka (sistemno-deyatelnostnyi podkhod)* [Mental self-regulation of the functional state of a person (system-activity approach)]. Moscow.
5. Erickson E. (1996) *Detstvo i obshchestvo* [Childhood and Society]. St. Petersburg: LENATO Publ.
6. Ermolaeva M.V. (2011) *Prakticheskaya psikhologiya starosti* [Practical psychology of old age]. Moscow: EKSMO-Press Publ.
7. Golikov Yu.Ya. (2003) *Metodologiya psikhologicheskikh problem proektirovaniya tekhniki* [Methodology of psychological problems of engineering design]. Moscow: PER SE Publ.
8. Karsaevskaya T.V. (2007) *Chelovek stareyushchii* [An aging human]. Moscow: Znanie Publ.

9. Krasnova O.V., Liders A.G. (2002) *Sotsial'naya psikhologiya starosti* [Social psychology of old age]. Moscow: Akademiya Publ.
10. Malkina-Pykh I.G. (2005) *Krizisy pozhilogo vozrasta* [Elderly Crises]. Moscow: Eksmo Publ.
11. Pryazhnikov N.S. (1999) Lichnostnoe samoopredelenie v preklonnom vozraste [Personal self-determination in old age]. *Mir psikhologii* [World of psychology], 2, pp. 111-123.
12. Smirnova M.E. (2015) Tselesoobraznost' ispol'zovaniya psikhofiziologicheskikh aspektov v upravlenii personalom [The expediency of using psychophysiological aspects in personnel management]. *Nauchnyi al'manakh Tsentral'nogo Chernozem'ya* [Scientific Almanac of the Central Chernozem Region], 2, pp. 122-124.
13. Stuart-Hamilton J. (2010) *Psikhologiya stareniya* [Psychology of aging]. St. Petersburg: Piter Publ.

УДК 316.662.2

Психологическое своеобразие формирования авторитета педагога в условиях цифровизации образовательного процесса

Дедов Николай Петрович

Кандидат психологических наук, доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125993, Российская Федерация, Москва, просп. Ленинградский, 51;
e-mail: vedun60@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается одна из актуальных проблем современного образования, которая возникла в результате интенсивного развития информационных технологий и активной компьютеризацией процесса обучения. Она заключается в трансформации социального положения педагога, его статуса и авторитетности у студентов. Включение в педагогическую деятельность интернета, социальных сетей, вебинаров и видеоконференций становится естественным, повседневным процессом. Взаимодействие между педагогом и студентами предполагает наличие электронного посредника, который вовлекается в него как равноправный участник. При этом доверие к данному посреднику, как носителю информации, в отдельных случаях оказывается гораздо выше, чем к реальному педагогу. В результате авторитет преподавателя у студентов снижается, что приводит к резкому падению эффективности обучения. Для успешной реализации программы цифровизации образования и активизации продуктивного педагогического взаимодействия между педагогом и студентами предлагается в виртуальном образовательном пространстве создавать устойчивые мета-отношения, включающие в себя многоуровневую систему положительных социально-психологических конверсий каждого из участников. Одним из конверсионных преобразований должен стать высокий уровень их профессионального уважения и самоуважения. Таким образом, авторитет педагога, его социальный статус приобретают ценность, значимость для студентов и, наоборот. Как результат отмечается улучшение качества образовательной деятельности, стимулируется творческая активность участников, их совместное созидание и позитивное преобразование.

Для цитирования в научных исследованиях

Дедов Н.П. Психологическое своеобразие формирования авторитета педагога в условиях цифровизации образовательного процесса // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 2А. С. 69-75.

Ключевые слова

Авторитет, профессиональное уважение, педагог, творчество, деятельность, мета-отношение, личность, цифровизация, преобразование, конверсия.

Введение

Образование, как специализированная социальная структура, во многом обеспечивает экономический рост общества, его научно-технический прогресс, состояние культуры и духовности, а также психологическое благополучие населения [Исаева, 2003]. Социальный заказ для образовательных структур состоит в том, чтобы подготовить в новых условиях цифровизации общества, высококвалифицированные кадры, профессиональных специалистов, которые смогут успешно решать задачи будущего, внедрять новые инновационные технологии и программы [Никулина, Стариченко, 2018]. Кроме этого важнейшим аспектом пристального внимания общества к высшему образованию является его социально-психологическое состояние, т.е. выделяются критерии, указывающие на психическое здоровье людей, позитивную направленность их поведения, а также на их способности к регуляции деятельности. И не последнюю роль в этом процессе играет личность педагога, учителя, который не только предоставляет необходимую информацию учащимся, но и осуществляет воспитательную функцию. На данный момент времени социальное положение педагогов, их ценность и значимость, ставятся под сомнение, авторитет и профессионализм подвергаются остракизму. Это приводит к тому, что такое отношение общества к педагогам и их деятельности, несомненно, сказывается на их продуктивности и эффективности.

Психологические особенности формирования авторитетности у педагогов в эпоху цифровизации

В настоящее время во всем мире происходит «всеобщая» цифровая революция, которая накладывает отпечаток на социальные условия существования человека, стереотипы его поведения, своеобразие мышления и эмоциональные переживания [Максимова, 2013]. Это приводит к тому, что окружающий его мир приобретает ярко выраженный виртуальный, информационный характер. Как результат он все больше «погружается» в искусственно созданное виртуальное пространство. В нем не только социальные, экономические и политические процессы преобразуются из аналоговых в цифровые, но и психологические, межличностные отношения трансформируются в ирреальные. В связи с этим в обществе разрабатываются глобальные стратегические программы продвижения, адаптации цифровых и информационных технологий среди населения [Моргунов, 1994].

Педагогика высшей школы находится на «передовой» современных инноваций и, поэтому, ее актуальная задача состоит в том, чтобы соответствовать мировым образовательным стандартам, социальным шаблонам и установкам. Все это относится и к актуализации научно-технической базы университетов, развития высокого уровня их компьютеризации и информатизации [Аксюхин, Вицен, Мекшенева, 2009]. Благодаря таким усилиям начинается формирование виртуального образовательного пространства, в которое переносятся различные обучающие программы, воспитательные функции, а иногда и весь педагогический процесс. Дистанционное образование является наглядным тому примером [Полат, Моисеева, Петров, 2006].

Педагогическая деятельность преподавателя в современных условиях цифровизации образовательного процесса уже невозможна без использования компьютера, планшета, смартфона, интернета, социальных сетей, проведения вебинаров, видеоконференций [Никулина, Стариченко, 2018]. Она преобразовалась из отдельного специализированного

навыка, свойственного только «продвинутому» компьютерно-грамотным педагогам в естественное и повседневное использование информационных технологий, которые теперь входят в их базовые компетенции [Моргунов, 1994]. При этом процесс цифровизации осуществляется со всех сторон, начиная с учебного заведения, сопровождения образовательного процесса, деятельности отдельного преподавателя и завершая обучением самих студентов. Учебные консультации, семинарские занятия, дистанционная оценка знаний, электронные ведомости и многое другое теперь успешно проводится в виртуальном образовательном пространстве. При этом как деловые, так и межличностные отношения, возникающие между педагогом и студентами, постепенно переносятся в интернет, социальные сети и определяются благодаря электронным посредникам: планшету, ноутбуку, компьютеру, смартфону. В результате они приобретают особую значимость, т.к. теперь именно от них зависит успешность и эффективность педагогической коммуникации. В связи с этим возникает парадоксальная ситуация, когда реальное, «живое» общение между педагогом и студентом замещается их взаимодействием с помощью искусственного девайса. При этом приоритетное значение электронных помощников для участников коммуникации преобразуется в сторону повышения их особой ценности. Это приводит к тому, что они получают отдельные права на контроль за поведением людей. В результате качество взаимоотношений между преподавателем и студентами определяется электронными гаджетами, точнее их «желаниями».

Благодаря современным разработчикам технические системы приобретают способность видоизменяться, модифицироваться и преобразовываться. Они получают искусственный интеллект, позволяющий им совершать интуитивно-понятное обучение пользователей, педагогически грамотно воздействовать на личность учащегося, а также предоставлять ему доступную и важную научную информацию [Крылов, 2018]. Таким образом, студенты, как активные пользователи начинают дистанционно учиться в социальных сетях, оперативно получать необходимые знания, умения и навыки [Полат, Моисеева, Петров, 2006]. Как следствие, данное взаимодействие приводит к тому, что они перестают доверять человеку-педагогу, и больше верить «электронному педагогу-роботу». По их мнению, компьютерная техника владеет и оперирует обширными массивами информации, объективно и доброжелательно относится к учащимся. Все это приводит к тому, что многие пользователи перестают критически осмысливать и адекватно анализировать поступающую извне информацию [Голиков, 2003].

Возникающая парадоксальная ситуация в педагогических отношениях приводит к тому, что сравнение и выбор студентом качества, доступности получения знаний от преподавателя и электронной интернет-версией от компьютера чаще всего происходит не в пользу человека. «Победа» оказывается на стороне техники или электронного «мозга», машинного интеллекта. Педагог же вынужден в своей профессиональной деятельности также ориентироваться на своеобразие электроники, подстраиваться под ее «капризный характер». В результате меняется сама структура взаимодействия «человек-техника», когда машина перестает быть помощником человека. Она становится активным посредником в педагогической коммуникации, определяя ее содержание и эффективность. Это приводит к тому, что образовательный процесс все больше напоминает искусственно смоделированное пространство, в котором участники выполняют программы, решают логические задачи, осуществляют последовательные операции, определяемые электроникой. Ведущий компонент обучения в высшей школе, предполагающий непосредственное, «глаза в глаза» межличностное педагогическое общение теряет свою эмоциональную и личностно-ориентированную подоплеку. В соответствии с этим

кардинальным образом меняется отношение учащихся к педагогу, к его знаниям и профессиональной роли. Работоспособность преподавателя начинают сравнивать с быстродействием электронных девайсов, которая оказывается во много раз ниже. Это приводит к тому, что авторитет педагога снижается настолько, что ему перестают доверять, уважать как профессионала. Они ставят под сомнение его деятельность, что приводит к негативным последствиям для образовательного процесса. В результате познавательная активность студентов снижается, а усвоение ими знаний становится ситуативным.

В педагогической психологии личность преподавателя, учителя, его авторитетность предполагают наделение его особыми полномочиями по передаче знаний, компетенций [Исаева, 2003]. В соответствии со своей социальной ролью, он получает власть, позволяющую ему оказывать правомерное педагогическое воздействие, осуществлять морально-этическое воспитание. Благодаря такому социальному положению педагог приобретает у учащихся признание и уважение [Макаренко, 2018]. В связи с этим его требования к их обучению становятся для них адекватными и наиболее приемлемыми. Таким образом, являясь носителем и выразителем социальных норм и стратегий поведения, педагог выполняет регуляцию поведения учащихся и создает для них шаблоны поведения [Петровский, 1988].

Авторитет преподавателя складывается из следующих социально-психологических показателей – это авторитет роли и авторитет личности [Кондратьев, 1988]. Авторитет роли остался в историческом прошлом, делая ведущим авторитет личности, ее яркую и неповторимую индивидуальность [Кондратьев, 2011]. В связи с этим кардинальным образом меняются принципы и направленность педагогического процесса, которые акцентируют внимание на самом субъекте деятельности, на педагоге. Теперь к нему предъявляются достаточно жесткие социальные требования, которые серьезно ограничивают его личную и профессиональную жизнь. Он вынужден соответствовать общественным установкам и стереотипам реагирования. В результате тотального внешнего контроля преобразуется его поведение, меняются реакции на внешние раздражители, происходит переосмысление своего педагогического предназначения. Таким образом, вместо реализации своих функций по обучению, воспитанию учащихся, он активно применяет стратегию соответствия шаблонам искусственно созданного «дресс-кода». Благодаря такому психологическому давлению многие преподаватели оказываются в состоянии стресса и экзистенциального вакуума. Возникает сложная социальная ситуация, когда гуманистически-ориентированное обучение преобразуется в формальное выполнение педагогом своих функциональных обязанностей.

Заключение

Для изменения данных обстоятельств педагогического взаимодействия в виртуальном образовательном пространстве предлагается создание условий конверсии негативного отношения студентов к преподавателю в позитивную направленность, т.е. активному формированию педагогического авторитета. Такой процесс будет эффективным и продуктивным в том случае, когда между ними будут возникать устойчивые межличностные мета-отношения [Дедов, 2018]. В них объективное и субъективное отношение личности к «другому» субъекту предопределяет прогнозирование его предполагаемого к ней отношения. Таким образом, участники педагогического взаимодействия не только показывают и раскрывают свое отношение друг к другу, но, и создают новое внутреннее переживание и осмысление этого процесса. Возникающая метафоричность,

парадоксальность окружающего мира предполагает, что преподаватели и студенты, с одной стороны, находятся в реальном пространстве взаимоотношений, а, с другой стороны, перемещаются в виртуальное образовательное пространство. При этом поступки и поведение участников начинают носить исследовательский характер, когда реакции другого человека не только тщательно и подробно анализируются, интерпретируются, но, и затем эмоционально переживаются [Дедов, 2018]. Благодаря этому происходят позитивные изменения в социальной адаптации участников взаимоотношений, их эмоциональном мире и когнитивном понимании окружающего пространства. Таким образом, преподаватели и студенты приобретают не просто статус «субъектов», но и получают возможность собственного развития и совершенствования.

В контексте предлагаемой программы формирования педагогического авторитета в условиях цифровизации образовательного пространства необходимо обратить внимание на его важнейший элемент – это профессиональное уважение и самоуважение. Именно эта социально-психологическая характеристика становится стимулом для преобразования межличностных отношений в мета-отношения. Авторитетом начинает пользоваться такой педагог, который в виртуальном образовательном пространстве позиционирует свое позитивное профессиональное отношение к себе, свое самоуважение. Педагог передает ответственность за обучение самим студентам, стимулируя их творческую активность и креативность. В соответствии с этим происходит формирование его авторитетности, которая является результатом совместных действий преподавателя и студента, а также их созидających поступков. В связи с этим с его мнением начинают считаться, ему стремятся подражать и доверять решение тех или иных важных педагогических вопросов.

Библиография

1. Аксютин А.А., Вицен А.А., Мекшенева Ж.В. Информационные технологии в образовании и науке // Современные наукоемкие технологии. 2009. № 11. С. 50-52.
2. Голиков Ю.Я. Методология психологических проблем проектирования техники. М.: ПЕР СЭ, 2003. 223 с.
3. Дедов Н.П. Проблемы социальной адаптации личности в виртуальном пространстве межличностных отношений // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2017. Т. 7. № 2А. С. 128-137.
4. Дедов Н.П. Социально-психологические проблемы профессиональной идентичности преподавателя в виртуальном образовательном пространстве // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 2А. С. 46-53.
5. Исаева Т.Е. Изменение роли преподавателя высшей школы в современном обществе // Интеграция образования. 2003. № 1. С. 19-22.
6. Кондратьев М.Ю. Слагаемые авторитета. М.: Знание, 1988. 78 с.
7. Кондратьев М.Ю. «Значимый другой»: слагаемые межличностной значимости // Социальная психология и общество. 2011. № 2. С. 17-28.
8. Крылов А.Ю. Особенности компьютерной имитации искусственного интеллекта // Экономическая психология: проблемы и возможности. Материалы межвузовской молодежной конференции. М.: СВИБТ, 2018. Т. 1. С. 73-89.
9. Макаренко А.С. Педагогическая поэма. М.: АСТ, 2018. 777 с.
10. Максимова О.А. Цифровое поколение: стиль жизни и конструирование идентичности в виртуальном пространстве // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 22 (313). С. 6-10.
11. Моргунов Е.Б. Человеческие факторы в компьютерных системах. М., 1994. 272 с.
12. Никулина Т.В., Стариченко Е.Б. Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление // Педагогическое образование в России. 2018. № 8. С. 107-113.
13. Петровский А.В. Авторитет, эмоциональный статус и роль в структуре личности «значимого другого» // Индивидуальность педагога и формирование личности школьников. Даугавпилс, 1988. С. 23-27.
14. Полат Е.С., Моисеева М.В., Петров А.Е. Педагогические технологии дистанционного обучения. М.: Академия, 2006. 272 с.

Psychological originality of formation of the authority of the teacher in the conditions of digitalization of educational process

Nikolai P. Dedov

PhD in Psychology, Associate Professor,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, 51, Leningradski av., Moscow, Russian Federation:
e-mail: vedun60@yandex.ru

Abstract

In article one of current problems of modern education which resulted from intensive information technology development and an active computerization of process of training is considered. It consists in transformation of a social status of the teacher, his status and authoritativeness at students. Inclusion in pedagogical activity of the Internet, social networks, webinars and videoconferences becomes natural, daily process. Interaction between the teacher and students assumes presence of the electronic intermediary who is involved in it as the equal participant. At the same time trust to this intermediary as to the data carrier, is in some cases much higher, than to the real teacher. As a result, the authority of the teacher at students decreases that leads to sharp falling of learning efficiency. For successful implementation of the program of digitalization of education and activation of productive pedagogical interaction between the teacher and students it is offered to create the steady meta-relationships including the multilevel system of positive social and psychological conversion of each of participants in virtual educational space. High level of their professional respect and self-esteem has to become one of conversion transformations. Thus, the authority of the teacher, his social status is acquired by the value, the importance for students and, on the contrary. As the result is noted improvement of quality of educational activity, the creative activity of participants, their joint creation and positive transformation is stimulated.

For citation

Dedov N.P. (2019) Psikhologicheskoe svoeobrazie formirovaniya avtoriteta pedagoga v usloviyakh tsifrovizatsii obrazovatel'nogo protsessa [Psychological originality of formation of the authority of the teacher in the conditions of digitalization of educational process]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 8 (2A), pp. 69-75.

Keywords

Authority, professional respect, teacher, creativity, activity, meta-relation, personality, digitalization, transformation, conversion.

References

1. Aksyukhin A.A., Vitsen A.A., Meksheneva Zh.V. (2009) Informatsionnye tekhnologii v obrazovanii i nauke [Information technologies in education and science]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii* [Modern high technologies], 11, pp. 50-52.

2. Dedov N.P. (2017) Problemy sotsial'noi adaptatsii lichnosti v virtual'nom prostranstve mezhlichnostnykh otnoshenii [Problems of social adaptation of the personality in the virtual space of interpersonal relations]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 7, 2A, pp. 128-137.
3. Dedov N.P. (2018) Sotsial'no-psikhologicheskie problemy professional'noi identichnosti prepodavatelya v virtual'nom obrazovatel'nom prostranstve [Social-psychological problems of professional identity of the teacher in virtual educational space]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 7, 2A, pp. 46-53.
4. Golikov Yu.Ya. (2003) *Metodologiya psikhologicheskikh problem proektirovaniya tekhniki* [Methodology of psychological problems of engineering design]. Moscow: PER SE Publ.
5. Isaeva T.E. (2003) Izmenenie roli prepodavatelya vysshei shkoly v sovremennom obshchestve [Changing the role of higher education teachers in modern society]. *Integratsiya obrazovaniya* [Integration of education], 1, pp. 19-22.
6. Kondrat'ev M.Yu. (1988) *Slagaemye avtoriteta* [The terms of authority]. Moscow: Znanie Publ.
7. Kondrat'ev M.Yu. (2011) «Znachimyi drugoi»: slagaemye mezhlichnostnoi znachimosti [“Significant other”: the components of interpersonal importance]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2, pp. 17-28.
8. Krylov A.Yu. (2018) Osobennosti komp'yuternoi imitatsii iskusstvennogo intellekta [Features of computer simulation of artificial intelligence]. In: *Ekonomicheskaya psikhologiya: problemy i vozmozhnosti. Materialy mezhvuzovskoi molodezhnoi konferentsii* [Economic psychology: problems and opportunities. Materials inter-university youth conference]. Moscow: SVIVT Publ. Vol. 1.
9. Makarenko A.S. (2018) *Pedagogicheskaya poema* [Pedagogical poem]. Moscow: AST Publ.
10. Maksimova O.A. (2013) Tsifrovoe pokolenie: stil' zhizni i konstruirovaniye identichnosti v virtual'nom prostranstve [Digital generation: lifestyle and identity construction in the virtual space]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 22 (313), pp. 6-10.
11. Morgunov E.B. (1994) *Chelovecheskie faktory v komp'yuternykh sistemakh* [Human factors in computer systems]. Moscow.
12. Nikulina T.V., Starichenko E.B. (2018) Informatizatsiya i tsifrovizatsiya obrazovaniya: ponyatiya, tekhnologii, upravlenie [Informatization and digitalization of education: concepts, technologies, management]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical education in Russia], 8, pp. 107-113.
13. Petrovskii A.V. (1988) Avtoritet, emotsional'nyi status i rol' v strukture lichnosti «znachimogo drugogo» [The authority, emotional status and role in the personality structure of the “significant other”]. In: *Individual'nost' pedagoga i formirovaniye lichnosti shkol'nikov* [Teacher's personality and the formation of the personality of schoolchildren]. Daugavpils.
14. Polat E.S., Moiseeva M.V., Petrov A.E. (2006) *Pedagogicheskie tekhnologii distantsionnogo obucheniya* [Pedagogical distance learning technologies]. Moscow: Akademiya Publ.

УДК 159.9.07**Особенности категории врага в психоаналитической концепции****Потапов Даниил Сергеевич**

Аспирант,

Морской гуманитарный институт,

Морской государственный университет,

690003, Российская Федерация, Владивосток, ул. Верхнепортовая, 50-а;

e-mail: potapov@mail.ru

Аннотация

Несмотря на то, что категория образа относится к базовым категориям психологии, неопределенность ее содержания по сей день заставляет дискутировать психологов и философов спорить на предмет того, что она включает в себя. Без подробного рассмотрения категории образа и образа мира рассмотрение образа врага представляется несколько затрудненным, поскольку крайне неопределенным является само определение и содержание категории «образ врага». В связи с этим в данной статье ставится цель рассмотреть особенности категории образа врага в психологии, уделяя особое внимание ее исследованию в контексте психоаналитического направления – классического фрейдизма и близких к нему течений, включая структурный психоанализ. В статье проводится исторический обзор категории образа врага с момента выделения категории образа. Показано, что образ врага в психоаналитических концепциях связан с влиянием окружения личности: данный образ актуализируется под действием механизмов психологической защиты, когда возникает угроза целостности сознательным установкам и усвоенным значимым ценностям. Образ врага не формируется как таковой сам по себе, это происходит благодаря усвоению бессознательных установок ближайшего окружения индивида.

Для цитирования в научных исследованиях

Потапов Д.С. Особенности категории врага в психоаналитической концепции // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 2А. С. 76-82.

Ключевые слова

Образ, образ врага, образ мира, образ жизни, архетип, архетип врага.

Введение

3. Фрейд рассматривает образы как воспроизведение в сознании инстинктов и влечений, которые связывают человека не с объективной реальностью, а с внутренним миром, отражая его подводные течения и коллизии. В психоанализе категория образа предстает как транслятор искаженных реалий действительности, представленных во внутреннем (бессознательном) мире человека [Фрейд, 2007].

В свете теории Фрейда, образ врага можно рассматривать как то, что мешает удовлетворять определенные потребности или угрожает их удовлетворению, а также – как то, что актуализирует инстинкт смерти (танатос). Не случайно при столкновении со смертельно опасным врагом людям свойственно использовать все доступные им ресурсы, чтобы избавиться от угрозы для собственной безопасности. В такой ситуации Эго и Супер-Эго теряют контроль над сознательными действиями, которые запускаются под влиянием механизмов психологической защиты: рационализации (не было выхода, я должен был так поступить), проецирования (он сам хотел меня убить), вытеснения (человек забывает собственное проявление агрессии по отношению к другим).

Образ врага при запуске деструктивных форм поведения может сопровождаться и другими механизмами психологической защиты, среди которых можно отметить следующие:

Интроекция – при которой человек приписывает себе черты поведения и особенности мышления другого, к которому испытывает чувство любви или ненависти. Частным проявлением действия этого механизма психологической защиты является идентификация с агрессором, когда человек идентифицирует себя с тем, что пугает его. Понятие идентификации в психоанализе имеет двойственную функцию: с одной стороны, она оказывает влияние на успешность социализации, способствуя освоению особенностей поведения родителей их детьми, а с другой – выполняет защитную функцию, позволяя приписать себе черты более сильного и опасного человека.

Замещение, означающее перенос негативных чувств и форм поведения с одного, более значимого, объекта на другой, менее значимый. Например, во время Отечественной войны все советские солдаты и гражданское население знали имена Гитлера и его генералов, но ввиду того, что до них было невозможно добраться, переносили агрессию на обычных солдат и офицеров.

Основная часть

Формирование образа врага, согласно идеям З. Фрейда, во многом зависит от лидеров или руководителей, с которыми массы вроде военнослужащих или прихожан идентифицируют себя. По сути, их собственный Я-идеал устанавливается на пьедестал, и люди ощущают свою идентичность с ним. В работе «Введение в психоанализ» Фрейд объясняет, почему поиски врагов, их идентификация и борьба с ними являются необходимыми поведенческими установками для человека. Если агрессия не находит выхода, это губительно для человека и его окружения: «...все выглядит так, как будто нужно разрушить другое и других, чтобы не разрушить самого себя, чтобы оградить себя от стремления к саморазрушению». Лидер в этой ситуации направляет энергию толпы на какой-то определенный объект, помогая ей тем самым дать выход накопившейся агрессии [Фрейд, 2006].

Ученик З. Фрейда К.Г. Юнг представляет образы в качестве первичных активных феноменов душевной жизни. Способность психики создавать образы дает человеку

возможность переживания реальности, поскольку «мы непосредственно живем исключительно в мире образов» [Шульц, 2002]. Образы у К.Г. Юнга выступают не просто репрезентацией, а феноменом, выполняющим активную, созидательную функцию. Юнг попытался рассмотреть образ как первичный феномен, автономную активность души, способную как к созданию, так и к воспроизведению.

Юнг включил в понимание человеческого субъекта бессознательные психические процессы, назвав расширенную концепцию личности «психе»- душа. Человеческая душа обладает своими собственными категориями, по аналогии с логическими категориям разума. Данные структуры связаны с такими видами человеческой деятельности, как материнство, отцовство, рождение и перерождение, самоопределение, идентификация, старение и так далее.

Если Фрейд рассматривал образы как психические копии инстинктов, то в теории Юнга они выступали как собственно источник нашего ощущения психической реальности. Стоит отметить, что, согласно К.Г. Юнгу, наиболее близкими к содержанию категории «образ врага» выступает архетип Тени – то, что мы всячески отрицаем и не признаем в себе. Тень также выражает поведение, несовместимое с требованиями социума, отвечая за появление агрессивных мыслей, слов и действий по отношению к себе и другим [Берн, 1997].

Исходя из юнговского понимания архетипа, в формировании образа врага необходимо выделить роль другого архетипа: Персоны, которая показывает наше поведение перед другими людьми. Если мы всячески отрицаем темную сторону своей сущности, то Персона заставляет нас активно усиливать те осознаваемые социальные установки и образцы поведения, которые мы считаем социально одобряемыми. Поэтому, формируя образ врага, мы исходим из того, что даже если у нас четкого понимания данного понятия, у нас есть образец того, как надо относиться к тому, что обозначается концептом «враг».

Чем сильнее выражена установка на благопристойное поведение, чем старательнее человек стремится следовать общепринятым коллективным нормам, тем больше усилий ему приходится прилагать для компенсации дремлющих в нем первобытных инстинктов разрушения и смерти. Архетип Тени в сновидениях выглядит как темная мрачная фигура одного пола со сновидцем, которая всем своим видом навевает иррациональный бесконтрольный ужас [Юнг, 2015]. Являя собой феномен коллективного бессознательного, архетип Тени при вторжении в сознание индивида порождает негативные проекции, ведущих к разрушительным психическим конфликтам и деструктивным действиям. В этой ситуации необходимо определить мишень, на которую будет направлена негативная энергия архетипа Тени, что порождает необходимость создания коллективного сознательного образа врага, с четкими параметрами его идентификации [Юнг, 2017].

Самой популярной работа о феномене «образа врага», на которую ссылаются большинство исследователей книга американского психолога Сэм Кина «Лица врага», выпущенная в 1986 году в Нью-Йорке.

С. Кин подошел к исследованию вопроса о формировании «образа врага» с точки зрения теории Юнга К.Г., опираясь на понятия коллективного бессознательного и архетипов. Благодаря опыту предыдущих поколений, заключенному в культурных образах, символах и т.д. (иначе говоря, коллективном бессознательном), в нашей психике появляются определенные эмоциональные типические реакции на те или иные ситуации, то есть стереотипы поведения или архетипы. Кином была составлена классификация архетипов «образов врага», включающая в себя такие понятия, как чужой, преступник, враг Бога, агрессор, смерть, насильник, палач, варвар, достойный противник, мучитель [Keen, 1986].

Подобный подход в отношении образа врага объясняется наличием у последнего особых негативных характеристик:

- Враг представляет собой смертельную угрозу;
- Его основной целью является уничтожение;
- Его отличает коварство, склонность к насилию, ненависть, агрессия;
- Олицетворяет собой смерть.

Средства культурной репрезентации в виде сказок, песен, сказаний, мемуаров исторических личностей содержат в себе архетип Врага, выраженный в негативных образах и определениях: жестокий, коварный, злобный, непримиримый, т.п. Создаются визуальные образы врага: огромный, с угрожающей манерой поведения, унижающий и уничтожающий, обладающий неприятной отталкивающей внешностью, мечтающий причинить как больше ущерба невинным людям, особенно женщинам, детям, старикам.

По мнению современных представителей психоанализа Ц.П. Короленко и Н.В. Дмитриева, можно выделить архетип Врага, обладающий способностью наделять других людей и группы негативными характеристиками [Короленко, 2003].

Однако следует отметить, что сам по себе любой архетип не может быть плохим или хорошим. Он меняется только тогда, когда происходит давление архетипа на личность, вызывая тем самым деструктивное поведение. Архетип врага в этом случае позволяет использовать для защиты от мнимой угрозы самое жестокое насилие: так поступил Гитлер, объявив всех несогласных врагами арийской расы, и так же поступил Сталин, устроив зачистку в рядах своих сподвижников.

Образ врага позволяет решить вопрос с собственной совестью, выступая своего рода миротворцем между Эго и Супер-Эго: то, что нельзя делать по отношению к своим, можно делать по отношению к чужим. Добавим сюда механизмы психологической защиты, перечисленные выше, и получим уникальный договор между совестью, выступающей как результат родительских санкций в процессе формирования Супер-Эго, и темными инстинктами бессознательного, направленными на разрушительные действия.

На наш взгляд, теория формирования эго-идентичности Э. Эриксона достаточно наглядно объясняет, откуда берется образ врага. Согласно данной теории, в процессе жизненного пути индивид последовательно проходит через 8 стадий, каждая из которых имеет свои особенности и кризисы. Нас больше привлекает пятая стадия, обозначаемая как отрочество и юность. В этот период происходят самые глубокие жизненные кризисы, к которому приводят следующие линии развития: бурное физиологическое развитие и физический рост, озабоченность подростка своим образом в глазах других и необходимость найти свое профессиональное и жизненное призвание в соответствии с приобретенными умениями, индивидуальными потребностями и требованиями общества. Эриксон пишет, что в этот отрезок жизненного пути наблюдаются два выраженных внутренних конфликта: личностная индивидуальность против ролевого смещения или спутанности идентичности [Эриксон, 1996].

Если подросток успешно решает кризис идентичности, то в нем крепнет уверенность, что выбор определенного пути становления был значим как для него, так и для общества. Эго-идентичность представляет собой осознанный опыт способности собственной личности интегрировать все идентификации с либидозными влечениями, умственными способностями и предоставляемыми социальными ролями благоприятными возможностями. Возрастает уверенность в том, что значимая для личности индивидуальность и целостность имеет такое же важное значение и для других.

На этой стадии опасность представляет ролевое смешение эго-идентичности, вызванное изначальной неуверенностью в сексуальной идентичности и тревожностью, вызванной неспособностью решить вопрос с профессиональной идентичностью. Чтобы справиться с негативными переживаниями и эмоциями, подростки могут развить в себе сверхидентификацию с другими значимыми лицами, иногда – вплоть до потери собственной идентификации. Жестокость подростков по отношению к чужим и избирательность в общении представляет собой защиту собственной идентичности от смешения и обезличивания. Создаются замкнутые группы, в которых формируются образцы допустимого и запрещенного поведения, что означает также установление признаков, по которым выполняется идентификация врагов. При этом процесс проверки на верность многими встречается с восторгом, что характерно для общностей, которые уже потеряли или на пути к потере собственной групповой идентичности, неважно, о каком виде идентичности идет речь: национальная, классовая, племенная, т.п. В этот период жизни ум подростка находится в состоянии моратория, в связи с чем для нахождения управляющих социальной идентичностью ценностей подросток стремится найти общество или отдельных людей, которые будут общаться с ним на равных. И он уже готов к тому, что свое положение равного ему необходимо подтверждать через прохождение определенных ритуалов, символов веры и принятие программ, которые определяют, что является врагом или другом. На наш взгляд, формирование образа врага в рамках определенной идеологии опирается на это положение теории Эриксона: образ врага создается теми, кому индивид доверяет, причем происходит это по причине необходимости установить собственную идентичность. То есть, скажи мне, кто твой враг, и я скажу, кто твой друг.

Образ врага можно рассматривать как качественную (оценочную) характеристику «врага», сформированную в общественном сознании. При этом «враг» и его «образ» могут значительно отличаться друг от друга, т.к. восприятие отражает не только объективную реальность, но и оценочные интерпретации, и эмоциональные компоненты перцепции. Аналогичную идею можно проследить в трудах Ж. Лакана, основателя структурного психоанализа: реальное не всегда связано с символическим, обозначающим его. Именно понятие «враг» и придает образу связь с символикой зла и соответствующим ему атрибутами в индивидуальном и массовом сознании [Лакан, 1995].

Различные образы «врагов» дают представление о том, что или кто является угрозой для той или иной социальной общности в определенный момент времени, в определенной ситуации, каковы параметры этой угрозы с точки зрения силы, активности, опасности, что необходимо предпринять для защиты от «врага». Эти «образы», как и другие негативные стереотипы, могут передаваться от поколения к поколению, меняться от эпохи к эпохе, исчезать и возрождаться вновь.

Заключение

Выделяя в общем виде образы на уровне чувственного опыта и умственной категории, стоит обратить внимание на то, что образ врага как таковой в целом не является проработанным. Мы сталкиваемся с тем, что психоанализ не выделяет категорию «образ врага» как предмет изучения. Возникает парадоксальная ситуация – название есть, содержания нет. Это как вещь в себе, существование которой признается всеми, но что за ней скрывается, неизвестно никому, или, точнее сказать, каждый вкладывает в это определение собственный смысл. Образ врага выделяется как продукт, сформированный в результате интеграции индивида с социумом.

В качестве содержания образа врага рассматриваются аффективно окрашенные картинки с повышенной способностью к трансформации, актуализируемые только в случае непосредственного столкновения с тем, что относят к понятиям «враг» или «вражеский». В профессиональной подготовке военных кадров категория образа врага является основополагающим элементом образа мира и образа жизни.

Библиография

1. Берн Э. Введение в психиатрию и психоанализ для непосвященных. СПб., 1997. 496 с.
2. Короленко Ц.П. Психоанализ и психиатрия. Новосибирск, 2003. 667 с.
3. Лакан Ж. Функция и поле языка и речи в психоанализе. М.: Гнозис, 1995. 106 с.
4. Фрейд З. Введение в психоанализ. М.: АСТ, 2006. С. 256
5. Фрейд З. Психология бессознательного. СПб.: Питер, 2007. 400 с.
6. Шульц Д.П. История современной психологии. СПб.: Евразия, 2002. 532 с.
7. Эриксон Э.Г. Детство и общество. СПб., 1996. 592 с.
8. Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Канон +, 2015. 336 с.
9. Юнг К.Г. Человек и его символы. М.: Серебряные нити, 2017. 352 с.
10. Keen S. Faces of the Enemy: Reflections on the Hostile Imagination. San Francisco: Harper & Row, 1986. 200 p.

Features of the enemy category in the psychoanalytic concept

Daniil S. Potapov

Postgraduate,
Maritime Humanitarian Institute,
Maritime State University,
690003, 50-a, Verkhneportovaya st., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: Potapov@mail.ru

Abstract

Despite the fact that the category of the image belongs to the basic categories of psychology, the uncertainty of its content still compels psychologists and philosophers to argue about what it includes. Without a detailed consideration of the category of the image and the image of the world, the consideration of the image of the enemy seems to be somewhat difficult, since the very definition and content of the category “image of the enemy” is extremely uncertain. In this regard, this article aims to consider the features of the category of the image of the enemy in psychology, focusing on its research in the context of the psychoanalytic direction, classical Freudianism and trends close to it, including structural psychoanalysis. The article provides a historical review of the category of the image of the enemy since the selection of the category of the image. It is shown that the image of the enemy in psychoanalytic concepts is associated with the influence of the environment of the individual: this image is actualized under the influence of psychological defense mechanisms, when there is a threat to the integrity of conscious attitudes and learned valuable values. The image of the enemy is not formed as such by itself, this is due to the assimilation of the unconscious attitudes of the immediate environment of the individual.

For citation

Potapov D.S. (2019) Osobennosti kategorii vruga v psikhoanaliticheskoi kontseptsii [Features of the enemy category in the psychoanalytic concept]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 8 (2A), pp. 76-82.

Keywords

Image, image of the enemy, image of the world, way of life, archetype, archetype of the enemy, world of profession.

References

1. Bern E. (1997) *Vvedenie v psikhiatriyu i psikhoanaliz dlya neposvyashchennykh* [Introduction to psychiatry and psychoanalysis for the uninitiated]. St. Petersburg.
2. Erickson E.G. (1996) *Detstvo i obshchestvo* [Childhood and society]. St. Petersburg.
3. Freud Z. (2007) *Psikhologiya bessoznatel'nogo* [Psychology of the unconscious]. St. Petersburg: Piter Publ.
4. Freud Z. (2006) *Vvedenie v psikhoanaliz* [Introduction to psychoanalysis]. Moscow: AST Publ.
5. Jung K.G. (2015) *Arkhetip i simvol* [Archetype and symbol]. Moscow: Kanon + Publ.
6. Jung K.G. (2017) *Chelovek i ego simvol* [Human and their symbols]. Moscow: Serebryanye niti Publ.
7. Lacan J. (1995) *Funktsiya i pole yazyka i rechi v psikhoanalize* [The function and field of language and speech in psychoanalysis]. Moscow: Gnozis Publ.
8. Keen S. (1986) *Faces of the Enemy: Reflections on the Hostile Imagination*. San Francisco: Harper & Row.
9. Korolenko Ts.P. (2003) *Psikhoanaliz i psikhiatriya* [Psychoanalysis and psychiatry]. Novosibirsk.
10. Schulz D.P. (2002) *Istoriya sovremennoi psikhologii* [The history of modern psychology]. St. Petersburg: Evraziya Publ.

УДК 159.9.072**К вопросу об образе врага в социальных
и психологических исследованиях****Потапов Даниил Сергеевич**

Аспирант,
Морской гуманитарный институт,
Морской государственный университет,
690003, Российская Федерация, Владивосток, ул. Верхнепортовая, 50-а;
e-mail: potapov@mail.ru

Аннотация

Понятие «враг» создается в современном обществе в угоду определенным кругам, которые пытаются таким образом отвлечь население от существующих социальных проблем. Враг становится необходимым, когда есть потребность консолидировать общество, используя для его создания видимые и потому неоспоримые внешние различия и исторические события. В данной статье речь идет о том, каким образом создается концепт врага, для чего используется и какие нужны условия, чтобы актуализировать его. Как показано в данном теоретическом обзоре, образ врага следует рассматривать как ментальный продукт, создаваемый кем-либо ради достижения собственных целей. Самым простым способом для этого выступает разделение индивидов по внешним очевидным признакам, не требующим дополнительных доказательств. Если у индивидов отсутствует негативный опыт взаимодействия с представителями определенной социальной группы, созданием их враждебного образа начинает заниматься пропаганда.

Для цитирования в научных исследованиях

Потапов Д.С. К вопросу об образе врага в социальных и психологических исследованиях // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 2А. С. 83-89.

Ключевые слова

Враг, образ врага, идентификация, дегуманизация, общественное сознание, персонификация.

Введение

Современная социально-политическая ситуация в мире, по мнению экспертов, отличается нестабильностью партнерских отношений между странами и их лидерами, изменением «веса» ключевых фигур на мировой арене и акцентированием внимания на силовых способах решения отдельных вопросов. В настоящее время можно наблюдать за тем, как на каждый шаг российского лидера западные партнеры и их союзники в массовом порядке объявляют санкции по отношению к РФ, которые им особой пользы не приносят, по признанию их собственного населения. В той же Венесуэле двоевластие поставило страну перед угрозой гражданской войны и внешнего вторжения. Оба президента, как избранный, так и самопровозглашенный, считают важным заручиться поддержкой армии [Венесуэла: предчувствие гражданской войны..., [www](#)].

В связи с вышесказанным вопрос о том, кого и на каком основании считать врагом, становится особенно актуальным. Ранее действовал негласный принцип, что армия должна быть вне политики, ее главная функция – обеспечение безопасности на внешних рубежах страны. Однако, как показывают последние события в мире, по мере того, как социально-политическая и экономическая ситуация в стране становятся все более и более нестабильными, переключение внимания населения и армии на некое абстрактного врага позволяет манипулировать общественным мнением и держать под контролем деятельность Вооруженных сил [Гудков, 2005].

Основная часть

Ответ на вопрос о том, что представляет враг как таковой, на самом деле не имеет четкого, однозначного ответа. В пользу этого говорит то обстоятельство, что врагами обычно называют, как говорится, по старой памяти : в силу того, что ранее именно с этим противником были столкновения в далеком историческом прошлом. Так дают знать о себе конфликты между Японией, Китаем и Кореей, Россией и Турцией, Англией и Францией, католиков и протестантов [Образ врага и образ союзника..., [www](#)]. Во главу угла ставится образ, возникший благодаря тому, что представителям определенного этноса или конфессии был присвоен статус врага, как это сейчас происходит между РФ и Украиной: населению последней все украинские СМИ неустанно твердят о российской агрессии, не предъявляя никаких доказательств. В данном случае сам факт принадлежности к русскому этносу украинцами воспринимается как доказательство враждебных намерений. В самой России после громких терактов начала 2000-х большинство опрошенных респондентов называли врагами лиц, исповедующих ислам [Знаков, 2012].

Образ врага традиционно в общественном сознании рассматривался как собирательный комплексный образ, состоящий исключительно из негативных черт. В этом можно проследить выраженное противостояние между «Мы» и «Не Мы», когда подчеркиваются положительные стороны себя и негативные – оппонента. С древних времен враг отождествлялся либо с реальной угрозой, либо с мифическим образом, существование которого было опасным для определенной общности, что неоднократно отмечал Л. Гудков в своих работах. Поэтому дегуманизация и персонификация всегда применимы только в отношении образа, который создается в массовом сознании [Гудков, 2005], позволяя назвать врагами представителей какой-то определенной социальной общности по религиозному или этническому признаку, т.е. персонифицировать врагов. На примере фильмов и публикаций в печати можно проследить, кто и кем

воспринимается как враг на уровне государств, этносов, религий. Однако, если отбросить в сторону все искусственные конструкции, видна очень неприглядная истина: *враг – это прежде всего ментальный продукт, создаваемый искусственным путем в целях чьей-то личной выгоды. Враг – это категория, не имеющая четкого содержания, а смысл ее зависит исключительно от личности того, кто ее трактует.* У каждого человека есть опыт негативного взаимодействия с кем-то, кто относится к другой этнической группе, профессии, конфессии, и только конкретное содержание и отношение к этому факту придает смысл понятию «враг». Но то, что является негативным для одного, не может быть таким же для другого. Поэтому в дело должна вступать пропаганда, активно занимающаяся идеологической «промывкой мозгов». Передергивая и порой откровенно перевирая одни и те же события, можно создавать диаметрально противоположные образы одного и того же человека или группы.

Исследования историков и психологов, посвященные событиям Второй Мировой войны, затем – «холодной» войны, явно показывают, что понятие врага во время активного хода военных действий и сразу после них существенно отличаются [Образ врага и образ союзника..., www]. Чтобы заставить солдат и офицеров проявлять чудеса храбрости, политруки на фронте всем внушали мысль, что в такой войне нет понятия отдельных национальностей. Есть «мы», советские люди, ставшие жертвами чудовищного нападения, и есть «они», т.е. немецко-фашистские оккупанты, которых надо уничтожать, не задавая лишних вопросов. Немецкая армия в пламенных речах и песнях называлась «темной силой» и «проклятой ордой», против которой объединился весь народ. На этом примере видны упомянутые выше два механизма – дегуманизация и персонификация, которые, как мы можем отметить, сочетаются с обезличиванием. В бою никого не интересует, как зовут только что убитого противника, сколько ему было лет, есть ли у него семья, т.д. Все эмоции и энергия направляются на его уничтожение, а вопрос о том, каким он был человеком, не рассматривается вовсе. Прямо противоположное отношение наблюдается к своим павшим, когда люди со слезами в голосе тихо шепчут, что «ему бы жить да жить», а он погиб в расцвете лет.

В разработанной Б. Шефером и Б. Шедлером модели образ чужого является результатом незнания природы другого, отсутствия опыта взаимодействия с ним и на основе неприятия его ценностей [Знаков, 2012]. Благодаря этому, создается барьер противопоставления: «говорят не по-нашему», «делают не как мы», «одеваются по-другому», «едят не как мы», т.п. Исходя из данной модели, образ чужого актуализируется только на основе информации, что «не похожи на нас», «пришли чужие» [Дубровин, 2011].

Этот прием – идентификация врага по внешним признакам (цвет кожи и волос, разрез глаз, элементы одежды, вероисповедание) – применяется практически во всех случаях, когда создается образ врага. Такой способ не требует никаких доказательств, потому что различия видны невооруженным глазом. Остается только усилить ощущение угрозы от этих различий, и можно считать, что враг уже имеется. От того, насколько убедителен образ врага, зависит и мера готовности к ответному действию.

Несмотря на такие характеристики образа врага, необходимо отметить, что у него есть и положительные функции, заключающиеся в том, что общий враг заставляет забыть о внутренних расприх и объединиться в борьбе против него. Главным объединяющим фактором выступает идея полного физического и духовного уничтожения народа, его памяти, культуры и ценностей. Ярких примеров из истории предостаточно: объединение шотландских кланов против короля Эдварда Длинного, степных кочевников времен Чингисхана против китайцев, тейпов Северного Кавказа против русских [Остапенко, 2008]. Есть даже мнение, что

после окончания «холодной» войны в отсутствие реального внешнего врага Советский Союз неизбежно должен был распасться, потому что не было объединяющей сверхмотивирующей идеи.

Как отмечает Г. Козырев, создание эффективного образа врага строится с учетом следующих аспектов:

- существует ли реальная угроза (внешняя или внутренняя) со стороны реальных или названных таковыми врагов;
- есть ли прошлые обиды или сформированные стереотипы относительно конкретной общности в памяти народа;
- каково состояние самого общества в настоящее время [Козырев, [www](#)].

В этом случае образ врага получается достаточно гибким, конструируемым сообразно ситуации и выгодам той стороны, которая его тиражирует. Такое можно наблюдать на примерах Эстонии, Молдовы, Грузии и других стран бывшего Союза, которые время от времени вспоминают о своих прошлых исторических обидах или претензиях в отношениях с Россией.

Азербайджанский психолог А. Исазаде на примере неутраченного армянско-азербайджанского конфликта с сожалением отмечает, что создать образ врага намного проще, чем полностью его уничтожить. При этом любая попытка компромисса воспринимается обществами обеих стран как непростительная уступка врагу [Исазаде, [www](#)].

На наш взгляд, слова А.Н. Леонтьева очень точно отражают специфику образа врага: «Образ, взятый вне контекста, является психологически мертвым образованием... Необходимо помнить ..., что один образ (предмета, явления) сам по себе не может ориентировать ни одного движения или действия. Ориентирует не образ, а вклад этого образа в картину мира».

Как отмечает Т.В. Евгеньева, образ врага связан с восприятием объекта как чужого, представляющего собой опасность. Ощущение опасности пробуждается такими эмоциями, как страх, ненависть или агрессия, в связи с чем образ врага характеризуется следующими чертами:

- Всем действиям лица или группы, воспринимаемых как враждебные, независимо от времени действия, приписываются деструктивные, опасные намерения.
- Враг обвиняется во всех бедах и несчастиях общности, независимо от того, имеет он к этому отношение или нет.
- Ценности врага рассматриваются как диаметрально противоположные, создается идея, что он ценит то, что отвергается данной общностью. Поэтому то, что хорошо для врага, плохо для «нас».
- Каждый, кто по тем или иным признакам может быть отнесен к врагам, рассматривается как таковой со всеми вытекающими отсюда последствиями, включая физическое уничтожение, отказ в сочувствии и признании у него человеческого достоинства.

Теория социальной идентичности Г. Тэшфела и Дж. Тернера раскрывает механизм формирования образа врага через образ «другого» и самого себя как представителя определенной группы. Восприятие себя индивидом в качестве последнего имеет выраженную эмоциональную окраску. Когда происходит идентификация с определенной группой, индивид всех остальных противопоставляет ей как не являющихся ее членами.

О. Новиков отмечал, что образ врага в мифологизированном массовом сознании выступает проекцией архетипа «Мы-Они», причем собственные негативные характеристики приписываются врагу. Это позволяет оправдывать свои жестокие действия по уничтожению «монстров» - врагов.

В исследованиях социологов образ «идеального врага» обладает следующими характеристиками:

- Власть нуждается в образе врага, способном отвлечь население от реальных проблем государства. При этом у данного образа не имеется сильных покровителей внутри или за пределами страны.
- Идеальный враг представляет собой однородную по различным характеристикам группу, представители которой являются воплощением худшего в мире зла. Такой образ концентрирует все страхи и опасения остальной части населения, являя собой сформированный архетип зла.
- Враг очень силен, опасен и поистине бессмертен, поэтому борьба с ним всегда требует много времени и сил.
- Образ врага отличается расплывчатостью, что затрудняет его распознавание.

Поэтому в обществе должны быть люди, готовые указать на врагов и воевать с ними по первому требованию социума. Такой подход позволяет называть врагом кого угодно, в зависимости от ситуации.

Сравнительное исследование образов себя и противника среди студентов гражданских и военных вузов показало, что если враг не идентифицируется с определенным человеком, этносом, классом или конфессией, являясь гипотетическим конструктом, он отражает механизмы проецирования (враг наделяется неприемлемыми для себя чертами), игнорирования (его положительные качества остаются без внимания), вытеснения (собственные негативные характеристики не замечаются) и реактивного образования (при оценке врага возникают противоречивые чувства и отношения).

Данный вывод соотносится с замечанием Е. Сенявской, что образ врага формируется под воздействием средств пропаганды и как эмоциональный концепт, который может в качестве своего обоснования ссылаться на прошлый исторический опыт [Сенявская, 2006].

Таким образом, можно прийти к выводу, что для формирования образа врага необходимы следующие условия:

На начальном этапе необходимо, чтобы индивид идентифицировал себя с определенной социальной группой, принял ее ценности и стереотипы поведения и мышления. Если в его жизненном опыте не было конфликтов с представителями конкретной социальной общности, то для формирования образа врага необходима дополнительная «подпитка» в виде идеологической обработки.

По отношению к образу врага, отличающемуся расплывчатостью, используются приемы дегуманизации, персонификации, обобщения и обезличивания. Создание такого образа позволяет сосредоточить власть отдельным людям в своих руках, управлять общественным мнением и отвлекать население от актуальных проблем.

Библиография

1. Васильева А.М., Шаров Д.Н. Образ "я" и образ врага в структуре личности <http://www.psychodic.ru/arc.php?page=3943>
2. Венесуэла: предчувствие гражданской войны. <https://www.pravda.ru/world/1332891-venezuela/>
3. Гудков Л. Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага. О_Г_И «Москва», 2005. С. 7-80.
4. Дубровин А.В. Самоидентификация российских офицеров, участвовавших в Кавказской войне (XIX в.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. - 2011. - Вып. 1. - С. 45-50.

5. Знаков В.В. Образ врага как психологическое основание понимания мусульманских террористов россиянами // Вопросы психологии. 2012, №2. С. 23-34.
6. Исазаде А. Создать образ врага намного легче, чем сделать так, чтобы он исчез окончательно <http://www.1news.az/news/azad-isazade-sozdat-obraz-vraga-namnogo-legche-chem-sdelat-tak-chtoby-on-okonchatel-no-ischez> от 19.08.2011
7. Козырев Г.И. Образ врага в меняющемся мире. Является ли деление на «своих» и «чужих» рядовой приметой человечества http://www.ng.ru/stsenarii/2013-06-25/9_enemy.html от 25.06.2013
8. Образ врага и образ союзника в восприятии советских людей. Формирование образа врага в советском обществе и его изменение на разных этапах войны. С.634-680. http://encyclopedia.mil.ru/files/morf/VoV_Vol10_Obraz_vraga.pdf
9. Остапенко П.В. История тайной войны в Средние века. Византия и Западная Европа. М.: АСТ, 2008 г. — 384с.
10. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: Эволюция образа врага в сознании армии и общества. — М., 2006

To the question of the enemy of the enemy in social and psychological researches

Daniil S. Potapov

Postgraduate,
Maritime Humanitarian Institute,
Maritime State University,
690003, 50A, Verkhneportovaya st., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: Potapov@mail.ru

Abstract

The concept of "enemy" is created in modern society in favor of certain circles who are trying in this way to distract the population from existing social problems. The enemy becomes necessary when there is a need to consolidate society, using visible and therefore undeniable external differences and historical events in order to create it. This article is about how the concept of the enemy is created, what is used and what conditions are needed to update it. As shown in this theoretical review, the image of the enemy should be considered as a mental product created by someone to achieve their own goals. The simplest method for this is the separation of individuals according to external obvious signs that do not require additional evidence. If individuals do not have a negative experience of interacting with representatives of a particular social group, propaganda begins to engage in the creation of their hostile image.

For citation

Potapov D.S. (2019) K voprosu ob obraze vruga v sotsial'nykh i psikhologicheskikh issledovaniyakh [To the question of the enemy of the enemy in social and psychological researches]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 8 (2A), pp. 83-89.

Keywords

Enemy, enemy image, identification, dehumanization, social consciousness, personification.

References

1. Gudkov L. Ideologema «vruga» : «Vragi» kak massovyy sindrom i mekhanizm sotsiokul'turnoy integratsii //Obraz vruga. O_G_I «Moskva», 2005. S. 7-80.
2. Isazade A. Sozdat' obraz vruga namnogo legche, chem sdelat' tak, chtoby on ischez okonchatel'no <http://www.1news.az/news/azad-isazade-sozdat-obraz-vraga-namnogo-legche-chem-sdelat-tak-chtoby-on-okonchatel-no-ischez> ot 19.08.2011
3. Kozyrev G.I. Obraz vruga v menyayushchemsya mire. Yavlyayetsya li deleniye na «svoikh» i «chuzhikh» ryadovoy primetoy chelovechestva http://www.ng.ru/stsenarii/2013-06-25/9_enemy.html ot 25.06.2013
4. Obraz vruga i obraz soyuznika v vospriyatii sovetskikh lyudey. Formirovaniye obraza vruga v sovetskom obshchestve i yego izmeneniye na raznykh etapakh voyny. S.634-680. http://encyclopedia.mil.ru/files/morf/VoV_Vol10_Obraz_vraga.pdf
5. Ostapenko P.V. Istoriya taynoy voyny v Sredniye veka. Vizantiya i Zapadnaya Yevropa. M.: ACT, 2008 g. — 384s.
6. Samoidentifikatsiya rossiyskikh ofitserov, uchastvovavshikh v Kavkazskoy voyne (XIX v.) [Tekst] / A. V. Dubrovin // Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Regionovedeniye: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya. - 2011. - Vyp. 1. - S. 45-50.
7. Senyavskaya Ye. S. Protivniki Rossii v voynakh XX veka: Evolyutsiya obraza vruga v soznanii armii i obshchestva. — M., 2006
8. Vasil'yeva A.M., Sharov D.N. Obraz "ya" i obraz vruga v strukture lichnosti <http://www.psychodic.ru/arc.php?page=3943>
9. Venesuela : predchuvstviye grazhdanskoy voyny. <https://www.pravda.ru/world/1332891-venezuela/>
10. Znakov V.V. Obraz vruga kak psikhologicheskoye osnovaniye ponimaniya musul'manskikh terroristov rossiyanami // Voprosy psikhologii. 2012, №2. S. 23-34.

УДК 159.9

Проблемы исследования волонтерской деятельности в психологии

Титова Дарья Владимировна

Аспирант,

кафедра психологии развития и дифференциальной психологии,

Санкт-Петербургский государственный университет,

199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, набережная Университетская, 7-9;

e-mail: dtitova@yandex.ru

Аннотация

Существует множество психологических исследований волонтеров и волонтерской деятельности. Однако часто авторы исследований не уделяют внимание четкому определению понятия «волонтер». Так как волонтерская деятельность проявляется в широком спектре различных ситуаций, возникает проблема обобщения полученных в исследованиях результатов. Для решения данной проблемы необходим анализ понятия волонтерства. В статье приведены примеры различных подходов к определению волонтерства, обозначены шесть критериев волонтерской деятельности (добровольность, отсутствие вознаграждения, общественная значимость, запланированность, продолжительность, контекст организации), проведен анализ различных ситуаций волонтерской деятельности по выделенным критериям. Специфика личностных особенностей волонтеров в зависимости от ситуации волонтерства проиллюстрирована исследованием, проведенном на российских зоозащитниках. При сравнении западных и российских исследований волонтеров также необходимо учитывать тот факт, что, в отличие от российского определения, западное определение волонтерства включает деятельность в рамках политической партии. Еще одним важным фактором, который необходимо принимать во внимание при исследовании волонтеров и волонтерской деятельности, является возраст респондентов. Большое количество исследований проводятся на студенческих выборках, которые являются однородными по возрасту, и, соответственно, их результаты не могут быть перенесены на другие возрастные категории. Различные исследования подтверждают зависимость мотивации волонтеров от возраста.

Для цитирования в научных исследованиях

Титова Д.В. Проблемы исследования волонтерской деятельности в психологии // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 2А. С. 90-98.

Ключевые слова

Волонтер, волонтерская деятельность, определение волонтерства, возраст, личностные черты.

Введение

В последние годы волонтерское движение в России динамично развивается. Об этом свидетельствуют не только увеличение добровольческих организаций и количество добровольцев, но и изменения на социальном и политическом уровне: 2018 год был объявлен Президентом РФ Годом добровольца, вступил в силу новый закон о добровольчестве, который, в частности, уравнивает понятия «волонтер» и «доброволец» (см. Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ). Исследовательский интерес к феномену волонтерства в различных научных дисциплинах активно растет: количество опубликованных статей по психологии, посвященных волонтерству, увеличилось в четыре раза за последние пять лет.

Феномен волонтерства активно изучается с различных точек зрения в психологических исследованиях. Однако зачастую термин «волонтерство» различается по содержанию и степени проработанности у разных авторов. В некоторых исследованиях критерием отбора волонтеров является ответ респондента («Занимались ли Вы волонтерской деятельностью последние 12 месяцев?») [Thoits, Hewitt, 2001]. Сам респондент определяет, что для него является волонтерством, а что – нет, т. е. данный фактор не является контролируемым исследователем. Другим простым способом определения содержания понятия «волонтер» является наличие членства в волонтерской организации, однако оно не гарантирует того, что респондент в действительности выполняет какую-либо волонтерскую деятельность. Такой подход к формированию выборки вполне оправдан для определенных статистических исследований, однако ее вряд ли можно назвать репрезентативной, если задачей исследования является более тщательное изучение феномена волонтерства и личности волонтеров.

Формулировка цели статьи

Целями статьи являются анализ подходов к определению понятия волонтерской деятельности в современных психологических исследованиях и выявление аспектов, которые могут влиять на результаты исследований.

Изложение основного материала статьи

Самым распространенным определением волонтерства является понимание волонтерской деятельности как добровольной деятельности в форме безвозмездного выполнения работ для достижения общественно полезных целей и улучшения благополучия других людей [Mowen, Sujan, 2005; Smit, 2001]. Таким образом, выделяют три признака, по которым деятельность человека может быть рассмотрена как волонтерская: 1) добровольность, собственное желание, отсутствие принуждения; 2) безвозмездность, т. е. отсутствие вознаграждения, прежде всего денежного; 3) направленность на благополучие других, общественно полезные дела.

Однако этим критериям формально удовлетворяет большой диапазон различных ситуаций. Исходя из этих трех критериев, волонтером может себя считать и человек, помогающий другу/родственнику/коллеге по работе, и человек, бесплатно выступающий с лекцией перед одноклассниками сына, и человек, регулярно организующий праздники для онкобольных.

Кросс-культурное исследование, посвященное общественному восприятию того, кого люди называют волонтером [Handy et al., 2000], выявило, что в разных странах существуют схожие мнения: волонтер не получает явного и неявного вознаграждения, его деятельность требует

значительного времени и усилий и приносит пользу другим. Предложенная авторами концепция «чистых затрат» («net cost») хорошо соотносится с тем, как люди воспринимают человека и определяют, является ли он волонтером. Чистые затраты волонтера определяются по формуле: «общие затраты на волонтерскую деятельность» минус «общие выгоды для волонтера от этой деятельности». К основным затратам волонтера относят время и прикладываемые усилия. К выгодам волонтера относят явные вознаграждения, а также улучшение социального статуса и социальных возможностей, увеличение возможностей получения дохода в будущем, социальные взаимодействия и досуговую активность, чувство удовлетворенности от работы, которая кому-то помогает, улучшение самооощущения.

Чем больше затраты волонтера и меньше выгоды, тем больше его воспринимают как волонтера. При этом в ситуации, когда чистые затраты примерно одинаковы, в большей степени волонтером воспринимается тот человек, чья работа вносит больший вклад в общество. Хотя реальный вклад в общество довольно сложно оценить, респонденты скорее опираются на распространенные и обсуждаемые в СМИ потребности, проблемы и задачи общества, которые могут меняться в зависимости от страны и времени.

Ряд исследователей сужают содержание понятия волонтерской деятельности, добавляя такие критерии, как «продолжающаяся длительное время» [Clary et al., 1998; Penner et al., 2005], «направленная на помощь людям, с которыми нет близких отношений, незнакомцев» [Finkelstien, 2009; Maki, Snyder, 2017], «происходящая в рамках организации» [Maki, Snyder, 2017; Penner, 2002; Penner et al., 2005], «запланированная» [Maki, Snyder, 2017; Penner et al., 2005; Widjaja, 2010, [www](#)]. Таким образом, волонтерство определяется как добровольное, продолжающееся, запланированное, помогающее поведение, которое улучшает благополучие незнакомых людей, предполагающее отсутствие компенсации, и обычно происходящее в рамках общественной организации.

Если говорить о связи таких понятий, как волонтерская деятельность и просоциальное поведение, то волонтерская деятельность является более узким понятием, так как она ограничивается такими критериями, как контекст организации, запланированность и продолжительность. В одной из работ волонтерство определяется как просоциальные действия в контексте организации, которые запланированы и продолжаются длительное время [Penner et al., 2005]. Волонтерство отличается от межличностного помогающего поведения во многих аспектах, но главным является то, что, в отличие от межличностного помогающего поведения, волонтерство в меньшей степени является результатом чувства личного обязательства. Также волонтерство обычно предваряется процессом принятия решения о присоединении к организации. Другой близкий термин – социально направленное поведение – включает схожие с волонтерством критерии: добровольность, нацеленность на помощь обществу в лице незнакомых людей, принадлежность к группе. Отличиями являются отсутствие таких критериев волонтерства, как запланированность, долговременность, безвозмездность, и явно выделенный критерий наличия хотя бы одного реального акта помощи [Гришунина, Пятакова, 2014].

Волонтерство обычно является не разовым действием, а продолжающимся, долгосрочным поведением. Человек, занимающийся волонтерской деятельностью регулярно, продолжает это делать в течение нескольких лет. Волонтерство является скорее запланированным действием, чем спонтанным, так как, кроме эмоционального желания кому-то помогать, человек, прежде чем стать волонтером, взвешивает предполагаемые затраты времени и усилий, что он получит в результате волонтерской деятельности, оценивает, насколько это соответствует его личным

потребностям и насколько он готов включиться, и принимает решение. Волонтерство исключает помогающее поведение, направленное на помощь друзьям, близким, тем, кого мы любим. Волонтерская деятельность не является следствием мотива «выполнить обязательства» перед близкими людьми и друзьями или следствием предыдущего опыта взаимодействия с человеком, она направлена на помощь незнакомым людям. И последний аспект данного определения волонтерства – контекст организации. Несмотря на то, что существуют люди, которые осуществляют добровольное, продолжающееся, направленное на помощь незнакомым людям поведение сами по себе, большинство волонтеров осуществляют свою деятельность в рамках какой-либо волонтерской организации.

Используя комплексное определение волонтерства, а также концепцию «чистых затрат», можно предпринять попытку сравнить отдельные ситуации волонтерской деятельности между собой, оценивая в какой из них присутствует больше признаков, определяющих волонтерскую деятельность. Например, в ситуации волонтеров, помогающих справляться с последствиями стихийных бедствий, присутствуют такие критерии, как добровольность, безвозмездность, помощь незнакомым людям, но данная деятельность не является запланированной и продолжительной. Таким образом, используя определение волонтерства, мы видим, что регулярная и запланированная деятельность оценивается как «более волонтерская», чем разовые действия. Разовое поведение такого рода можно назвать скорее просоциальным, чем волонтерством в полном его определении.

Другой пример – спортивное и событийное волонтерство. Оно добровольно, запланировано, неоплачиваемое, происходит в контексте организации. Но, во-первых, вероятнее всего оно закончится после завершения события, т. е. оно не является продолжительным, во-вторых, нацелено ли оно на незнакомца, которому нужна помощь? Если рассмотреть эту ситуацию с точки зрения концепции «чистых затрат», то выгода в виде возможности быть на интересующем мероприятии социального досуга, вероятно, перевешивает затраты. Эта ситуация аналогична одной из ситуаций кросс-культурного исследования, в которой выполнение каких-то услуг взамен на билет на концерт оценивалась довольно низко с точки зрения волонтерства [Handy et al., 2000]. Таким образом, можно предположить, что данный вид волонтерской деятельности не является волонтерством в полном его определении.

В таких ситуациях, как практика психологов/социальных работников (безвозмездная добровольная работа социальной направленности), обязательное волонтерство в рамках программы обучения в вузе, сверхурочная работа без оплаты или сверх своего функционала и т. п., выгода человека довольно очевидна. Эта выгода снижает «чистые затраты», соответственно, такие ситуации в меньшей степени воспринимаются как волонтерство.

Отдельно можно рассмотреть ситуацию оказания профессиональной помощи благотворительным, общественным и иным некоммерческим организациям на безвозмездной основе (pro bono), где нечетко определенными остаются такие критерии, как продолжительность, контекст организации, общественная значимость.

В таблице ниже представлены различные ситуации волонтерской деятельности и отмечены критерии волонтерства. Знак «V» означает соответствие критерию, знак «—» – отсутствие критерия в деятельности, знак «?» – неочевидность или неоднозначность соответствия критерию. Данная таблица не претендует на абсолютную истинность, ее цель – наглядно продемонстрировать, насколько могут отличаться различные ситуации волонтерской деятельности.

Таблица 1 – Сравнение различных ситуаций волонтерской деятельности

Волонтерская деятельность / критерии	Борьба с последствиями стихийных бедствий	Спортивное, событийное волонтерство	Практика будущих психологов, социальных работников	Профессиональная бесплатная помощь (pro bono)
Добровольность	V	V	V	V
Отсутствие вознаграждения	V	?	?	V
Запланированность	—	V	V	V
Продолжительность	—	—	?	?
Общественная значимость	V	?	?	?
Контекст организации	?	V	V	?

Одной из недавних попыток классификации волонтерской деятельности является работа А. Maki и M. Snyder, предлагающая восемь различных типов волонтерства:

- административное волонтерство (связанное с административными задачами некоммерческих, образовательных или государственных организаций, например: поддержка веб-сайта, создание рассылок новостей, поддержка медиа);
- помощь животным;
- два вида межличностной помощи – автономная (помощь другим в том, чтобы в будущем научиться решать самим возникшие трудности) и зависимая (предоставление незамедлительной помощи в решении проблемы, без обучения навыку помощи себе самому в будущем);
- пожертвования/донорство;
- два вида волонтерства, связанных с физическим трудом, – строительство и помощь окружающей среде;
- политическое волонтерство [Maki, Snyder, 2017].

Также эти восемь типов авторы объединяют в две категории – межличностное волонтерство и волонтерство, основанное на навыках. Авторы отмечают, что определенные лица заинтересованы в различных типах волонтерства и те волонтеры, которые вовлечены в деятельность, совпадающую с их интересами, испытывают большую удовлетворенность от волонтерской деятельности.

Следует отметить, что, в отличие от западных исследований [Maki, Snyder, 2017; Thoits, Hewitt, 2001], в России к волонтерской деятельности не относят деятельность в рамках политических партий, движений, групп и кампаний, что зафиксировано в Федеральном законе от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ. В США волонтерская деятельность для своей церкви, синагоги, мечети является самой распространенной формой волонтерства [Penner et al., 2005].

Ученые изучают различные характеристики волонтеров, к которым относятся демографические особенности, мотивация, ценности, ролевая идентичность, личностные особенности волонтеров. В последнее время обнаруживаются подтверждения тому, что и личностные факторы и социальные структуры (семья, культура и т. п.) играют важную роль в волонтерстве, но эта связь опосредуется интраперсональными когнитивными процессами (установки, идентичность, приверженность идеалам) и богатством социальных сетей человека [Ibidem].

Еще один важный аспект психологических исследований волонтеров и волонтерской деятельности связан с возрастом участников исследования. К недостаткам экспериментальных исследований волонтеров можно отнести то, что они полагаются на нерепрезентативную выборку студентов, которая является очень однородной. Студенческие группы волонтеров обычно содержат ограниченный разброс возраста, уровня образования и дохода, которые тесно связаны с волонтерством. Одна из точек зрения заключается в том, что более образованные, состоятельные люди имеют больше свободного времени для дарения, так как они менее ограничены работой. Однако это объяснение сталкивается с проблемой: в США, Англии, Канаде и Австралии волонтерство существенно больше распространено среди работающих, нежели неработающих людей. Таким образом, связь экономического статуса и волонтерства не может быть просто объяснена количеством свободного времени и может включать также другие факторы, такие как большая осведомленность о проблемах других людей, большая эмпатия и ожидание большей эффективности. С другой стороны, люди с более высоким социоэкономическим уровнем, особенно люди, являющиеся активными членами религиозных организаций, лучше интегрированы и вовлечены в их сообщество, чем люди с более низким уровнем. Чем более активно вовлечены люди в их сообщества, тем более вероятно, что их попросят быть волонтером и они откликнутся на просьбу. В Северной Америке женщины чаще являются волонтерами, чем мужчины, однако эти различия не обнаружены в Европе и Австралии [Ibidem].

Многочисленные исследования показывают различие мотивации, связанное с возрастом волонтеров. В зарубежных психологических исследованиях мотивации волонтеров широко применяется функциональная модель мотивации волонтеров [Clary et al., 1998], которая основана на идее о том, что волонтерская деятельность выполняется для удовлетворения важных личностных целей. Данная модель предполагает, что волонтерская деятельность может осуществляться волонтером одновременно по нескольким причинам. При использовании функциональной модели мотивации волонтеров, были получены следующие результаты: для более молодых волонтеров в большей степени свойственны мотивы, связанные с карьерой и пониманием, стремлением узнать новое и научиться чему-то, чем для более старших волонтеров; с возрастом становится все более значимой мотивация ценности, т. е. чем старше волонтер, тем важнее для него в волонтерской деятельности выразить свои ценности, связанные, например, с заботой о тех, кто в этом нуждается [Dávila, Díaz-Morales, 2009; Widjaja, 2010, www].

Исследование студентов, принимавших участие в событийном волонтерстве, утверждает, что волонтеры более общительные, экспрессивные, смелые, относятся к типу экстравертов, а также более конформные, чем студенты контрольной группы [Gu et al., 2013]. Исследование, проведенное на российской выборке, показало, что мотивы участия молодежи в волонтерской деятельности носят в основном прагматический характер, также волонтеры считают себя активными субъектами собственной деятельности [Азарова, Яницкий, 2008].

Исследования, посвященные изучению связи личностных черт («Большая пятерка») с волонтерством, подтверждают, что такая черта, как доброжелательность, имеет существенное прямое влияние на волонтерство у студентов [Carlo et al., 2005]. Как предполагают авторы, это может быть связано с тем, что один из аспектов доброжелательности включает уступчивость к просьбам других людей. Таким образом, люди с высокими параметрами доброжелательности более склонны к волонтерству, так как в меньшей степени склонны к отказу на просьбу о волонтерстве.

Несмотря на то, что существует большое количество исследований, результаты которых показывают, что волонтеры обладают более высокими показателями по таким характеристикам, как дружелюбие и альтруизм, другие авторы считают, что волонтеры отличаются внутригрупповым разнообразием, включая такие характеристики, как уровень экстраверсии-интроверсии. F. Handy и R.A. Снаап отмечают, что социальная тревога человека может мешать ему заниматься волонтерской деятельностью: люди с высокой социальной тревогой скорее выберут финансовую помощь, чем личную, а также склонны заниматься волонтерской деятельностью в знакомой обстановке [Handy, Снаап, 2007].

Одним из ярких примеров специфики личностных особенностей волонтеров в зависимости от деятельности можно увидеть у волонтеров, занятых в сфере зоозащиты. Исследование, проведенное на российской выборке, выявило у российских защитников бездомных животных особый вид альтруизма, заключающийся в большем сочувствии животным и меньшем сочувствии людям, нуждающимся в помощи. Также авторами были выявлены противоречия большинству западных исследований личностные особенности волонтеров: российские зоозащитники обладают более низкой выраженностью дружелюбия и экстраверсии по сравнению с контрольной группой [Родина, Прудков, 2015].

Заключение

Волонтерство является широким понятием, объединяющим множество разнородных ситуаций. Общепринятое определение волонтерства как добровольной безвозмездной деятельности, направленной на благополучие других людей, оказывается слишком обобщенным для использования в научных целях.

Проведенный в статье анализ определений волонтерской деятельности выявил 6 критериев, различная комбинация которых дает специфику конкретной ситуации волонтерства (добровольность, направленность на незнакомых людей, отсутствие вознаграждения, запланированность, продолжительность, контекст организации). Кроме того, понятие волонтерства различается в разных культурах.

На примере исследований было показано, что личностные черты волонтеров, занятых волонтерской деятельностью в разных сферах, могут значительно отличаться, а мотивация волонтеров связана с их возрастом. Таким образом, при планировании и проведении исследований волонтерской деятельности необходимо учитывать возраст участников исследования, специфику и сферу волонтерской деятельности.

Библиография

1. Азарова Е.С., Яницкий М.С. Психологические детерминанты добровольческой деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 306. С. 120-125.
2. Гришунина Е.В., Пятакова Е.Н. Особенности личности волонтеров // Вопросы психологии. 2014. № 5. С. 71-78.
3. О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве): федер. закон Рос. Федерации от 11.08.1995 № 135-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 07.07.1995. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=7495-8&rnd=30B94876F7968F683C1C329477379FB0&req=doc&base=LAW&n=313757&REFDOC=7495&REFBASE=LAW#221lg1ziq5a>
4. Родина О.Н., Прудков П.Н. Альтруистическая активность защитников животных // Вопросы психологии. 2015. № 5. С. 67-77.
5. Carlo G., Okun M.A., Knight G.P., de Guzman M.T. The interplay of traits and motives on volunteering: agreeableness, extraversion and prosocial value motivation // Personality and individual differences. 2005. Vol. 38. P. 1293-1305.
6. Clary E.G., Snyder M., Ridge R.D., Copeland J., Stukas A.A., Haugen J., Miene P. Understanding and assessing the motivations of volunteers: a functional approach // Journal of personality and social psychology. 1998. Vol. 74. No. 6. P. 1516-1530.

7. Dávila M.C., Díaz-Morales J.F. Age and motives for volunteering: further evidence // *Europe's journal of psychology*. 2009. Vol. 2. P. 82-95.
8. Finkelstien M.A. Intrinsic vs. extrinsic motivational orientations and the volunteer process // *Personality and individual differences*. 2009. Vol. 46. No. 5-6. P. 653-658.
9. Gu Y., Gu D., Wei Q., Pan S., Chen W., Ge Y. An empirical study on personality characteristics of college volunteers: based on the collected data from Shanghai Expo // *Procedia – social and behavioral sciences*. 2013. Vol. 83. P. 969-974.
10. Handy F., Cnaan R.A. The role of social anxiety in volunteering // *Nonprofit management and leadership*. 2007. Vol. 18. No. 1. P. 41-58.
11. Handy F., Cnaan R.A., Brudney J.L., Ascoli U., Meijs L.C., Ranade S. Public perception of "who is a volunteer": an examination of the net-cost approach from a cross-cultural perspective // *Voluntas*. 2000. Vol. 11. No. 1. P. 45-65.
12. Maki A., Snyder M. Investigating similarities and differences between volunteer behaviors: development of a volunteer interest typology // *Nonprofit and voluntary sector quarterly*. 2017. Vol. 46. No. 1. P. 5-28.
13. Mowen J.C., Suhan H. Volunteer behavior: a hierarchical model approach for investigating its trait and functional motive antecedents // *Journal of consumer psychology*. 2005. Vol. 15. No. 2. P. 170-182.
14. Penner L.A. Dispositional and organizational influences on sustained volunteerism: an interactionist perspective // *Journal of social issues*. 2002. Vol. 58. No. 3. P. 447-467.
15. Penner L.A., Dovidio J.F., Piliavin J.A., Schroeder D.A. Prosocial behavior: multilevel perspectives // *Annual review of psychology*. 2005. Vol. 56. No. 1. P. 365-392.
16. Smit D. Volunteering, capital of the future? // *UNESCO courier*. 2001.
17. Thoits P.A., Hewitt L.N. Volunteer work and well-being // *Journal of health and social behavior*. 2001. Vol. 42. No. 2. P. 115-131.
18. Widjaja E. Motivation behind volunteerism // *CMC senior theses*. 2010. Vol. 4. URL: http://scholarship.claremont.edu/cmc_theses/4

The issues of the research on volunteering in psychology

Dar'ya V. Titova

Postgraduate,
Department of developmental psychology and differential psychology,
Saint Petersburg State University,
199034, 7-9 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: dtitova@yandex.ru

Abstract

There is a lot of research devoted to volunteers and volunteering. However, researchers often do not pay attention to a clear definition of the concept of volunteer. Due to the fact that volunteering occurs in a broad context of different situations, there is a problem of generalisation of research results. In order to solve this problem, one must analyse the concept of volunteer. The article describes examples of different approaches to the definition of volunteering, as well as six criteria of volunteering (voluntary action, no rewards, social importance, planned action, longevity, organisational context), carries out an analysis of different situations of volunteering according to the highlighted criteria. There are differences in personality traits of volunteers depending on volunteering area which is illustrated by the research on Russian people helping animals. Comparing Russian and foreign research on volunteers, one has to pay attention to the fact that the foreign definition of volunteering includes political activities while Russian excludes it. The age of respondents is another important aspect which has to be considered in conducting research on volunteers and volunteering. A lot of research is based on student samples, which are uniformed by age and the level of education, therefore these results cannot be extended to other age categories. The connection between age and volunteer motivation is confirmed by various researchers.

For citation

Titova D.V. (2019) Problemy issledovaniya volonterskoi deyatel'nosti v psikhologii [The issues of the research on volunteering in psychology]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 8 (2A), pp. 90-98.

Keywords

Volunteer, volunteering, definition of volunteering, age, personal traits.

References

1. Azarova E.S., Yanitskii M.S. (2008) Psikhologicheskie determinanty dobrovol'cheskoi deyatel'nosti [Psychological determinants of volunteering]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 306, pp. 120-125.
2. Carlo G., Okun M.A., Knight G.P., de Guzman M.T. (2005) The interplay of traits and motives on volunteering: agreeableness, extraversion and prosocial value motivation. *Personality and individual differences*, 38, pp. 1293-1305.
3. Clary E.G., Snyder M., Ridge R.D., Copeland J., Stukas A.A., Haugen J., Miene P. (1998) Understanding and assessing the motivations of volunteers: a functional approach. *Journal of personality and social psychology*, 74 (6), pp. 1516-1530.
4. Dávila M.C., Díaz-Morales J.F. (2009) Age and motives for volunteering: further evidence. *Europe's journal of psychology*, 2, pp. 82-95.
5. Finkelstien M.A. (2009) Intrinsic vs. extrinsic motivational orientations and the volunteer process. *Personality and individual differences*, 46 (5-6), pp. 653-658.
6. Grishunina E.V., Pyatakova E.N. (2014) Osobennosti lichnosti volonterov [The features of volunteers' personality]. *Voprosy psikhologii* [Issues of psychology], 5, pp. 71-78.
7. Gu Y., Gu D., Wei Q., Pan S., Chen W., Ge Y. (2013) An empirical study on personality characteristics of college volunteers: based on the collected data from Shanghai Expo. *Procedia – social and behavioral sciences*, 83, pp. 969-974.
8. Handy F., Cnaan R.A. (2007) The role of social anxiety in volunteering. *Nonprofit management and leadership*, 18 (1), pp. 41-58.
9. Handy F., Cnaan R.A., Brudney J.L., Ascoli U., Meijs L.C., Ranade S. (2000) Public perception of "who is a volunteer": an examination of the net-cost approach from a cross-cultural perspective. *Voluntas*, 11 (1), pp. 45-65.
10. Maki A., Snyder M. (2017) Investigating similarities and differences between volunteer behaviors: development of a volunteer interest typology. *Nonprofit and voluntary sector quarterly*, 46 (1), pp. 5-28.
11. Mowen J.C., Sujan H. (2005) Volunteer behavior: a hierarchical model approach for investigating its trait and functional motive antecedents. *Journal of consumer psychology*, 15 (2), pp. 170-182.
12. O blagotvoritel'noi deyatel'nosti i dobrovol'chestve (volonterstve): feder. zakon Ros. Federatsii ot 11.08.1995 № 135-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 07.07.1995 [On charity and volunteering: Federal Law of the Russian Federation No. 135-FZ of August 11, 1995]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=7495-8&rnd=30B94876F7968F683C1C329477379FB0&req=doc&base=LAW&n=313757&REFDOC=7495&REFBASE=LAW#221lg1ziq5a> [Accessed 16/02/19].
13. Penner L.A. (2002) Dispositional and organizational influences on sustained volunteerism: an interactionist perspective. *Journal of social issues*, 58 (3), pp. 447-467.
14. Penner L.A., Dovidio J.F., Piliavin J.A., Schroeder D.A. (2005) Prosocial behavior: multilevel perspectives. *Annual review of psychology*, 56 (1), pp. 365-392.
15. Rodina O.N., Prudkov P.N. (2015) Al'truisticheskaya aktivnost' zashchitnikov zhivotnykh [The altruistic activities of animal advocates]. *Voprosy psikhologii* [Issues of psychology], 5, pp. 67-77.
16. Smit D. (2001) Volunteering, capital of the future? *UNESCO courier*.
17. Thoits P.A., Hewitt L.N. (2001) Volunteer work and well-being. *Journal of health and social behavior*, 42 (2), pp. 115-131.
18. Widjaja E. (2010) Motivation behind volunteerism. *CMC senior theses*, 4. Available at: http://scholarship.claremont.edu/cmc_theses/4 [Accessed 16/02/19].

УДК 159.9

Профессиональная реализация специалистов пенсионного возраста в структуре Опытно-конструкторских бюро авиационных корпораций

Стульник Татьяна Дмитриевна

Кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры социологии, психологии и социального менеджмента,
Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет),
125993, Российская Федерация, Москва, шоссе Волоколамское, 4;
e-mail: t.stulnik@mail.ru

Пономарева Диана Игоревна

Кандидат психологических наук,
доцент кафедры социологии, психологии и социального менеджмента,
Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет),
125993, Российская Федерация, Москва, шоссе Волоколамское, 4;
e-mail: di37tap1@mail.ru

Гриб Елена Витальевна

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры социологии, психологии и социального менеджмента,
Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет),
125993, Российская Федерация, Москва, шоссе Волоколамское, 4;
e-mail: newwwday@yandex.ru

Аннотация

Настоящая статья посвящена актуальным вопросам изучения проблемы реализации профессиональных компетенций, кадровой структуры персонала в организации авиационного профиля, а также социально-психологического исследования последствий неравномерного соотношения сотрудников различных возрастов в трудовых коллективах Конструкторских бюро авиационных корпораций. Дается описание исторически сложившейся ситуации, касающейся практически всех авиационных предприятий, связанной с отсутствием специалистов среднего возраста вследствие специфических особенностей экономического развития страны в 90-е годы XX века. Затрагивается вопрос уникальности трудовой деятельности специалистов Опытно-конструкторских бюро (ОКБ) – сложность, творческий и коллективный характер профессиональной деятельности, непрерывная связь с практическим воплощением результатов. Рассматривается проблема учета особых параметров и компетенций, являющихся базовой платформой профессиональной подготовки новых сотрудников – инженеров-конструкторов, инженеров-технологов. На основе результатов проведенного исследования заявленной проблематики эмпирически доказывается и обосновывается необходимость сохранения

сотрудников пенсионного возраста с большим стажем работы на предприятии (в Опытном-конструкторских бюро). Также приводятся аргументы из практики, объективно подтверждающие невозможность работы конструкторских бюро без указанной категории специалистов в современных условиях. Анализируется авторитетное мнение конкретных работников конструкторских бюро пенсионного возраста – экспертов и специалистов с большим стажем работы на авиационном предприятии.

Для цитирования в научных исследованиях

Стульник Т.Д., Пономарева Д.И., Гриб Е.В. Профессиональная реализация специалистов пенсионного возраста в структуре Опытном-конструкторских бюро авиационных корпораций // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 2А. С. 99-108.

Ключевые слова

Профессиональная реализация, пенсионный возраст, конструкторская деятельность, трудовая адаптация, подготовка специалиста, передача опыта.

Введение

Конструкторское бюро является мозгом и основой любой авиационной корпорации. Изучение данной структуры является актуальным, так как на подавляющем большинстве современных отечественных авиационных предприятий отмечается отсутствие или крайне малое количество сотрудников среднего возраста (в диапазоне от 36 до 50 лет), что, к сожалению, является вполне закономерным последствием экономического кризиса 90-х годов прошлого века, когда отрасль потеряла огромное количество квалифицированных профессионалов. Такая ситуация обусловлена тем, что специалисты этого уровня не имеются в свободном доступе на рынке труда, подготовка этих специалистов требует длительного времени и квалификация быстро теряется без профессиональной деятельности.

Актуальность настоящего исследования обусловлена установившейся тенденцией назначать на руководящие посты в авиастроительной отрасли представителей других специальностей, не имеющих опыта работы в данной сфере, и не понимающих специфики деятельности авиационных корпораций. Такие назначения не редкость в последнее время, и это ведет к изменениям кадровой политики предприятий. Система управления человеческими ресурсами, планирование кадровой работы, стратегическое управление персоналом выстраиваются без учета контекста отрасли [Зайцева, 2012; Дуракова, Талтынов, Майер, 2019]. В результате, от этого, как правило, существенно снижается результативность управления [Кибанов, 2017]. Со специалистами авиационных корпораций, особенно в Конструкторских бюро (КБ), необходимо обходиться психологически корректно и бережно, так как компетентных профессионалов высокого уровня на сегодняшний день явно недостаточно, их нельзя найти в рамках обычного поиска [Кибанов, 2010; Пугачев, 2019; Травин, Дятлов, 2001].

Основная часть

Профессиональная реализация специалиста берет свое начало в формировании и развитии карьерных предпочтений, являясь при этом значимым фактором профессионального

самосознания, а также социально-психологической адаптации в организации [Кибанов, 2009; Кочнева, Пономарева, 2018]. Практика показывает, что возраст опытных специалистов не является препятствием для успешного решения многоплановых творческих задач и осуществления эффективного руководства процесса создания нового продукта [Пугачев, 2011, 2019]. Поэтому специфика управления персоналом в исследуемой отрасли заключается преимущественно в том, что это не только теоретическая, а в первую очередь прикладная сфера [Травин, Дятлов, 2001, 2002]. Изложенные ниже данные характерны не только для Конструкторских бюро конкретной корпорации, но практически для всех аналогичных предприятий авиационной отрасли.

Проведение данного исследования было обусловлено предполагаемыми мероприятиями по сокращению сотрудников пенсионного возраста с целью снизить средний возраст работников КБ и, таким образом, увеличить эффективность работы оставшихся специалистов [Шекшня, 2002]. Однако не следует забывать, что любое КБ имеет свою специфику полноценного функционирования, подготовки кадров, что часто не учитывается далекими от отрасли руководителями в сфере управления персоналом.

Целью нашего исследования было определение возможной необходимости продолжения трудовой деятельности специалистов пенсионного возраста в Конструкторском бюро на примере авиационной Корпорации МиГ. С этой целью мы опросили экспертов – начальников отделов, а также провели анкетирование сотрудников старшего возраста. Работа КБ настолько сложна, что оценить ее могут только специалисты с большим опытом работы.

В качестве респондентов выступали 50 сотрудников Инженерного центра «ОКБ им. А.И. Микояна», занимающих различные должности (начальники отделов, бригад, секторов, ведущие конструкторы, ведущие инженеры и инженеры разных категорий), мужчины и женщины старше 60 лет, со стажем работы по специальности от 16 до 55 лет. Эксперты – четыре начальника отдела в возрасте от 55 до 75 лет, со стажем работы более 30 лет.

Хотя средний возраст сотрудников в «ОКБ им. А.И. Микояна» составляет 47 лет, сотрудников в возрасте от 40 до 49 лет всего 59 человек – 6,5%, это доля так называемого «среднего возраста». Данная ситуация характерна для любого авиационного предприятия и является следствием нестабильной социально-экономической ситуации и политики 90-х годов.

В целом на предприятии категория сотрудников предпенсионного и пенсионного возрастов составляет 49% от численности всего персонала предприятия – это практически половина всех работающих.

Из 49% сотрудников предпенсионного и пенсионного возрастов количество пенсионеров в 2 раза больше, чем сотрудников предпенсионного возраста.

Для работы в Конструкторском бюро наиболее важен критерий не собственно возраста, а именно стажа работы, который обеспечивает опыт сотрудника. По данным экспертного опроса (эксперты – четыре начальника отдела в возрасте от 55 до 75 лет, со стажем работы более 40 лет) сотрудники пенсионного возраста составляют основу работы конструкторского бюро.

На рисунке 1 представлена численность работников по стажу.

Самая многочисленная группа сотрудников (46%) имеет стаж 16 лет и более. Количество уволенных в этой группе за 2017-18 год наибольшее – 10%.

Вторая по численности группа – молодые сотрудники, имеющие трудовой стаж до 5 лет. Количество сотрудников этой категории за исследуемый период увеличилось на 3%.

Коэффициент текучести кадров за 2017-18 год составил 10,5%. Такой коэффициент считается приемлемым.

В некоторых авиационных корпорациях в последнее время новой когортой специалистов по персоналу, в том числе и в Инженерном центре «ОКБ им. А.И. Микояна» проводились организационно-штатные мероприятия. Целью этих мероприятий является омоложение численного состава, что действительно необходимо. Однако омоложение состава специалистов может идти как по линии приема молодых работников, так и по линии приема молодых и увольнения опытных профессионалов со стажем работы по специальности 16 и более лет.

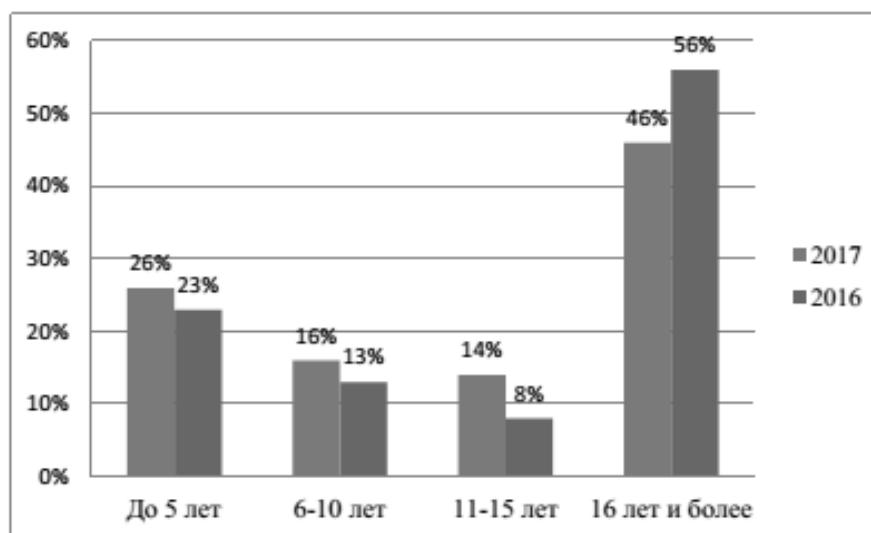

Рисунок 1 – Численность работников по стажу работы

За 2017 год на МиГе выбыло 96 человек, а принято на работу только 59 сотрудников, то есть почти в 2 раза меньше.

Выбывшие 96 человек разных возрастов и должностей покинули Корпорацию по собственному желанию (36 человек), по соглашению сторон (13 человек), в связи с сокращением численности и штата работников (24 человека), в связи с выходом на пенсию (10 человек), по неизбежным причинам увольнения (13 человек). Причины – соглашение сторон, сокращение штата и численности, выход на пенсию - результат компании по уменьшению количества пенсионеров-работников – всего более половины от всех уволенных -53%. За тот же период было принято 59 человек, из которых 52 человека – выпускники ВУЗов и ССУЗов.

Количество выбывших сотрудников превышает количество принятых. Более того, принимают в большинстве своем вчерашних студентов, которых нужно обучать много лет в стенах предприятия. А увольняются, в основном, опытные люди со стажем. Такое «омоложение» кадров может привести к потере знаний и наработанного годами опыта.

На процесс обучения должно тратиться минимум 15 лет, после такого обучения сотрудник становится основным специалистом, который может выполнять любые задачи. В процессе совместной работы обучением преимущественно должны заниматься как раз сотрудники пенсионного возраста, которых могут руководители, не имеющие профильного образования и опыта работы в этой сфере, увольнять.

Такие руководители, далекие от конструкторской деятельности, считают, что на передачу знаний и «выращивание» кадров должно выделяться максимум 1-2 года. По единодушному мнению начальников отделов КБ (экспертная группа), за это время качественно подготовить специалиста, который будет работать над долгосрочными, сложными проектами, практически невозможно. В

отличие от серийного производства, для КБ работников нужно «растить» в течение длительного срока (10-15 лет), чтобы потом получить от них полную отдачу. В первое время (до 5 лет) от них можно будет ожидать только помощь в основной работе. После 15 лет сотрудники способны не только выполнять работу почти любой степени сложности, но и усваивать уникальные знания опытных инженеров, которые проработали в Корпорации много лет.

Начальники отделов (группа экспертов) выделили четыре особые категории специалистов в зависимости от стажа работы:

- «Ученики» (проработавшие минимум 2 года) – те люди, которые только пришли на предприятие из учебных заведений и нуждаются в усвоении азов своей профессии.

- «Исполнители текущих задач» – в зависимости от специфики подразделения, проработавшие в ОКБ в среднем от 8 до 12 лет. Они выполняют задачи, требующие технических, творческих решений. В это время (первые 8-12 лет) сотрудники только включаются в профессию, получают и развивают необходимые специальные умения и навыки, «растут» до ведущих специалистов.

- «Ведущие специалисты» – кадровая основа подразделения, его сила. На этих людей возлагается самая ответственная работа в полном объеме. Они находят новые уникальные технические решения, которые определяют конкурентоспособность продукции МиГа. Это этап, на котором опыт продолжает накапливаться, и чем больше этот опыт, тем более масштабный характер носят решаемые этими специалистами задачи. К этой категории профессионалов относятся ведущие конструкторы, ведущие инженеры и технологи. Именно они непосредственно занимаются созданием самолета. Это сотрудники со стажем работы 13-35 лет, что соответствует возрасту сотрудника минимум 37 лет.

- «Элита» – специалисты, проработавшие более 35 лет. Это люди предпенсионного и пенсионного возрастов, которые по сути являются «энциклопедией знаний». И хотя иногда они не могут выполнять активную техническую работу, их конструкторский опыт является основой слаженной работы подразделений, своеобразной гарантией от ошибочных решений. Они отвечают за конечный продукт, анализируя, исправляя и прогнозируя техническую деятельность.

Следует отметить, что передача накопленного опыта в процессе совместной работы не происходит напрямую от «элиты» к ученикам. Информация последовательно проходит все этапы от «элиты» к ведущим специалистам, от ведущих специалистов до исполнителей текущих задач, от исполнителей текущих задач к ученикам.

Специфика трудовой деятельности в КБ авиастроительной отрасли заключается в очень длительном профессиональном росте специалистов, обусловленным творческим и коллективным характером работы. В дополнение к этому фактору в настоящее время в некоторых отделах социально-психологическая ситуация складывается таким образом, что весь штатный персонал состоит из пенсионеров, другие – в большинстве своем состоят из пенсионеров или лиц предпенсионного возраста. Как правило, «возрастные» работники занимают вышестоящие должности в силу своих знаний и опыта и обеспечивают работу на должном уровне в соответствии с предъявляемыми требованиями.

Кроме интервью с экспертами, для получения дополнительной информации было проведено анкетирование 50 опытных сотрудников разных должностей (начальники отделов, бригад, секторов, ведущие конструкторы, ведущие инженеры).

Сотрудники в возрасте 60-70 лет составляют 54%, в возрасте 71-80 лет 34%, в возрасте 81-90 лет 10%, старше 90 лет 2%. В результате были получены следующие данные.

Абсолютное большинство респондентов (96% опрошенных) считают, что увольнение пенсионеров нецелесообразно.

Далее выяснялось, что является более важным – возраст или стаж. Все сотрудники оказались единодушны в том, что стаж и опыт одинаково значимы и являются определяющей характеристикой.

Следующий вопрос касался количества работников в возрасте до 60 лет, способных выполнять работу с эффективностью как у респондента (или с близкой эффективностью) без дополнительной профессиональной подготовки. По мнению респондентов, без подобной подготовки практически никто не может выполнять эту работу на высоком профессиональном уровне.

Половина опрошенных ответили, что один человек сможет выполнять работу, 18%, 2 человека смогут выполнять подобную работу, 4%, 3 человека. Почти треть респондентов ответили, что никто не сможет выполнять работу их уровня даже после дополнительной подготовки.

Также был задан вопрос о требованиях по должностной категории и стажу в профессии, которые должны предъявляться работникам, которые смогут выполнять работу респондентов с той же или близкой эффективностью.

Большинство респондентов отметили, что их работу смогут выполнять ведущие специалисты со стажем работы больше 30-40 лет. Это говорит о том, что нужно большое количество времени, чтобы стать высококлассным специалистом КБ в авиастроительной отрасли.

Как правило, когда сотрудника назначают на новую должность, первое время он выполняет свои обязанности за более длительный промежуток времени; через определенный период (после успешной трудовой и социально-психологической адаптации в коллективе) те же обязанности он начинает выполнять намного быстрее. Вопрос анкеты выясняет сокращение времени выполнения работы, связанное со стажем и приобретением опыта.

Большинство респондентов (40%) утверждают, что время выполнения работы в настоящее время (за счет полученного опыта) по сравнению с началом работы по этой специализации сократилось в 4 раза. 30% считают, что время работы сократилось в 3 раза, 22%, в 2 раза, и несколько респондентов не могут ответить точно, на сколько изменилось это время (8%).

Для занятия высоких должностей нужно 20 лет, так ответили 18% опрошенных, 20% респондентов ответили, что им понадобилось 30 лет для занятия своей должности, 35 лет – 14%, 40 лет – 14%.

Абсолютное большинство (96%) считает, что правильно набирать молодых специалистов в отделы. Практически все респонденты (98%) согласны передавать свой опыт молодым сотрудникам в процессе наставничества, в ходе совместной работы. Не готовы посвятить это время 16% опрошенных, это достаточно высокий процент. Но 76% респондентов ответили, что готовы посвятить время молодым специалистам и остаться после работы на 30 минут, чтобы познакомиться с сотрудниками, которые в этом нуждаются. Не знают ответ на вопрос 8% респондентов. Большинство считает, что нельзя определить точный срок этого процесса (78%), некоторые считают, что можно (18%), 4% затрудняются ответить.

Также был задан вопрос о времени, необходимом для развития молодого сотрудника до самостоятельного работника. Больше половины опрошенных (52%) считают, что для подготовки кадров нужно более 15 лет. 11-15 лет – 26% респондентов, 6-10 лет – 14%. И всего 8% респондентов ответили, что для этого процесса нужно 3-5 лет.

Таким образом, опираясь на мнение экспертов и опытных сотрудников КБ, можно сделать следующие выводы:

Исторически сложилась ситуация отсутствия специалистов среднего возраста (6,5%), несмотря на то что средний возраст в КБ – 47 лет (высчитывается среднее значение среди многочисленных молодых работников и работников старшего возраста).

Сотрудников возрастной категории 50 лет и старше – 49%, что составляет почти половину всех работающих, из них пенсионеров более, чем в два раза больше. Эти же сотрудники имеют стаж работы более 20 лет. Уволено за последние три года 96 человек, в основном, опытных сотрудников, принято только 59 – выпускников ВУЗов и ССУЗов. Замена явно неравнозначная.

Процесс передачи опыта и знаний в Конструкторском бюро имеет свою специфику. На подготовку ведущего специалиста требуется минимум 16 лет, что объясняется специфически творческим, коллективным характером труда. Второй особенностью является передача знаний и опыта предыдущей ступени, а не любому молодому специалисту.

Наполненность отделов в Конструкторском бюро также связана с преобладанием сотрудников старшего возраста. 7% (3) отделов состоят только из пенсионеров, 31% (14) отделов состоят в большинстве из пенсионеров, 9% (4) отделов состоят наполовину из пенсионеров. Таким образом, 47% от общего число отделов не могут функционировать без опытных специалистов старшего возраста. Механическая замена на молодых невозможна.

Опытные специалисты считают необходимым прием молодых сотрудников (96%), готовы передавать опыт (98%), уделять обучению время после окончания рабочего дня (76%), считают нецелесообразным увольнение пенсионеров (96%), 78% считают невозможным определить точный срок обучения, опытные сотрудники определяют время, необходимое для развития самостоятельного специалиста более 15 лет (52%) или более 11 лет (26%).

По мнению опытных специалистов, их невозможно заменить в работе без предварительной профессиональной подготовки (69%), после подготовки – только 1 – 2 человека (68%). Опыт работы позволяет в 3-4 раза сократить время выполнения заданий (70%).

Заключение

Работа в Конструкторских бюро авиационных предприятий настолько сложна, что выполнять ее качественно и одновременно обеспечивать развитие данной отрасли с учетом современных требований и стандартов качества могут только опытные высококвалифицированные специалисты. Уникальный опыт приобретается только при длительной работе профессионала в тесном сотрудничестве со всеми членами коллектива и связан с продолжительным стажем работы. Трудовой стаж профессиональной деятельности, в свою очередь, напрямую связан с возрастом сотрудника.

Общая закономерность в преемственности поколений состоит в следующем. Передача опыта является длительным многоплановым процессом, сложность информации делает невозможным усвоение новыми молодыми сотрудниками всей информации за 2-3 года. Освоение и закрепление необходимых навыков происходит поэтапно, так как наиболее сложный материал требует предварительной подготовки как теоретического, так и практического характера, а любой этап разработки создания летательного аппарата, его отдельного узла требует достаточно длительного периода времени. В связи с вышеизложенным можно утверждать, что передача опыта молодым конструкторам и технологам представляет собой процесс, значительно растянутый по времени, который сократить практически

невозможно. В этом состоит основная кадровая специфика разрабатывающих предприятий (ОКБ) изучаемой отрасли, специализирующихся на проектировании новых образцов авиационной техники или ее модификации.

Библиография

1. Дуракова И.Б., Талтынов С.М., Майер Е.В. Актуальные проблемы управления персоналом (работники старших возрастов). М.: Инфра-М., 2019. 191 с.
2. Зайцева Т.В. Система управления человеческими ресурсами. М.: МГУ, 2012. 248 с.
3. Кибанов А.Я. Управление персоналом: энциклопедия. М.: Инфра-М., 2010. 524 с.
4. Кибанов А.Я. Основы управления персоналом. М.: Инфра-М., 2017. 440 с.
5. Кибанов А.Я., Дуракова И.Б. Управление персоналом организации: стратегия, маркетинг, интернационализация. М.: Инфра-М, 2009. 301 с.
6. Кочнева Л.В., Пономарева Д.И. Исследование карьерных предпочтений как условие развития профессионального самосознания студентов технических и гуманитарных факультетов вузов // Инициативы XXI века. 2018, № 3-4. С. 74-76.
7. Пугачев В.П. Планирование персонала организации. М.: МГУ, 2011. 236 с.
8. Пугачев В.П. Управление персоналом организации. М.: Юрайт, 2019. 402 с.
9. Травин В.В., Дятлов В.А. Основы кадрового менеджмента. М.: Дело, 2001. 331 с.
10. Травин В.В., Дятлов В.А. Менеджмент персонала предприятия. М.: Дело, 2002. 272 с.
11. Шекшня С.В. Управление персоналом современной организации. М.: Интел-Синтез, 2002. 368 с.

Professional implementation of retirement age specialists in the structure of the Aviation Corporation Experimental Design Bureau

Tat'yana D. Stul'nik

PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Department of Sociology, psychology and social management,
Moscow Aviation Institute (National Research University),
125993, 4, Volokolamskoye highway, Moscow, Russian Federation;
e-mail: t.stulnik@mail.ru

Diana I. Ponomareva

PhD in Psychology, Associate Professor,
Department of Sociology, psychology and social management,
Moscow Aviation Institute (National Research University),
125993, 4, Volokolamskoye highway, Moscow, Russian Federation;
e-mail: di37tap1@mail.ru

Elena V. Grib

PhD, Associate Professor,
Department of Sociology, psychology and social management,
Moscow Aviation Institute (National Research University),
125993, 4, Volokolamskoye highway, Moscow, Russian Federation;
e-mail: newwwday@yandex.ru

Abstract

This article is devoted to the topical issues of studying the problem of implementation of professional competencies, personnel structure in the organization of aviation profile, as well as socio-psychological study of the consequences of uneven ratio of employees of different ages in the workforce of the Design Bureau of aviation corporations. The description of the historically prevailing situation concerning almost all aviation enterprises related to the lack of middle-aged specialists due to the specific features of the economic development of the country in the 1990s is given. The question of the uniqueness of the work activities of the Design Bureau (KB) specialists is touched upon, the complexity, creative and collective nature of the professional activity, continuous connection with the practical implementation of the results. The problem of considering the special parameters and competencies, which are the basic platform for training new employees, design engineers, process engineers, is considered. On the basis of the results of the conducted research, the stated problems are empirically proved and justified by the need to preserve employees of the retirement age with extensive work experience in the enterprise (in the Design offices). There are also arguments from practice that objectively confirm the impossibility of the work of design bureaus without this category of specialists in modern conditions. It analyzes the authoritative opinion of specific employees of design bureaus of retirement age, experts and specialists with a long history of work at an aviation enterprise.

For citation

Stul'nik T.D., Ponomareva D.I., Grib E.V. (2019) Professional'naya realizatsiya spetsialistov pensionnogo vozrasta v strukture Opytno-konstruktorskikh byuro aviatsionnykh korporatsii [Professional implementation of retirement age specialists in the structure of the Aviation Corporation Experimental Design Bureau]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 8 (2A), pp. 99-108.

Keywords

Professional realization, retirement age, design activity, labor adaptation, specialist training, transfer of experience.

References

1. Durakova I.B., Taltynov S.M., Maier E.V. (2019) *Aktual'nye problemy upravleniya personalom (rabotniki starshikh vozrastov)* [Actual problems of personnel management (among the older workers)]. Moscow: Infra-M Publ.
2. Kibanov A.Ya. (2010) *Upravlenie personalom: entsiklopediya* [Human Resource Management: Encyclopedia]. Moscow: Infra-M Publ.
3. Kibanov A.Ya. (2017) *Osnovy upravleniya personalom* [Fundamentals of personnel management]. Moscow: Infra-M Publ.
4. Kibanov A.Ya., Durakova I.B. (2009) *Upravlenie personalom organizatsii: strategiya, marketing, internatsionalizatsiya* [Human resource management organizations: strategy, marketing, internationalization]. Moscow: Infra-M Publ.
5. Kochneva L.V., Ponomareva D.I. (2018) *Issledovanie kar'ernykh predpochtenii kak uslovie razvitiya professional'nogo samosoznaniya studentov tekhnicheskikh i gumanitarnykh fakul'tetov vuzov* [The study of career preferences as a condition for the development of professional self-awareness of students of technical and humanities faculties of universities]. *Initiativy XXI veka* [Initiatives of the XXI century], 3-4, pp. 74-76.
6. Pugachev V.P. (2011) *Planirovanie personala organizatsii* [Planning staff organization]. Moscow: MSU.
7. Pugachev V.P. (2019) *Upravlenie personalom organizatsii* [Management staff of the organization]. Moscow: Yurait Publ.
8. Shekshnya S.V. (2002) *Upravlenie personalom sovremennoi organizatsii* [HRM in modern organization]. Moscow: Intel-Sintez Publ.

9. Travin V.V., Dyatlov V.A. (2001) *Osnovy kadrovogo menedzhmenta* [Fundamentals of HRM]. Moscow: Delo Publ.
10. Travin V.V., Dyatlov V.A. (2002) *Menedzhment personala predpriyatiya* [Management staff of the enterprise]. Moscow: Delo Publ.
11. Zaitseva T.V. (2012) *Sistema upravleniya chelovecheskimi resursami* [Human Resource Management System]. Moscow: MSU.

УДК 159.99

Связь профессионально важных характеристик и профессиональной идентичности госслужащих

Цаплин Евгений Валерьевич

Аспирант,
Тюменский государственный университет,
625000, Российская Федерация, Тюмень, ул. Ленина, 38;
e-mail: caplin.evgeniy@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается связь профессионально важных характеристик и профессиональной идентичности служащих. Цель статьи рассмотреть профессионально важные характеристики в проекции профессиональной идентичности. В исследовании участвовали 135 респондентов: служащие (72 человека) и претенденты на должности государственной службы (63 человека). В ходе изучения профессиональной идентичности репрезентативно получились представлены три статуса профессиональной идентичности: «мораторий», «достигнутая», «псевдопозитивная». Другие статусы профессиональной идентичности такие как «преждевременная» и «диффузная» были представлены в недостаточном количестве для статистической обработки. По результатам исследования можно отметить следующее. Для служащих в основном свойственен статус профессиональной идентичности «мораторий», который предполагает ситуацию кризиса профессиональной идентичности и активный поиск возможностей для разрешения ценностных противоречий. Для претендентов на должности свойственен статус «псевдопозитивная идентичность», который предполагает амбициозность, преувеличение собственных возможностей. Претенденты со статусом «мораторий» обладают выраженным адаптационным потенциалом к аналитической деятельности, чем претенденты, имеющие статус «псевдопозитивная идентичность». Претенденты со статусом «мораторий» обладают выраженными качествами стабильность, любознательность, структура интеллекта, а также ориентированы на самостоятельность и принятие ответственности за других, в отличие от служащих со статусом «мораторий». На наш взгляд, профессиональную идентичность можно рассматривать как интегральный показатель для групп профессионально важных характеристик, что позволяет использовать оценку профессиональной идентичности для определения потенциала к профессиональной деятельности.

Для цитирования в научных исследованиях

Цаплин Е.В. Связь профессионально важных характеристик и профессиональной идентичности госслужащих // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 2А. С. 109-114.

Ключевые слова

Профессиональная идентичность, государственная служба, муниципальные служащие, профессионально важные характеристики, профессия.

Введение

Актуальность исследования обусловлена важностью позиции профессиональной группы государственных гражданских и муниципальных служащих в структуре общества, так как их деятельностный потенциал напрямую связан с вектором развития ключевых областей жизнедеятельности граждан. Современные общественные тенденции предъявляют высокие требования к служащим не только с позиции организации их деятельности, но и относительно их квалификации. Отсюда возникает проблема противоречия целевых и ценностных ориентаций, транслируемых профессиональной служебной деятельностью ценностным ориентациям лиц, исполняющих обязанности служащих, или претендующих на их исполнение. В связи с этим, на наш взгляд, для определения перспектив развития служащих необходима не только оценка уровня сформированности их профессионально важных качеств, но также и исследование их профессиональной идентичности.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 135 респондентов: муниципальные служащие категории «исполнители» (72 человека) и претенденты на должности муниципальной службы (63 человека). Профессиональная идентичность исследовалась с помощью «Методики изучения профессиональной идентичности» (Л.Б. Шнейдер) [Шнейдер, 2001]. Для исследования представлений человека о его личности применялась методика «Кто Я?» (М. Кун, Т. Макпартланд). Мотивационные факторы изучались с помощью методики «Структура трудовой мотивации» (А.Г. Шмелев). Структура интеллекта изучалась с помощью «Теста интеллектуального потенциала стандартизированного» (А.Г. Шмелев). Личностные особенности исследовались методиками: «11 личностных факторов» (А.Г. Шмелев) и «ЕРІ» (Г. Айзенк). Статистическая обработка результатов осуществлялась с помощью критериев t-Стьюдента и U Манна-Уитни.

Результаты исследования

Репрезентативно представлены три статуса профессиональной идентичности: «мораторий», «достигнутая», «псевдопозитивная». Статусы профессиональной идентичности «преждевременная» и «диффузная» представлены в недостаточном количестве для статистической обработки. Для служащих-исполнителей в большей степени характерен статус профессиональной идентичности «мораторий», который предполагает ситуацию кризиса профессиональной идентичности и активную деятельность по поиску возможностей согласования собственных ценностей и ценностей профессии на службе или за ее пределами. Для претендентов на должности муниципальной службы характерен статус «псевдопозитивная идентичность», который характеризуется амбициозностью, преувеличением собственных возможностей, декларативной согласованностью ценностей, наличием «слепых зон» относительно своего потенциала в профессии, демонстрированием позитивного образа себя. Претенденты на должности муниципальной службы, со статусом «мораторий» обладают выраженным адаптационным потенциалом к аналитической деятельности, чем претенденты, имеющие статус «псевдопозитивная идентичность» (вычисления ($t=3,6$; $df=22$; $a=0,05$; $p<0,01$), лексика ($t=2,6$; $df=22$; $a=0,05$; $p<0,05$), невербальная логика ($t=2,5$; $df=22$; $a=0,05$; $p<0,05$), обработка информации ($t=2,4$; $df=22$; $a=0,05$; $p<0,05$), общий балл структуры интеллекта ($t=3,5$; $df=22$; $a=0,05$; $p<0,01$) (Таблица 1.).

Таблица 1 – Профессионально важные характеристики претендентов

Профессионально важные характеристики	Претенденты	
	Псевдопозитивная	Мораторий
Вычисления	4,1	5,7
Лексика	5,0	6,3
Невербальная логика	4,5	5,9
Обработка информации	5,2	6,7
Общий балл	4,8	5,9

Претенденты со статусом «мораторий» обладают выраженными качествами стабильность, любознательность, структура интеллекта, а также ориентированы на самостоятельность и принятие ответственности за других, в отличие от служащих-исполнителей со статусом «мораторий» (внутренняя мотивация ($t=2,1$; $df=42$; $a=0,05$; $p<0,05$), руководство ($t=3,3$; $df=42$; $a=0,05$; $p<0,01$), деньги ($t=-2,2$; $df=42$; $a=0,05$; $p<0,05$), связи ($t=-2,2$; $df=42$; $a=0,05$; $p<0,05$), здоровье ($t=-2,1$; $df=42$; $a=0,05$; $p<0,05$), вычисления ($t=2,6$; $df=42$; $a=0,05$; $p<0,05$), обработка информации ($t=2,4$; $df=42$; $a=0,05$; $p<0,05$), общий балл по структуре интеллекта ($t=3,2$; $df=42$; $a=0,05$; $p<0,01$), любознательность ($t=2,4$; $df=42$; $a=0,05$; $p<0,05$), нейротизм ($t=-2,2$; $df=42$; $a=0,05$; $p<0,05$)) (Таблица 2).

Таблица 2 – Профессионально важные характеристики служащих-исполнителей со статусом «мораторий»

Профессионально важные характеристики	Мораторий	
	Претенденты	Исполнители
Внутренняя мотивация	7,1	6,1
Руководство	5,5	3,5
Деньги	3,5	4,8
Связи	2,8	4,1
Здоровье	5,4	6,7
Вычисления	5,7	4,4
Обработка информации	6,7	4,9
Общий балл	5,9	4,7
Любознательность	5,9	4,4
Нейротизм	2,9	4,0

Служащие-исполнители со статусом «достигнутая идентичность» обладают выраженным потенциалом к деятельности на муниципальной службе и могут быть рекомендованы к повышению: должности руководителя, наставника, транслирующего профессиональную культуру для новичков. Служащие-исполнители со статусом «мораторий» обладают менее выраженным адаптационным потенциалом, чем служащие-исполнители со статусом «достигнутая» (признание ($t=2,1$; $df=28$; $a=0,05$; $p<0,05$), невербальная логика ($t=2,5$; $df=28$; $a=0,05$; $p<0,05$)) (Таблица 3).

Таблица 3 – Профессионально важные характеристики исполнителей

Профессионально важные характеристики	Исполнители	
	Достигнутая	Мораторий
Признание	5,3	3,8
Невербальная логика	6,2	4,2

Претенденты на должности муниципальной службы со статусом «мораторий» обладают более выраженным адаптационным потенциалом к деятельности на муниципальной службе, чем претенденты со статусом «достигнутая идентичность» (руководство ($t=2,6$; $df=22$; $a=0,05$; $p<0,05$), вычисления ($t=3,3$; $df=22$; $a=0,05$; $p<0,01$), лексика ($t=3,1$; $df=22$; $a=0,05$; $p<0,01$), пространственное мышление ($t=2,5$; $df=22$; $a=0,05$; $p<0,05$), невербальная логика ($t=2,6$; $df=22$; $a=0,05$; $p<0,05$), вербальная логика ($U=35,0$; $n_1=12$; $n_2=12$; $a=0,05$; $p<0,05$), общий балл структуры интеллекта ($t=5,1$; $df=22$; $a=0,05$; $p<0,01$), дружелюбие ($t=-2,9$; $df=22$; $a=0,05$; $p<0,01$), экстраверсия ($U=34,0$; $n_1=12$; $n_2=12$; $a=0,05$; $p<0,05$)) (Таблица 4).

Таблица 4 – Профессионально важные характеристики претендентов

Профессионально важные характеристики	Претенденты	
	Достигнутая	Мораторий
Руководство	4,4	5,2
Вычисления	4,0	5,0
Лексика	4,8	6,5
Пространственное мышление	3,6	5,3
Невербальная логика	4,7	5,4
Вербальная логика	4,8	5,4
Общий балл	4,7	5,6
Дружелюбие	7,5	6,4
Экстраверсия	5,2	5,6

Заключение

Профессиональная идентичность выступает, своего рода, интегральным показателем для групп профессионально важных качеств, что позволяет использовать оценку профессиональной идентичности для определения потенциала к профессиональной деятельности на государственной и муниципальной службе в дополнение к используемым методам оценки, и обеспечивать индивидуальный подход к формированию планов адаптации сотрудников.

Библиография

- Дряева Э.Д. Основные концепции самоидентификации личности в социокультурном контексте: генезис и развитие // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=13286>
- Иванова Н.Л. Социальная идентичность и проблемы образования. Ярославль, 2001. 228 с.
- Лаборатория Гуманитарные технологии. URL: <https://ht-lab.ru/>
- Личностный опросник Г. Айзенка. URL: <http://psylab.info/>
- Макадамс Д.П. Психология жизненных историй // Методология и история психологии. 2008. № 3. С. 135-166.
- Мухина В.С. Возрастная психология. Феноменология развития. М., 2012. 656 с.
- Павленко В.Н., Корж Н.Н. Трансформация социальной идентичности в посттоталитарном обществе // Психологический журнал. 1998. Т.19. №1. С. 75-79.
- Рикер П. Путь признания. Три очерка. М., 2010. 268 с.
- Тест Куна-Макпартланда. URL: <http://psylab.info/>
- Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность. М.: МОСУ, 2001. 272 с.
- Якушина О.И. Идентичность в социологической теории Э. Гидденса // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=12685>
- Ericson E.H. Identity, youth and crisis // Handbook of adolescent psychology. N.Y.: J Wiltj, 1980. 624 p.

Relation of professionally important characteristics and professional identity of civil servants

Evgenii V. Tsaplin

Graduate student,
Tyumen State University,
625000, 38, Lenina st., Tyumen, Russian Federation;
e-mail: caplin.evgeniy@mail.ru

Abstract

The article discusses the relationship of professionally important characteristics and professional identity of civil servants. The purpose of the article is to consider professionally important characteristics in the projection of professional identity. The study involved 135 respondents: civil servants (72) and candidates for civil service positions (63). In the course of studying professional identity, three statuses of professional identity were representatively represented: "moratorium", "achieved", "pseudo-positive". Other statuses of professional identity such as "premature" and "diffuse" were presented in insufficient quantities for statistical processing. According to the research results, the following can be noted. For civil servants, the status of professional identity "moratorium" is mainly characteristic, which presupposes a situation of crisis of professional identity and an active search for opportunities to resolve value contradictions. Candidates for positions are characterized by the status of "pseudo-positive identity", which implies ambition, exaggeration of one's own capabilities. Candidates with the status of "moratorium" have a pronounced adaptive capacity for analytical activities than applicants with the status of "pseudo-positive identity." Applicants with the status of "moratorium" have expressed qualities of stability, curiosity, structure of the intellect, as well as focus on independence and acceptance of responsibility for others, unlike civil servants with the status of "moratorium". In our opinion, professional identity can be considered as an integral indicator for groups of professionally important characteristics, which allows using the assessment of professional identity to determine the potential for professional activity in civil service in addition to the assessment methods used.

For citation

Tsaplin E.V. (2019) Svyaz' professional'no vazhnykh kharakteristik i professional'noi identichnosti gossluzhashchikh [Relation of professionally important characteristics and professional identity of civil servants]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 8 (2A), pp. 109-114.

Keywords

Professional identity, civil service, civil servants, professionally important characteristics, profession.

References

1. Dryaeva E.D. (2014) Osnovnye kontseptsii samoidentifikatsii lichnosti v sotsiokul'turnom kontekste: genezis i razvitie [The basic concepts of self-identification of a person in a sociocultural context: genesis and development]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 3. Available at: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=13286>

2. Ericson E.H. (1980) Identity, youth and crisis. In: *Handbook of adolescent psychology*. N.Y.: J Wiltj.
3. Ivanova N.L. (2001) *Sotsial'naya identichnost' i problemy obrazovaniya* [Social identity and problems of education]. Yaroslavl.
4. *Laboratoriya Gumanitarnye tekhnologii* [Laboratory of Humanitarian technologies]. Available at: <https://ht-lab.ru/> [Accessed 03/03/2019]
5. *Lichnostnyi oprosnik G. Aizenka* [Personal questionnaire by Eysenk]. Available at: <http://psylab.info/> [Accessed 03/03/2019]
6. Mcadams D.P. (2008) Psikhologiya zhiznennykh istorii [Psychology of life stories]. *Metodologiya i istoriya psikhologii* [Methodology and history of psychology], 3, pp. 135-166.
7. Mukhina V.S. (2012) *Vozrastnaya psikhologiya. Fenomenologiya razvitiya* [Age-related psychology. Phenomenology of development]. Moscow.
8. Pavlenko V.N., Korzh N.N. (1998) Transformatsiya sotsial'noi identichnosti v posttotalitarnom obshchestve [Transformation of social identity in post-totalitarian society]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 19, 1, pp. 75-79.
9. Ricker P. (2010) *Put' priznaniya. Tri ocherka* [Way of recognition. Three essays.]. Moscow.
10. *Test Kuna-Makpartlanda* [Kuhn-McPartland test]. Available at: <http://psylab.info/> [Accessed 03/03/2019]
11. Shneider L.B. (2001) *Professional'naya identichnost'* [Professional identity]. Moscow.
12. Yakushina O.I. (2014) Identichnost' v sotsiologicheskoi teorii E. Giddensa [Giddens sociological theory]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2. Available at: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=12685> [Accessed 03/03/2019]

УДК 159.99

Содержательные характеристики кризиса профессиональной идентичности госслужащих

Андреева Ольга Станиславовна

Кандидат психологических наук,
доцент кафедры общей и социальной психологии,
завкафедрой общей и социальной психологии,
Тюменский государственный университет,
625000, Российская Федерация, Тюмень, ул. Ленина, 38;
e-mail: o_andreeva@mail.ru

Цаплин Евгений Валерьевич

Аспирант,
Тюменский государственный университет,
625000, Российская Федерация, Тюмень, ул. Ленина, 38;
e-mail: caplin.evgeniy@mail.ru

Аннотация

В данной статье представлена попытка изучения ценностного противоречия госслужащих, сказывающегося на выраженности их профессионально важных характеристик. Целью данной статьи является предложение трактовки исследования профессиональной идентичности служащих, отражающий профессионально важные характеристики, свойственные служащим в ситуации кризиса профессиональной идентичности. В исследовании приняли участие 135 респондентов: 72 служащих и 63 претендента на должности службы. Для исследования профессиональной идентичности респондентов использовалась «Методика изучения профессиональной идентичности». Для изучения представлений человека о своей личности мы применяли методику «Кто Я?». Для изучения мотивационных профилей, структуры интеллекта и личностных особенностей респондентов использовались методики за авторством А.Г. Шмелева: «Структура трудовой мотивации», «Тест интеллектуального потенциала стандартизированный», «11 личностных факторов». Также мы использовали личностный опросник «ЕРІ» Г. Айзенка. Сравнение групп служащих и претендентов осуществлялось в программе SPSS с применением критерия t-Стьюдента. По итогам исследования были получены статистически значимые различия в профессионально важных характеристиках респондентов, имеющих статус профессиональной идентичности «мораторий». Практическая значимость исследования заключается в рекомендации принимать во внимание потенциал претендентов со статусом «мораторий» для принятия на вакантные должности. Для исполнителей с мораторием идентичности рекомендуется консультативная работа с наставником или с представителем психологической службы для

поиска возможностей по согласованию собственных ценностей с ценностями, транслируемыми профессиональной деятельностью.

Для цитирования в научных исследованиях

Андреева О.С., Цаплин Е.В. Содержательные характеристики кризиса профессиональной идентичности госслужащих // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 2А. С. 115-122.

Ключевые слова

Профессиональная идентичность, профессионально важные характеристики, кризис идентичности, государственная служба, государственный служащий.

Введение

К проблематике профессионализма госслужащих сохраняется стабильный интерес со стороны научного сообщества. Исследуются различные концепты, так или иначе связанные с профессионализмом: профессиональная культура, компетентность, компетенции, профессионально важные качества, потенциал, адаптация, карьера, личностно-профессиональное развитие, конфликты, репутация госслужащего. На наш взгляд, это обусловлено тем, что от профессионализма госслужащего зависит благосостояние граждан государства. Как отмечает ряд исследователей, развертывание проблемы профессионализма госслужащих обнаруживается не только на уровне демонстрирования выраженности профессиональных характеристик, но, главным образом, на уровне ценностных ориентаций. Здесь на первый план выходит самоидентификация служащего с его профессией, следствием этого является формирование в структуре Я-концепции служащего особого конструкта, отвечающего за осознание своей принадлежности к социально-профессиональной группе «госслужащие». Этот конструкт называют профессиональной идентичностью.

Развертывание проблемы профессионализма служащих на уровне ценностных ориентаций, на наш взгляд, имеет важное противоречие: несогласованность ценностных ориентаций служащего с ценностями профессии. Это во многом может являться причиной кризиса профессиональной идентичности, характеризующегося активным поиском возможностей для согласования ценностей.

Цель данной статьи – предложить подход исследования профессиональной идентичности служащих, отражающий профессионально важные характеристики, свойственные служащим в ситуации кризиса профессиональной идентичности.

Практическая значимость работы представляется нам в виде рекомендаций к организации исследования профессиональной идентичности в комплексе с изучением профессионально важных качеств у госслужащих и претендентов на должности госслужбы. Комплексное психологическое тестирование позволяет выявить не только респондентов с выраженным потенциалом к деятельности на госслужбе, но также выявить респондентов, находящихся в ситуации кризиса профессиональной идентичности. Принятие во внимание результатов данного исследования позволяет более точно определить респондентов, которым требуется консультативная поддержка наставника или представителя психологической службы в плане профессиональной ориентации.

Идентичность исследовалась в основном с позиции социологии. С психологической точки зрения рассматривалась социальная идентичность у представителей бизнес структур. Профессиональная идентичность изучалась в основном у студентов-психологов, представителей органов внутренних дел, полицейских, курсантов, преподавателей, психологов, педагогов, официантов. Мы предлагаем исследовать профессиональную идентичность в комплексе с профессионально важными характеристиками и определить характеристики, характерные для ситуации кризиса профессиональной идентичности госслужащего.

Обзор литературы

Постановку проблематики идентичности связывают с именем Э. Эриксона. Он предложил содержательную трактовку термина идентичность: «внутренняя непрерывность и тождественность личности, динамический процесс, продолжающийся на протяжении всей жизни человека» [Ericson, 1980]. Подходы исследования идентичности несколько разнятся в зарубежной и отечественной психологии. В зарубежной психологии идентичность, изучалась в рамках основных направлений: психодинамическое, интеракционистское, бихевиористское, когнитивистское, конструкционистское. Ч. Кули и Дж. Мид относят идентичность к области самосознания, которая обобщает взаимодействия индивида с социумом и формируется в результате таких взаимодействий [Иванова, 2001]. Примечательна деятельность Дж. Марсиа, который выделил в структуре идентичности несколько статусов, свидетельствующих о зрелости данного конструкта в структуре Я-концепции (преждевременная идентичность, диффузная, мораторий идентичности, достигнутая) [там же]. Знание о статусах стало предпосылкой для эмпирического выявления уровня зрелости человека в основных категориях его жизни. Такими категориями стали: этнос, профессия, тендер, гражданственность, культура и др. В связи с необходимостью такого рода осознанности, ученые начали выделять в личностной и социальной идентичности различные виды: этническая, профессиональная, тендерная, гражданственная, социокультурная и др. А. Тэджфел и Дж. Тернер предложили континуум идентичности, объединяющий поведенческие реакции человека, обусловленные индивидуальными характеристиками человека и его групповой принадлежностью [Павленко, Корж, 1998]. Д. Макадамс считал, что идентичность – это усвоение и развитие нарратива индивида на основе рефлексии [Макадамс, 2008]. Схожее понимание становления идентичности можно отметить и у Э. Гидденса. Он рассматривал идентичность как интеграцию событий внешнего мира в собственную биографию на основе рефлексии [Якушина, 2014]. Также Р. Баумайстер изучал идентичность как форму самосознания индивида в различных исторических эпохах, демонстрирующую динамически изменяющийся уровень самосознания и рефлексивную автономность индивида [Дряева, 2014]. П. Рикер выделил нарративную идентичность и отмечал, что идентичность человека формируется и динамически развивается непосредственно в момент развертывания им собственного нарратива [Рикёр, 2010].

В отечественной психологии в основном исследуются схожие по содержанию концепты или структурные компоненты идентичности: самосознание, самоопределение, самоотношение, самоактуализация, персонализация. Важным являются работы Л.С. Выготского о развитии самосознания посредством усвоения культурно-исторического опыта и интериоризации социальных отношений [Выготский, 2012]. А.Н. Леонтьев отмечал, что самосознание выполняет функцию интеграции и иерархизации деятельностей, ценностей и мотивов личности [Леонтьев,

2005]. В.С. Мухина дополняет исследования А.Н. Леонтьева и определяет процесс идентификации как механизм структурирования самосознания [Мухина, 2012]. И.С. Кон рассматривает формирование идентичности индивида на основе его собственной активности: сформированность, надежность и цельность образа Я находится в зависимости от взаимоотношений с социальными группами и общностями, в которых протекает жизнедеятельность личности [Кон, 1989].

Н.Л. Иванова, Н.В. Антонова и Ю.П. Поваренков представили в своих работах обзор зарубежных исследований в рамках концепта идентичности. Т.В. Бугайчук и Т.Г. Доссэ с опорой на обзор представленных выше исследователей, выделили характеристики идентичности: элементы идентичности, чувство идентичности, формирование и развитие идентичности [Иванова, 2001].

Л.Б. Шнейдер систематизировала материал по феномену идентичности. Шнейдер рассматривала личностную, тендерную и профессиональную идентичность. Профессиональная идентичность в трактовке Шнейдер является самопредставлением индивидуального субъекта в профессиональной сфере через демонстрацию владения специфичным для профессиональной области набором терминов, использование в деятельности норм и ценностей, применение важных профессиональных компетенций. Также профессиональная идентичность включает представление о наставниках и ярких представителях сообщества и профессии в целом, обладание знанием профессиональных примет, профессиональных мифов и традиций [Шнейдер, 2001]. Л.Б. Шнейдер предложила методику диагностики профессиональной, личностной и тендерной идентичности (МИПИ), связала ее со статусами идентичности, предложенными Дж. Марсиа.

Е.И. Кузьмина объединила концепты самосознания, самоопределения, самоорганизации, самоотношения, и показала порядок их интеграции в идентичность на основании собственного выбора, рефлексии и деятельности [Кузьмина, 1994].

Таким образом, идентичность характеризуется учеными как сложный феномен, тесно связанный с концептами самосознания, самоопределения, самоотношения, самоорганизации, персонализации. Основным механизмом становления идентичности является процесс идентификация, корректируемый с помощью рефлексии и проявляющийся в нарративе индивида. В нашем исследовании мы будем рассматривать профессиональную идентичность в трактовке Л.Б. Шнейдер.

Материалы и методы

В нашем исследовании применялись следующие методы:

Методика изучения профессиональной идентичности (Л.Б. Шнейдер) [Шнейдер, 2001];

Методика «Кто Я?» (М. Кун, Т. Макпартланд) [Тест Куна-Макпартланда, [www](#)];

Тест «Структура трудовой мотивации» (А.Г. Шмелев) [Лаборатория Гуманитарные технологии, [www](#)];

«Тест интеллектуального потенциала стандартизированный» (А.Г. Шмелев) [там же];

Тест «11 личностных факторов» (А.Г. Шмелев) [там же];

Методика «ЕРІ» (Г. Айзенк) [Личностный опросник Г. Айзенка, [www](#)].

Статистическая обработка полученных данных производилась в программе SPSS с применением критерия для сравнения независимых выборок t-Стьюдента.

Результаты исследования

По итогам изучения профессиональной идентичности нами были выявлены респонденты, имеющие статус профессиональной идентичности «мораторий», отражающий ситуацию кризиса профессиональной идентичности, в которой человек активно ищет возможности для согласования собственных ценностей с ценностями профессии [Шнейдер, 2001].

Выборка составила 135 респондентов: муниципальные служащие категории «исполнители» (72 человека) и претенденты на должности муниципальной службы (63 человека).

При сравнении претендентов и служащих-исполнителей со статусом идентичности «мораторий» можно отметить, что обе группы респондентов ориентированы на следование собственным укоренившимся ценностям и целям. Претенденты склонны принимать ответственность в большей степени за себя, так как рассматриваются на должность, поэтому мотив руководство выше, чем у исполнителей. Исполнители больше склонны нести ответственность за свой фронт работы и не склонны к излишней самостоятельности в выполнении профессиональной деятельности. Для исполнителей большую значимость имеют мотивы деньги, связи и здоровье в отличие от претендентов. Обеим группам свойственна экономия сил в работе, ввиду высокого мотива здоровье.

Различия в структуре интеллекта и в сфере личностных особенностей респондентов можно объяснить следующим образом. Сниженные значения у исполнителей по сравнению с выраженностью характеристик претендентов, можно объяснить наличием ситуации кризиса идентичности, рассогласованности ценностей и целей служащих с ценностями профессиональной службы, наличием энтропийных психических процессов, о чем свидетельствуют несколько повышенный нейротизм и мотив здоровья. У претендентов, наоборот, ситуация трудоустройства рассматривается как выход из ситуации профессионального кризиса и возможность согласовать свои ценности с ценностями профессии.

Таблица 1 – Перечень профессионально важных характеристик претендентов и исполнителей, имеющих статус профессиональной идентичности «мораторий»

Профессионально важные характеристики	Мораторий		t	p
	Претенденты	Исполнители		
Внутренняя мотивация	7,1	6,1	t =2,1	p<0,05
Руководство	5,5	3,5	t =3,3	p<0,01
Деньги	3,5	4,8	t =-2,2	p<0,05
Связи	2,8	4,1	t =-2,2	p<0,05
Здоровье	5,4	6,7	t =-2,1	p<0,05
Вычисления	5,7	4,4	t =2,6	p<0,05
Обработка информации	6,7	4,9	t =2,4	p<0,05
Общий балл	5,9	4,7	t =3,2	p<0,01
Любознательность	5,9	4,4	t =2,4	p<0,05
Нейротизм	2,9	4,0	t =-2,2	p<0,05

Рисунок 1 – Распределение профессионально важных характеристик респондентов со статусом профессиональной идентичности «мораторий»

Заключение

Изучение профессиональной идентичности в комплексе с профессионально важными характеристиками, на наш взгляд, позволяет более точно интерпретировать выраженность профессионально важных характеристик у служащих и претендентов на должности государственной службы.

Содержательно ситуация кризиса профессиональной идентичности раскрывается, главным образом, выраженностью характеристик структуры интеллекта и личности респондентов.

В плане практической значимости можно предложить рекомендации принимать во внимание потенциал претендентов со статусом «мораторий» для принятия на вакантные должности. Для исполнителей с мораторием идентичности мы склонны рекомендовать консультативную работу с наставником или с представителем психологической службы для формирования индивидуального плана профессионального развития, принимая во внимания мотивационный профиль данных сотрудников, или для оказания поддержки в профориентационной работе вне пределов сферы государственного управления.

Библиография

1. Антонова Н.В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. 1996. №1. С. 131-143.
2. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. М., 2012.
3. Дряева Э.Д. Основные концепции самоидентификации личности в социокультурном контексте: генезис и развитие // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=13286>
4. Иванова Н.Л. Социальная идентичность и проблемы образования. Ярославль, 2001. 228 с.
5. Кон И.С. Психология ранней юности. М., 1989. 256 с.
6. Кузьмина Е.И. Психология свободы. М., 1994. 195 с.
7. Лаборатория «Гуманитарные технологии». URL: <https://ht-lab.ru/>
8. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 2005. 352 с.
9. Личностный опросник Г. Айзенка. URL: <http://psylab.info/>
10. Макадамс Д.П. Психология жизненных историй // Методология и история психологии. 2008. № 3. С. 135-166.
11. Мухина В.С. Возрастная психология. Феноменология развития. М., 2012. 656 с.

12. Павленко В.Н., Корж Н.Н. Трансформация социальной идентичности в посттоталитарном обществе // Психологический журнал. 1998. Т.19. №1. С. 75-79.
13. Рикер П. Путь признания. Три очерка. М.: РОССПЭН, 2010. 268 с.
14. Тест Куна-Макпартланда. URL: <http://psylab.info/>
15. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность. М.: МОСУ, 2001. 272 с.
16. Якушина О.И. Идентичность в социологической теории Э. Гидденса // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=12685>
17. Ericson E.H. Identity, youth and crisis // Handbook of adolescent psychology. N.Y.: J Wiltj, 1980. 624 p.

Substantial characteristics of the crisis of professional identity of civil servants

Ol'ga S. Andreeva

PhD in Psychology,
Associate Professor of the Department of Common and Social psychology,
Head of the Department of Common and Social psychology,
Tyumen State University,
625000, 38, Lenina st., Tyumen, Russian Federation;
e-mail: o_andreeva@mail.ru

Evgenii V. Tsaplin

Postgraduate,
Tyumen State University,
625000, 38, Lenina st., Tyumen, Russian Federation;
e-mail: caplin.evgeniy@mail.ru

Abstract

This article presents an attempt to study the value contradiction of civil servants, affecting the severity of their professionally important characteristics. The purpose of this article is to offer an interpretation of the study of professional identity of employees, reflecting the professionally important characteristics characteristic of employees in a situation of crisis of professional identity. The survey involved 135 respondents: 72 civil servants and 63 candidates for civil service positions. Comparison of civil servants and candidates was carried out in the SPSS program using the Student's criterion of t-test. According to the results of the study, statistically significant differences were obtained in the professionally important characteristics of the respondents who have the status of professional identity "moratorium". This status reflects the situation of the crisis of professional identity among civil servants and candidates. The differences were due to the severity of characteristics of the structure of the intellect and personal characteristics. The practical significance of our study is to formulate recommendations to consider the potential of applicants with the status of a "moratorium" for admission to vacant positions. For performers with a moratorium of identity, advisory work with a mentor or a representative of the psychological service is recommended to look for opportunities to reconcile their own values with the values conveyed by their professional activities.

For citation

Andreeva O.S., Tsaplin E.V. (2019) Soderzhatel'nye kharakteristiki krizisa professional'noi identichnosti gossluzhashchikh [Substantial characteristics of the crisis of professional identity of civil servants]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 8 (2A), pp. 115-122.

Keywords

Professional identity, professionally important characteristics, identity crisis, civil service, civil servant.

References

1. Antonova N.V. (1996) Problema lichnostnoi identichnosti v interpretatsii sovremennogo psikhoanaliza, interaktsionizma i kognitivnoi psikhologii [The problem of personal identity in the interpretation of modern psychoanalysis, interactionism and cognitive psychology]. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 1, pp. 131-143.
2. Dryaeva E.D. (2014) Osnovnye kontseptsii samoidentifikatsii lichnosti v sotsiokul'turnom kontekste: genezis i razvitie [The basic concepts of self-identification of a person in a sociocultural context: genesis and development]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 3. Available at: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=13286> [Accessed 02/02/2019]
3. Ericson E.H. (1980) Identity, youth and crisis. In: *Handbook of adolescent psychology*. N.Y.: J Wiltj.
4. Ivanova N.L. (2001) *Sotsial'naya identichnost' i problemy obrazovaniya* [Social identity and problems of education]. Yaroslavl.
5. Kon I.S. (1989) *Psikhologiya rannei yunosti* [Psychology of early adolescence]. Moscow.
6. Kuz'mina E.I. (1994) *Psikhologiya svobody* [Psychology of freedom]. Moscow.
7. *Laboratoriya Gumanitarnye tekhnologii* [Laboratory of Humanitarian technologies]. Available at: <https://ht-lab.ru/> [Accessed 03/03/2019]
8. *Lichnostnyi oprosnik G. Aizenka* [Personal questionnaire by Eysenk]. Available at: <http://psylab.info/> [Accessed 03/03/2019]
9. Leont'ev A.N. (2005) *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity Consciousness. Personality]. Moscow.
10. Mcadams D.P. (2008) *Psikhologiya zhiznennykh istorii* [Psychology of life stories]. *Metodologiya i istoriya psikhologii* [Methodology and history of psychology], 3, pp. 135-166.
11. Mukhina V.S. (2012) *Vozrastnaya psikhologiya. Fenomenologiya razvitiya* [Age-related psychology. Phenomenology of development]. Moscow.
12. Pavlenko V.N., Korzh N.N. (1998) Transformatsiya sotsial'noi identichnosti v posttotalitarnom obshchestve [Transformation of social identity in post-totalitarian society]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 19, 1, pp. 75-79.
13. Ricker P. (2010) *Put' priznaniya. Tri ocherka* [Way of recognition. Three essays.]. Moscow.
14. *Test Kuna-Makpartlanda* [Kuhn-McPartland test]. Available at: <http://psylab.info/> [Accessed 03/03/2019]
15. Shneider L.B. (2001) *Professional'naya identichnost'* [Professional identity]. Moscow.
16. Vygotskii L.S. (2012) *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [Collected Works in 6 vols.]. Moscow.
17. Yakushina O.I. (2014) Identichnost' v sotsiologicheskoi teorii E. Giddensa [Giddens sociological theory]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2. Available at: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=12685> [Accessed 03/03/2019]

УДК 159.9

Основные проблемы психологической концепции личности В.М. Бехтерева и этапы ее создания

Айдаралиева Назира Меирхановна

Аспирант,

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, набережная Университетская, 7-9;
e-mail: 89112602102@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассматриваются основные проблемы в становлении психологической концепции личности известного психолога и психиатра В.М. Бехтерева. Основные годы научного творчества ученого совпали с этапом отделением русской психологии от философии и становлением в самостоятельную науку. На начальном периоде отечественная психологическая мысль имела несколько направлений, что стало причиной оживленных споров, в том числе, относительно вопросов личности. Одним из направлений была идеалистическая психология, которая основывалась на религиозно-философских учениях. Как отмечают историки психологии, именно идеалистическая психология в конце XIX века имела преимущественные позиции. В учебных заведениях психологию зачастую преподавали философы с позиции христианского учения. Идеалистическая версия о природе человека противостояла экспериментальной естественнонаучной психологии В.М. Бехтерева. Поэтому представителей идеалистической психологии можно назвать главными оппонентами В.М. Бехтерева. Психологи обоих направлений трудились над одними и теми же антропологическими вопросами. Другими словами, психологическая концепция личности В.М. Бехтерева формируется в контексте отечественной религиозно-философской мысли конца XIX – начала XX века. Изучение этого контекста и сопоставительный анализ идей ученого и мыслителей привело бы к более полному пониманию психологической концепции личности В.М. Бехтерева.

Для цитирования в научных исследованиях

Айдаралиева Н.М. Основные проблемы психологической концепции личности В.М. Бехтерева и этапы ее создания // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 2А. С. 123-129.

Ключевые слова

История психологии, психологическая концепция личности В.М. Бехтерева, оппонентный круг, конец XIX – начало XX века, идеалистическая психология, религиозно-философская мысль.

Введение

Владимир Михайлович Бехтерев родился в январе 1857 г. в Вятской губернии. С юности будущий ученый был увлечен наблюдениями за природными явлениями, и сильно тяготел к естественным наукам. В школьные годы его особенно увлекала теория Ч. Дарвина, а также труды революционеров-демократов (Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского, Д.И. Писарева и т.д.).

Студенческие годы Бехтерева пришлись на конец XIX века, когда в России начались общественно политические волнения. Став студентом Петербургской медико-хирургической академии в неполные семнадцать, он участвовал в студенческих движениях, которые, по его собственному признанию, стали первым опытом общественно-политической деятельности.

К четвертому курсу Бехтерев выбирает изучение нервных и душевных болезней своей профессиональной специализацией. Руководителем кафедры и клиники душевных и нервных болезней в тот период был известный психиатр И.П. Мержеевский, который и стал его непосредственным наставником. В годы обучения большое влияние на Бехтерева оказали так автор теории «нервизма» С.П. Боткин, а также А.И. Бабухин и Ф.В. Овсянников, работавшие в области нервно-мышечной физиологии и исследовавшие рефлекторную регуляцию дыхательных движений в сосудистых центрах.

Несколько лет Бехтерев работал под руководством И.П. Мержеевского в клинике душевных и нервных болезней при академии, а после, в 1881г, защитил диссертацию на тему «Опыт клинического исследования температуры тела при некоторых формах душевных заболеваний». В этой работе он установил связь патологических сдвигов в психике человека с материальными (температурными) процессами, т.е. дал физиологическое обоснование психическим процессам. Ученый пришел к выводу, что психические явления характеризуются определенными объективными показателями (например, температурными изменениями). Здесь Бехтерев впервые выступил как сторонник объективного экспериментального изучения психики человека.

Базовым принципом научного творчества ученого, характеризующий всю его научную деятельность по проблемам личности, стал комплексный подход. Бехтерев последовательно реализовывал его на разных этапах формирования своей психологической концепции. В значительной степени этому способствовал опыт врачебной деятельности, где объектом исследования являлись люди. Убеждение, что изучение личности возможно только во всей его целостности, во многом опередило свое время.

Основная часть

Личность в концепции В.М. Бехтерева одновременно предстает в нескольких ипостасях. Это и «представитель биологического вида», и «носитель нервно-психической организации», и «продукт социальной среды». Во всех исследованиях ученого присутствовало стремление рассмотреть человека со всех сторон, изучить в комплексе все три ипостаси. Это определяло ход развития и направления научных интересов ученого.

Начинал Бехтерев как исследователь психических нарушений, углубляясь в изучение физиологических основ психических расстройств. Скоро он убедился в необходимости изучения материального субстрата человеческой психики.

«Начав заниматься по нервным и душевным болезням, вскоре я должен был убедиться, что анатомо-физиологическая база этой важнейшей области медицины до чрезвычайности не разработана и что развитие учения о нервно-психических болезнях не может осуществляться без выяснения вопросов, связанных со строением и функциями мозга» [Бехтерев, 1928, 14].

Объективный метод в познании и комплексный подход определили логику ученого в изучении личности. «Комплексный подход выступал средством объективного психологического познания, (...). Логика Бехтерева видится нам в такой последовательности: человек (мозг, весь организм, личность) – комплексный подход – объективное изучение психики (позже – поведения, соотносительной деятельности)» [Логинова, 2005, 41].

Определенно, что развитие научных взглядов Бехтерева, нельзя представлять в виде линейной хронологической последовательности. Мы можем лишь указывать на стратегическое направления научного творчества ученого, на то, что влияло и доминировало в них на определенных этапах его деятельности.

Так на этапе методологических обоснований своей психологической концепции Бехтерев заявляет о том, что только объективные экспериментальные методы можно использовать в изучении психических процессов личности человека. В работе «Сознание и его границы» (1888) он намечает принципы экспериментального психологического исследования. И в этой же работе на основании экспериментальных исследований ученый раскрывает свои взгляды на проблему сознания человека.

Сознание, по убеждению Бехтерева, не должно исследоваться вне зависимости от психологических процессов, в тоже время, оно не может сводиться к простой их сумме. Сознание связывает все психические переживания человека. В работе «Сознание и его границы» ученый выделяет несколько уровней сознания. Они постепенно формируются в онтогенезе человека.

На первом уровне есть место лишь «безотносительному чувствованию собственного существования». Оно характеризуется как состояние, при котором отсутствуют какие-либо ясные представления.

Более сложная форма сознания появляется на втором уровне. Она характеризуется дифференциацией представления о «Я» и «не - Я». Здесь начинается самосознание личности.

Благодаря третьему уровню сознания человек способен ориентироваться в окружающей обстановке. Потом у него появляется возможность способность осознавать время, улавливая «последовательность внешних явлений».

Осознание своей личности, развитие нравственных, правовых, религиозных представлений есть «интимное ядро» сознания человека. Здесь личность проявляет свою волю и выступает как субъект познания. Это есть высшая ступень. «То состояние внутреннего мира, когда человек, с одной стороны, обладает способностью по произволу вводить в сферу сознания те или другие из бывших прежде в его сознании представлений, с другой — может давать отчет о происходящих в его сознании явлениях, о смене одних представлений другими, иначе говоря, может анализировать происходящие в нем самом психические процессы» [Бехтерев, 1888, 10].

В процессе нормального развития человека, в ходе его онтогенеза, идет переход от низшей ступени сознания к высшей.

В работе «Сознание и его границы» Бехтерев говорит так же вопрос о факторах, детерминирующих психические процессы. «Наблюдение показывает – писал он, – что процесс введения представлений в сферу ясного сознания зависит только частично от внешних условий, иначе говоря, от объективных качеств действовавшего на нас внешнего впечатления,

главнейшим же образом – от внутренних условий» [там же, 26]. То есть, ученый разделяет факторы на две группы: «объективные свойства сигналов» и «индивидуально-личностные особенности».

В ходе экспериментальных исследований В.М. Бехтеревым делается вывод, что приобретенные в течение жизни опыт, знания, переживания опосредуются социальной средой. Так, например, восприятия и запоминания материала зависит от психического состояния человека. То, насколько он утомлен, какое имеет отношение к материалу, интересна ли ему информация.

Будучи последователем И.М. Сеченова, ученый отстаивал материалистическое понимание психических процессов, поэтому он отказывался от субъективных методов исследования. В основу объяснения психологических явлений Бехтерев кладет принцип рефлекторной организации нервной деятельности. Вслед за И.М. Сеченовым, В.М. Бехтерев рассматривает «рефлекс» как материальное обоснование психических явлений, которые проявляются в поведенческих актах. Таким образом, для ученого в основе всех реакций человека лежал рефлекс, «жизненный атом», единица анализа нервно-психической деятельности. Понятие «рефлекс» в учении В.М. Бехтерева во многом теряет физиологическое содержание и понимается как отраженное действие вообще, как причинно-следственная связь.

Для описания активности живого организма В.М. Бехтерев использует понятие «соотносительная деятельность», охватывающая все виды рефлексов. Высшей ступенью соотносительной деятельности является сочетательно-рефлекторная деятельность. Она в свою очередь включает в себя «личную сферу» [там же, 27].

Таким образом, вслед за изучением анатомо-морфологических структур мозга, физиологических процессов, ученый приходит к исследованиям психики и сознания человека.

Становление психологических взглядов на личность в концепции В.М. Бехтерева совпало с периодом, когда отечественная психология начала оформляться в самостоятельную науку. Этот факт стал причиной высокого спроса на психологическую практику. Таким, например, был общественный запрос на поиски способов практического воздействия на личность в ходе труда и деятельности. Этот период характеризуется началом развития экспериментальной психологии, у истоков которой стоял В.М. Бехтерев.

На психологическом форуме образовались два направления, решающие «кому и как развивать психологию». Экспериментальная психология В.М. Бехтерева, имеющая материалистические предпосылки, противопоставлялась старой субъективной психологии, опирающейся на идеалистическую философию. В центре противостояния экспериментального и гуманитарного мышления оказались проблемы человека, диалектика его природы, вопрос об активности личности и т.д. Таким образом, идеалистическая мысль в России выступает в качестве определенного контекста формирования психологической концепции личности В.М. Бехтерева.

С позиции современности «идеалистическую психологию» вернее было бы указать как русская духовная (или религиозно-философская) психология. Потому что ключевым понятием в концепциях этого направления является «душа». Предложившая данное обозначение, историк психологии В.А. Кольцова писала: «сегодня серьезное исследование и анализ работ, составляющих данное направление, приобретает особую актуальность в связи с поиском путей духовного возрождения России, а также в силу того, что до недавнего времени в оценке и изложении этих учений преобладали скорее идеолого-политические и атеистические мотивы, чем научно-познавательные» [Кольцова, 1997, 37].

Как отмечает историк Е.А. Будилова, в конце XIX – начале XX века идеалистические взгляды в психологии продолжали занимать ведущие позиции. Они были тесно связаны с религиозной философией и православной церковью. Такое положение вещей объяснялось тем, что университетские кафедры занимали преимущественно религиозные философы [Будилова, 1972, 7].

В центре исканий представителей духовной психологии лежали положения русской богословской мысли. Они опирались на христианскую православную антропологическую концепцию человека. Во внимании находись, прежде всего, вопросы отношения человека с Богом: происхождение и смысл человеческого существования, духовно-нравственные составляющие поведения личности. Христианская традиция, ее православная ветвь, были глубоко укорены в русском обществе. Характеризуя религиозную мысль, А.Ф. Лосев писал, что она «никогда не занималась чем-либо другим, помимо души, личности и внутреннего подвига» [Лосев, 1991, 82].

Н.О. Лосский, С.Л. Франк, С.Н. Трубецкой и Е.Н. Трубецкий, Н.А. Бердяев и другие философы рассматриваемого периода трудились над различными антропологическими вопросами. Различия в идейных основаниях естественнонаучной и идеалистической психологической мысли России обнаруживается уже в трактовке личности. Так, например, для С.Л. Франк личность конституируется под духовным началом. Поэтому личность трактуется как «носитель и творец духовных ценностей». Развитие личности осуществляется путем ее духовного обогащения, «расширения».

Представители духовной психологии резко критиковали естественнонаучную экспериментальную психологию. За ее данными, считали они, «не видно» самого человека. Она, по их мнению, способна была дать лишь отрывочные знания и была непригодной для понимания себя и других. Н.Я. Грот считал в материалистической психологии нет прочных основ важнейшей для нравственной жизни человека.

В тоже время, идеалистическая психология была в целом неприемлема для научного мировоззрения В.М. Бехтерева. Однако, ученый вполне терпимо относился к идеалистам, их взглядам. Н.О. Лосский и С.Л. Франк преподавали в его Психоневрологическом институте. Представители обоих направлений входили в Московское психологическое общество, где психологи и философы думали и спорили над одними и теми же проблемами личности.

Заключение

Если детально рассмотреть контекстуальные связи между взглядами Бехтерева, в которых он выходит на уровень теоретического и философского обобщения, и философскими идеями современных ему религиозных философов можно обнаружить общие тенденции. Что подтверждает факт влияния контекста и подчеркивает значение для развития науки изучение общения ученых с идейными оппонентами. Историк психологии Н.А. Логинова пишет: «широкий культурный контекст необходим ученому для построения собственной концептуальной системы [Логинова, 2005, 39].

Библиография

1. Аншакова В.В. Проблема личности в экспериментальном, эмпирическом и духовно-нравственном направлениях отечественной психологической мысли в конце XIX – начале XX столетий: дис. ... докт. психол. наук. Астрахань, 2005. 365 с.

2. Баталов А.А. Философские взгляды В.М. Бехтерева и места в них проблемы личности: дис. ... кандид. филос. наук. Свердловск, 1969. 232 с.
3. Бехтерев В.М. Автобиография (посмертная). М., 1928. 10 с.
4. Бехтерев В.М. Сознание и его границы. Казань, 1888. 32 с.
5. Бехтерев В.М. Объективная психология. М.: Наука, 1991. 472 с.
6. Будилова Е.А. Философские проблемы в советской психологии. М., 1972. 336 с.
7. Кольцова В.А. Психология в России в начале XX века. (Предреволюционный период) // Психологическая наука в России XX столетия. М., 1997. С. 10-48.
8. Логинова Н.А. Опыт человекознания: История комплексного подхода в психологических школах В.М. Бехтерева и Б.Г. Ананьева. СПб., 2005. 285 с.
9. Лосев А.Ф. Русская философия // Очерки истории русской философии. Свердловск, 1991. 592 с.
10. Франк С.Л. Реальность и человек. М., 1997. 479 с.

The main problems of the psychological concept of personality by V.M. Bekhterev and the stages of its creation

Nazira M. Aidaralieva

Postgraduate,
Saint Petersburg State University,
199034, 7-9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: 89112602102@mail.ru

Abstract

This article discusses the main problems in the development of the psychological concept of the personality of the famous psychologist and psychiatrist V.M. Bekhterev. The main years of the scientific work of the scientist coincided with the stage of the separation of Russian psychology from philosophy and becoming an independent science. In the initial period, domestic psychological thought had several directions, which became the cause of lively disputes, including on personal issues. One of the directions was idealistic psychology, which was based on religious and philosophical teachings. As historians of psychology note, it was precisely idealistic psychology that at the end of the nineteenth century had primary positions. In educational institutions, psychology is often taught by philosophers from the perspective of Christian doctrine. The idealistic version of human nature was opposed by the experimental natural science psychology V.M. Bekhterev. Therefore, representatives of idealistic psychology can be called the main opponents of V.M. Bekhterev. Psychologists of both directions worked on the same anthropological issues. In other words, the psychological concept of the personality of V.M. Bekhterev is formed in the context of domestic religious and philosophical thought of the late XIX-early XX century. A study of this context and a comparative analysis of the ideas of the scientist and thinkers would lead to a more complete understanding of the psychological concept by V.M. Bekhterev.

For citation

Aidaralieva N.M. (2019) Osnovnye problemy psikhologicheskoi kontseptsii lichnosti V.M. Bekhtereva i etapy ee sozdaniya [The main problems of the psychological concept of personality by V.M. Bekhterev and the stages of its creation]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 8 (2A), pp. 123-129.

Keywords

History of psychology, psychological concept of personality, V.M. Bekhterev, opponent circle, end of XIX – early XX century, idealistic psychology, religious and philosophical thought.

References

1. Anshakova V.V. (2005) Problema lichnosti v eksperimental'nom, empiricheskom i dukhovno-nravstvennom napravleniyakh otechestvennoi psikhologicheskoi mysli v kontse XIX – nachale XX stoletii. Doct. Dis. [The problem of personality in the experimental, empirical and spiritual-moral areas of domestic psychological thought in the late XIX – early XX centuries. Doct. Dis.]. Astrakhan.
2. Batalov A.A. (1969) Filosofskie vzglyady V.M. Bekhtereva i mesta v nikh problemy lichnosti. Doct. Dis. [The philosophical views of V.M. Bekhterev and their view at the problem of personality. Doct. Dis.]. Sverdlovsk.
3. Bekhterev V.M. (1928) Avtobiografiya (posmertnaya) [Autobiography (posthumous)]. Moscow.
4. Bekhterev V.M. (1888) Soznanie i ego granitsy [Consciousness and its boundaries]. Kazan.
5. Bekhterev V.M. (1991) Ob"ektivnaya psikhologiya [Objective psychology]. Moscow: Nauka Publ.
6. Budilova E.A. (1972) Filosofskie problemy v sovetskoi psikhologii [Philosophical problems in Soviet psychology]. Moscow.
7. Frank S.L. (1997) Real'nost' i chelovek [Reality and people]. Moscow.
8. Kol'tsova V.A. (1997) Psikhologiya v Rossii v nachale XX veka. (Predrevolyutsionnyi period) [Psychology in Russia at the beginning of the 20th century. Pre-Revolutionary Period]. In: Psikhologicheskaya nauka v Rossii XX stoletiya [Psychological Science in Russia of the 20th Century]. Moscow.
9. Loginova N.A. (2005) Opyt chelovekoznaniya: Istoriya kompleksnogo podkhoda v psikhologicheskikh shkolakh V.M. Bekhtereva i B.G. Anan'eva [Experience of human knowledge: The history of an integrated approach in the psychological schools of V.M. Bekhterev and B.G. Ananyev]. St. Petersburg.
10. Losev A.F. (1991) Russkaya filosofiya [Russian philosophy]. In: Ocherki istorii russkoi filosofii [Essays on the history of Russian philosophy]. Sverdlovsk.

УДК 37.013

**Психолого-педагогические и гендерные особенности
несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание
в учреждениях уголовно-исполнительной системы**

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент,
главный научный сотрудник,

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;

профессор кафедры уголовного права,

Астраханский государственный университет,

414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;

профессор кафедры гражданского права,

Российская таможенная академия,

140009, Российская Федерация, Люберцы, просп. Комсомольский, 4;

e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Кулакова Светлана Владимировна

Начальник отдела, майор внутренней службы,
старший научный сотрудник НИЦ-1,

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;

e-mail: centr2nii@yandex.ru

Кротова Дарья Николаевна

Капитан внутренней службы,
научный сотрудник НИЦ-2,

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;

e-mail: dnk.1990@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу психолого-педагогических и гендерных особенностей несовершеннолетних осужденных, как одной из наиболее сложных категорий, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Несовершеннолетние отбывают наказание за наиболее тяжкие преступления, что создает повышенную концентрацию криминально зараженных подростков, имеющих наиболее неблагоприятный анамнез. Наблюдается тенденция к росту асоциальной активности: уровень нарушений установленного порядка отбывания наказания. Основными социально-личностными особенностями несовершеннолетних, отбывающих наказание в местах лишения свободы, являются повышенная возбудимость, неуравновешенность, преобладание процессов возбуждения над торможением, что служит причиной нарушения норм поведения;

отгороженности подростка от окружающих, эмоциональная холодность и ригидность снижают эффективность социальной регуляции поведения и затрудняют формирование общественно полезных установок, взглядов и убеждений. Как показал проведенный анализ, существуют отдельные межполовые отличия и гендерные стереотипы поведения у несовершеннолетних осужденных женского и мужского пола.

Для цитирования в научных исследованиях

Новиков А.В., Кулакова С.В., Кротова Д.Н. Психолого-педагогические и гендерные особенности несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 2А. С. 130-138.

Ключевые слова

Несовершеннолетние осужденные, воспитательные колонии, уголовно-исполнительная система, гендерные особенности, педагогика.

Введение

Несмотря на то, что численность несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы, по данным официальной статистики ФСИН России последовательно и многократно снижалась – от 10950 несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательных колониях в 2002 году, до 1354 несовершеннолетних в 2018 году, – было бы серьезным упущением не уделять должного внимания данной категории осужденных.

Так, по прогнозам научных сотрудников ФКУ НИИ ФСИН России, к 2020-2021 гг. будет наблюдаться прирост количества несовершеннолетних осужденных (далее – осужденные, воспитанники), отбывающих наказание в воспитательных колониях уголовно-исполнительной системы (далее – ВК). По их мнению, это произойдет потому, что, во-первых, наша страна постепенно выходит из демографической «ямы», создавшейся в 90-е годы прошлого столетия; во-вторых, предельный возраст пребывания осужденных в ВК, возможно, повысится до 21-25 лет.

На сегодняшний день в ВК несовершеннолетние отбывают наказание за наиболее тяжкие преступления, что создает повышенную концентрацию криминально зараженных подростков, имеющих наиболее неблагоприятный анамнез, на относительно небольшой территории ВК. Так, по данным официальной статистики ФСИН России за 2017 г., 40% ранее уже отбывали наказание в виде лишения свободы [Данилин, Давыдова, Кузьмин, 2013, 6-7]. Наблюдается тенденция к росту асоциальной активности: уровень нарушений установленного порядка отбывания наказания в расчете на 1000 человек – 1160,8 (АППГ – 1088,7). Также вызывает опасение тенденция антисоциальной активности в ВК: в 2014 и 2017 году имели место случаи действий, дезорганизующих работу исправительных учреждений.

Это вызывает настоятельную потребность в комплексном обновлении и переосмыслении форм и методов работы с данной категорией осужденных: оперативной, воспитательной и, что наиболее важно в контексте данной работы, – психолого-педагогической. Безусловно, данное направление требует высокого профессионального уровня психологов ВК: владения разнообразными психотехниками, навыками долгосрочного стратегического планирования работы.

Так, незначительная численность несовершеннолетних осужденных в ВК позволяет создание индивидуального, комплексного и адресного воздействия на них. Но, вместе с тем,

невысокая, подчас, эффективность при проведении коррекционной работы с несовершеннолетними в ВК является следствием применения сотрудниками техник и методов, ориентированных на взрослую аудиторию, не адаптированных к специфическим ювенальным особенностям, и это наряду с тем, что наличие у осужденных педагогической запущенности и социальной депривации снижает психологический возраст воспитанников ВК и меньше либо соответствует их биологическому возрасту [Лобачева, Полякова, Цветкова, 2018, 110].

В связи с этим, анализ научных направлений, посвященных особенностям ювенального периода, позволяет утверждать, что применение всего спектра методик в работе с несовершеннолетними осужденными ограничено в силу недостаточной сформированности у них абстрактного мышления и довольно невысокой познавательной активности. Воспитанники из-за этого быстро утрачивают интерес к происходящему. Это вызывает необходимость создавать иной подход для данной категории воспитанников в коррекции и развитии навыков контроля гневной реакции, самоконтроля, внимания и т.д. [Казберов. 2011].

Проблемным остается, в том числе, и отбор релевантных теорий, методов, концепций, методик из существующего многообразия различных педагогических и психологических направлений. Психотехники должны быть предназначены для сотрудников ВК, работающих со сложным контингентом подростков, у которых на криминально значимые свойства личности накладываются «спровоцированные» лишением свободы адаптационные, экзистенциальные, возрастные и иные кризисы.

Основная часть

Реакции на систему принуждения у каждого человека индивидуально-своеобразны, но можно выделить ряд общих моментов.

Так, отечественные пенитенциарные ученые-ювенологи В.Г. Деев, В.П. Емельянов, К.Е. Игошев, Р.М. Абызов, И.П. Башкатов, В.М. Литвишков и др. выделяют ряд личностных особенностей НЛ в ВК, которые в значительной части свойственны и для подростково-юношеского возраста в целом. Это повышенная возбудимость, неуравновешенность, преобладание процессов возбуждения над торможением, что служит причиной нарушения норм поведения; отгороженности подростка от окружающих. Его эмоциональная холодность и ригидность снижают эффективность социальной регуляции поведения и затрудняют формирование общественно полезных установок, взглядов и убеждений [там же]. Т.Ю. Сергеева считает, что в этот жизненный период «...подросток требует к себе отношения как к равному, претендует на независимость и самостоятельность в выборе жизненных принципов и позиций» [Сергеева, 2006, 67].

Изучая личностные характеристики НЛ в ВК, И.П. Башкатов и В.Ф. Пирожков писали, что среди них «ценятся смелость, решительность и настойчивость при совершении преступления, физическое насилие, агрессивность по отношению к чужим, честность по отношению к своим» [Башкатов, 1994]. С.Н. Ениколопов, в свою очередь, отмечает, что отсутствие социализации агрессии особенно опасно именно для подростков женского пола, так как их, в отличие от юношей, не учат ограничениям и правилам проявления физической агрессии. По этой причине современные девушки часто оказываются агрессивнее, – они не понимают, что такое жестокость и насилие. Таким образом, «нервная система подростка, находящегося в ВК, отличается повышенной чувствительностью патогенного характера, которая при сильном переутомлении может привести к различным функциональным расстройствам» [Ушатиков, Казак, 2001, 140-141]. Закономерным является и утверждение, что «в связи с диспропорцией между половым

созреванием и социальной зрелостью им трудно контролировать возникшие половые инстинкты» [там же]. По мнению Л.И. Кундозеровой и А.И. Савиных, психические аномалии несовершеннолетних осужденных способствуют возникновению и развитию таких черт характера, как агрессивность, жестокость, раздражительность, снижение волевых процессов. А.В. Волкова и Л.А. Шилова считают, что не критичное отношение осужденных к себе, неадекватная оценка ими действительности, снижают эффективность социальной регуляции их поведения и затрудняют формирование общественно полезных установок, взглядов и убеждений [Волков, Шилова, 2011]. У несовершеннолетних осужденных проявляется также неоднозначное отношение к родным и близким, это могут быть обида, злость, враждебность, агрессивность, обвинение их в случившемся.

Даже утвержденные формы отчетности ВК имеют только отдельные графы, не позволяющие получить статистику по учреждениям, где отбывают наказание несовершеннолетние женского пола.

Вместе с тем межполовые отличия, гендерные стереотипы поведения, гормональные факторы указывают на наличие отличительных особенностей у несовершеннолетних осужденных женского пола. В связи с этим не вызывает сомнений тот факт, что для работы с такой сложной категорией осужденных необходимо знание их личностных и психологических характеристик, которое позволит выстроить эффективную воспитательную и психологическую работу.

Изучением особенностей несовершеннолетних осужденных женского пола занимались Э.И. Дранищева, Н.А. Деева, О.В. Неровня, В.М. Литвишков, Л.И. Маленкова Т.В. Калашникова, М.М. Калашникова, В.Н. Савардунова и др. Опираясь на работы и учитывая современные тенденции, характерные в равной степени для всех несовершеннолетних осужденных, мы рассмотрим психологические особенности, присущие только несовершеннолетним осужденным женского пола.

К психологическим особенностям, характерным именно для осужденных женского пола, относятся те черты, признаки и характеристики, которые отличают их, исходя из физиологического (биологического), социально-демографического, социально-ролевого и психологического статусов. При этом работа с несовершеннолетними осужденными женского пола требует гибкого применения гендерного подхода, учитывающего все отличающие их психологические черты. Пребывание в ВК формирует у девушек специфические психологические особенности, обусловленные депривацией различных сфер, сужением личных границ, патологическим влиянием микросреды и других факторов.

Согласно данным исследования М.Р. Юсупова 31,6% девушек-подростков характеризуются особой жестокостью и цинизмом, среди несовершеннолетних осужденных мужского пола этот показатель ниже в 3 раза (10,8%) [Юсупов, 2000, 41]. В то же время не так часто, по сравнению с несовершеннолетними осужденными мужского пола, конфликты между девушками разрешаются с помощью физической силы, насилия [Сергеева, 2006].

Особо стоит отметить, что для них характерны импульсивные, внешне немотивированные действия, возникающие вроде бы из ничего, внезапно, что необходимо учитывать при прогнозировании их поведения [Вилкова, Лобачева, Климова, 2019].

Исследователи полагают, что осужденные девушки взрослеют раньше, чем юноши, но в их среде много «детского», что проявляется в импульсивном поведении, «незрелых суждениях», девушки легко обижаются, могут часто плакать.

Специфическая особенность женских ВК проявляется в том, что «среди несовершеннолетних воспитанниц нередко распространяются слухи и сплетни, цели которых

могут быть разными: от попыток унижения до мести лучшей подруге» [Дмитриев, 2007]. Необходимо обратить особое внимание на тот факт, что «предметом сплетен могут быть как отношения осужденных и сотрудников, так и взаимоотношения сотрудников» [там же, 121], что предъявляет повышенные требования к персоналу, который по роду своих профессиональных обязанностей непосредственно взаимодействует с несовершеннолетними осужденными.

Характерной чертой несовершеннолетних осужденных женского пола считается половая распущенность, раннее начало половой жизни. Исследование Е.Н Казаковой показало, что «ранние беспорядочные половые связи формируют у девушек гиперсексуальность» [Казакова, 1998]. Невозможно отрицать тот факт, что «они активно ищут в колонии полового партнера, создают то одну, то другую любовную пару, что часто сопровождается межличностными конфликтами» [там же, 35].

Исследователи отмечают, что «39,5% несовершеннолетних осужденных, которые отбывают наказание вдали от дома, в другом субъекте РФ, не по месту жительства и не по месту осуждения» практически полностью представлены несовершеннолетними осужденными женского пола [Вилкова, Лобачева, Климова, 2019]. В связи с территориальной удаленностью далеко не все родственники могут себе позволить часто навещать осужденных или даже отправлять им посылки. В этой связи Е.В. Кунц приводит данные о том, что несовершеннолетние осужденные, имеющие родителей, в 78% случаев заявляют о своей независимости, а по мнению 42% из их числа, родители также относятся к ним безразлично [Кунц, 2007, 127]. Эти обстоятельства способствуют повышению самостоятельности и предприимчивости осужденных женского пола с целью изыскания путей обеспечения себе комфортного проживания с учетом имеющихся ресурсов.

Несмотря на то, что, по мнению Е.Л. Сучковой, «места лишения свободы представляют собой «тюремные университеты», в которых осужденные усваивают асоциальные взгляды и установки по отношению к праву, существующие в этой субкультуре, способствуют распространению таких взглядов в обществе», восприятие осужденными женского пола «уголовной романтики» не имеет устойчивого характера [Юсупов, 2000]. Ее проявления и попытки осужденных следовать нормам криминальной субкультуры персоналу ВК удастся предотвратить. Здесь в целом успешнее решается задача завершения социализации.

Кроме того, относительное благополучие в ВК для несовершеннолетних осужденных женского пола во многом объясняется отсутствием резкого расслоения на группы. Как правило, у них нет ярко выраженных, признаваемых лидеров, авторитет которых непоколебим, а встречающиеся среди них лица с низким статусом могут, в отличие от осужденных мужского пола, подняться в социальном плане.

Изучая вопрос отношения несовершеннолетних осужденных женского пола к наказанию в виде лишения свободы, необходимо отметить, что исследования в данной сфере носили общий, преимущественно криминологический характер и лишь вскользь затрагивали рассматриваемую категорию осужденных. Отношение к наказанию – это комплексная характеристика, которая складывается из смежных компонентов, подробно рассмотренных ниже.

Особенно значимыми и позволяющими наметить возможные пути работы в данном направлении являются исследования В.А. Елеонского, в которых отмечалось, что «психологическая защита личности от наказания зачастую практически блокирует карательно-воспитательное воздействие, существенно снижает эффективность исправления осужденных» [Елеонский, 1980, 12]. А.А. Осипова также полагает, что принудительная социальная изоляция человека, характеризующаяся различными ограничениями, – это весьма острая, экстремальная

ситуация, которая вызывает переживания различной глубины, накладывает отпечаток на ценностно-ориентационную сферу и мотивы деятельности, психические свойства и всю систему отношений в целом. Т.Ю. Сергеева считает, что личность подросткового возраста особенно чувствительна к различного рода нарушениям, так как находится в кризисном, переломном периоде. Переход к взрослой жизни проходит тяжело, формируется характер, самосознание, мировоззрение, и на основании этого складываются отношения не только с социумом, но и с самим собой [Сергеева, 2006, 67].

Несовершеннолетние осужденные женского пола в значительной степени соответствуют описанным признакам, поэтому являются одной из самых уязвимых категорий.

По мнению ряда исследователей, несовершеннолетние правонарушители характеризуются различным отношением к отбыванию наказания, которое обусловлено их криминальным опытом, личностными качествами, системой ценностных ориентаций. Так, Е.Л. Сучкова считает, что наказание, назначенное судом, осужденные чаще оценивают как несправедливое, не соответствующее тяжести и опасности совершенного деяния. При этом необъективная самооценка усиливает негативное отношение к содеянному и его правовым последствиям (к наказанию и мерам безопасности), а также к органам уголовной юстиции и к работникам, занятым в сфере пенитенциарного и постпенитенциарного воздействия.

М.Р. Юсупов отмечает, что «преступность несовершеннолетних женского пола отличается невероятная жестокость, совершение преступлений с издевательством над потерпевшим, что свидетельствует об их глубокой нравственной деградации, пренебрежительном отношении к элементарным требованиям морали» [Юсупов, 2000]. На негативное отношение несовершеннолетних осужденных женского пола к общественной морали указывают также и другие авторы. Л.И. Кундозерова, А.И. Савиных на основании собственных эмпирических исследований делают закономерные выводы о негативном отношении несовершеннолетних осужденных к правоохранительным органам, не критичном отношении к себе, ослабленном чувстве стыда [Кундозерова, Савиных, 2007]. В то же время в ВК, где отбывают наказание несовершеннолетние осужденные женского пола, грубые нарушения режима с их стороны встречаются сравнительно редко [Лобачева, Полякова, Цветкова, 2018].

Несовершеннолетние осужденные, отбывающие наказание в виде лишения свободы, относятся к одной из наиболее сложных категорий. Работа с ними требует высокого уровня компетенции и психологической культуры, специфических навыков, знания особенностей подросткового и юношеского возраста. Они являются потенциальным ядром будущей взрослой преступности. Кроме того, ВК нередко становятся очагами формирования группировок отрицательной направленности, беспорядков, неповиновений, даже бунтов, спровоцированных как влиянием неформальных лидеров среди несовершеннолетних или взрослых осужденных, так и недостаточно компетентными действиями сотрудников.

Заключение

Таким образом, становится очевидным, что: несовершеннолетние осужденные являются одной из самых уязвимых категорий, тяжело переносящих наказание в виде лишения свободы; они обладают спецификой, значительно отличающей их от других осужденных; знание их специфических особенностей необходимо для построения эффективной работы с ними; работа с такой категорией осужденных предъявляет повышенные требования к персоналу, который по роду своих профессиональных обязанностей непосредственно взаимодействует с несовершеннолетними осужденными.

Библиография

1. Башкатов И.П. Психология групп несовершеннолетних правонарушителей. М., 1993. 252 с.
2. Вилкова А.В., Лобачева Л.П., Климова Е.М. Влияние социально-рефлексивной образовательной среды на процесс профилактики суицидального поведения несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. М., 2019. С. 53-56.
3. Волков А.В., Шилова Л.А. Психологические особенности осужденных подростков группы риска суицидального поведения: программа психокоррекционных мероприятий с осужденными подростками // Вопросы психологии экстремальных ситуаций. 2011. № 2. С. 33.
4. Данилин Е.М., Давыдова Н.В., Кузьмин А.Н. Характеристика осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2013. № 4. С. 6-8.
5. Дмитриев Ю.А. Пенитенциарная психология. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. С. 121.
6. Елеонский В.А. Воздействие наказания на осужденных. Рязань, 1980. С. 12.
7. Казакова Е.Н. Психологические аспекты изучения мотивации агрессивного поведения женщин, осужденных к лишению свободы: дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 1998. 247 с.
8. Казберов П.Н. Выявление, предупреждение и психологическая коррекция деструктивно-агрессивных форм поведения осужденных в ИУ. М., 2011. С. 93-94.
9. Кундозерова Л.И., Савиных А.И. Методология и методики изучения личности несовершеннолетних осужденных с целью их ресоциализации в учреждениях исполнения уголовного наказания // Интеграция образования. 2007. № 2. С. 95.
10. Кунц Е.В. Криминологические и социально-психологические особенности несовершеннолетних лиц женского пола, совершивших преступления // Вестник ЧелГУ. 2008. № 31. С. 127.
11. Официальный сайт ФСИН России: статистика. URL: <http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20VK>
12. Пирожков В.Ф. Преступный мир молодежи. Тверь, 1994. 320 с.
13. Сергеева Т.Ю. Субъектная оценка детско-родительских отношений несовершеннолетними осужденными // Прикладные аспекты юридической психологии: сборник научных материалов. Екатеринбург, 2006. С. 67.
14. Лобачева Л.П., Полякова Я.Н., Цветкова Н.А. Социально-психологическая коррекция нарушенных межличностных контактов в семьях осужденных к наказаниям без изоляции от общества // Межличностный контакт: теория, методология и практика внедрения. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2018. С. 110-114.
15. Ушатиков А.И., Казак Б.Б. Основы пенитенциарной психологии. Рязань, 2001. С. 140-141.
16. Характеристика лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних. URL: <http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20VK/>
17. Юсупов М.Р. Криминологическая характеристика преступности среди несовершеннолетних женского пола. М., 2000. С. 41.
18. Tsvetkova N.A. et al. Self-regulation mechanisms of men convicted for the first time and repeat offenders // Man in India. 2016. V. 96. № 10. P. 3891-3906.

Psychological, pedagogical and gender characteristics of juvenile convicts serving sentences in the institutions of the penitentiary system

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law, Associate Professor,
Chief Scientific Officer,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya st., Moscow, Russian Federation;
Professor at the Department of Criminal Law,
Astrakhan State University,
4140546, 20-a, Tatishcheva st., Astrakhan, Russian Federation;
Professor at the Department of Civil Law,
Russian Customs Academy,
140009, 4, Komsomolyskiy av., Lyubercy, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Svetlana V. Kulakova

Head of Department,
Major of Internal Service,
Senior Scientific Officer,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: centr2nii@yandex.ru

Darya N. Krotova

Captain of Internal Service,
Scientific Officer,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: dnk.1990@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of psychological, pedagogical and gender characteristics of juvenile convicts, as one of the most complex categories of serving sentences in prison. Minors are serving sentences for the most serious crimes, which creates an increased concentration of criminally infected adolescents with the most unfavorable history. There is a tendency to increase antisocial activity: the level of violations of the established order of serving the sentence. The main social and personal characteristics of minors serving sentences in places of detention are increased excitability, unbalance, the predominance of the processes of excitation over inhibition, which causes violations of the norms of behavior; isolation of the teenager from others, emotional coldness and rigidity reduce the effectiveness of social regulation of behavior and complicate the formation of socially useful attitudes, views and beliefs. As shown by the analysis, there are separate gender differences and gender stereotypes of behavior in juvenile female and male convicts. It becomes obvious that juvenile convicts are one of the most vulnerable categories, which endure the penalty of imprisonment; they have a specificity that significantly distinguishes them from other convicts; knowledge of their specific features is necessary to build effective work with them; working with such a category of convicted persons places increased demands on personnel who, by the nature of their professional duties, directly interact with juvenile convicts.

For citation

Novikov A.V., Kulakova S.V., Krotova D.N. (2019) Psikhologo-pedagogicheskie i gendernye osobennosti nesovershennoletnikh osuzhdennykh, otbyvayushchikh nakazanie v uchrezhdeniyakh ugolovno-ispolnitel'noi sistemy [Psychological, pedagogical and gender characteristics of juvenile convicts serving sentences in the institutions of the penitentiary system]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 8 (2A), pp. 130-138.

Keywords

Juvenile offenders, juvenile correctional facility, the correctional system, gender particular, pedagogy.

References

1. Bashkatov I.P. (1993) *Psikhologiya grupp nesovershennoletnikh pravonarushitelei* [Psychology of juvenile delinquent groups]. Moscow.
2. Danilin E.M., Davydova N.V., Kuz'min A.N. (2013) Kharakteristika osuzhdennykh, otbyvayushchikh nakazanie v vospitatel'nykh koloniyakh [Characteristics of convicts serving sentences in educational colonies]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie* [Penal system: law, economics, management], 4, pp. 6-8.
3. Dmitriev Yu.A. (2007) *Penitentsiarnaya psikhologiya* [Penitentiary psychology]. Rostov-on-Don: Feniks Publ.
4. Eleonskii V.A. (1980) *Vozdeistvie nakazaniya na osuzhdennykh* [The impact of punishment on convicts]. Ryazan.
5. Kazakova E.N. (1998) *Psikhologicheskie aspekty izucheniya motivatsii agressivnogo povedeniya zhenshchin, osuzhdennykh k lisheniyu svobody. Doct. Dis.* [Psychological aspects of the study of the motivation of aggressive behavior of women sentenced to imprisonment. Doct. Dis.]. Ryazan.
6. Kazberov P.N. (2011) *Vyyavlenie, preduprezhdenie i psikhologicheskaya korrektsiya destruktivno-agressivnykh form povedeniya osuzhdennykh v IU* [Identification, prevention and psychological correction of destructive-aggressive forms of behavior of convicts in prison]. Moscow.
7. Kharakteristika lits, soderzhashchikhsya v vospitatel'nykh koloniyakh dlya nesovershennoletnikh [Characteristics of persons held in juvenile correctional facilities]. Available at: <http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20VK/> [Accessed 02/02/2019]
8. Kundozerova L.I., Savinykh A.I. (2007) Metodologiya i metodiki izucheniya lichnosti nesovershennoletnikh osuzhdennykh s tsel'yu ikh resotsializatsii v uchrezhdeniyakh ispolneniya ugolovnogo nakazaniya [Methodology and methods of studying the personality of juvenile convicts with a view to their re-socialization in the institutions of execution of criminal punishment]. *Integratsiya obrazovaniya* [Education Integration], 2, p. 95.
9. Kunts E.V. (2008) Kriminologicheskie i sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti nesovershennoletnikh lits zhenskogo pola, sovershivshikh prestupleniya [Criminological and socio-psychological characteristics of female minors who have committed crimes]. *Vestnik ChelGU* [Bulletin of CSU], 31, p. 127.
10. Lobacheva L.P., Polyakova Ya.N., Tsvetkova N.A. (2018) Sotsial'no-psikhologicheskaya korrektsiya narushennykh mezhlichnostnykh kontaktov v sem'yakh osuzhdennykh k nakazaniyam bez izolyatsii ot obshchestva [Socio-psychological correction of disturbed interpersonal contacts in families sentenced to punishment without isolation from society]. In: *Mezhlichnostnyi kontakt: teoriya, metodologiya i praktika vnedreniya. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Interpersonal contact: theory, methodology and practice of implementation. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference].
11. Official site of the Federal Penitentiary Service of Russia: statistics. Available at: <http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20VK/> [Accessed 02/02/2019]
12. Pirozhkov V.F. (1994) *Prestupnyi mir molodezhi* [The underworld of youth.]. Tver.
13. Sergeeva T.Yu. (2006) Sub'ektnaya otsenka detsko-roditel'skikh otnoshenii nesovershennoletnimi osuzhdennymi [Subject assessment of parent-child relationships by convicted minors]. In: *Prikladnye aspekty yuridicheskoi psikhologii: sbornik nauchnykh materialov* [Applied aspects of legal psychology: a collection of scientific materials]. Ekaterinburg.
14. Tsvetkova N.A. et al. (2016) Self-regulation mechanisms of men convicted for the first time and repeat offenders. *Man in India*, 96, 10, pp. 3891-3906.
15. Ushatkov A.I., Kazak B.B. (2001) *Osnovy penitentsiarnoi psikhologii* [Fundamentals of penitentiary psychology]. Ryazan.
16. Vilkova A.V., Lobacheva L.P., Klimova E.M. (2019) Vliyanie sotsial'no-refleksivnoi obrazovatel'noi sredy na protsess profilaktiki suitsidal'nogo povedeniya nesovershennoletnikh osuzhdennykh v vospitatel'nykh koloniyakh [The influence of the social-reflexive educational environment on the process of prevention of suicidal behavior of juveniles convicted in educational colonies]. In: *Nauchnye trudy FKN NII FSIN Rossii* [Scientific works of Scientific-Research Institute of Federal Penitentiary Service of Russia]. Moscow.
17. Volkov A.V., Shilova L.A. (2011) Psikhologicheskie osobennosti osuzhdennykh podrostkov gruppy riska suitsidal'nogo povedeniya: programma psikhokorreksionnykh meropriyatii s osuzhdennymi podrostkami [Psychological features of convicted adolescents at risk of suicidal behavior: a program of psychocorrectional measures with convicted adolescents]. *Voprosy psikhologii ekstremal'nykh situatsii* [Issues of psychology of extreme situations], 2, p. 33.
18. Yusupov M.R. (2000) *Kriminologicheskaya kharakteristika prestupnosti sredi nesovershennoletnikh zhenskogo pola* [Criminological characteristics of female juvenile delinquency]. Moscow.

УДК 37.013

Детерминанты суицидального поведения

Кулакова Светлана Владимировна

Начальник отдела, майор внутренней службы,
старший научный сотрудник НИЦ-1,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: centr2nii@yandex.ru

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент,
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
профессор кафедры уголовного права,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;
профессор кафедры гражданского права,
Российская таможенная академия,
140009, Российская Федерация, Люберцы, просп. Комсомольский, 4;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Кротова Дарья Николаевна

Капитан внутренней службы,
научный сотрудник НИЦ-2,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: dnk.1990@yandex.ru

Аннотация

В современных условиях все большее значение приобретает работа по исследованию особенностей суицидального поведения при различной патологии. Анализ литературы по данному вопросу позволил определить, что более высокая предрасположенность к суицидальному поведению фиксируется у лиц с психическими отклонениями, аффективными расстройствами, особенно с посттравматическими стрессовыми, с расстройствами личности, алкоголизмом и наркоманией, а также у суицидентов с депрессивными расстройствами. Суицидальное поведение рассматривается как полиэтиологический феномен, требующий для своего проявления взаимодействия нескольких детерминант, имеющих как внешнее, так и внутреннее по отношению к психике суицидента происхождение. По обобщенному мнению отечественных и

зарубежных специалистов в области изучения и превенции суицидального поведения, авторами выделены групповые и индивидуальные факторы суицидентов, типичные признаки, предшествующие суицидальной попытке.

Для цитирования в научных исследованиях

Кулакова С.В., Новиков А.В., Кротова Д.Н. Детерминанты суицидального поведения // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 2А. С. 139-146.

Ключевые слова

Суицидент, детерминанты, суицидальное поведение, факторы риска, суицид.

Введение

Обобщая данные литературы, касающиеся суицидального поведения лиц с психическими отклонениями, необходимо отметить, что публикации по данному вопросу отличаются противоречивостью. Количество общепризнанных положений невелико, в связи с чем, единой концепции суицидального поведения на сегодняшний день не существует. К наиболее устоявшимся в научной среде относятся представления о более высокой предрасположенности к суицидальному поведению лиц с психическими отклонениями по сравнению с психически здоровыми, многофакторной обусловленности суицидального поведения, высоком суицидальном риске при аффективных расстройствах, расстройствах личности, алкоголизме и наркомании, преобладании у суицидентов депрессивного синдрома в разных вариантах. По мнению исследователей, в соответствии с современными представлениями популяция суицидентов не представляет собой единой совокупности с точки зрения состояния психического здоровья.

Основная часть

А.Г. Амбрумова и В.А. Тихоненко [Асбрумова, 1988, 1978] определили, что среди суицидентов соотношение между практически здоровыми, больными психотическими заболеваниями и больными пограничными расстройствами находится в следующей пропорции 1:1,5:5,1. При этом лишь 1/3 всех суицидентов нуждается в лечении и наблюдении в психоневрологических диспансерах. В этом вопросе имеются существенные разногласия: по мнению разных авторов, от 15% до 100% самоубийств приходится на долю психически больных, например, в США 95% лиц, совершивших суицидальную попытку, устанавливают психиатрический диагноз [Anton, Moak, 1992; Bernitzki, 1987].

С другой стороны, суициды среди психически больных встречаются значительно чаще, т.е. психическое заболевание является одним из ведущих факторов суицидального риска. Самыми распространенными психическими расстройствами, способствующими развитию суицидального поведения, являются депрессия, шизофрения и алкоголизм.

По разным данным, депрессия является причиной суицидального поведения в 4,6% до 61,3% – 70% случаев [Амбрумова, 1978; Войцех, 2006; Тукаев, 2004]. С высоким острым суицидальным риском коррелирует генерализованная тревога с явлениями ажитации и двигательным беспокойством. В то время как психогенный комплекс: чувство отчаяния, снижение или утрата способности получать удовольствие, безнадежность, безвыходность

ситуации, наличие суицидальных мыслей могут рассматриваться как хронический фактор риска.

Отмечается, что суицидальные тенденции и самоповреждающее поведение при депрессии будут значительно выражены у тех больных, у которых в предшествующий болезни период наблюдается высокий уровень агрессии и враждебности. Влияние аффективных нарушений на суицидальное поведение достигает своего максимума у пожилых пациентов.

Однако отмечается, что у депрессивных пациентов не было выявлено связи между суицидальной попыткой и объективной тяжестью депрессии, а была обнаружена корреляция между суицидальными действиями и субъективным восприятием депрессии и суицидальными мыслями. Суицидальное поведение тесно связано с употреблением алкоголя и других ПАВ, в особенности это касается таких методов совершения суицида, как нанесение самопорезов. Лица, злоупотребляющие алкоголем или страдающие от алкоголизма, составляют особую суицидоопасную категорию. Алкоголь рассматривается как хронический фактор суицидального риска, а увеличение потребления алкоголя как фактор острого суицидального риска. Хронический алкоголизм преобладает в структуре всех заболеваний, распространенных среди самоубийц-мужчин.

Ряд исследователей обнаруживают определенную биологическую связь между депрессиями и алкоголизмом, считая, что алкогольная депрессия – одна из наиболее частых причин суицидальных попыток, совершаемых лицами, злоупотребляющими алкоголем [Войцех, 2006; Старшенбаум, 2005]. Были выделены два клинических типа самоубийства алкоголиков: внезапные попытки на фоне выпивки и психогении, они аналогичны «преступлениям страсти», аффектам, продуцирующим диссоциативный статус, который приводит к агрессии и аутоагрессии, а также на фоне интоксикационной депрессии, часто спустя 2 недели после запоя. Резкое снижение потребления алкоголя на душу населения в период антиалкогольной компании сопровождалось значительным снижением количества суицидов. При этом на частоту суицидов оказывал влияние уровень и частота его потребления. Суицид становится для больных алкоголизмом единственно возможным выходом из нравственного падения и может быть избран как «способ в один прекрасный день заснуть надолго».

Среди лиц с адаптационными расстройствами выраженный рост числа

суицидальных попыток наблюдается при посттравматическом стрессовом расстройстве (ПТСР), особенно в сочетании с депрессией. По некоторым данным, пациенты с ПТСР в 14,5 раз чаще совершают суицидальные попытки, чем лица без ПТСР. Аутоагрессивное действие личности направлено на достижение ожидаемого, запрограммированного и предполагаемого результата. По мнению J. Chiles, K. Strosahl [Chiles, 1995], любой человек может стать суицидентом, если ситуация вызывает эмоциональную боль и рассматривается как неизбежная, бесконечная, непереносимая.

По мнению Т.Б. Дмитриевой, Б.С. Положего, можно предположить большую роль биологических факторов в генезе суицидального поведения, приводящего к завершенным суицидам, и, возможно, более значимую роль тревога и напряженность, вызванные кризисной ситуацией, приводят к снижению адекватности и глубины понимания других людей, затрудняют точность интерпретации их действий [Дмитриева, 2003]. Возникает искаженное восприятие времени: сотрудник, как правило, преувеличивает экстренность критической ситуации, ему представляется, что для принятия решения у него не хватает времени и достаточных личностных ресурсов.

Формирование такого представления влечет за собой дальнейшее усиление мыслительной растерянности, эмоциональной подавленности, порождает субъективное переживание о

безысходности горя. Наиболее существенными искажениями познавательных процессов являются:

Необоснованность выводов (формирование их в отсутствии достаточных фактических данных).

Восприятие и оценка ситуации на основе каких-либо отдельно взятых элементов с игнорированием других составляющих.

Тенденция связывать все происходящие события с собственной личностью. В остро начавшемся кризисном состоянии представляется возможным выделить четыре последовательных стадии:

1. Стадия психотравмы или психического шока, которая длится от нескольких часов до 2 или 3 суток;
2. Стадия дезорганизации, которая продолжается от одних суток до двух недель;
3. Стадия «принятия» или адаптации к утрате, как правило, длящаяся несколько недель;
4. Стадия восстановления, которая продолжается от нескольких недель до нескольких месяцев.

Наибольшей опасностью отличается стадия дезорганизации, когда у личности складывается представление о непреодолимости создавшегося положения. В этот период резко усиливается субъективно переживаемое ощущение напряжения, тревоги или печали, истощаются механизмы психологической защиты, нарастает стремление любой ценой избавиться от интенсивных отрицательных эмоций.

Наряду с описанными выше ситуационными кризисами, вызванными непредвиденными событиями, заключающими в себе утрату либо угрозу утраты, в жизни каждого человека возникают психологические кризисы развития. Обычно они связаны с переходами от одной стадии жизненного цикла к другой. Примером может служить переход от получения образования

к самостоятельной служебной деятельности, вынужденная смена работы, выход на пенсию и др. По обобщенному мнению отечественных и зарубежных специалистов в области изучения и превенции суицидального поведения, для него характерны следующие типичные признаки:

1. Самоубийство выступает специфическим способом решения проблемы, выходом из психологического кризиса или невыносимой ситуации, причиняющей страдания;
2. Общей задачей суицидальных действий является прекращение сознания и невыносимой душевной боли, как способа решения актуальной проблемы;
3. Общим стимулом суицида является душевная боль. Именно от нее и стремится убежать страдающий. Таким образом, суицид – это сочетание движения по направлению к прекращению сознания и бегства от психического страдания;
4. Общим стрессором при суициде выступают фрустрируемые психологические потребности;
5. Общим эмоциональным состоянием является ощущение беспомощности и безнадежности: «Я ничего не могу сделать, и никто не может мне оказать помощь, чтобы облегчить душевную боль»;
6. Общим внутренним состоянием является амбивалентность чувств. Человек чувствует желание совершить самоубийство, и одновременно подает сигналы о помощи;
7. Общим состоянием психики является сужение сознания – так называемое туннельное видение, которое проявляется в резком ограничении вариантов поведения (включается принцип «все или ничего»);

8. Общим действием при суициде является бегство от невыносимых страданий или душевной боли;

9. Общим коммуникативным актом является прямое или косвенное «сообщение» о своих намерениях.

Переживающие подобные кризисы в большинстве случаев испытывают повышенную потребность в межличностных контактах, которые необходимы им для получения адекватной эмоциональной поддержки и специализированной помощи в овладении ситуацией. При условии получения человеком, переживающим кризис, своевременной поддержки и помощи от значимых для него лиц, кризисное состояние может выступить в роли катализатора личностного развития, стать призывом к улучшению качества жизни.

Для появления внешних форм суицидального поведения, как правило, необходимо возникновение на фоне суицидоопасного состояния суицидогенного конфликта, под которым понимается столкновение потребностей потенциального суицидента с теми или иными сторонами реальности или столкновение различных тенденций внутри собственной психики суицидента. В соответствии с этим, суицидогенный конфликт может быть межличностным или внутриличностным. При этом суицидогенным его делает связь с наиболее важными жизненными потребностями личности. И суицидоопасное состояние, и суицидогенный конфликт создают благоприятные условия для совершения самоубийства, но непосредственным толчком к суицидальным действиям для самого индивида становится появление у него суицидального мотива. Мотив отражает причину суицидального поведения с точки зрения суицидента.

Выделяют следующие мотивы суицидального поведения:

1) протест – стремление с помощью самоубийства выразить свое несогласие с чем-либо или отомстить кому-либо;

2) призыв – стремление суицидальным актом обратить внимание окружающих на свои проблемы, страдания, полученные несправедливо обиды и т.п.;

3) избегание – стремление с помощью суицида избежать того, что представляется суициденту худшим, чем самоубийство (позора, бесчестия, унижения, наказания, мучительной смерти от рук других людей или тяжелой болезни, тяжелых физических или душевных страданий);

4) самонаказание – вынесение себе приговора за истинные или мнимые провинности;

5) отказ – решение прекратить жизнь вследствие представления о бессмысленности дальнейшего существования.

Следует иметь в виду, что мотив суицидального поведения определяется не только внешними по отношению к личности индивида факторами, но и особенностями самой личности. Для появления суицидального мотива необходимо, чтобы внешние психотравмирующие воздействия были адресованы к «месту наименьшего сопротивления» в личности индивида. При этом существует взаимосвязь между типом характера и разновидностью суицидального мотива. Так, при прочих равных условиях, суицидальное поведение будет более характерно:

- по типу «протеста» – для лиц с эпилептоидными чертами характера,
- по типу «призыва» – для истериков,
- по типу «избегания» – для неустойчивых, психастенических или астенических личностей,
- по типу «самонаказания» – для психастеников, астеников и циклоидов (особенно гипотимных),
- по типу «отказа» – для шизоидов.

К перечисленным детерминантам суицидального поведения (суицидоопасное состояние, суицидогенный конфликт, суицидальный мотив) нередко присоединяются дополнительные суицидогенные факторы, роль которых состоит либо в усилении действия основных детерминант суицида, либо в снижении так называемого антисуицидального порога. К числу дополнительных факторов суицида относятся: состояние алкогольного опьянения, астенизация организма, недосыпание, обострение соматических заболеваний. В отличие от других детерминант суицидального поведения указанные факторы не имеют прямой связи с самоубийством, а лишь содействуют основным его причинам. Наиболее значимым по своей распространенности дополнительным суицидогенным фактором следует считать алкогольное опьянение, на фоне которого, по разным данным, совершается от 30% до 80% завершенных суицидов [Тукаев, 2004]. Алкоголь способствует совершению самоубийства двояким образом: во-первых, он способен усиливать депрессивные переживания, а во-вторых, ослабляет у суицидента страх перед самим суицидальным актом. Наряду с описанными выше детерминантами суицидального поведения, важное место в суицидологической теории и практике занимает понятие факторов суицидального риска. Это понятие является статистическим и отражает вероятность совершения самоубийства индивидом, обладающим определенным признаком. Практическое значение данного понятия состоит в том, что, зная основные факторы суицидального риска, можно выявить среди населения группы риска в отношении совершения самоубийства, с которыми и следует проводить соответствующую профилактическую работу.

Все факторы суицидального риска принято подразделять на групповые и индивидуальные. Ниже указаны наиболее важные из установленных на сегодняшний день групповых факторов суицидального риска для жителей нашей страны [Войцех, 2006; Тукаев, 2004]:

1) социально-демографические – мужской пол, возраст 35 – 55 лет у мужчин и старше 60 лет у женщин, семейный статус разведенного или вдовца, проживание в сельской местности, низкий уровень образования, отсутствие постоянной работы, статус инвалида;

2) средовые – район проживания (частота суицидов возрастает к северу), время года (максимум частоты суицидов – в мае – июне, минимум – в ноябре – декабре);

3) медицинские – тяжелые хронические соматические заболевания (в особенности с неблагоприятным прогнозом, такие как рак, СПИД и т.п.), психические заболевания (в первую очередь, реактивная депрессия, шизофрения, маниакально-депрессивный психоз и психопатии), злоупотребление алкоголем.

Что же касается индивидуальных факторов суицидального риска, то к их числу относятся некоторые личностно-психологические характеристики, такие как низкая толерантность индивида к эмоциональным нагрузкам, чрезмерный максимализм, поляриность в оценках, категоричность или незрелость суждений, неполноценность коммуникативных систем, неадекватная самооценка, слабость механизмов психологической защиты личности, сниженная ценность жизни.

Заключение

Таким образом, суицидальное поведение является полиэтиологическим феноменом, требующим для своего проявления взаимодействия нескольких детерминант, имеющих как внешнее, так и внутреннее по отношению к психике суицидента происхождение. Учет этих детерминант в каждом конкретном случае суицидального поведения необходим с точки зрения оказания квалифицированной помощи.

Библиография

1. Амбрумова А.Г. Принципы организации суицидологической службы и перспективы научных исследований // Материалы 8-го Всесоюзного съезда невропатологов, психиатров и наркологов. М., 1988. 228 с.
2. Амбрумова А.Г. Суицид как феномен социально-психологической дезадаптации личности // Актуальные проблемы суицидологии. М., 1978. 32 с.
3. Войцех В.Ф. Динамика и структура самоубийств в России // Социальная и клиническая психиатрия. 2006. Т.16. Вып. 3. 28 с.
4. Дмитриева Т.Б. Этнокультуральная психиатрия. М.: Медицина, 2003. 278 с.
5. Старшенбаум Г.В. Суицидология и кризисная психотерапия. М.: Когито-центр, 2005. 376 с.
6. Тукаев Р.Д. Психобиологический компонент суицидального поведения // Социальная и клиническая психиатрия. 2004. Том 14. Вып. 2. С. 103-109.
7. Anton R., Moak D. Further validation of a scale for alcohol craving // Alcoholism, Clinical and Experimental Research. 1992. Vol. 16. № 2. P. 418.
8. Appel C.P. Motivating patients for tobacco: Prev. And Contr. // Alcohol, Drugs and Tobacco: Prev. and Contr. Oslo, 1988. P. 22.
9. Bernitzki H.-G. Alcoholismussfrü herkenning // Z. Ärztl. Fortbild. 1987. 81. № 15. P. 777-778.
10. Chiles J. The suicidal patient: principles of assessment, treatment and case management. Washington D.C., American Psychiatric Press, 1995. 282 p.

Determinants of suicidal behavior

Svetlana V. Kulakova

Head of Department, Major of Internal Service, Senior Scientific Officer,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: centr2nii@yandex.ru

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law, Associate Professor,
Chief Scientific Officer,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya st., Moscow, Russian Federation;
Professor at the Department of Criminal Law,
Astrakhan State University,
4140546, 20-a, Tatishcheva st., Astrakhan, Russian Federation;
Professor at the Department of Civil Law,
Russian Customs Academy,
140009, 4, Komsomolyskiy av., Lyubercy, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Darya N. Krotova

Captain of Internal Service, Scientific Officer,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: dnk.1990@yandex.ru

Abstract

In modern conditions, the study of the characteristics of suicidal behavior in various pathologies is becoming increasingly important. Summarizing the literature data on suicidal behavior of persons with mental disabilities, it should be noted that the publications on this issue are controversial. The number of generally accepted provisions is small, and therefore, a single concept of suicidal behavior does not exist today. The analysis of the literature on this issue allowed to determine that a higher susceptibility to suicidal behavior is recorded in people with mental disabilities, affective disorders, especially with post-traumatic stress, with personality disorders, alcoholism and drug addiction, as well as in suicides with depressive disorders. Suicidal behavior is considered to be a polyetiological phenomenon, requiring for its manifestation the interaction of several determinants, having both external and internal with respect to the psyche of suicide origin. According to the generalized opinion of domestic and foreign experts in the field of the study and prevention of suicidal behavior, the authors identified some group and individual factors of suicides, typical signs preceding a suicidal attempt. Suicidal behavior is a polyetiological phenomenon, requiring for its manifestation the interaction of several determinants, having both external and internal in relation to the psyche of suicide origin. The consideration of these determinants in each particular case of suicidal behavior is necessary from the point of view of providing qualified assistance.

For citation

Kulakova S.V., Novikov A.V., Krotova D.N. (2019) Determinanty suitsidal'nogo povedeniya [Determinants of suicidal behavior]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 8 (2A), pp. 139-146.

Keywords

Suicide, suicidal behavior, determinants, suicidal behavior, risk factors.

References

1. Ambrumova A.G. (1988) Printsipy organizatsii suitsidologicheskoi sluzhby i perspektivy nauchnykh issledovaniy [Principles of organizing a suicidological service and prospects for scientific research]. In: *Materialy 8-go Vsesoyuznogo s"ezda nevropatologov, psikiatrov i narkologov* [Proceedings of the 8th All-Union Congress of neuropathologists, psychiatrists and narcologists]. Moscow.
2. Ambrumova A.G. (1978) Suitsid kak fenomen sotsial'no-psikhologicheskoi dezadaptatsii lichnosti [Suicide as a phenomenon of socio-psychological maladjustment of the individual]. In: *Aktual'nye problemy suitsidologii* [Actual problems of suicidology]. Moscow.
3. Anton R., Moak D. (1992) Further validation of a scale for alcohol craving. *Alcoholism, Clinical and Experimental Research*, 16, 2, p. 418.
4. Appel C.P. (1988) Motivating patients for tobacco: Prev. And Contr. In: *Alcohol, Drugs and Tobacco: Prev. and Contr.* Oslo, 1988.
5. Bernitzki H.-G. (1987) Alkoholismussfrü herkenning. *Z. Ärztl. Fortbild.*, 81, 15, pp. 777-778.
6. Chiles J. (1995) *The suicidal patient: principles of assessment, treatment and case management*. Washington D.C., American Psychiatric Press.
7. Dmitrieva T.B. (2003) *Etnokul'tural'naya psikhiatriya* [Ethnocultural psychiatry]. Moscow: Meditsina Publ.
8. Starshenbaum G.V. (2005) *Suitsidologiya i krizisnaya psikhoterapiya* [Suicidology and crisis psychotherapy]. Moscow: Kogito-tsentr Publ.
9. Tukaev R.D. (2004) Psikhobiologicheskii komponent suitsidal'nogo povedeniya [Psychobiological component of suicidal behavior]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya* [Social and clinical psychiatry], 14, 2, pp. 103-109.
10. Voitsek V.F. (2006) Dinamika i struktura samoubiystv v Rossii [Dynamics and structure of suicide in Russia]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya* [Social and clinical psychiatry], 16, 3, p. 28.

УДК 159.9**Взаимосвязь рефлексии и защитной рефлексии
матери, воспитывающей ребенка-дошкольника****Кузнецова Елена Сергеевна**

Аспирант,
Московский государственный педагогический университет,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Тверская, 11;
e-mail: kuznecova@mail.ru

Морозюк Светлана Николаевна

Доктор психологических наук, профессор,
завкафедрой «Психология»,
Московский государственный педагогический университет,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Тверская, 11;
e-mail: morozuk@mail.ru

Аннотация

Дошкольное детство – это период интенсивного развития ребенка. Именно в этот период создаются основы личностного развития, особенности отношений с окружающим миром и людьми, формируется абрис мира. Через общение со взрослыми формируются первые представления о мире и себе. От качества этого общения зависит, насколько легко войдет ребенок в сложный мир социальных отношений. Исторически сложилось в России, что за матерью признается доминирующее влияние на ребенка, на развитие его эмоциональной сферы. Именно мать удовлетворяет потребности ребенка в доброжелательном внимании взрослого в эмоциональном взаимодействии с ним (Л.И. Божович). Только во взаимодействии с любящей матерью ребенок обретает чувство уравновешенности и безопасности. Поэтому в данной статье будут представлены результаты эмпирического исследования особенностей взаимосвязи рефлексии матери (по В.Д. Шадрикову), дифференциальной рефлексии матери (по Д.А. Леонтьеву) и защитной рефлексией матери (по Ю.М. Орлову, С.Н. Морозюк), воспитывающей ребенка-дошкольника. Исследование проводилось с использованием методик «Когнитивно-эмотивный тест (КЭТ)» Ю.М. Орлов, С.Н. Морозюк. В исследовании приняли участие 236 респондента – матери, воспитывающие дошкольников. Достоверность полученных результатов обеспечивалась репрезентативностью выборки и применением коэффициента ранговой корреляции г-Спирмена. Результаты были подвергнуты статистической обработке с использованием статистических программ «STATISTIKA 7.0».

Для цитирования в научных исследованиях

Кузнецова Е.С., Морозюк С.Н. Взаимосвязь рефлексии и защитной рефлексии матери, воспитывающей ребенка-дошкольника // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 2А. С. 147-152.

Ключевые слова

Рефлексия, саногенная рефлексия, системная рефлексия, интроспекция, квазирефлексия, защитная рефлексия.

Введение

Рефлексия является опосредующим звеном, механизмом, связывающим операционально-предметную сторону мышления с личностными смыслами субъекта, если они включены в мыслительный процесс. Рефлексия вступает в свои права там, где существует дефицит понимания (и в этом смысле рефлексия и понимание дополнительные). Также выявлено, что рефлексия – континуальное свойство, имеющее индивидуальную меру выраженности как по «горизонтали» (склонность и способность личности отслеживать свои психические акты и состояния), так и по «вертикали» (сложность рефлектируемого материала, что характеризует когнитивный аспект свойства рефлексивности). С точки зрения Ю.М. Орлова, рефлексия – это «умственные акты различного уровня организации, возникающие в ответ на неопределенность ситуации и выбора решения». А, рефлексия, направленная на уменьшение страдания от негативных эмоций и формирование такого стиля мышления, в результате которого обеспечивается осознанный выбор конструктивных программ поведения, называется саногенной рефлексией. Саногенная рефлексия противопоставляется механизмам психических защит, которые Ю.М. Орлов относит к видам защитной рефлексии.

Под защитной рефлексией Ю.М. Орлов понимает умственные автоматизмы, направленные на снижение страдания от негативных эмоций, дающие локально-временный эффект. То есть, чем сильнее страдание от эмоции, тем выше должны быть показатели конкретных видов защитной рефлексии и, наоборот, чем благополучнее человек, тем меньше у него потребность применять психические защиты.

Основная часть

Ниже представлены результаты исследования, посвященные изучению связи рефлексии деятельности матери (по В.Д. Шадрикову) с ее защитной рефлексией (по Ю.М. Орлову, С.Н. Морозюк).

Таблица 1 – Корреляция рефлексии деятельности матери с ее защитной рефлексией (по r-Спирмену) (n= 236)

Показатели КЭТ (по М.Ю. Орлову, С.Н. Морозюк)	Показатели рефлексии деятельности матери (по В.Д. Шадрикову, С. С. Кургияну)			
	ИОД	МЦД	ПРОД	ОРД
Агрессия против других	0,16**	-0,01	-0,01	0,02
Защита от чувства вины	0,02	0,03	-0,15*	0,06
Защита от страха неудачи	0,15*	-0,03	-0,03	0,03

Примечание: статистически значимые связи** - на уровне $p \leq 0,01$; *- на уровне $p \leq 0,05$

Из таблицы 1 видно, что чем больше мать прибегает в своем сознании к агрессии против других и испытывает страх неудачи, тем больше у нее ресурсов и средств для достижения цели. Страх неудачи является в данном случае мотиватором для достижения цели, а агрессия выступает средством, помогающая достигать эту цель. Но при этом, мать, добившись цели и осознав нежелательность полученного результата, начинает меньше испытывать чувство вины.

Это подтверждается наличием положительной связи показателя рефлексии деятельности матери «информационная основа деятельности» с такими ее защитными механизмами, как «защита от страха неудачи» ($r=0,15^*$) и «агрессия против других» ($r=0,16^*$). А также наличием обратной связи показателя рефлексии деятельности матери «принятие решения и осуществление деятельности» с показателем ее защитной рефлексии «защита от чувства вины» ($r=-0,15^*$).

Обратимся к результатам исследования, демонстрирующие связи дифференциальной рефлексии матери (по Д. А. Леонтьеву) с ее защитной рефлексией (по Ю.М. Орлову, С.Н. Морозюк).

Таблица 2 – Корреляция дифференциальной рефлексии матери с ее защитной рефлексией (по r-Спирмену) (n= 236)

Показатели КЭТ (по М.Ю. Орлову, С.Н. Морозюк)	Показатели рефлексии матери (по Д. А. Леонтьеву)		
	Системная рефлексия	Интрореплексия	Квазирефлексия
Объем защитной рефлексии от чувства обиды	0,01	0,15*	-0,01
Агрессия против других	-0,01	0,14*	-0,03
Рационализация обесценивания объекта	0,03	0,04	-0,15*
Защита от зависти	0,01	0,13*	-0,07
Саногенное мышление	-0,13*	0,04	0,03

Примечание: статистически значимые связи** - на уровне $p \leq 0,01$; *- на уровне $p \leq 0,05$

Из таблицы 2 мы видим существование прямых связей показателя рефлексии матери «Интрореплексия» со следующими показателями ее защитной рефлексией «Объем защитной рефлексии при переживании обиды» ($r= 0,15$), «Агрессия против других» ($r= 0,14$) и «Защитой от зависти» ($r= 0,13$). То есть, чем более мать склонна к самокопанию, тем больше она склонна переживать зависть, обиду и ей свойственно обвинять других людей в своих неудачах.

Чем более выражена у матери рефлексия, направлена на объект, не имеющая отношения к актуальной жизненной ситуации и связана с фантазиями матери, тем меньше она склонна к обесцениванию и оправданию того, что она имеет. Это подтверждает связь показателя рефлексии матери «Квазирефлексия» с показателем ее защитной рефлексии «Рационализация обесценивания объекта» ($r= -0,15$). Связано это с тем, что в идеальном, придуманном мире матери нет места обесцениванию. Мир, в котором живет мать – называется «мечтой» и в нем нет места несовершенству.

Интересным остается факт существования обратной связи показателя системной рефлексии матери с показателем ее саногенного мышления ($r=-0,13$). То есть, чем более развита системная рефлексия, как наиболее адаптивная и реалистичная, тем менее развито саногенное мышление. Обращаясь к концепции рефлексии Д.А. Леонтьева отметим, что «нужно сначала увидеть самого себя и составить картину себя благодаря определенной внутренней и внешней дистанции по отношению к собственным чувствам, решениям и действиям». В системной рефлексии направленность сознания происходит не за счет, а в дополнение к его направленности на внешнюю ситуацию, в полной мере выполняющую приписываемые рефлексии позитивные функции. То есть, системная рефлексия включает в себя сначала отстраненность Я-внешнего с Я-внутренним, а затем поиск ресурсов в Я-внешнем и Я-внутреннем для эффективного и позитивного разрешения ситуации во внешнем плане. Задача же саногенного мышления заключается в отстраненности Я-внутреннего от Я-внешнего, вызывающее определенные

эмоциональные и поведенческие реакции. Происходит это не с целью найти ресурсы для позитивного разрешения во внешнем плане, а с целью обучить Я – внутреннее адекватно (т.е. в соответствии со сложившейся ситуацией) реагировать, снижая уровень страдания при переживании отрицательных переживаний проявления Я-внешнего (похоже на то, что было в прошлом опыте, перенося опыт на настоящее).

Поэтому, когда мать в своем поведении прибегает в процессе общения с ребенком к системной рефлексии, она вполне адекватно и осознанно может объяснить причины своего поведения и отношения в адрес ребенка, также она может адекватно и осознанно объяснить причины того или иного поведения своего ребенка в той или иной ситуации. И может сложиться впечатление, что мать обладает саногенным мышлением и рефлексией. Однако на самом деле мать пытается оправдать в своем сознании не ребенка как такового и не себя, а лишь свое поведение или поступок, или поведение ребенка. И каждый раз, когда она будет сталкиваться с нежелательным поведением ребенка, она будет оправдывать именно его конкретный поступок, а не ребенка в целом.

Заключение

Выявленные в процессе эмпирического исследования факты дают нам основания предполагать, что саногенная рефлексия, направленная на преодоление страха неудачи матери и ее чувства вины, может стать фактором обеспечения психологического благополучия ребенка. Это предположение ждет своего экспериментального подтверждения.

Библиография

1. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008. 398 с.
2. Кошелева А.Д. Эмоциональное развитие дошкольников. М.: Академия, 2003. 176 с.
3. Леонтьев Д.А. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 4. С. 110-135.
4. Лисина М.И. Проблемы онтогенеза общения. М.: Педагогика, 1986. 144 с.
5. Морозюк С.Н. Саногенная рефлексия, акцентуации характера и эффективность учебной деятельности. М., 2000. 265 с.
6. Орлов Ю.М. Когнитивно-эмотивный тест. М., 1999. 20 с.
7. Орлов Ю.М. Саногенное (оздоравливающее) мышление. М.: Слайдинг, 2006. 96 с.
8. Скобло Г.В., Дубовик О.Ю. Система «мать-дитя» в раннем возрасте как объект психопрофилактики // Социальная и клиническая психиатрия. 1992. №2. С. 75-78.
9. Смолева Т.О. Рефлексия значимых взрослых как фактор эмоционального благополучия ребенка. Иркутск, 2003. 163 с.
10. Шадриков В.Д. Тест рефлексии деятельности. М.: Университетская книга, 2015. 100 с.

The relation of reflection and defensive reflection of the mother raising a preschooler

Elena S. Kuznetsova

Postgraduate,
Moscow State Pedagogical University,
125993, 11, Tverskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: kuznecova@mail.ru

Svetlana N. Morozyuk

Doctor of Psychology, Professor,
Head of the Psychology Department,
Moscow State Pedagogical University,
125993, 11, Tverskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: morozuk@mail.ru

Abstract

Preschool childhood is a period of intensive child development. It is during this period that the foundations of personal development are created, the peculiarities of relations with the outside world and people, the outline of the world are formed. Through communication with adults, the first ideas about the world and oneself are formed. The quality of this communication determines how easily a child enters into the complex world of social relations. Historically, in Russia, the mother is recognized to be the dominant source of influence on the child and the development of their emotional sphere. It is the mother that meets the needs of the child for the benevolent attention of an adult in emotional interaction with him. Only in interaction with a loving mother does a child acquire a sense of balance and security. Therefore, this article will present the results of an empirical study of the relationship between the mother's reflection, the mother's differential reflection and the mother's protective reflection raising a preschooler child. The study was conducted using the methods of Cognitive-emotive test. The study involved 236 respondents, who were mothers raising preschoolers. The reliability of the results obtained was ensured by the representativeness of the sample and the use of the r-Spearman's rank correlation coefficient. The results were subjected to statistical processing using the statistical program STATISTIKA 7.0.

For citation

Kuznetsova E.S., Morozyuk S.N. (2019) Vzaimosvyaz' refleksii i zashchitnoi refleksii materi, vospityvayushchei rebenka-doshkol'nika [The relation of reflection and defensive reflection of the mother raising a preschooler]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 8 (2A), pp. 147-152.

Keywords

Reflection, sanogenic reflection, systemic reflection, introspection, quasi-reflexion, protective reflection.

References

1. Bozhovich L.I. (2008) *Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste* [Personality and its formation in childhood]. St. Petersburg: Piter Publ.
2. Kosheleva A.D. (2003) *Emotsional'noe razvitiye doshkol'nikov* [Emotional development of preschoolers]. Moscow: Akademiya Publ.
3. Leont'ev D.A. (2014) Refleksiya «khoroshaya» i «durnaya»: ot ob'yasnitel'noi modeli k differentsial'noi diagnostike [Reflection, good and bad: from the explanatory model to the differential diagnosis]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of Higher School of Economics], 11, 4, pp. 110-135.
4. Lisina M.I. (1986) *Problemy ontogeneza obshcheniya* [Problems of communication ontogeny]. Moscow: Pedagogika Publ.
5. Morozyuk S.N. (2000) *Sanogennaya refleksiya, aktsentuatsii kharaktera i effektivnost' uchebnoi deyatel'nosti* [Sanogenic reflection, character accentuation and effectiveness of learning activities]. Moscow.
6. Orlov Yu.M. (1999) *Kognitivno-emotivnyi test* [Cognitive emotive test]. Moscow.

7. Orlov Yu.M. (2006) *Sanogennoe (ozdoravlivayushchee) myshlenie* [Sanogenic (healthful) thinking]. Moscow: Slaiding Publ.
8. Shadrikov V.D. (2015) *Test refleksii deyatel'nosti* [Test reflection activities]. Moscow: Universitetskaya kniga Publ.
9. Skoblo G.V., Dubovik O.Yu. (1992) Sistema «mat'-ditya» v rannem vozraste kak ob"ekt psikhoprofilaktiki [The system of mother-child relations at an early age as an object of psycho-prophylaxis]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya* [Social and clinical psychiatry], 2, pp. 75-78.
10. Smoleva T.O. (2003) *Refleksiya znachimyykh vzroslykh kak faktor emotsional'nogo blagopoluchiya rebenka* [Reflection of significant adults as a factor in the child's emotional well-being]. Irkutsk.

УДК 159.99**Этика и психология в изучении моделей
взаимоотношений врача и пациента****Бендрикова Альбина Юрьевна**

Кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных наук,
Алтайский государственный медицинский университет,
656008, Российская Федерация, Барнаул, ул. Левонабережная, 32-а;
e-mail: bendrikova-a@mail.ru

Бетенькова Елена Михайловна

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных наук,
Алтайский государственный медицинский университет,
656008, Российская Федерация, Барнаул, ул. Левонабережная, 32-а;
e-mail: elena.betenkova@gmail.com

Кочетова Юлия Юрьевна

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных наук,
Алтайский государственный медицинский университет,
656008, Российская Федерация, Барнаул, ул. Левонабережная, 32-а;
e-mail: kochetova20@mail.ru

Тимченко Наталья Станиславовна

Доктор социологических наук, профессор,
профессор кафедры гуманитарных наук,
Алтайский государственный медицинский университет,
656008, Российская Федерация, Барнаул, ул. Левонабережная, 32-а;
e-mail: nattimchenko@yandex.ru

Шершнева Карина Сергеевна

Студент,
Алтайский государственный медицинский университет,
656008, Российская Федерация, Барнаул, ул. Левонабережная, 32-а;
e-mail: kari_2898@mail.ru

Аннотация

В сфере медицинского обслуживания довольно часто возникают случаи, когда пациенты остаются недовольны деятельностью врача. Возникает объективная необходимость многоаспектного изучения специфики взаимоотношений врача и пациента. Психологический, этический, социологический подходы к изучению биоэтических моделей, которые формируются в деятельности каждого практикующего врача, способствуют повышению эффективности в решении множества биомедицинских проблем современности. Во многом исход лечения зависит от отношения врача и пациента к сформировавшимся в профессии этическим нормам и стандартам. Таким образом, изучение, определение и предоставление знаний о предпочтительных моделях взаимоотношений с точки зрения каждой стороны, участвующей в них, поиск сущностных и специфических признаков является важной задачей, от решения которой будет зависеть успех лечебного процесса в целом.

Для цитирования в научных исследованиях

Бендрикова А.Ю., Бетенькова Е.М., Кочетова Ю.Ю., Тимченко Н.С., Шершнева К.С. Этика и психология в изучении моделей взаимоотношений врача и пациента // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 2А. С. 153-162.

Ключевые слова

Биоэтика, модели взаимоотношений с пациентом, медицинские услуги, профессиональный этический кодекс, психология.

Введение

Здоровье – это состояние организма, при котором все его функции осуществляются в полной мере, а также физическая, духовная, моральная стороны, являющиеся неотъемлемой частью человеческого существования, находятся в полной гармонии. Поддержанием данного состояния на протяжении многих тысячелетий занимается медицина. С появлением медицины и как следствие профессии врача, наблюдалось увеличение продолжительности и качество жизни. Поэтому данная область получила широкое распространение, и ее значение лишь увеличивается во всем мире. По мере развития медицины и человеческого общества, появилась необходимость устанавливать нормы взаимодействия врача и пациента. Во многом успех лечения зависит именно от сложившихся взаимоотношений между врачом и пациентом. В современной системе проведения медицинского приема мы часто можем наблюдать, что пациенты остаются разочарованны в оказанной им медицинской услуге. Пребывая в медицинской среде, можно заметить некую негласную классификацию данного вида взаимоотношений. У каждого врача свой метод, к которому у пациента так же негласно появляется симпатия или антипатия.

Огромный вклад в развитие медицины внес Гиппократ, именно он является основоположником ее научной составляющей. Появление принципов, норм и методик взаимодействия врача и пациента появились благодаря его научным трудам. Для того чтобы скоординировать взаимоотношения врача и пациента Гиппократ сформулировал основные положения врачебной клятвы, которая являлась обязательной составляющей профессиональной деятельности для каждого практикующего врача по окончании учебного заведения. С течением времени она трансформировалась относительно социальных изменений [Клятва Гиппократа,

www]. Проанализируем некоторые положения Клятвы Гиппократы. «Я направлю режим больных к их выгоде сообразно с моими силами и моим разумением, воздерживаясь от причинения всякого вреда и несправедливости», – данное положение говорит нам о том, что необходимо сохранять равенство между пациентами, деятельность врача должна быть направлена на выздоровление пациента. «В какой бы дом я ни вошел, я войду туда для пользы больного, будучи далек от всего намеренного, неправедного и пагубного, особенно от любовных дел с женщинами и мужчинами, свободными и рабами», – данная часть клятвы характеризует поступки и действия врача, которые не должны быть неправедными и противопоставляться морально-этическим нормам. Реализация «Клятвы Гиппократы» возможна при наличии у врача нравственных ориентиров, а также уважительного, доброжелательного отношения к больному, и доверительного взаимодействия. Следовательно, взаимоотношения не должны быть построены только на общей цели, им должны сопутствовать еще и человеческие чувства – сострадание, забота, уважение. Но, тем не менее, отсутствие каких-либо вторичных факторов, влияющих на эмоциональное состояние взаимодействующих, поможет адекватно оценивать состояние больного, а также избежать психологических травм у врача. В нашей статье мы поставили цель выяснить, какими же должны быть взаимоотношения между врачом и пациентом, при каком виде взаимодействия они принесут пользу обоим оппонентам, и будут наиболее результативны.

Степень разработанности темы

Многие авторы, изучающие данную проблему, проводили исследования, которые доказывали важнейшую роль контакта врача и пациента. Обширный обзор научной литературы был произведен сотрудниками «Центра исследований сострадания и альтруизма» (CCARE) Стэнфордского университета. Ученые обнаружили растущее количество научных фактов, доказывающих, что доброе отношение к больному оказывает прямое влияние на исцеление. Это имеет практическое статистически значимое влияние на физическое здоровье. Например, положительный эффект от влияния доброты больше, чем от приема аспирина при заболеваниях сердца. Исследование также обнаружило, что, когда медики действовали с состраданием, пациенты чаще психологически открывались, доверялись врачу и давали более полную картину о своем здоровье. Это помогало в диагностике. Чувствуя поддержку, пациенты чаще придерживались назначенного лечения, что приводило к уменьшению количества повторных госпитализаций. При таком доверительном взаимоотношении, построенном на сочувствии и доброте, пациент чувствует свою значимость, осознает важность лечения и соблюдения всех рекомендаций врача, он понимает положение, в котором он находится и ощущает поддержку, защиту от своего недуга. Так же подтверждением колоссального влияния врача на больного, является эффект плацебо. Примером действия такого рода лечения во врачебной практике не редкость [Василенко, 2012]. Плацебо широко используется в Российской наркологии для лечения лиц, зависимых от алкоголя и наркотиков. Российский врач-нарколог осуществляет лечение алкогольной зависимости такими методами, как «Капсула», «Торпедо», «Кодирование», «Подшивка», «MST», «SIT», «NIT» или несуществующими (и не внесенными в Государственный реестр лекарственных средств) лекарственными препаратами, такими как: «Витамерц депо», «Актоплекс», «Дисульфизон», «Алгоминал»: при этом врач эксплуатирует так называемый «плацебо-эффект», то есть веру пациента и его желание выздороветь. Механизм действия состоит в том, что врач убедительно говорит своему пациенту: «Выпьешь — умрешь».

Данные методы используют «неведение людей» и их «веру», для поддержания страха, который заставляет людей воздерживаться от употребления алкоголя. Эффект плацебо зависит от веры человека в «чудодейственную таблетку», от врача, который ее ему предоставляет, именно правильное построение беседы между врачом и пациентом, способствует его осуществлению. Доверие – воплощает данный метод лечения в реальность.

Рефлексотерапия – одна из необъяснимых врачебных манипуляций, относящаяся к разделу нетрадиционной медицины [Молостов, 2008]. Механизм действия никак научно не обоснован, но широко применяем во врачебной практике. Представляет собой мануальное воздействие на специфические области ступней, рук или ушей, иногда с использованием инструментов, масел и лосьонов. Основана на предпосылке рефлексологов о том, что на ступнях, руках и ушах человека находится система областей, отражающая человеческий организм в целом, и что воздействие на эту систему вызывает физиологический эффект в соответствующих частях тела. Данная врачебная манипуляция оказывает положительное действие на динамику лечения пациента, несмотря на сомнительность механизма действия. Одной из теорий действия этого способа является все тот же эффект плацебо, пациент верит в правильность, точность, и исцеляющую способность врачебных действий. Поэтому нельзя исключать такого важного аспекта как коммуникация врача и пациента, ведь порой это может исцелить человека, без использования каких-либо фармацевтических препаратов и оперативного лечения.

Нормативно-законодательная база

Рассмотрение данной проблемы возможно и на нормативном уровне, для этого мы обратимся к тексту «Кодекса профессиональной этики врача РФ» [Кодекс профессиональной этики врача Российской Федерации, [www](http://www.kodex.ru)]. В этом нормативно-профессиональном акте систематизированы нормы профессиональной врачебной деятельности, урегулировано взаимодействие с пациентом, установлены обязанности и ответственность медицинского персонала. Мы изучили некоторые аспекты КПЭВ РФ, которые находят отражение в нашей проблематике. Статья 1 п.1 КПЭВ РФ «Миссия врача состоит в охране здоровья и глубоком уважении личности и достоинства человека. Врачебная деятельность основана на высоких этических, моральных и деонтологических принципах. Эти требования остаются незыблемыми даже после смерти человека». В данной статье говорится о глубоком морально-этическом долге врача перед своим пациентом, все его действия должны согласовываться именно с этими принципами. Статья 30 п. 2 КПЭВ РФ «Врач должен строить отношения с пациентом на основе взаимного доверия и взаимной ответственности. Объективная информация о состоянии здоровья пациента дается доброжелательно; план медицинских действий разъясняется в доступной форме, включая преимущества и недостатки существующих методов обследования и лечения, не скрывая возможных осложнений и неблагоприятного исхода». Эта статья повествует нам о том, что взаимодействие врача и пациента не должны ограничиваться лишь стандартными медицинскими манипуляциями, но также в них должно находить свое место и доверие, которое может возникнуть лишь при коммуникации с пациентом. Статья 32 п. 2 КПЭВ РФ «Взаимоотношения врача и пациента должны строиться на партнерской основе и принципах информационной открытости. Врач должен в доступной форме информировать пациента о состоянии его здоровья, возможных изменениях, методах лечения, включая те, с которыми связана определенная доля риска или неуверенность в результате. Врач должен убедиться в том, что пациент удовлетворен полученной информацией». Во многом результативность лечения

зависит от понимания со стороны больного своего положения, согласие на те или иные врачебные манипуляции, осознание их важности. Этого невозможно достичь без непосредственного общения с пациентом, ведь врач в лице больного имеет характерный авторитет. Статья 37 п. 2 КПЭВ РФ «При любых обстоятельствах врач обязан стремиться к тому, чтобы облегчить страдание пациента; поддерживать его морально и избегать неразумной настойчивости в проведении диагностических и лечебных процедур». Данная статья содержит важный аспект одной из основ взаимоотношений врача и пациента – это поддержка, которая необходима при длительном течении заболевания, тяжелом состоянии больного, остром периоде болезни, а также при многих других встречающихся на практике случаях. Именно поддержка со стороны врача способна дать мотивацию и убедить в благоприятном исходе курса лечения. Таким образом, в «Кодексе профессиональной этики врача РФ» мы нашли очень точные и верные сведения, которые помогают определить наиболее подходящую модель взаимоотношений врача и пациента, которая должна применяться в медицинской практике.

Модели взаимодействия врач-пациент

Американский специалист в области биоэтики Роберт Витч занимался изучением медицинской этики, исследовал многие ее отрасли. Одной из проблем, которую он рассматривал – была проблема взаимоотношения врача и пациента, при ее изучении он решил систематизировать все возможные виды их контактов и выделил четыре основные модели их взаимодействия [Яскевич, 2009].

Техническая. В данной модели пациент является «неисправным механизмом, который нуждается в починке». Личность пациента не учитывается. Есть только физическая проблема, которую нужно устранить. Одно из неоднозначных последствий бурного развития биомедицинских технологий – возникновение врача-ученого. В данной модели ответственность за исход лечения лежит в равной степени и на враче, и на пациенте. Нередко врач ведет себя как ученый-прикладник, основная задача которого – исправить неполадки в организме пациента и сам процесс ликвидации «поломки» является самоценным с точки зрения научного знания и предполагает ярко выраженную беспристрастность врача. Этическая некорректность отношения к пациенту как к неисправному механизму здесь в полной мере компенсируется ответственностью самого пациента за конечное принятие решений.

Патерналистская (сакральная). Врач здесь рассматривается как «родитель», а пациент как «неразумное дитя». Врач сам определяет, что является благом для пациента. Здесь уделяется внимание личности пациента, но лишь с точки зрения моральной поддержки. Основы модели заложены в гиппократовскую эпоху. Врач предстает здесь в роли волшебника, заботливого отца и даже бога, который по своему усмотрению управляет жизнью человека (пациента). Пациент выступает в роли ребенка, слепо и безоговорочно доверяющего врачу и не несет никакой ответственности за собственное здоровье. Гарантом безопасности для пациента здесь выступают деонтологические принципы, закрепленные в Клятве врача. И если не будет этих гарантий, пациент просто никогда не рискнет обратиться к врачу. Поэтому основной моральный принцип, который выражает традицию сакрального типа, гласит: «Оказывая пациенту помощь, не нанеси ему вреда».

Коллегиальная. Данная модель в своем крайнем варианте является пациент-центрированной. Пациент здесь играет активную роль, с ним согласовываются все решения врача. На сегодняшний день это самая притягательная с моральной точки зрения модель. Врач

и пациент выступают как равные коллеги именно в борьбе с болезнью. Социальный статус, возраст, образование и т. д. не влияют на данное равноправие. Единственной долей некоторого лицемерия здесь выступает тот факт, что врач не испытывает страданий больного, со всеми вытекающими отсюда психологическими и моральными проблемами.

Контрактная. Взаимоотношения врача и пациента базируются на негласном (в некоторых случаях, правда, оформляемом процессуально-юридически) договоре о взаимном уважении прав друг друга. Пациента оповещают о том, как проходит лечение, от него не скрывают информацию, но решение принимает врач, обосновывая его для пациента. Еще одна модель равной ответственности врача и пациента за исход лечения. В рамках договора (соглашения – как устного, так и письменного) обговариваются все аспекты профессиональных отношений «врач – конкретный пациент». Модель наиболее распространена в Европе, США и России, позволяет избежать отказа от эмпатии со стороны врача, что характерно для модели технического типа, и отказа от моральной ответственности со стороны пациента, что характерно для модели сакрального типа; позволяет уйти от ложного и неконтролируемого равенства в модели коллегиального типа. В отношениях, основанных на контракте, врач осознает, что в случаях значимого выбора за пациентом должна сохраняться свобода управлять своей жизнью и судьбой. Таким образом, доверие к врачу остается обязательным компонентом лечебно-диагностического процесса. Однако его внутренняя сущность в лечебном процессе меняется. «Доверие, основанное на слепой вере, следует отличать от доверия заслуженного». Взаимоотношения врача и пациента – не просто обмен сведениями; это – часть лечения.

Результаты исследования

Для определения наиболее оптимальной модели взаимоотношений мы провели опрос среди пациентов и врачей. Опрашиваемым респондентам были предложены примеры взаимодействия врача и больного, в которых находились зашифрованные четыре вида моделей, на выбор предоставлялась одна, наиболее верная на их взгляд.

Анкетирование проводилось среди врачей различных специальностей, возрастов. Среди опрошенных пациентов так же люди различных возрастных категорий, обратившиеся за помощью в различные отделения медицинских учреждений. По результатам анкетирования выяснилось, что для двух групп опрошенных преимущественной стала коллегиальная модель взаимоотношений, так как именно в данной модели между оппонентами устанавливаются доверительные отношения, когда пациент может получить больше информации о своей болезни, о способах лечения, а также и моральную поддержку. Врач же при этой модели приобретает более достоверную информацию от больного, и может быть уверен, что лечение будет проводиться осознанно, и гарантирует выполнения всех указаний врача. Следующая по предпочтительности модель, выбранная пациентами – это контрактная. Выбор ее обусловлен тем, что в ней устанавливаются отношения, построенные на взаимном уважении. Пациент получает полную информацию о диагнозе, в праве выбирать наиболее приемлемый для него способ лечения, между контактирующими устанавливается не гласный контракт, который обязывает его выполнение, врач и пациент несут равную ответственность за исход лечения. Для медицинских представителей на втором месте оказалась патерналистская модель. Эта модель подразумевает перекалывание полной ответственности за выздоровление больного на врача, правом на решение методов и способов лечения также обладает врач, а также он имеет незыблемый авторитет и большое уважение со стороны пациента. Так же выбор этой модели

среди пользователей медицинских услуг обусловлен тем, что им не нужно принимать никаких решений относительно своего здоровья, врач освобождает их от этого, им не нужно понимать, осознавать свою болезнь, что сохраняет пациента от эмоциональных переживаний. Однако в современном обществе эта модель трудно применима в связи с развитием информационных технологий и их всеобщей доступности. Именно благодаря этому можно найти информацию о диагнозе, методах диагностики и многом другом. Выбор контрактной модели со стороны медицинских представителей обусловлен тем, что разделение ответственности происходит между врачом и пациентом. Такие отношения построены на взаимобязательствах и взаимовыгоде, то есть врач предоставляет услугу, а пациент является ее пользователем, исход этих отношений повышение качества услуги, для удовлетворения пользовательских потребностей. Техническая модель не была выбрана ни одним пациентом. Ведь в ней исключается контакт врача и пациента, что может привести к неверному решению больного относительно своего лечения, то есть могут наблюдаться тяжелые последствия, вызванные недопониманием. Личность пациента здесь не учитывается, что говорит о общем подходе к каждому больному. Со стороны врачей мы все же наблюдаем выбор данного метода взаимодействия, это объясняется тем, что у медицинских работников возникает возможность сокращения индивидуального времени, отведенного для каждого больного, то есть увеличение количества пациентов, принятых за рабочий период времени. Так же эта модель исключает какие-либо эмоциональные факторы при постановке диагноза, и исключает возможность психоэмоциональных потерь со стороны врача.

В опросе приняли участие представители следующих возрастных групп: 18-25, 26-35, 36-50, 51 – и более лет. В соответствии с возрастом были выявлены некоторые закономерности. Анализируя полученные данные, мы выявили зависимость приоритетной модели взаимодействия врач-пациент от возраста опрашиваемых. Респондентами в возрасте 18-25 лет была выбрана преимущественно патерналистская модель, так как в этом жизненном цикле люди активно взрослеют, имеют небольшой жизненный опыт, лишь начинают приходить к полному осознанию мира и себя. Для представителей этого возраста характерно, чтобы выбор за них был сделан человеком, который является специалистом в своей области. В остальных периодах преобладает выбор коллегиальной модели. Контрактная модель была выбрана опрошенными возрастной категории 36-51 год, так как в данном возрасте пациент уже имеет некоторую базу медицинских знаний, а также жизненный опыт. Поэтому пациент осознанно выбирает наиболее подходящий для него способ лечения. Так же среди врачей была отмечена закономерность выбора модели в зависимости от специализации. Некоторые медицинские специализации не подразумевают коммуникативного контакта врача и пациента, такие как рентгенолог, врач функциональной диагностики, мануалист, анестезиолог, радиолог, массажист, реаниматолог, общение может даже помещать специалисту. Но есть и другие врачебные специальности, в которых невозможно обойтись без установления доверительных отношений с больным: психиатр, гинеколог, венеролог, онколог. В соответствие с этими характеристиками и особенностями ответы распределились следующим образом:

Анализируя результаты проведенного исследования, мы выявили, что коллегиальная модель взаимоотношений является, по мнению опрошенных, наиболее оптимальной для обеих групп респондентов, принявших участие в анкетировании, так как в контексте данной модели выстраиваются отношения, приносящие пользу как врачу, так и пациенту. В настоящее время в связи с глобальной компьютеризацией общества, люди, как правило, не имеют проблем в

получении информации, поэтому для них важно обсуждение с доктором своего диагноза, лечения. Пациент будет уверен в том, что выбор врача относительно лечения основывается на морально-этических принципах. Врач же в контексте данной модели может исключить, самолечения со стороны больного, которое способно привести к пагубным последствиям. Однако в этой модели пациент может потерять границы субординации, что приведет к возникновению ложного равенства. Если врач и пациент будут на равных, то тогда будет наблюдаться потеря авторитета, со стороны медицинского персонала, рекомендации не будут соблюдаться в полной мере. Таким образом, выявив наиболее благоприятную модель, мы подчеркнули ее достоинства и недостатки.

Заключение

Роберт Витч выделял контрактную модель, как наиболее приемлемую. Однако проведенное исследование выявило предпочтительность данной модели только среди пациентов старшей возрастной категории, а среди врачей она так же не вызвала полного одобрения. На наш взгляд, симбиоз коллегиальной и контрактной модели дополнял и одновременно ликвидировал бы их недостатки. В этой идеальной модели, врач и пациент получали бы всю необходимую информацию друг о друге, их деятельность была бы направлена на получение благоприятного результата, с их стороны соблюдалась бы взаимная морально-нравственная ответственность, врач оказывал бы поддержку больному, давая надежду на выздоровление.

Библиография

1. Бендрикова А.Ю., Шершнева К.С. Психолого-этический аспект изучения особенностей взаимоотношений с пациентом в медицинской деятельности // Студент и наука (гуманитарный цикл). Материалы международной студенческой научно-практической конференции. 2018. С. 715-719.
2. Василенко В.В. Предыстория пустышки // Русский медицинский журнал. 2012. № 20. 9. С. 1058.
3. Денисова С.Д., Яскевич Я.С. Биомедицинская этика. Минск: БГМУ, 2011. С. 2.
4. Клятва Гиппократова. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BB%D1%8F%D1%82%D0%B2%D0%B0%D0%93%D0%B8%D0%BF%D0%BF%D0%BE%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B0>
5. Кодекс профессиональной этики врача Российской Федерации. URL: <http://legalacts.ru/doc/kodeks-professionalnoi-etiki-vracha-rossiiskoi-federatsii-prinjat/>
6. Молостов В.Д. Иглотерапия и мануальная терапия. М.: Эксмо, 2008. С. 784.
7. Силуянова И.В. Биоэтика в России: ценности и законы. М., 2001. 192 с.
8. Яскевич Я.С. и др. Основы биоэтики. Минск, 2009. С. 57.

Ethics and psychology in the studies of doctor and patient relationships models

Al'bina Yu. Bendrikova

PhD in Sociology, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Humanities,
Altai State Medical University,
656008, 32-a, Levoberezhnaya st., Barnaul, Russian Federation;
e-mail: bendrikova-a@mail.ru

Elena M. Beten'kova

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Humanities,
Altai State Medical University,
656008, 32-a, Levoberezhnaya st., Barnaul, Russian Federation;
e-mail: elena.betenkova@gmail.com

Yuliya Yu. Kochetova

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Humanities,
Altai State Medical University,
656008, 32-a, Levoberezhnaya st., Barnaul, Russian Federation;
e-mail: kochetova20@mail.ru

Natal'ya S. Timchenko

Doctor of Sociology, Professor,
Professor at the Department of Humanities,
Altai State Medical University,
656008, 32-a, Levoberezhnaya st., Barnaul, Russian Federation;
e-mail: nattimchenko@yandex.ru

Karina S. Shershneva

Graduate Student,
Altai State Medical University,
656008, 32-a, Levoberezhnaya st., Barnaul, Russian Federation;
e-mail: kari_2898@mail.ru

Abstract

In the field of health care, there are often cases when patients are dissatisfied with the doctor's activities. There is an objective need for a multifaceted study of the specifics of the relationship between the doctor and the patient. Psychological, ethical, sociological approaches to the study of bioethical models, which are formed in the activities of each practitioner, contribute to increasing efficiency in solving many biomedical problems of our time. In many ways, the outcome of treatment depends on the attitude of the doctor and the patient to the ethical norms and standards formed in the profession. Thus, the study, definition and provision of knowledge about the preferred models of relationships from the point of view of each party involved in them, the search for essential and specific features is an important task, the solution of which will depend on the success of the treatment process as a whole are presented in the paper. In an ideal model, the doctor and the patient would receive all the necessary information about each other, their activity would be aimed at obtaining a favorable result, they would observe mutual moral and ethical responsibility on their part, the doctor would support the patient, giving hope for recovery.

For citation

Bendrikova A.Yu., Beten'kova E.M., Kochetova Yu.Yu., Timchenko N.S., Shershneva K.S. (2019) Etika i psikhologiya v izuchenii modelei vzaimootnoshenii vracha i patsienta [Ethics and psychology in the studies of doctor and patient relationships models]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 8 (2A), pp. 153-162.

Keywords

Bioethics, models of relationships with the patient, medical services, professional code of ethics, psychology.

References

1. Bendrikova A.Yu., Shershneva K.S. (2018) Psikhologo-eticheskii aspekt izucheniya osobennostei vzaimootnoshenii s patsientom v meditsinskoj deyatel'nosti [Psycho-ethical aspect of the study of the peculiarities of the relationship with the patient in medical practice]. In: *Student i nauka (gumanitarnyi tsikl). Materialy mezhdunarodnoi studencheskoj nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Student and Science (humanitarian cycle). Materials of the international student scientific-practical conference].
2. Denisova S.D., Yaskevich Ya.S. (2011) *Biomeditsinskaya etika* [Biomedical ethics]. Minsk: BSMU.
3. Klyatva Gippokrata [The Hippocratic Oath]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BB%D1%8F%D1%82%D0%B2%D0%B0_%D0%93%D0%B8%D0%BF%D0%BF%D0%BE%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B0 [Accessed 02/02/2019]
4. Kodeks professional'noi etiki vracha Rossiiskoi Federatsii [Code of professional ethics of the doctor of the Russian Federation]. Available at: <http://legalacts.ru/doc/kodeks-professionalnoi-etiki-vracha-rossiiskoi-federatsii-prinjat/> [Accessed 02/02/2019]
5. Molostov V.D. (2008) *Igloterapiya i manual'naya terapiya* [Acupuncture and manual therapy]. Moscow: Eksmo Publ.
6. Siluyanov I.V. (2001) *Bioetika v Rossii: tsennosti i zakony* [Bioethics in Russia: Values and Laws]. Moscow.
7. Yaskevich Ya.S. et al. (2009) *Osnovy bioetiki* [Fundamentals of bioethics]. Minsk.
8. Vasilenko V.V. (2012) Predystoriya pustyshki [The Prehistory of the Dummy]. *Russkii meditsinskii zhurnal* [Russian Medical Journal], 20, 9, p. 1058.

УДК 159.9.075

Акмеолого-педагогический аспект личностной физической культуры студентов вузов

Сайганова Екатерина Геннадьевна

Кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры физического воспитания и здоровья,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
119571, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 82/1;
e-mail: sayganova.e@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу результатов эмпирического исследования и эксперимента, утверждающих, что систематические занятия физическими упражнениями и участие в спортивно-массовых мероприятиях способствуют развитию личностной физической культуры студентов. Раскрываются вопросы включенности в учебную деятельность студентов систематических занятий физическими упражнениями и участия в спортивно-массовых мероприятиях, которые обуславливают не только повышение уровня физической подготовленности, но и повышение уровня развития личностной физической культуры. Новый взгляд на развитие личностной физической культуры, заключается в том, что накапливаемый опыт использования двигательных возможностей человека значительно обогащается, распространяется на личностные структуры и оптимизирует субъективные оценки действительности. Развитие личностной физической культуры студентов и формирование здорового образа жизни являются ключевым направлением подготовки будущих государственных служащих и одной из наиболее важных задач управления человеческим потенциалом. Это призвано стать одним из эффективных инструментов управления профессиональным развитием персонала, сознательного воздействия на поиск путей и технологий развития и рационального использования способностей студентов – будущих работников народного хозяйства и государственных гражданских служащих.

Для цитирования в научных исследованиях

Сайганова Е.Г. Акмеолого-педагогический аспект личностной физической культуры студентов вузов // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 2А. С. 163-171.

Ключевые слова

Личностная физическая культура, развитие, объективные достижения, субъективные оценки, характерологические свойства личности.

Введение

Физическая культура студентов высших учебных заведений, являясь частью гуманитарного образования, выступает результирующей мерой комплексного воздействия различных организационных форм, средств и методов общей и профессионально-прикладной физической подготовки на личность будущего специалиста в процессе формирования его профессиональной компетентности. Как учебная дисциплина, обязательная для всех направлений подготовки высшего профессионального образования, она служит целям укрепления здоровья, физического, интеллектуального и духовного совершенствования студентов, является характеристикой общей и профессиональной культуры. Вместе с тем физическая культура может выступать как средство своеобразной психологической защиты, компенсации учебных перегрузок, поддержания здоровья, как условие повышения субъективных оценок акмеологической комфортности текущей жизнедеятельности, непрерывных изменений характерологических свойств личности, расширения диапазона функциональных возможностей организма.

Теоретический анализ роли физической культуры в личностном развитии студентов показал, что эта сложная и многогранная проблема находится на стыке акмеологии, валеологии, общей психологии, психологии развития, психологии труда, теории и методики физического воспитания¹. В связи с этим проведено комплексное исследование развития личностной физической культуры студентов с использованием методов различных наук.

Эмпирическое исследование развития личностной физической культуры студентов

Отметим, что для определения уровня развития личностной физической культуры нами разработана методика его оценки, основанная на рассмотрении личностной физической культуры как системы объективных личностных достижений и субъективных оценок. Исследование объективных достижений и субъективных оценок позволяет по эмоциональным проявлениям, относящимся к событиям текущей жизнедеятельности, фиксировать динамику развития по такому индивидуально-стабильному показателю, как «индекс развития» [Сайганова, Марков, 2009].

Методика оценки уровня развития личностной физической культуры студента состоит в рассмотрении его как суммы индексов объективных достижений студента и его субъективных оценок настоящего момента.

В исследовании использовались результаты мониторинга личностного развития студентов, проводимого кафедрой физического воспитания и здоровья ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

¹ См., например: Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991; Васильева О.С., Филатов Ф.Р. Психология здоровья человека. М., 2001; Грачева В.Н. Гимнастика для тела – тренинг для души. Практика телесно ориентированной терапии. СПб.: Вектор, 2008; Деркач А.А. (ред.) Акмеологическая оценка профессиональной компетентности государственных служащих. М.: РАГС, 2007; Деркач А.А. Акмеологические основы развития профессионала. М.; Воронеж, 2004; Деркач А.А. Роль организационной среды в становлении личности профессионала // Акмеология. 2011. № 3. С. 5-12; Деркач А.А., Сайко Э.В. Самореализация – основание акмеологического развития. М.; Воронеж, 2010; Сайганова Е.Г., Дудов В.А. Физическая культура и подготовка к государственной гражданской службе. М.: РАГС, 2011.

(далее – РАНХиГС) в 2014-2019 гг. (№=2500), опрос студентов (№=2500), результаты наблюдений, интервьюирования, экспертных оценок (20 экспертов), результаты социологических опросов, опубликованных в открытых изданиях. Выборочную совокупность экспериментального исследования составили 2000 человек (1000 женщин и 1000 мужчин в возрасте 17-25 лет) – студенты различных факультетов РАНХиГС.

Участники экспериментальной группы в период с 2014 по 2019 г. по три раза в неделю в течение 70-90 минут тренировались по программам, включающим в себя различные виды физической культуры, и ежегодно участвовали в фитнес-фестивале РАНХиГС «Фитнес, аэробика, Я!» (далее – Фестиваль) – ярком и веселом студенческом празднике, где спортивные группы студентов показывают свои достижения в различных видах фитнес-аэробики (степ-аэробики, танцевальной аэробики, функциональном тренинге и т. д.). Фестиваль популяризирует ценности современного здорового стиля жизни и позволяет студентам проявить свои таланты.

Участники контрольной группы вели обычный образ жизни, исключая регулярные занятия физической культурой и участие в спортивно-массовых мероприятиях.

В качестве диагностических инструментов в ходе эмпирического исследования и эксперимента применялись следующие методики: личностно-профессиональный опросник, разработанный на кафедре акмеологии и психологии профессиональной деятельности РАГС при Президенте РФ [Синягин, 2004]; 16-факторный личностный опросник Р.Б. Кеттелла (16-FRQ-187-A) [Елисеев, 2007]; авторская анкета субъективной оценки [Сайганова, Марков, 2009].

Экспериментальные данные позволили сделать вывод о том, что одним из существенных факторов повышения уровня развития личностной физической культуры являются характерологические свойства личности студентов.

После проведения эксперимента в экспериментальной группе отмечены: повышение эмоциональной устойчивости, скорости переработки информации, общительности, самооценки, самопознания своего организма, развития самосознания; коррекции представлений о собственных физических особенностях и возможностях; расширение интересов, стремление быть хорошо информированным; устойчивость гностических функций; проявление субъектных качеств. Установлено, что объективные учебные достижения студентов неотделимы от более естественного, «очеловеченного», осознанного соблюдения норм и правил поведения, настойчивости в достижении цели, точности, ответственности, деловой направленности. Подобные изменения объясняются целеустремленностью личности.

В контрольной группе существенных изменений в характерологических свойствах не наблюдалось.

Анализ характерологических свойств личности на уровне общего представлен психологическим механизмом саморегуляции. Саморегуляция дает возможность студенту расширить и углубить свои возможности, преодолевая внешние и внутренние препятствия, выступает как волевая линия его личностной физической культуры.

Анализ уровня особенного представлен личностными качествами студентов – участников эксперимента. В процессе эксперимента участники экспериментальной группы выбирали те виды спорта, предложенные в экспериментальной программе занятий физической культурой со студентами, которые были им по душе. Так, 15% экспериментальной группы предпочли заниматься игровыми видами спорта, 25% – силовыми программами фитнеса, а 60% – различными программами фитнес-аэробики. Таким образом, 85% экспериментальной группы занимались разнообразными программами фитнеса, которые они презентировали ежегодно на Фестивале. Этот факт объясняет опрос участников экспериментальной группы. Для большей ее

части (74%) более комфортной оказывается ситуация предсказуемости на занятиях и на Фестивале, не требующая принятия срочных решений, исключая мгновенное реагирование и лишенная оказания противодействия и соперничества, что присутствует во всех спортивных играх. Многие (56%) отметили такую причину, как бесконтактность с партнерами по занятию. Были высказывания о том, что фитнес воспринимается ими не столько как вид спорта, сколько как вид досуга, помогающий интеллектуальному развитию (48%). Ведь главная цель фитнеса находится не вне человека – в победе, в соревнованиях, а внутри него и заключается в гармоничном физическом развитии личности. В этом отношении фитнес может подарить не только индивидуальную радость здоровья, не только оптимизацию личностного развития, но и общественно значимое профессиональное долголетие. Почти все участники экспериментальной группы, выбравшие для занятий фитнес, отметили, что данный приоритет обосновывается комфортной возможностью фитнеса удовлетворять широкий спектр потребностей в физических нагрузках, оказывать воздействие на все основные мышечные группы организма при отсутствии соревновательных элементов, способствующих возникновению стрессов.

Таким образом, студенты, занимавшиеся разнообразными программами фитнеса, оказались более спокойными, эмоционально зрелыми, реалистичными, предприимчивыми, инициативными, экстравертированными по сравнению со студентами, выбравшими для занятий спортивные игры, единоборства и циклические виды физической культуры. Последние оказались более интровертированы, более склонны к тревожности. Здесь следует отметить, что нет «плохих» личностных качеств, есть индивидуальный стиль деятельности, который и приводит к стабильным и высоким результатам в развитии личностной физической культуры.

Анализ на уровне единичного сочетает общее и особенное в личностных свойствах и представлен индивидуальностью, в которой находит свое полное выражение психический склад личности, основные черты. Эмпирически установлено, что личностные достижения студентов предопределяются уровнем сформированности их индивидуальности, в которой своеобразно сочетаются организменные и психологические особенности человека – от личностных психологических качеств, которые оформляются и проявляются в ситуациях социального взаимодействия, до телесных свойств индивида. Индивидуальность предполагает формирование активной личности студента – будущего государственного гражданского служащего с позиций индивидуального стиля деятельности, оптимизирующего развитие личностной физической культуры.

Анализ полученных экспериментальных данных показал, что уровень развития личностной физической культуры студентов в обеих группах претерпел статистически высокозначимые изменения. Сравнение «индексов развития» экспериментальной и контрольной групп наглядно показывает роль еженедельных систематических занятий различными физическими упражнениями и ежегодного участия в Фестивале, требующего усиленной подготовки, в повышении эффективности развития личностной физической культуры студентов (рис. 1).

В экспериментальной группе, где участники эксперимента по три раза в неделю в течение 70-90 минут тренировались по программам, включающим в себя различные виды физической культуры, и ежегодно участвовали в Фестивале, уровень развития личностной физической культуры повысился (индекс развития = 0,39; динамика = 0,17). В контрольной группе, где участники эксперимента вели обычный образ жизни, исключая систематические занятия физическими упражнениями, наблюдается некоторый регресс, или понижение индекса развития (индекс развития = 0,10; динамика = - 0,11) (рис. 1). В основе такой динамики было

сопоставление компонентов развития личностной физической культуры в экспериментальной и контрольной группах до и после проведения эксперимента (табл. 1).

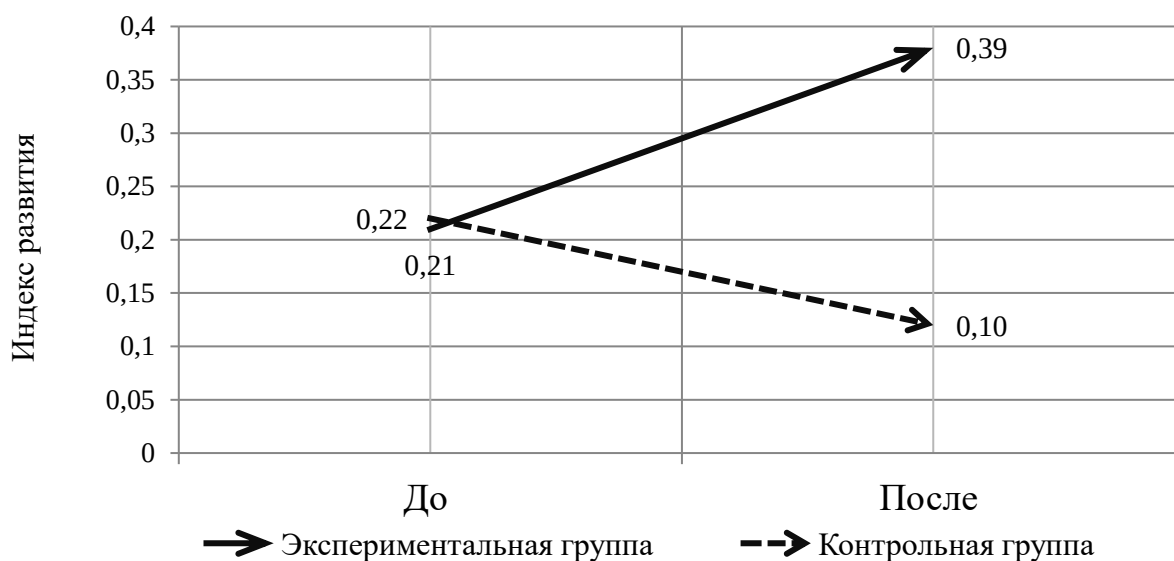

Рисунок 1 – Индекс развития в экспериментальной и контрольной группах до и после эксперимента

Таблица 1 – Сравнительный анализ компонентов развития личностной физической культуры

Компоненты развития	Индекс развития			
	Экспериментальная группа		Контрольная группа	
	До эксперимента	После эксперимента	До эксперимента	После эксперимента
Субъективные оценки	0,25	0,30	0,26	0,23
Объективные достижения	0,16	0,46	0,19	0,36

В ходе эксперимента в экспериментальной группе достигнуто статистически высокосignificant приращение уровня субъективных оценок (динамика = 0,05), что означает действительное влияние занятий физической культурой и участия в спортивно-массовых мероприятиях, которые способствовали позитивному и оптимистичному настрою. Объясняется это тем, что в основе любой работы с развивающим движением лежит закономерность: повторяющееся действие становится привычным и фиксируется на уровне коры головного мозга (динамический стереотип). Каждое новое действие изменяет схему тела в коре головного мозга, и далее эффект сказывается на всех остальных слоях структуры психики.

Не секрет, что наш организм, наше тело и психика – одно целое. Использование различного рода движений и разнообразных ритмов дыхания при работе с телом позволяет глубоко и в то же время корректно воздействовать на психические структуры человека. В результате формируется новая пластика тела, и это размывает старые и формирует новые двигательные стереотипы, существующие на уровне психических структур. Кроме того, идет размывание старых и формирование новых нервных связей на уровне слоев коры головного мозга, ответственных за эмоциональное реагирование, а следовательно, расширяется спектр наших эмоциональных реакций [Ким и др., 2000; Хомская, 2002].

Если раньше в похожих ситуациях наша реакция выражалась в гневе, страхе или чувстве вины, то теперь изменяется в первую очередь степень интенсивности реагирования. Например, вместо гнева может возникнуть легкая досада, и тогда мы, не тратя энергию на бурю эмоций, будем способны конструктивно решить возникающую проблему. Или вместо панического страха перед зачетно-экзаменационной сессией возникнет легкое волнение, и мы сможем подготовиться и достойно прожить этот процесс.

На следующем этапе изменений происходит размывание жестких мысленных структур психики (убеждений, на которых основано наше восприятие мира, себя), ответственных за наши стереотипы [Грачева, 2008]. Посредством физической культуры, через работу с телом формируются его новая пластика и, так сказать, новая пластика жизни. Изменяются ее динамика, эмоциональный настрой. Человек обретает душевный комфорт. При этом уходит автоматизм реагирования на стрессовые ситуации, формируются новые формы реагирования, и у нас появляется выбор. Другими словами, этот процесс затрагивает субъективные мироощущения человека в целом, т. е. новая пластика тела формирует устойчивое изменение характера. Поэтому и возрос индекс субъективных оценок в экспериментальной группе.

Также в экспериментальной группе отмечено статистически высокосignificant приращение уровня объективных достижений (динамика = 0,30). Этот факт говорит о том, что занятия физической культурой действительно способствуют увеличению достижений, связанных с учебной деятельностью студентов. Полученные эмпирические данные подтверждаются следующими реальными объективными достижениями участников экспериментальной группы за период эксперимента: 28% получили повышенные стипендии; 20% перешли с платного на бюджетное обучение; 16% совмещают учебу в вузе с дополнительной оплачиваемой трудовой деятельностью; 36% поступают в магистратуру. Пропуски учебных занятий за 2018-2019 учебный год из-за заболеваний составили всего 51 день. Это красноречиво свидетельствует о том, что занятия физической культурой и участие в спортивно-массовых мероприятиях действительно способствуют увеличению достижений, связанных с учебной деятельностью студентов – участников экспериментальной группы, что повлияло и на увеличение индекса развития.

В контрольной группе в процессе эксперимента достигнуто статистически высокосignificant понижение уровня субъективных оценок (динамика = -0,03). Очевидно, что отсутствие должной физической нагрузки способствует снижению общей комфортности жизнедеятельности и выраженности депрессивных настроений, нежеланию достижения должного качества в работе, усталости даже после незначительного напряжения, негативной оценке своей учебной деятельности, реализованности лишь некоторой части своего потенциала в рамках своего нынешнего статуса, увеличению массы тела и, как следствие, неважному состоянию здоровья.

Также было отмечено статистически высокосignificant понижение уровня объективных достижений в контрольной группе (динамика = -0,17; $p = 0,00$). Это означает, что отсутствие занятий физической культурой в жизни студентов действительно не способствует увеличению достижений, связанных с учебной деятельностью.

Полученные эмпирические данные подтверждаются следующими реальными объективными достижениями участников контрольной группы за период эксперимента: 6% получили повышенные стипендии; 6% поступают в магистратуру. Пропуски учебных занятий за 2018-2019 учебный год из-за заболеваний составили 221 день.

Это означает, что отсутствие занятий физической культурой в жизни студентов – участников контрольной группы не способствовало увеличению достижений, связанных с учебной деятельностью.

Полученные данные утверждают действительное воздействие систематических занятий физическими упражнениями и участия в спортивно-массовых мероприятиях на развитие личностной физической культуры студентов.

Заключение

Личностная физическая культура как раз и заключается в содействии оптимизации психологической сферы и биологического потенциала человека. Воздействуя на эти сферы, физическая культура неизбежно оказывает влияние и на другие сферы личности, например на эмоциональную и духовную. Процесс формирования и проявления физической активности личности предполагает не изолированное развитие физических способностей, а их тесное взаимодействие с личностным совершенствованием, осуществляемым в органическом единстве всестороннего и гармонического развития человека.

Личностная физическая культура, включающая освоение стратегий регуляции и экологичности, позволяет скорректировать неадекватные тенденции поведения в условиях стресса по таким важным показателям, как показатели эмоциональной устойчивости, надежности, реалистичности, уверенности в себе, блокирования невротических реакций и психологических срывов.

При оптимизации развития личностной физической культуры студентов целесообразно учитывать динамику своеобразия свойств субъекта на пути к продуктивности и комфортности жизнедеятельности и обращать специальное внимание на формирование эффективных алгоритмов, характерных для нормативного режима учебной деятельности. Необходимо комплексно использовать, наряду с методами информирования, убеждения и деятельностного освоения специальных эффективных приемов формирования профессионализма, систематические занятия физической культурой. Ведь физическая культура не только несет в себе оздоровительную направленность, но и проводится в целях развития у студентов физических, морально-волевых и психологических качеств.

Оптимизация развития личностной физической культуры студентов способствует повышению показателей учебы, раскрытию индивидуальных способностей и возможностей студентов, созданию в коллективе обстановки доверия и творческого отношения к выполнению поставленных задач и функций.

Практическая значимость данного исследования заключается в том, что на примере студентов РАНХиГС предпринята попытка рассмотреть физическую культуру как важнейшее условие, способствующее оптимальному движению к акме современного студенчества. Предложена и реализована методика оценки развития личностной физической культуры на основании рассмотрения ее как жизненного опыта, как набора объективных личностных достижений и субъективных оценок.

Развитие личностной физической культуры студентов и формирование здорового образа жизни являются ключевым направлением подготовки будущих государственных служащих и одной из наиболее важных задач управления человеческим потенциалом. Это, на наш взгляд, призвано стать одним из эффективных инструментов управления профессиональным развитием персонала, сознательного воздействия на поиск путей и технологий развития и рационального использования способностей студентов – будущих работников народного хозяйства и государственных гражданских служащих.

Библиография

1. Грачева В.Н. Гимнастика для тела – тренинг для души. Практика телесно ориентированной терапии. СПб.: Вектор, 2008. 123 с.
2. Деркач А.А. Методолого-прикладные основы акмеологических исследований. М.: РАГС, 2002.
3. Деркач А.А. Роль организационной среды в становлении личности профессионала // Акмеология. 2011. № 3. С. 5-12.
4. Елисеев О.П. Практикум по психологии личности. СПб.: Питер, 2007. 508 с.
5. Ким В.В. и др. Влияние физических упражнений на функциональное состояние сосудов головного мозга // Материалы региональной научно-практической конференции «Вузовская физическая культура и студенческий спорт: состояние и перспективы совершенствования». Тюмень: ТГУ, 2000.
6. Климов Е.А. Кажущееся и действительное акме человека в его среде // Материалы научно-практической конференции «Акмеология: итоги, проблемы, перспективы». М., 2004. С. 21-26.
7. Сайганова Е.Г., Дудов В.А. Физическая культура и подготовка к государственной гражданской службе. М.: РАГС, 2011. 137 с.
8. Сайганова Е.Г., Марков В.Н. Физическая культура в государственной гражданской службе. М.: РАГС, 2009. 164 с.
9. Синягин Ю.В. Личностно-профессиональный опросник РАГС и его модификации. М.: Эслан, 2004. 49 с.
10. Хомская Е.Д. Мозг и активация. М.: МГУ, 2002.

The acmeological pedagogical aspect of the personal physical culture of students in higher education institutions

Ekaterina G. Saiganova

PhD in Psychology, Docent,
Associate Professor at the Department of physical education and health,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
119571, 82/1, Vernadskogo av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sayganova.e@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the results of the empirical research and experiment, stating that systematic physical exercise and participation in sports events contribute to the development of students' personal physical culture. The author deals with the issues of the introduction of systematic physical exercise and participation in sports events into the educational activities of students, which lead to not only an increase in physical fitness, but also an increase in the development of personal physical culture. A new view on the development of personal physical culture lies in the fact that the accumulated experience in the use of human motor capabilities is significantly enriched, extends to personal structures and optimises subjective assessments of reality. The development of personal physical culture in students and the formation of a healthy lifestyle are viewed as a key direction in the training of future civil servants and one of the most important tasks of human potential management. It is intended to become one of effective tools used for managing the professional development of personnel, conscious influence on the search for ways and technologies of the development and rational use of the abilities of students that are trained to become economists and civil servants.

For citation

Saiganova E.G. (2019) Akmeologo-pedagogicheskii aspekt lichnostnoi fizicheskoi kul'tury studentov vuzov [The acmeological pedagogical aspect of the personal physical culture of students in higher education institutions]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 8 (2A), pp. 163-171.

Keywords

Personal physical culture, development, objective achievements, subjective assessments, personality traits.

References

1. Derkach A.A. (2002) *Metodologo-prikladnye osnovy akmeologicheskikh issledovaniy* [Methodological and applied foundations of acmeological research]. Moscow: Russian Academy of Public Administration.
2. Derkach A.A. (2011) Rol' organizatsionnoi sredy v stanovlenii lichnosti professionala [The role of the organisational environment in the formation of a professional personality]. *Akmeologiya* [Acmeology], 3, pp. 5-12.
3. Eliseev O.P. (2007) *Praktikum po psikhologii lichnosti* [Manual on personality psychology]. St. Petersburg: Piter Publ.
4. Gracheva V.N. (2008) *Gimnastika dlya tela – trening dlya dushi. Praktika telesno orientirovannoi terapii* [Gymnastics for the body – training for the soul. The practice of body-oriented therapy]. St. Petersburg: Vektor Publ.
5. Khomskaya E.D. (2002) *Mozg i aktivatsiya* [Brain and activation]. Moscow: Moscow State University.
6. Kim V.V. et al. (2000) Vliyanie fizicheskikh uprazhnenii na funktsional'noe sostoyanie sosudov golovnogo mozga [The influence of physical exercise on the functional state of cerebral vessels]. *Materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Vuzovskaya fizicheskaya kul'tura i studencheskii sport: sostoyanie i perspektivy sovershenstvovaniya"* [Proc. Conf. "Physical training and student sport in higher education institutions: the current state and prospects of improvement"]. Tyumen: Tyumen State University.
7. Klimov E.A. (2004) Kazhushcheesya i deistvitel'noe akme cheloveka v ego srede [The apparent and actual acme of man in his environment]. *Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii "Akmeologiya: itogi, problemy, perspektivy"* [Proc. Conf. "Acmeology: results, problems, prospects"]. Moscow, pp. 21-26.
8. Saiganova E.G., Dudov V.A. (2011) *Fizicheskaya kul'tura i podgotovka k gosudarstvennoi grazhdanskoi sluzhbe* [Physical education and training for civil service]. Moscow: Russian Academy of Public Administration.
9. Saiganova E.G., Markov V.N. (2009) *Fizicheskaya kul'tura v gosudarstvennoi grazhdanskoi sluzhbe* [Physical education in civil service]. Moscow: Russian Academy of Public Administration.
10. Sinyagin Yu.V. (2004) *Lichnostno-professional'nyi oprosnik RAGS i ego modifikatsii* [The personal and professional questionnaire of the Russian Academy of Public Administration and its modifications]. Moscow: Eslan Publ.

УДК 37.013

**Психолого-педагогические условия формирования
творческого потенциала у детей старшего дошкольного
возраста при помощи подвижных игр**

Никотина Алина Геннадьевна

Студент,

Оренбургский государственный педагогический университет,
460014, Российская Федерация, Оренбург, ул. Советская, 19;
e-mail: n.alina-1995@mail.ru

Михайлова Наталья Васильевна

Кандидат педагогических наук, доцент,
преподаватель,

кафедра педагогики дошкольного и начального образования,
Оренбургский государственный педагогический университет,
460014, Российская Федерация, Оренбург, ул. Советская, 19;
e-mail: mnv270795@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается решение проблемы формирования творческого потенциала у детей старшего дошкольного возраста, раскрывается роль подвижных игр в их формировании при помощи научных работ, представлена диагностика уровней сформированности творческих способностей детей и содержание работы по их формированию у детей старшего дошкольного возраста посредством подвижных игр. Проблема формирования творческого потенциала актуальна тем, что этот процесс является обязательным компонентом поведения человека в социуме, но при этом он мало разработан в научной литературе. В последнее время на страницах литературы по педагогике и психологии все чаще стал возникать вопрос о роли творческого потенциала, об определении сущности его механизмов. И именно поэтому целью нашей работы стало выявление психолого-педагогических условий развития творческого потенциала у детей старшего дошкольного возраста. Анализ результатов диагностики на этапе контрольного эксперимента показал, что уровень сформированности творческого потенциала у детей старшего дошкольного возраста изменился. Наблюдается его повышение. Теоретическая значимость исследования состоит в том, что в теории и методики дошкольного образования будет применяться и передаваться наш опыт по развитию творческого потенциала у детей дошкольного и старшего дошкольного возраста при помощи подвижных игр. Практическая значимость нашей исследовательской работы состоит в том, что результаты могут использоваться в обычных, рядовых детских садах для развития творчества и творческого потенциала, а следовательно, и многих психических процессов.

Для цитирования в научных исследованиях

Никотина А.Г., Михайлова Н.В. Психолого-педагогические условия формирования творческого потенциала у детей старшего дошкольного возраста при помощи подвижных игр // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 2А. С. 172-180.

Ключевые слова

Творчество, творческий потенциал, творческие способности, игра, подвижные игры, дошкольный возраст.

Введение

Социально-экономические преобразования в современном мире диктуют необходимость развития творчески активной личности, способной эффективно решать новые жизненные проблемы. В связи с этим, перед дошкольным образованием в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами встает важная задача формирования и развития творческого потенциала подрастающего поколения, что в свою очередь требует совершенствования воспитательно-образовательного процесса с учетом возрастных психологических закономерностей.

Проблема формирования творческого потенциала актуальна тем, что этот процесс является обязательным компонентом поведения человека в социуме. В последние время на страницах литературы по педагогике и психологии все чаще стал возникать вопрос о роли творческого потенциала, об определении сущности его механизмов.

Основная часть

Под творческим потенциалом понимается совокупность качеств человека, определяющих возможность и границы его участия в трудовой деятельности. Как показали исследования Л.С. Выготского, творческий потенциал выступает не только предпосылкой эффективного усвоения дошкольниками нового материала, но и является условием творческого преобразования имеющихся у них знаний, способствующих саморазвитию личности [Выготский, 2003, 122]. Однако в научной литературе вопросы, непосредственно связанные с проблемами формирования творческого потенциала у дошкольников мало разработаны, недостаточно проведено исследований по изучению направлений работы в дошкольном учреждении по формированию творческого потенциала мышления, воображения. Творчески мыслящий человек способен эффективно преодолевать трудности, быстро и экономично решать поставленные перед ним задачи, намечая новые цели и обеспечивая свободу выбора и действий.

Дошкольный возраст определяет предпосылки формирования творческого потенциала, которые, в свою очередь, являются одним из компонентов общей структуры личности, развитие которых способствует развитию личности ребенка в целом [Боровикова, 2011, 78]. Детское творчество – это своеобразная самостоятельная сфера духовной жизни. В.А. Сухомлинский подчеркивал, что детском возрасте творчество играет очень важную жизненную роль для ребенка, так как оно помогает ему самовыражаться и самоутверждаться в окружающем мире, а также ярко раскрывает его индивидуальность. Творчество ребенка – весьма важный элемент его

самосознания и самопонимания. Сам ребенок словно изменяет мир под себя, и пытается постичь и понять его, как можно лучше.

Выдающиеся психологи Л.С. Выготский, Л.А. Венгер, Б.М. Теплов, Д.Б. Эльконин и др., считают, что основой творческого потенциала являются общие способности. Такие интеллектуальные операции, как анализ, синтез, сравнение, рассуждение, наблюдение характеризуют высокий уровень интеллекта. Благодаря высокому уровню данных операций дошкольник может быть одаренным и в разнообразных сферах (художественной, музыкальной, творческой и т.д.). Анализ работ психологов, которые раскрывают свойства, и качества творческого потенциала выделяют следующие критерии: новизна, оригинальность, легкость ассоциирования, готовность к импровизации, оправданная экспрессивность, независимость мнений и оценок, особую чувствительность [Дубровина, 2011, 12].

К основным компонентам формирования творческого потенциала у детей дошкольного возраста Д.Б. Богоявленская выделяет творческое воображение и мышление. Это позволяет выделить направления для формирования творческого потенциала дошкольников: развитие воображения и качеств мышления, которые определяют креативность [Богоявленская, 2012, 89].

На формирование творческого потенциала детей дошкольного возраста, по мнению В.М. Воскобойникова, оказывает влияние и среда, педагогические условия, т.е. все то, что может способствовать формированию творческого потенциала ребенка, а что, наоборот – замедлять, тормозить его [Воскобойников, 1996, 119].

Основным видом деятельности детей дошкольного возраста является игра. Только яркая, занимательная игра привлекает внимание детей. Продуктивным средством для приобретения навыков интеллектуального поиска необходимого для решения круга жизненных проблем являются игры, игровые ситуации. Формирование творческого потенциала детей в игровой деятельности раскрыты в психолого-педагогических исследованиях Л.С. Выготского, Д.В. Менджерицкой, Н.Я. Михайленко, Н.Н. Подьякова, Д.Б. Эльконина.

Игра – это особый вид деятельности дошкольников, она всегда носит творческий характер. В игре со сверстниками или старшими детьми ребенок обогащается новыми знаниями, учится считаться с интересами других людей. Из всего многообразия игр (дидактическая, сюжетно-ролевая, конструкторская, народная, подвижная и др.) особое внимание придается подвижным играм, в процессе которых у дошкольников формируется и совершенствуется творческая двигательная деятельность. Преимущество подвижных игр над другими видами является связь игры с инициативой, фантазией, творчеством. Такие игры протекают эмоционально, стимулирует двигательную активность, развивают творчество, так как дети придумывают по ходу игры новые сюжеты, которые им более близки по содержанию и по реализации. Задача воспитателя состоит в построении целенаправленного, методически продуманного руководства подвижной игрой, в результате которого значительно активизируется творческая деятельность дошкольников.

Подвижная игра, по мнению З.З. Абдульменовой, является сложной эмоциональной деятельностью детей, направленная на решение двигательных задач, основанная на движении и наличии правил. Подвижная игра активизирует дыхание, кровообращение и обменные процессы, совершенствует движение, развивает координацию, организует детей действовать в соответствии с правилами, активизирует память, развивает мышление, воображение, обогащает речь ребенка, учит взаимодействовать в коллективе, следовать общим правилам и требованиям. Подвижные игры целесообразнее всего модифицировать для поддержания интереса к игре и для решения таких педагогических задач, как совершенствование и улучшение движений, развитие

и воспитание физических качеств, развитие двигательного воображения [Абдульменова, 2003, 11].

Подбор и планирование подвижных игр зависит от возрастной группы, от общего физического и умственного развития, состояния здоровья, времени года, интересов детей и, конечно же, какую цель преследует педагог на данном этапе. При проведении подвижной игры имеются неограниченные возможности комплексного использования разнообразных методов, направленных на формирование творческих способностей. В процессе игры дошкольники выражают свои чувства, желания, могут осуществить задуманное, творчески отобразить в своем воображении и поведении накопленный двигательный и социальный опыт.

Важную роль в формирования творческого потенциала детей играет привлечение их к усложнению правил игры. Например, в игре «Два Мороза» воспитатель вначале предлагает вариант правил: кого «морозы» осалят, тот остается на месте. Затем воспитатель усложняет, чтобы перебежать на противоположную сторону дети не должны задевать «замороженных». Затем предлагает детям усложнить варианты игры, например можно «разморозить» мячом или другим предметом (колокольчиком, «волшебной палочкой» и т.д.). Они предлагают отмораживать детей, своим прикосновением.

Б.П. Никитин считает, что, используя метод творческих заданий, воспитатель постепенно подводит детей к придумыванию подвижных игр и самостоятельной их организации. В старшей группе игры имеют воспитательное значение: игра расширяет жизненный опыт ребенка, развивает его по всем направлениям; подвижные игры для детей старшего возраста становятся более осознанными и носят преднамеренный характер; развивается способность понимать задачу поставленную воспитателем, самостоятельно выполнять указание педагога [Никитин, 2011, 83].

Подводя итог, можно сказать, что формирование творческого потенциала имеет особое значение в развитии личности ребенка дошкольного возраста. На формирования творческого потенциала детей дошкольного возраста оказывает влияние и среда, педагогические условия.

В результате анализа психолого-педагогической литературы, мы выделили психологические особенности проявления творческих способностей у детей дошкольного возраста: детское творчество особенно ярко проявляется в играх, так как творческой игре, развиваются ценные для детей качества: активность, самостоятельность. Дошкольный возраст характеризуется активизацией функции воображения, в начале, а затем и творческого, благодаря которому создается принципиально новый образ. В теоретических исследованиях о формировании творческого потенциала у дошкольников в игре мы опирались на следующие положения: креативность зависит от уровня развития интеллекта, воображения.

Изучив теоретические основы проблемы формирования творческого потенциала у детей, мы приступили к изучению уровня сформированности творческого потенциала у детей старшего дошкольного возраста. Для этого была разработана методики диагностики уровня его сформированности у детей старшего дошкольного возраста. Опытнo-экспериментальная работа проводилась на базе МБДОАУ «Детский сад комбинированного вида №145» города Оренбурга. В исследовании участвовали дети старшего дошкольного возраста, в количестве 20 человек 6-ти лет. На данном этапе нашего исследования нами была использована методика диагностики уровня сформированности творческого потенциала у детей старшего дошкольного возраста Е. Торренса «Закончи рисунок» [Туник, 2007, 54].

Материал данной методики, используемый в исследованиях и диагностике, позволяет активизировать деятельность воображения, не ограничивая его (воображения) свободу действий; выявляет одно из главных его качеств – видение целостности объекта (явления,

проекта, ситуации) раньше его составляющих частей. Возможность реконструировать, моделировать объект, комбинировать его составные части, используя анализ и синтез воображения, уже изначально «заложена» природой в детей, в их психический процесс воображения. Методика диагностики способствует многозначному нахождению решений поставленных задач, предложенных заданий, развитию видения перспективы. Предложенный вариант диагностики представлял собой набор картинок с изображением некоторых элементов, незаконченных линий, фигур, используя которые участникам нужно нарисовать каждую картинку – проявляя свое воображение, применяя свои идеи, – закончив рисунок так, чтобы получилось осмысленное изображение. Методика предполагала использование 10-ти картинок, которые не повторяются и не дублируются по своим исходным данным (составляющим элементам), что давало наиболее продуктивные и надежные результаты.

Критериями оценки сформированности творческого потенциала у детей старшего дошкольного возраста являлись: продуктивность, гибкость, оригинальность, разработанность. На основе критериев, предложенных Е. Торренсом, нами была дана характеристика уровням сформированности творческого потенциала у детей старшего дошкольного возраста.

Мы провели диагностику с детьми старшего дошкольного возраста на определение уровня сформированности их творческого потенциала, по предложенным выше критериям. Обобщение количественных и качественных показателей позволило определить их уровни его сформированности.

Анализ результатов диагностики уровня сформированности творческого потенциала на этапе констатирующего эксперимента показал, что сформированность такого качества, как «Продуктивность» у детей составляет 30%. На 70% данный критерий не сформирован. Сформированность такого качества как «Гибкость» у детей составляет 50%. На 50% данный критерий не сформирован. Сформированность такого качества как «Оригинальность» у детей составляет 60%. На 40% данный критерий не сформирован. Сформированность такого качества как «Разработанность» у детей старшего дошкольного возраста на этапе констатирующего эксперимента составляет 40%. На 60% данный критерий не сформирован. Это говорит о том, что с детьми необходимо продолжить работу на этапе формирующего эксперимента.

Анализ результатов по критериям показал, что средний показатель высокого уровня сформированности творческого потенциала у детей старшего дошкольного возраста на этапе констатирующего эксперимента составил всего 13%. Средний показатель среднего уровня составил 44%. Средний показатель низкого уровня у детей составил всего 43%.

Недостаточный уровень сформированности творческого потенциала у детей говорит о необходимости использования психолого-педагогических условий формирования творческого потенциала у детей старшего дошкольного возраста посредством подвижных игр.

Использование психолого-педагогических условий формирования творческого потенциала у детей старшего дошкольного возраста посредством подвижных игр было проверено на практике. На формирующем этапе опытно-экспериментальной работы педагогически целесообразная организация занятий была одним из главных условий формирования творческого потенциала у детей старшего дошкольного возраста.

Подвижная игра нами рассматривалась и была использована как условие формирования творческого потенциала. Достаточным условием она становилась тогда, когда осуществлялась при непосредственном педагогическом руководстве, создавалась эмоционально-положительная обстановка, не разрушалась инициатива, самостоятельность, творчество и свобода выбора ребенка.

Для формирования творческого потенциала мы применяли различные приемы для проведения подвижных игр, например прием введение новых неожиданных предметов в знакомой игре. Например, игра «Ловишки» имела несколько вариантов: «Ловишки, дай руку», развивала ориентировку в пространстве, «Ловишки с мячом» развивала меткость, «Ловишка с лентами», развивала не только физические умения, но и творческое воображение и способности у детей.

Подвижные игры проводились нами в разные периоды дня и на занятиях по физической культуре, прогулке, продолжительность игр – 10 минут. Содержание подвижных игр в старшей группе носило новый сюжет и образ, которые известны детям из книг, рассказов, кинофильмов. Проводимые с детьми старшего дошкольного возраста подвижные игры по большей части были направлены на развитие интереса к физической активности, как одного из атрибутов соблюдения здорового образа жизни. Также в ходе подвижных игр наша работа была направлена на повышение интереса детей к природе и ее явлениям, формирование представлений о непосредственном влиянии природы на человека, и о необходимости бережного отношения к природе через закрепление общих природоведческих представлений. Например, игры, которые связаны с воспроизведением воздействия на человека различных природных явлений («Гроза и дождь», «Солнце и ветер», «Снег и мороз» и др.). Мы называли природное явление, а дети изображали людей, попавших под воздействие таких природных явлений. Мы задавали вопросы, побуждающие творческую и познавательную деятельность у детей: «Что нужно сделать, чтобы не заболеть в такую погоду? Покажите действиями», «Как мы можем избежать негативных последствий для нашего здоровья в результате таких воздействий?».

Подвижные игры содержали интересные двигательные задания, игровые образы, неожиданные ситуации; сочетали в себе возможности осуществлять моделирование различных ситуаций, манипулировать отдельными предметами, взаимодействовать друг с другом и воспитателем в тематической деятельности. Дети придумывали к игре варианты игр, новые правила, что давало свои плюсы для формирования творческого потенциала и развития психологических процессов: логического мышления, воображения, внимания, речи.

На контрольном этапе эксперимента мы провели повторную диагностику с целью выявления уровня сформированности творческого потенциала у детей старшего дошкольного возраста. Задания для повторной диагностики были идентичны предыдущей диагностике. Анализ результатов диагностики на этапе контрольного эксперимента показал, что уровень сформированности творческого потенциала у детей старшего дошкольного возраста изменился. Наблюдается его повышение.

Заключение

Сравнивая результаты констатирующего и контрольного этапов, можно сказать, что уровень сформированности такого качества как «Продуктивность» у детей старшего дошкольного возраста на этапе контрольного этапа на 50% больше, чем на констатирующем этапе. Сформированность такого качества как «Гибкость» на этапе контрольного эксперимента на 50% больше, чем на констатирующем этапе. Сформированность такого качества как «Оригинальность» у детей на этапе контрольного эксперимента составляет на 40% больше; сформированность такого качества как «Разработанность» составляет на 60% больше, чем показала первоначальная диагностика.

Средний показатель высокого уровня сформированности творческого потенциала у детей старшего дошкольного возраста на этапе контрольного эксперимента составил всего 70%; показатель среднего уровня сформированности творческого потенциала у детей – 30%; низкий уровень после проведения формирующего этапа – отсутствует.

Можно сделать вывод о том, что в ходе систематической и последовательной работы при соблюдении названных в гипотезе психолого-педагогических условий уровень сформированности творческого потенциала у детей старшего дошкольного возраста возрос.

Библиография

1. Абдульменова З.З. Игра – способ развития пытливости и любознательности // Начальная школа. 2003. № 11. С. 11.
2. Богоявленская Д.Б. Психология творческих способностей. М.: Академия, 2012. С. 89.
3. Боровикова Е.П. Познавательные процессы и методика их развития. Псков, 2011. С. 78.
4. Воскобойников В.М. Как определить и развить способности ребенка. М.: Тривола, 1996. С. 119.
5. Выготский Л.Н. Воображение и его развитие в детском возрасте. СПб.: Союз, 1997. 92 с.
6. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте. Психологический очерк. М.: Просвещение, 1991. 157 с.
7. Выготский Л.С. Психология развития человека. М., 2003. С. 122.
8. Дубровина И.В. Возрастная и педагогическая психология: Хрестоматия. М.: Академия, 2011. С. 12.
9. Крылов Е. Школа творческой личности // Дошкольное воспитание. 2002. № 7. С. 11-20; №8. С. 12-19.
10. Кудрявцев В., Синельников В. Ребенок-дошкольник: новый подход к диагностике творческих способностей // Дошкольное воспитание. 2005. №9. С. 52-59; №10. С. 62-69.
11. Лейтес Н.С. Воспоминания, размышления, беседы // Психологический журнал. 2003. Т.13. №1. С. 147-165.
12. Лейтес Н.С. Возрастная одаренность и индивидуальные различия: Избранные труды. М., 2003. 250 с.
13. Моляко В.А. Проблемы психологии творчества и разработка подхода к изучению одаренности // Вопросы психологии. 2008. №5. С. 86-95.
14. Никитин Б.П. Ступеньки творчества или развивающие игры. М., 2011. С. 83.
15. Степаненкова Э.Т. Подвижные игры как средство гармоничного развития дошкольников // Дошкольное воспитание. 2005. № 12. С. 23-25.
16. Туник Е.Е. Диагностика креативности. Тест Е. Торренса. СПб.: ПИТЕР, 2007. 171 с.

Psycho-pedagogical conditions of formation of the creative potential in children of senior preschool age with the help of mobile games

Alina G. Nikotina

Graduate Student,
Orenburg State Pedagogical University,
460014, 19, Sovetskaya st., Orenburg, Russian Federation;
e-mail: n.alina-1995@mail.ru

Natal'ya V. Mikhailova

PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Lecturer at the Department of Pedagogy of Preschool and Primary Education,
Orenburg State Pedagogical University,
460014, 19, Sovetskaya st., Orenburg, Russian Federation;
e-mail: mnv270795@mail.ru

Abstract

The article considers the solution of the problem of formation of creative potential in children of senior preschool age, reveals the role of mobile games in their formation using scientific papers, presents the diagnostics of the levels of formation of creative abilities of children and the content of the work on their formation in children of senior preschool age through mobile games. Recently, in the pages of literature on pedagogy and psychology, the issue of the role of creative potential, the definition of the essence of its mechanisms has increasingly begun to arise. And that is why, the purpose of our work was to identify the psychological and pedagogical conditions for the development of creative potential in children of senior preschool age. Our article was created on the basis of such methods as: theoretical consideration and analysis of the literature on our research problem, both domestic and foreign teachers and psychologists, as well as a practical solution; this is an experiment, where the method is monitoring and conducting diagnostics. Analysis of the results of diagnostics at the stage of the control experiment showed that the level of formation of creative potential in children of senior preschool age has changed. There is an increase.

For citation

Nikotina A.G., Mikhailova N.V. (2019) Psikhologo-pedagogicheskie usloviya formirovaniya tvorcheskogo potentsiala u detei starshego doshkol'nogo vozrasta pri pomoshchi podvizhnykh igr [Psycho-pedagogical conditions of formation of the creative potential in children of senior preschool age with the help of mobile games]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 8 (2A), pp. 172-180.

Keywords

Creativity, creative potential, creative abilities, game, outdoor games, preschool age.

References

1. Abdul'menova Z.Z. (2003) Igra – sposob razvitiya pytlivosti i lyuboznatel'nosti [The game as a way to develop curiosity and curiosity]. *Nachal'naya shkola* [Elementary School], 11, p. 11.
2. Bogoyavlenskaya D.B. (2012) *Psikhologiya tvorcheskikh sposobnostei* [Psychology of creative abilities]. Moscow: Akademiya Publ.
3. Borovikova E.P. (2011) *Poznavatel'nye protsessy i metodika ikh razvitiya* [Cognitive processes and methods of their development]. Pskov.
4. Dubrovina I.V. (2011) *Vozrastnaya i pedagogicheskaya psikhologiya: Khrestomatiya* [Developmental and pedagogical psychology: Reader]. Moscow: Akademiya Publ.
5. Krylov E. (2002) Shkola tvorcheskoi lichnosti [School of creative personality]. *Doshkol'noe vospitanie* [Preschool education], 7, pp. 11-20; 8, pp. 12-19.
6. Kudryavtsev V., Sinel'nikov V. (2005) Rebenok-doshkol'nik: novyi podkhod k diagnostike tvorcheskikh sposobnostei [A preschooler child: a new approach to the diagnosis of creative abilities]. *Doshkol'noe vospitanie* [Preschool education], 9, pp. 52-59; 10, pp. 62-69.
7. Leites N.S. (2003) Vospominaniya, razmyshleniya, besedy [Memories, reflections, conversations]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 13, 1, pp. 147-165.
8. Leites N.S. (2003) *Vozrastnaya odarennost' i individual'nye razlichiya: Izbrannye trudy* [Age Giftedness and Individual Differences: Selected Works]. Moscow.
9. Molyako V.A. (2008) Problemy psikhologii tvorchestva i razrabotka podkhoda k izucheniyu odarennosti [Problems of the psychology of creativity and the development of an approach to the study of giftedness]. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 5, pp. 86-95.
10. Nikitin B.P. (2011) *Stupen'ki tvorchestva ili razvivayushchie igr* [Steps of creativity or educational games]. Moscow.
11. Stepanenkova E.T. (2005) Podvizhnye igry kak sredstvo garmonichnogo razvitiya doshkol'nikov [Outdoor games as a means of harmonious development of preschoolers]. *Doshkol'noe vospitanie* [Preschool education], 12, pp. 23-25.

12. Tunik E.E. (2007) *Diagnostika kreativnosti. Test E. Torrensa* [Diagnostics of creativity. Torrens' Test]. St. Petersburg: PITER Publ.
13. Voskoboinikov V.M. (1996) *Kak opredelit' i razvit' sposobnosti rebenka* [How to identify and develop the ability of the child]. Moscow: Trivola Publ.
14. Vygotskii L.S. (2003) *Psikhologiya razvitiya cheloveka* [Psychology of human development]. Moscow.
15. Vygotskii L.N. (1997) *Voobrazhenie i ego razvitie v detskom vozraste* [Imagination and its development in childhood]. St. Petersburg: Soyuz Publ.
16. Vygotskii L.S. (1991) *Voobrazhenie i tvorchestvo v detskom vozraste. Psikhologicheskii ocherk* [Imagination and creativity in childhood. Psychological essay]. Moscow: Prosveshchenie Publ.

УДК 159.9**Развитие восприятия средствами арт-терапии****Прибыткова Юлия Алексеевна**

Студент,
Оренбургский государственный педагогический университет,
460014, Российская Федерация, Оренбург, ул. Советская, 19;
e-mail: pribytmovaulia060@gmail.com

Неволина Виктория Васильевна

Кандидат психологических наук,
доцент кафедры философии,
Оренбургский государственный медицинский университет,
460000, Российская Федерация, Оренбург, ул. Советская, 6;
e-mail: nevolina-v@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается актуальная для современного образования проблема развития восприятия, вокруг которого строится развитие учащихся. Каждому познавательному процессу отводится свое место в развитии ребенка, и все они тесно взаимодействуют друг с другом. Без внимания невозможно восприятие и запоминание нового материала. Без восприятия и памяти станут неосуществимыми операции мышления. Все эти действия формируются при жизни человека в процессе практического оперирования объектами восприятия, наблюдения и развиваются, совершенствуются по мере накопления жизненного опыта. Исходным периодом формирования перцептивных действий является второй-третий год жизни, но наиболее значимо более позднее время дошкольного детства, а также младший школьный возраст. В связи с этим очень важным моментом является специальная организация развития детей, обучение наиболее эффективным перцептивным действиям в тех или иных условиях восприятия. Поэтому развивающая работа, направленная на совершенствование отдельного процесса, будет влиять на уровень развития остальных познавательных процессов. В работе приводятся результаты исследования, свидетельствующие об эффективности применения техник арт-терапии в развитии восприятия. Представлены упражнения и арт-терапевтические техники направленные на развитие восприятия младшего школьника.

Для цитирования в научных исследованиях

Прибыткова Ю.А., Неволина В.В. Развитие восприятия средствами арт-терапии // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 2А. С. 181-186.

Ключевые слова

Развитие восприятия, младший школьный возраст, познавательный процесс, арт-терапия, зрительно-пространственное восприятие.

Введение

Тематика данной статьи остается актуальной на протяжении многих лет, так как восприятие занимает одно из центральных мест в психологической деятельности человека. Восприятие – это процесс, который дает человеку ориентир в окружающем его мире, помогает организовать деятельность, контролировать поведение [Иванников, 2016, 164]. Проблемой развития восприятия занимались известные российские ученые Л.С. Выготский и Д.Б. Эльконин, подтверждая и опровергая теорию Ж. Пиаже, исследовали процесс восприятия в составе исследований интеллекта.

Основная часть

Л.С. Выготский назвал восприятие деятельностью. Этой деятельностью является движение глаз. С помощью двигательной системы восприятия осуществляется «сложный процесс объединения многих наличных раздражений и воспроизводимых образов в одно целое». Д.Б. Эльконин определил, что «в процессе обучения в начальной школе «восприятие становится думающим», более анализирующим, более дифференцирующим, принимает характер организованного наблюдения, изменяет роль слова в восприятии предметов и явлений [там же, 173].

Восприятие – это целостное отражение предметов, ситуаций, явлений, возникающих при непосредственном воздействии физических раздражителей на рецепторные поверхности органов чувств [там же, 167].

Младший школьный возраст – это особый период в жизни ребенка, когда происходит дальнейшее физическое, психофизиологическое и психическое развитие, обеспечивающее возможность систематического обучения в школе [Айзман, 2019, 224]. Переход к систематическому обучению предъявляет высокие требования к умственной работоспособности детей. И поэтому на протяжении младшего школьного возраста происходят существенные изменения и в психическом развитии ребенка: качественно преобразуется познавательная сфера, формируется личность, складывается сложная система отношений со сверстниками и взрослыми. И все перечисленное огромное влияние имеет на сам процесс обучения школьника младших классов.

Правильное восприятие ребенком окружающей его действительности в этом возрасте является главной задачей педагога, так как от этого зависят другие познавательные процессы [Копытин, 2014, 438].

Нейропсихологи утверждают, что у детей младшего школьного возраста ведущим является правое полушарие, которое специализируется на невербальной информации – символах, образах. Поэтому акцент, сделанный в стандарте на целостное восприятие учениками мира, на их поисковую, самостоятельную деятельность, совершенно соответствует психофизиологическим особенностям младших школьников. Вот почему в период перехода на новые стандарты образования так важно обратить внимание на развитие восприятия младших школьников [Айзман, 2019, 224].

Цель нашего исследования – теоретически обосновать и эмпирически проиллюстрировать роль арт-терапевтических техник в развитии восприятия младшего школьника.

Исследование проводилось на базе МОАУ СОШ № 86 г. Оренбурга в 2018-2019 году. В исследовании приняли участие 22 ученика 3 класса. Для выявления уровня развития восприятия на момент начала исследования мы провели следующие диагностики: «Чего не хватает на этих рисунках?», «Угадай, кто это», тест на зрительно-пространственное восприятие [Высоков, 2016, 437]. Нами были получены следующие результаты: Восприятие среднего уровня имеют – 40,9% детей (9 учеников), восприятие на уровне ниже среднего находится у 27,3% детей (6 учеников). Также в классе имеются дети, чьи показатели низкие, а это 7 учеников – 31,8%. Если проанализировать результаты учеников по всем трем методикам, то можно увидеть, что в разных заданиях они проявили себя по-разному. Такая неравномерность результатов может говорить о том, что результат во многом зависит от интереса и мотивации ребенка. Также это свидетельствует о том, что на почти завершающемся этапе начального обучения все еще продолжается развитие данного процесса. Во время проведения диагностики мы наблюдали синкретичность (нерасчленность) и целостность предмета. Это происходит вследствие обостряющегося внимания к отношению частей в целом и стремлению найти смысловые связи при восприятии предмета.

Проведя тест на зрительно-пространственное восприятие, мы увидели, что ученики 3 класса испытывают затруднение в нахождении объемных фигур. В среднем уровень развития зрительно-пространственного восприятия в 3 классе пока низкий и ниже среднего. Дети по данной методике набрали максимальное количество – 10 баллов, что подтверждает то, что есть недоработки в развитии восприятия.

Изначально нами была выдвинута гипотеза, что техники арт-терапии можно использовать для развития восприятия в младшем школьном возрасте. Нами была составлена коррекционно-развивающая программа, направленная на повышение уровня восприятия, включающая в себя арт-терапевтические техники.

В ходе коррекционной работы проводились следующие занятия:

1. Знакомство с прямой линией, расположенной в разном направлении (горизонтальная, вертикальная, наклонная) и их сочетаниями.
2. Работа с геометрическими фигурами (круг, квадрат, прямоугольник) путем зарисовки, конструирования, вырезания.
3. Зарисовка воображаемой прогулки героя рассказа.
4. Рисование подарка на кляксе (индивидуальная форма и размер).
5. Прослушивание аудио (в том числе рассказы, стихотворения, музыка).
6. Выполнение графических работ по готовому образцу и зрительной памяти [Кудряшева, 2018, 272].
7. Раскрашивание картинок с использованием оттенков цветов. Нахождение в задании закономерности и продолжение их аналогии.
8. Обучение навыкам ориентировки на листе клетчатой бумаги. Выполнение простых графических диктантов (3-4 команды)
9. Выполнение различных видов штриховок.
10. Обведение по внешнему и внутреннему контуру.
11. Построение фигуры, равной данной, с помощью кальки.
12. Составление орнаментов из геометрических фигур и выкладывание их из мозаики и т.д. [Дубровина, 2018, 124].

В ходе проведения коррекционно-развивающих занятий дети, изначально имеющие показатели восприятия среднего уровня справлялись с заданиями достаточно легко, не испытывая затруднений. Словесные инструкции учителя слышали и понимали с первого раза, задания выполняли быстро и самостоятельно, некоторые испытывали незначительные затруднения по ходу упражнений, но задавали правильно сформулированные вопросы: «Этот лист нужно закрасить полностью?», «Можно соединять точки в любом порядке?» и так далее. Дети, имеющие показатель восприятия на уровне ниже среднего и низком, часто задавали вопросы различного рода, зачастую не относящиеся к выполняемому упражнению, словесную инструкцию понимали после большого числа повторений. В основном выполняли задания самостоятельно, но некоторым потребовалась индивидуальная помощь и наглядный пример выполнения задания. После проведения занятий программы по развитию восприятия нами было установлено, что все дети выполнили задания в полной мере. Детям с низкими показателями восприятия понадобилось на выполнение больше времени, часто они рассеивали свое внимание и старались «подсмотреть» у соседа пример выполнения.

По завершению нами была проведена диагностика уровня восприятия, что дало нам следующие результаты: у 22,2% детей, имеющих ранее средний уровень развития восприятия, повысился уровень до высокого. 66,6% детей из числа, изначально имеющих уровень развития восприятия на уровне ниже среднего, повысили свои показатели развития восприятия до среднего. 48,8% из числа детей, имевших низкие показатели, перешли на уровень ниже среднего и 14,2% достигли среднего уровня развития восприятия.

Заключение

Таким образом, техники арт-терапии оказывают влияние на динамику развития восприятия в младшем школьном возрасте. Восприятие после проведения коррекционной работы стало более целенаправленным, осмысленным, управляемым и сознательным процессом, становится более анализирующим, дифференцирующим, принимает характер организованного наблюдения. Для более эффективной работы по развитию восприятия не стоит ограничиваться одной техникой, педагогу стоит использовать различные варианты и сочетания методик и коррекционных программ для достижения высоких показателей уровня развития восприятия. Арт-терапевтические техники, несомненно, влияют на развитие восприятия, и их стоит использовать как самостоятельно, так и комплексно, что, в свою очередь, даст положительную динамику в развитии познавательной сферы младшего школьника.

Библиография

1. Айзман Р.И. Возрастная физиология и психофизиология. М.: Инфра-М, 2019. С. 224-226.
2. Болотова А.К. Психология развития и возрастная психология. М., 2017. 216 с.
3. Высоков И.Е. Общепсихологический практикум. Люберцы: Юрайт, 2016. 337 с.
4. Дубровина И.В. Возрастная и педагогическая психология. М.: Academia, 2018. 256 с.
5. Иванников В.А. Общая психология. Люберцы: Юрайт, 2016. 280 с.
6. Копытин А.И. Арт-терапия детей и подростков. М.: Когито-Центр, 2014. 124 с.
7. Кудряшева Л.А. Педагогика и психология. М.: Вузовский учебник, 2018. 116 с.
8. Обухова Л.Ф. Возрастная психология. Люберцы: Юрайт, 2016. 327 с.
9. Рамендик Д.М. Общая психология и психологический практикум. М.: Форум, 2016. С. 164-173.
10. Сирс М. Воспитание ребенка от рождения до 10 лет. М.: Эксмо, 2016. 238 с.
11. Ялом И.Д. Дар психотерапии. М.: Эксмо, 2017. 272 с.

Development of perception by art treatment

Yuliya A. Pribytkova

Graduate Student,
Orenburg State Pedagogical University,
460014, 19, Sovetskaya st., Orenburg, Russian Federation;
e-mail: pribytmovaulia060@gmail.com

Viktoriya V. Nevolina

PhD in Psychology, Associate Professor,
Orenburg State Medical University,
460000, 6, Sovetskaya st., Orenburg, Russian Federation;
e-mail: nevolina-v@yandex.ru

Abstract

The article deals with the problem of perception development that is relevant for modern education. Perception is the main process around which student development is built. The main process of the three cognitive processes (perception, thinking, memory). Each cognitive process has its own place in the development of the child, and they all interact closely with each other. Without attention, perception and memorization of new material is impossible. Without perception and memory, thinking operations will become impracticable. Therefore, developmental work aimed at improving the individual process will affect the level of development of other cognitive processes. Therefore, the development of perception must be treated as responsibly as the construction of the foundation of the house. The paper presents the results of a study showing the effectiveness of the use of art therapy techniques in the development of perception and describes exercises to develop the perception of the younger student. Perception after carrying out correctional work has become more focused, meaningful, controlled and conscious process, it becomes more analyzing, differentiating, takes on the character of organized observation. For more effective work on the development of perception, you should not be limited to one technique; the teacher should use various options and combinations of methods and correctional programs to achieve high levels of perception development.

For citation

Pribytkova Yu.A., Nevolina V.V. (2019) Razvitie vospriyatiya sredstvami art-terapii [Development of perception by art treatment]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 8 (2A), pp. 181-186.

Keywords

Perception development, younger school age, cognitive process, art therapy, visual-spatial perception.

References

1. Aizman R.I. (2019) *Vozrastnaya fiziologiya i psikhofiziologiya* [Developmental physiology and psychophysiology]. Moscow: Infra-M Publ.

2. Bolotova A.K. (2017) *Psikhologiya razvitiya i vozrastnaya psikhologiya* [Age and developmental psychology]. Moscow.
3. Dubrovina I.V. (2018) *Vozrastnaya i pedagogicheskaya psikhologiya* [Age and pedagogical psychology]. Moscow: Academia Publ.
4. Ivannikov V.A. (2016) *Obshchaya psikhologiya* [General psychology]. Lyubertsy: Yurait Publ.
5. Kopytin A.I. (2014) *Art-terapiya detei i podrostkov* [Art therapy for children and adolescents]. Moscow: Kogito-Tsentr Publ.
6. Kudryasheva L.A. (2018) *Pedagogika i psikhologiya* [Pedagogy and psychology]. Moscow: Vuzovskii uchebnik Publ.
7. Obukhova L.F. (2016) *Vozrastnaya psikhologiya* [Age psychology]. Lyubertsy: Yurait Publ.
8. Ramendik D.M. (2016) *Obshchaya psikhologiya i psikhologicheskii praktikum* [General psychology and psychological workshop]. Moscow: Forum Publ.
9. Sears M. (2016) *Vospitanie rebenka ot rozhdeniya do 10 let* [Raising a child from birth to 10 years]. Moscow: Eksmo Publ.
10. Vysokov I.E. (2016) *Obshchepsikhologicheskii praktikum* [General psychological workshop]. Lyubertsy: Yurait Publ.
11. Yalom I.D. (2017) *Dar psikhoterapii* [Gift of psychotherapy]. Moscow: Eksmo Publ.

УДК 373.211.24**Формирование гендерной компетентности
педагогов дошкольного образования****Усова Нелли Ильинична**

Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры педагогики дошкольного и начального образования,
Оренбургский государственный педагогический университет,
460014, Российская Федерация, Оренбург, ул. Советская, 19;
e-mail: f-dino@yandex.ru

Рогозина Виктория Андреевна

Студентка,
Оренбургский государственный педагогический университет,
460014, Российская Федерация, Оренбург, ул. Советская, 19;
e-mail: vika.rogozina.1996@mail.ru

Аннотация

В данной статье представлена работа по формированию гендерной компетентности педагогов дошкольного образования как важного условия организации психолого-педагогического сопровождения детей старшего дошкольного возраста. Гендерная компетентность педагога подразумевает овладение им организационными, психолого-педагогическими и дидактическими аспектами руководства деятельностью дошкольников с учетом психофизиологических и индивидуальных особенностей ребенка с акцентом на гендерную идентичность. Процесс формирования гендерной компетентности педагогов дошкольного образования предполагает проведение ряда мероприятий, подразумевающих активную вовлеченность всех участников. Вместе с тем освещены вопросы социализации детей старшего дошкольного возраста в целом и гендерной социализации в частности, а также сущность психолого-педагогического сопровождения старших дошкольников и необходимые для этого условия. Психолого-педагогическое сопровождение получило начало к развитию в результате изучения такого явления, как «психолого-педагогическая поддержка» и подразумевает целостную, системно организованную деятельность, в процессе которой будут создаваться психолого-педагогические условия для успешного обучения и развития каждого ребенка в развивающей предметно-пространственной среде. В настоящее время психолого-педагогическое сопровождение изучается на уровне межпредметных связей педагогики с психологией, социологией, валеологией. Данная статья будет полезной для педагогов-психологов и старших воспитателей дошкольных образовательных организаций.

Для цитирования в научных исследованиях

Усова Н.И., Рогозина В.А. Формирование гендерной компетентности педагогов дошкольного образования // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 2А. С. 187-196.

Ключевые слова

Гендер, гендерное воспитание, гендерная компетентность педагога, старший дошкольник, педагогика.

Введение

В современном дошкольном образовании особо приоритетным является область гендерного воспитания детей. Гендерное воспитание является неотъемлемой частью индивидуального подхода к формированию личности.

С первых минут своей жизни ребенок является членом общества. Следовательно, он включен в социальное взаимодействие. Общение является очень важной составляющей для накопления ребенком личного социального опыта. Под влиянием социума человек учится выполнять определенные обязанности, контролировать свое поведение, действия и поступки, а также нести за них ответственность. Данный феномен называется социализацией.

Следовательно, гендерная социализация состоит из двух взаимосвязанных процессов: накопление социального опыта, психосексуальных установок и ценностных ориентаций, которые в свою очередь соответствуют полу и деятельности, и процесс формирования гендерной идентичности. Гендерная идентичность подразумевает познание своего сходства и различий с представителями своего и противоположного пола.

Процесс гендерной социализации подразумевает постижение человеком жизненного опыта определенного пола и продолжается на протяжении всей жизни [Доронова, 2009, 3].

Основная часть

Аспект гендерной социализации начали исследовать еще с античных времен. Платон рассматривал семейно-брачные отношения, отмечая при этом равноправие полов. Аристотель считал, что разделение полов объясняется только деторождением. Т. Мор утверждал, что не существует различий в деятельности мужчин и женщин. Ж.Ж. Руссо исследовал сходства и различия полов, выделив при этом первые гендерные стереотипы. З. Фрейд посвятил свое исследование сексуальным переживаниям мужчин и женщин.

С.И. Голод, Д.Н. Исаев, Д.В. Колесов проводили исследования в аспекте сексологии и физиологии, т.е. по проблеме полового просвещения.

Ю.В. Гаврилов и А.В. Меренное посвятили свои исследования формированию сексуальной культуры дошкольников [Градусова, 2011, 140].

Нэнси Чодороу говорит о том, что мать должна, дифференцировано относиться к мальчикам и девочкам. Прежде всего, это необходимо для принятия детьми их гендерных ролей. Вместе с тем Нэнси советует отцам активизироваться в воспитании детей [Клецина, 2009, 125].

Л. Бунина призывает педагогов выстраивать партнерские отношения с родителями воспитанников, в целях эффективной воспитательно-образовательной работы с учетом гендерного подхода [Бунина, 2011, 57].

Также немало исследований в области гендерной социализации было проведено педагогами, специализирующимися на дошкольном возрасте.

А.М. Виноградова, Т.А. Маркова, Т.А. Репина, Р.С. Буре, Н.И. Усова работали в области полового воспитания, вместе с тем затрагивая воспитание чувства чести и достоинства ребенка на нравственно-этических аспектах [Репина, 2004, 47; Усова, 2016, 106].

Т.А. Репина выделила три стадии гендерного развития дошкольников.

На протяжении первой стадии осуществляется гендерная идентификация. Гендерная идентификация подразумевает овладение ребенком умения различать мужчин и женщин, причислять себя к определенному полу.

На второй стадии происходит формирование гендерных предпочтений.

На протяжении третьей стадии ребенок овладевает поведением, соответствующим своему полу [Репина, 2004, 50].

Н.В. Татаринцева отмечает важность культуры и истории в процессе гендерного воспитания, так как они являются носителями полоролевых ценностей, которые определяют особенности воспитательного процесса [Татаринцева, 2008, 35].

Т.Н. Доронова утверждает, что программно-методическое обеспечение дошкольного образования не учитывает в полной мере гендерные особенности дошкольников. В связи с этим происходит увеличение проблем в аспекте гендерного воспитания [Доронова, 2009, 68].

В настоящее время гендерное воспитание реализуется посредством разнообразных средств, методов и приемов. Процесс гендерного воспитания представляет собой интеграцию различных форм деятельности детей.

Т.А. Репина предложила свою классификацию методов гендерного воспитания, выделив в ней пять блоков. В первый блок входит восприятие художественной литературы, отражающей женские и мужские образы в положительном проявлении. Также сюда входят этические беседы по содержанию данных произведений. Второй блок состоит из ролевых игр, игр-драматизаций и игр-инсценировок по сюжетам литературных произведений. В третий блок методов Т.А. Репина относит дидактические игры. Четвертый блок методов подразумевает решение проблемных ситуаций. И наконец, пятый блок представлен в виде специально созданных ситуаций реального взаимодействия детей разного пола в различных видах деятельности [Репина, 2004, 57].

В свою очередь, Н.Е. Татаринцева предлагает иную классификацию методов гендерного воспитания, состоящую из пяти групп. Первая группа – познавательно-развивающие методы. К ним относятся этические беседы, дидактические и сюжетно-ролевые игры, проблемные ситуации. Вторая группа включает диалогово-рефлексивные методы: диалоги персонажей литературных произведений, игровые диалоги, реальные диалоги, диалоги с самим собой. Третья группа – методы театрально-игровые, включающие имитационные игры, сюжетно-ролевые игры, игры-драматизации и игры с элементами ритуалов. Четвертая группа – сюжетно-образные методы. К ним относятся символические игры, моделирование жизненно-значимых ситуаций, схемы, эксперименты. Пятая группа состоит из состязательных методов: игры-состязания, конкурсы, турниры, викторины.

Также Н.Е. Татаринцева отмечает, что в работе с детьми старшего дошкольного возраста по формированию полоролевого поведения целесообразно использовать коммуникативные методы, т.е. сделать комплимент, дать совет и т.д. [Градусова, 2011, 48]

Реализация психолого-педагогического сопровождения гендерной социализации дошкольников подразумевает создание соответствующей среды, рациональный отбор содержания деятельности, а также выбор методов и приемов работы с детьми.

При организации трудовой деятельности мальчиков и девочек необходимо создать соответствующие условия для «женского» и «мужского» труда, включая необходимое оборудование. Также, целесообразно организовывать совместный труд мальчиков и девочек по принципу взаимодополнения.

И.В. Тельнюк утверждает, что использование игровых гендерно-типичных персонажей в трудовой деятельности вызывает у детей желание подражать положительным качествам [Кон, 1981, 47].

По мнению Т.А. Репиной, именно в совместной трудовой деятельности у девочек можно воспитать отношение к мальчикам, как к помощникам в делах, требующих силы и выносливости, а у мальчиков к девочкам – как к помощницам в делах, требующих аккуратности и тщательности.

В процессе организации физкультурно-оздоровительной деятельности необходимо осуществить подбор соответствующих упражнений. Например, для мальчиков – упражнения с гантелями, а для девочек – с лентами. Важно рациональное нормирование физической нагрузки, обращая внимание не только на половую принадлежность, но и на индивидуальные особенности детей [Усова, 2016, 107].

А.Г. Верхозина предлагает три варианта организации физкультурного занятия, с учетом гендерного подхода. В первом варианте подразумевается проведение занятия со всей группой, при этом дифференцировать некоторые задания для мальчиков и девочек. Второй вариант представляет собой проведение занятия по подгруппам, комплектуемым по половому признаку. Третий вариант также подразумевает занятие по подгруппам, но в одной из частей занятия выступают дети одного пола, демонстрируя свое мастерство [Верхозина, 2009, 26].

В.Д. Еремеева и Т.П. Хризман предлагают рекомендации по организации учебно-познавательной деятельности с учетом гендерного подхода. В процессе формулирования задания для мальчиков необходимо включить в него момент поиска, так как это требует проявления сообразительности. Мальчик не должен знать заранее принцип решения задачи, он должен сам его открыть. А вот с девочками наоборот, если же им трудно, то стоит заранее разобрать ход работы. Но не стоит забывать о том, что постепенно девочек необходимо учить действовать самостоятельно, а не только по известному алгоритму.

Целесообразно использовать в работе с мальчиками больше зрительных стимулов, а в работе с девочками – слуховых.

Не стоит забывать, что и оценка результатов деятельности мальчиков и девочек должна быть разной: для девочек важно эмоциональное поощрение, а для мальчиков – материальное поощрение [Еремеева, 2008, 120; Усова, 2016, 107].

Начальный опыт ребенок получает именно в детском саду. Поэтому так важно, создать психологически безопасную и комфортную образовательную среду. Следовательно, необходима организация психолого-педагогического сопровождения. Психолого-педагогическое сопровождение представляет собой систему профессиональной деятельности, направленную на создание социально-психологических условий для успешного воспитания, обучения и развития ребенка на протяжении каждого возрастного периода.

Психолого-педагогическое сопровождение основывается на таких направлениях, как:

- диагностическое, подразумевающее выявление особенностей психического развития ребенка, вместе с тем соответствия уровня развития умений, знаний, навыков возрастным ориентирам;
- профилактическое, которое в свою очередь предупреждает возникновение дезадаптации детей;
- развивающее, которое направлено на формирование потребности в новом знании, возможности его приобретения, а также реализации в различных видах деятельности;

- коррекционное, подразумевающее организацию мероприятий с дошкольниками, которые имеют проблемы в поведении и личностном развитии;
- консультативное. Помощь, оказанная детям и их родителям в сфере развития, воспитания и образования;
- просветительно-образовательное, которое нацелено на развитие психолого-педагогической компетенции родителей и педагогов [Репина, 2004, 224].

Для того, чтобы выявить начальный уровень гендерной социализации детей старшего дошкольного возраста мы провели ряд диагностических методик, результаты, которых показали, что подавляющее число детей старшего дошкольного возраста, находятся на низком уровне гендерной социализации (девочки – 56%; мальчики – 74%) [Велиева, 2005, 128; Захаров, 1986, 45; Урунтаева, Афонькина, 1995, 291; Реан, 2003, 265; Шелухина, 2006, 22].

Чтобы повысить уровень гендерной социализации детей старшего дошкольного возраста необходимо организовать их деятельность с учетом гендерного подхода.

Для того чтобы рационально выстроить деятельность мальчиков и девочек педагог должен быть профессионально подготовлен. Следовательно, мы предположили, что психолого-педагогическое сопровождение гендерной социализации детей старшего дошкольного возраста будет эффективным, если педагог будет компетентен в области гендерного воспитания.

Гендерная компетентность педагога подразумевает умение формировать у дошкольников поло-ролевое поведение, оптимизировать межличностные отношения. Важно, чтобы педагог психологически был готов к такой деятельности. Для того чтобы психолого-педагогическое сопровождение гендерной социализации детей старшего дошкольного возраста было успешным педагог должен четко знать особенности гендерной социализации на данном возрастном этапе, а также условия необходимые для успешного гендерного развития дошкольников.

В рамках нашего исследования мы провели анализ педагогической документации, а именно анализ комплексно-тематического и календарного планирования. Результаты анализа показали, что документация по организации работы педагогов не предусматривает решение задач, направленных на гендерное воспитание. Мы предположили, что у педагогов отсутствуют знания о гендерной социализации детей старшего дошкольного возраста.

Таким образом, для того, чтобы выстроить целостную картину об уровне сформированности знаний педагогов о гендерном воспитании детей, нами было проведено анкетирование педагогов старшей группы детского сада. Анкетирование способствовало выявлению уровня компетенции педагогов в аспекте психолого-педагогического сопровождения гендерной социализации детей старшего дошкольного возраста. Анкета состояла из 22 вопросов, ответы на которые полностью отражают все показатели гендерной компетентности педагога: информативная, рефлексивная и мотивационная компетентности.

Информационная компетенция:

Полнота знаний. Подразумевается, что педагоги владеют знаниями о специфике гендерного воспитания, об отличительных чертах гендерной идентичности детей, о том какие условия должны быть для успешной гендерной идентификации. Также сюда входит умение педагога разграничивать психологические качества каждого пола.

Осознанность знаний. Подразумевается понимание педагогом значимости гендерного подхода в воспитании ребенка

Мотивационная компетенция:

Стабильность мотивационных установок, т. е. педагог имеет точную мотивацию к процессу гендерной идентификации ребенка.

Интерес.

Рефлексивная компетенция:

Осознанность собственного взаимодействия с ребенком.

Аргументированность, т. е. способы взаимодействия с ребенком вполне обоснованы.

По результатам анкетирования стало видно, что подавляющее число педагогов находятся на низком уровне. Данный результат может быть обусловлен тем, что педагоги не стремятся к самообразованию; мало заинтересованы процессом гендерной идентификации детей; не в должной мере владеют знаниями в области гендерного развития детей старшего дошкольного возраста; в процессе взаимодействия с ребенком, педагоги выбирают способы общения, соответствующие только возрасту ребенка, но не уделяют внимания гендерным особенностям; мотивация к процессу гендерной идентификации ребенка у таких педагогов непостоянна, она зависит от сложившейся ситуации.

По итогам проведенной анкеты мы сделали вывод о том, что педагоги недостаточно компетентны в области гендерного воспитания детей старшего дошкольного возраста. При этом, элементов самообразования недостаточно, чтобы повысить гендерную компетентность.

Таким образом, для того чтобы гендерная социализация старших дошкольников проходила успешно, необходимо психолого-педагогическое сопровождение педагогом, компетентным в области воспитания с учетом гендерного подхода. Следовательно, необходимо формировать гендерную компетентность педагогов в условиях дошкольной организации.

Для того, чтобы работа педагога-психолога была эффективной, необходимо отойти от традиционных лекций и выстроить работу так, чтобы все педагоги принимали активное участие. Мы предлагаем ряд мероприятий, направленных на формирование компетентности педагогов в области гендерного воспитания:

Семинар-практикум «Гендерное воспитание дошкольников в условиях детского сада». Данный семинар посвящен актуализации знаний педагогов о сущности «гендера» и «гендерном воспитании». Педагог-психолог заранее раздает педагогам различные вопросы для обсуждения. На семинаре педагоги по очереди выступают с информацией по своему вопросу, допускаются вопросы докладчику. По итогам всех выступивших проводится коллективное обсуждение.

Карусель «Девочки и мальчики: два разных мира». Образовываем два круга: внутренний и внешний. Количество педагогов должно быть одинаково в обоих кругах. Внутренний круг стоит неподвижно, а внешний выполняет движение по часовой стрелке, с интервалом в одну минуту. За это время они успевают поговорить с собеседником о различиях мужского и женского пола. Данная форма работы хороша тем, что педагоги делятся своими знаниями с другими, а взамен получают новые. Таким образом задействованы все участники. Темы для бесед можно менять, в зависимости от ситуации.

Аквариум «Межполовые отношения». Данная форма работы также подразумевает активное участие всех педагогов. Педагог-психолог заранее готовит на листочках различные ситуации, которые требуют анализа, затем приглашает выйти двух-трех педагогов, в зависимости от ситуации. И дает задание разыграть ситуацию перед всеми. После того как ситуация представлена всем, начинается анализ и обсуждение. Педагоги предлагают свои варианты решения проблемы, советуются, делают выводы.

Деловая игра «Психофизические особенности мальчиков и девочек старшего дошкольного возраста». В ходе игры участники анализируют заданные условия по соответствующей теме, предлагают свои решения проблемы, выбирают наиболее целесообразный процесс. Данная форма работы с педагогами способствует приобретению навыков совместной деятельности и сотрудничества. Тема игры подразумевает рассмотрение таких вопросов как, «Разница в работе полушарий мозга у мальчиков и девочек», «Объем кратковременной памяти у мальчиков и девочек», «Разница в общении», «Способы достижения цели у мальчиков и девочек» и др.

Мастер-класс «Простые правила воспитания мальчиков и девочек». Данная форма работы проводится в форме лекции с практическими элементами. Педагог-психолог готовит для педагогов информацию о психологических аспектах воспитания мальчиков и девочек. После лекции предоставляются различные проблемные ситуации, решение которых педагоги ищут совместно, с помощью полученных знаний.

Дискуссия «Родители – наши партнеры». Данная форма работы подразумевает широкое освещение такой проблемы, как роль родителей в процессе гендерной социализации ребенка. На общее обсуждение выносятся такие вопросы как, «Как привлечь родителей к процессу гендерного воспитания ребенка?», «Для чего нужны партнерские отношения между родителями и педагогами?», «Какой информацией должен владеть педагог, чтобы выстроить с родителями доверительные отношения?», «Какая работа должна проводиться педагогом с родителями?». Тема дискуссии объявляется педагогом-психологом заранее, чтобы педагоги могли изучить соответствующую литературу.

Тренинг «Формирование позитивной половой идентичности у мальчиков и девочек старшего дошкольного возраста». Педагог-психолог готовит презентацию по данной теме. После показа презентации, он выносит на обсуждение вопросы : «Какие нужно соблюдать подходы для становления психологического пола ребенка и формирования у него позитивной половой идентичности?», «Какие принципы необходимо соблюдать при реализации этих подходов?», «Какие условия важны для формирования позитивной половой идентичности?». После каждого вопроса происходит коллективное обсуждение. Важной особенностью такого тренинга является то, что происходит выражение субъективных чувств и эмоций участников, как по отношению к происходящему, так и друг к другу.

«Игровая копилка». Данное мероприятие проводится в форме семинара. Педагог-психолог заранее дает задание педагогам подобрать игры для мальчиков и девочек по различным игровым жанрам. Например, игры-бродилки, игры приключения, математические игры, логические игры, сюжетно-ролевые игры и т.д. в ходе семинара педагоги представляют подобранный материал. Затем происходит коллективное обсуждение, после чего, все соответствующие игры собираются в одну «копилку».

Заключение

В ходе работы с коллективом детского сада были освещены вопросы развития профессионального мышления педагогов. Работа включала в себя формы и методы организации, которые повышают компетентность педагога в аспекте гендерного воспитания. Мероприятия по формированию гендерной компетентности проводились своевременно, с включением работы с научно-методической литературой. В ходе мероприятий были раскрыты вопросы психофизиологических особенностей мальчиков и девочек старшего дошкольного возраста, а также подходы, принципы и условия организации психолого-педагогического

сопровождения гендерной социализации старших дошкольников. Для педагогов были подготовлены памятки, раскрывающие отдельные вопросы по организации воспитательной работы с девочками и мальчиками.

Таким образом, компетентность педагога в области гендерного воспитания играет большую роль в гендерной социализации детей старшего дошкольного возраста. Поэтому так важно формировать гендерную компетентность педагогов в условиях дошкольной организации.

Библиография

1. Бунина Л. Воспитательно-образовательная работа в ДОУ с учетом гендерного подхода // Дошкольное воспитание. 2011. №6. С. 57-62.
2. Велиева С.В. Диагностика психических состояний детей дошкольного возраста. СПб: Речь, 2005. С. 128-129.
3. Верхозина Л.Г. К проблеме формирования полоролевого поведения мальчиков и девочек на занятиях физическими упражнениями // Дошкольная педагогика. 2009. № 3. С. 10-12.
4. Градусова Л.В. Гендерная педагогика. М.: ФЛИНТА, 2011. 176 с.
5. Доронова Т.Н. Девочки и мальчики 3-4 лет в семье и детском саду. М.: Линка-Пресс, 2009. 224 с.
6. Доронова Т.Н. Пол или гендер? (девочки налево, мальчики направо!) // Обруч: образование, ребенок, ученик. 2009. № 3. С. 3-6.
7. Еремеева В.Д. Мальчики и девочки: учить по-разному, любить по-разному. М.: Учебная литература, 2008. 160 с.
8. Захаров А.И. Как преодолеть страхи у детей. М.: Педагогика, 1986. 110 с.
9. Клецина И.С. Гендерная психология. Практикум. СПб.: Питер, 2009. 496 с.
10. Кон И.С. Психология половых различий // Вопросы психологии. 1981. №2. С. 47-57.
11. Реан А.А. Психология и педагогика. СПб.: Прайм-евро-знак, 2003. 368 с.
12. Репина Т.А. Проблема полоролевой социализации детей. М., 2004. 287 с.
13. Татаринцева Н.Е. Полоролевое воспитание дошкольников в условиях ДОУ: программа управления процессом полоролевого воспитания. М.: Центр педагогического образования, 2008. 47 с.
14. Урунтаева Г.А., Афонькина Ю.А. Практикум по детской психологии. М.: Просвещение, Владос, 1995. С. 291.
15. Усова Н.И. Роль дидактической игры в полоролевом воспитании мальчиков и девочек старшего дошкольного возраста // Взаимодействие науки и общества: проблемы и перспективы. Уфа: ФЭТЕРНА, 2016. С. 106
16. Шелухина И.П. Мальчики и девочки: Дифференцированный подход к воспитанию детей дошкольного возраста. М.: ТЦ Сфера, 2006. С. 22.

Formation of gender competence of teachers of preschool education

Nelli I. Usova

PhD in Pedagogy,
Associate Professor at the Department of pedagogy of preschool and primary education,
Orenburg State Pedagogical University,
460014, 19, Sovetskaya st., Orenburg, Russian Federation;
e-mail: f-dino@yandex.ru

Viktoriya A. Rogozina

Graduate Student,
Orenburg State Pedagogical University,
460014, 19, Sovetskaya st., Orenburg, Russian Federation;
e-mail: vika.rogozina.1996@mail.ru

Abstract

This article presents the work on the formation of gender competence of teachers of preschool education as an important condition for the organization of psychological and pedagogical support of children of preschool age. The gender competence of the teacher implies the mastery of organizational, psychological, pedagogical and didactic aspects of the management of preschool children, considering the psycho-physiological and individual characteristics of the child, with an emphasis on gender identity. The process of developing the gender competence of teachers of preschool education involves a number of activities involving the active involvement of all participants. At the same time, the issues of socialization of preschool children in General and gender socialization in particular, as well as the essence of psychological and pedagogical support of senior preschoolers and the necessary conditions for this are highlighted. Psychological and pedagogical support received the beginning to development as a result of the study of such a phenomenon as psychological and pedagogical support and implies a holistic, systemically organized activity, in the process of which psychological and pedagogical conditions will be created for the successful training and development of each child in the developing subject-spatial environment. Currently, psychological and pedagogical support is studied at the level of interdisciplinary connections of pedagogy with psychology, sociology, valeology. This article will be useful for teachers-psychologists and senior teachers of preschool educational organizations.

For citation

Usova N.I., Rogozina V.A. (2019) Formirovanie gendernoi kompetentnosti pedagogov doshkol'nogo obrazovaniya [Formation of gender competence of teachers of preschool education]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 8 (2A), pp. 187-196.

Keywords

Gender, gender education, gender competence of a teacher, senior preschooler, pedagogy.

References

1. Bunina L. (2011) Vospitatel'no-obrazovatel'naya rabota v DOU s uchetom gendernogo podkhoda [Educational and educational work in the kindergarten with a gender approach]. *Doshkol'noe vospitanie* [Preschool education], 6, pp. 57-62.
2. Doronova T.N. (2009) *Devochki i mal'chiki 3-4 let v sem'e i detskom sadu* [Girls and boys 3-4 years in the family and kindergarten]. Moscow: Linka-Press Publ.
3. Doronova T.N. (2009) Pol ili gender? (devochki nalevo, mal'chiki napravo!) [Sex or gender? (girls to the left, boys to the right!)]. *Obruch: obrazovanie, rebenok, uchenik* [Education, child, student], 3, pp. 3-6.
4. Ereemeeva V.D. (2008) *Mal'chiki i devochki: uchit' po-raznomu, lyubit' po-raznomu* [Boys and girls: to teach in different ways, to love in different ways]. Moscow: Uchebnaya literatura Publ.
5. Gradusova L.V. (2011) *Gendernaya pedagogika* [Gender pedagogy]. Moscow: FLINTA Publ.
6. Kletsina I.S. (2009) *Gendernaya psikhologiya. Praktikum* [Gender psychology. Workshop]. St. Petersburg: Piter Publ.
7. Kon I.S. (1981) *Psikhologiya polovykh razlichii* [Psychology of sex differences]. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 2, pp. 47-57.
8. Rean A.A. (2003) *Psikhologiya i pedagogika* [Psychology and pedagogy]. St. Petersburg: Praim-evro-znak Publ.
9. Repina T.A. (2004) *Problema polorolevoi sotsializatsii detei* [The problem of gender role socialization of children]. Moscow.
10. Shelukhina I.P. (2006) *Mal'chiki i devochki: Differentsirovannyi podkhod k vospitaniyu detei doshkol'nogo vozrasta* [Boys and girls: Differentiated approach to the education of children of preschool age]. Moscow: Sfera Publ.
11. Tatarintseva N.E. (2008) *Polorolevoe vospitanie doshkol'nikov v usloviyakh DOU: programma upravleniya protsessom polorolevogo vospitaniya* [Gender role education of preschool children in the conditions of preschool: a program for managing the process of sex-role education]. Moscow: Tsentr pedagogicheskogo obrazovaniya Publ.

-
12. Uruntaeva G.A., Afon'kina Yu.A. (1995) *Praktikum po detskoj psikhologii* [Workshop on child psychology]. Moscow: Prosveshchenie, Vlado Publ.
 13. Usova N.I. (2016) Rol' didakticheskoi igry v polorolevom vospitanii mal'chikov i devochek starshego doshkol'nogo vozrasta [The role of the didactic game in gender-role education of boys and girls of senior preschool age]. In: *Vzaimodeistvie nauki i obshchestva: problemy i perspektivy* [Interaction of science and society: problems and prospects]. Ufa: FETERNA Publ.
 14. Velieva S.V. (2005) *Diagnostika psikhicheskikh sostoyanii detei doshkol'nogo vozrasta* [Diagnosis of mental states of children of preschool age]. St. Petersburg: Rech' Publ.
 15. Verkhovina L.G. (2009) K probleme formirovaniya polorolevogo povedeniya mal'chikov i devochek na zanyatiyakh fizicheskimi uprazhneniyami [To the problem of the formation of gender role behavior of boys and girls in physical exercise classes]. *Doshkol'naya pedagogika* [Preschool Pedagogy], 3, pp. 10-12.
 16. Zakharov A.I. (1986) *Kak preodolet' strakhi u detei* [How to overcome children fears]. Moscow: Pedagogika Publ.

УДК 37

Роль ритмической гимнастики в снятии эмоционального напряжения у детей старшего дошкольного возраста

Хрипченко Наталья Николаевна

Магистрант,
Институт дошкольного и начального образования,
Оренбургский государственный педагогический университет,
460014, Российская Федерация, Оренбург, ул. Советская, 19;
e-mail: ipp@ospu.su

Михайлова Наталья Васильевна

Кандидат педагогических наук, доцент, преподаватель,
кафедра педагогики дошкольного и начального образования,
Оренбургский государственный педагогический университет,
460014, Российская Федерация, Оренбург, ул. Советская, 19;
e-mail: mnv270795@mail.ru

Аннотация

Эмоциональное напряжение детей старшего дошкольного возраста – актуальная проблема современного дошкольного образования. В данной статье представлены и рассмотрены различные подходы к эмоциональному напряжению, а также рассмотрена ритмическая гимнастика, как средство снятия эмоционального напряжения у детей старшего дошкольного возраста. Также авторами представлена диагностическая модель, в которую вошли: цветовой тест М. Люшера и проективный тест – Дерево под авторством М. З. Друкаревича и изложены результаты диагностики детского эмоционального напряжения. Коррекция эмоционального напряжения у детей старшего дошкольного возраста проводилась посредством проведения серии комплексов ритмической гимнастики. В форме ритмической гимнастики организовывалась утренняя гимнастика, проводились музыкально-ритмические паузы между интеллектуально нагруженными занятиями, на хорошо поднимала тонус и настроение детей после дневного сна. Авторами было доказано, что музыкально-ритмическая деятельность способствует не только физическому развитию детей: совершенствуется координация движений, улучшается осанка, повышается жизненный тонус, но и создает у ребенка бодрое, радостное настроение и благоприятно сказывается на психическом состоянии детского организма. При выполнении комплекса ритмической гимнастики детям предоставлялась возможность выразить себя в движении, показать свои чувства, переживания, свое понимание музыкального образа, что приводило к улучшению их психологического и физиологического состояния.

Для цитирования в научных исследованиях

Хрипченко Н.Н., Михайлова Н.В. Роль ритмической гимнастики в снятии эмоционального напряжения у детей старшего дошкольного возраста // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 2А. С. 197-204.

Ключевые слова

Старший дошкольный возраст, эмоциональное напряжение, диагностика эмоционального напряжения, ритмическая гимнастика.

Введение

При достижении старшего дошкольного возраста дети уже имеют достаточно большой эмоциональный опыт. Непосредственно эмоциональное развитие детей, согласно множеству исследований специалистов и ученых в области психологии (В. Г. Алямовская, Л. И. Божович, Л. С. Выготский, В. Г. Казанская, А. Н. Леонтьев, Р. С. Немов, Е. Н. Юрчук. т.д.), считается базовым элементом психического здоровья ребенка. Дошкольники, как правило, достаточно активно реагируют на какие-либо веселые и грустные события, без труда проникаются общим настроением находящихся рядом с ними людей. Эмоции у детей в этом возрасте выражаются довольно бурно и носят непосредственный характер, что проявляется в мимике, словах и движениях дошкольников.

Основное содержание

В современном обществе из-за того, что на организм детей происходит влияние большого количества факторов как физического, так и психологического характера, зачастую дети старшего дошкольного возраста подвергаются эмоциональному напряжению. В качестве причин подобного явления выделяется усталость, стресс трудности адаптации.

Дети дошкольного возраста в современном мире, испытывают на себе постоянные психологические и физические нагрузки: спешка, постоянное беспокойство, потоки негативной информации, поступающие из интернет и теле-пространства, регулярные инфекционные заболевания и недомогания, приводящие в дальнейшем к перенапряжению.

При описании признаков эмоционального напряжения у детей старшего дошкольного возраста изначально необходимо сформулировать определения данному понятию.

В психологическом словаре, под авторством Р.С. Немова *Эмоциональная напряженность* понимается как – психическое состояние, обусловленное ожиданием неблагоприятных для субъекта событий, сопровождаемых ощущением общего дискомфорта, тревоги, иногда страха [Немов, 2013, 463].

У основных показателей эмоционального напряженного состояния у ребенка исследователи отмечают общую подавленность, беспокойный сон, быструю утомляемость дошкольника после какой-либо нагрузки, частая обидчивость, капризность или излишняя агрессия, в свою очередь могут проявляться отсутствием сосредоточенности, забывчивостью, трудностью воображения и концентрации внимания, отсутствие уверенности в себе и своих силах, вероятно потеря заинтересованности к происходящему вокруг. Может проявляться стремление к одиночеству, отказ от новых контактов и связей. Дети в подобном состоянии склонны искать одобрение и поддержку со стороны старших.

Эмоциональная напряженность, в дошкольном возрасте чаще всего представлена в рамках общепсихологического развития личности Р. Берне, Л.С. Выготского, А.И. Захарова, А.В. Добрович, Н.Д. Левитова, Р.С. Немова. Среди работ, посвященных исключительно проблеме исследования эмоциональной напряженности, можно назвать исследования В. Г. Алямовской, Л.И. Божович, В.Г. Казанской, Е.Н. Юрчук А.М. Прихожан, Л.Ф. Обуховой.

Психолог Л.И. Божович, полагала, что эмоциональная напряженность имеет непосредственное отношение к такому феномену как страх. По её мнению: «У ребенка в старшем дошкольном возрасте, снижается количество непосредственных, страхов, связанных с конкретными предметами, рассказами, страшными сказками, и возрастает количество так называемых социальных страхов: страх показаться смешным и неловким.» [Божович, 2008, 114]. Известный отечественный психолог Л.В. Куликов различал напряжение физическое, сенсорное, интеллектуальное, эмоциональное, ожидания и также напряжение, вызванное необходимостью часто переключать внимание. Но представить себе «безэмоциональное» напряжение, указывает Л.В. Куликов, практически невозможно. [Куликов, 1997, 36]

По мнению многих исследователей, основной причиной возникновения напряжения является неудовлетворенная потребность. В.Г. Алямовская указывала, что «Психоэмоциональное напряжение лишает ребенка естественного для его возраста состояния радости и приводит к различным неврозам. При неврозе ухудшается управление функциями организма. Поэтому дети становятся не просто капризными и обидчивыми, а зачастую жалуются на головную боль. Кроме этого, у них могут быть нарушение ритма сердечной-сосудистой деятельности и как следствие повышение артериального давления» [Алямовская, 2000, 15]. Подобное состояние очень опасно для дошкольников, так как приводит к различным физическим и психологическим проблемам, следовательно, педагогу крайне важно заниматься профилактикой и коррекцией детского эмоционального напряжения.

В зарубежных психологических исследованиях анализом эмоциональной напряженности занимались такие психологи как: Жак Далькроз, К. Бютнер, А. Адлер, Дж. Боулби др. Данные авторы изучали особенности эмоциональной сферы детей, воспитывающихся в неблагоприятных условиях, которые в нынешнее время можно было бы назвать стрессовыми. Их внимание именно к детским переживаниям было обусловлено особенностями их концепций, которые строились на утверждении того факта, что основой переживаний взрослого человека являются события детства.

В нынешнее время, одной из наилучших профилактик ликвидации подобного явления как эмоциональное напряжение принято считать музыкально-ритмические движения. Они повышают трудоспособность, дают энергичность, стимулируют выработку пищеварительных соков, улучшают темп дыхания и сердцебиения.

В работе Я. Ю. Сафроновой дается следующее понятие ритмическая гимнастика – это гимнастика с оздоровительной направленностью, приоритетным средством которой являются комплексы гимнастических упражнений, различные по своему характеру, выполняемые под ритмичную музыку преимущественно поточным способом и оформленные танцевальными движениями. [Сафронова, 2017, 135]

Организация оптимального двигательного режима выступает одним из основных условий гарантирования комфортного психофизиологического состояния детей. К тому же, имеется тесная взаимосвязь, между двигательным ритмом и умственной работоспособностью дошкольника. При этом исследователи отмечают, что недостаточная и излишняя двигательная активность негативно влияет на ребенка.

Ритмическая гимнастика имеет большую роль в коррекции эмоциональной сферы, так как она подразумевает выражение переживаний, эмоциональных состояний, различных проблем при помощи движений, мимики, пантомимики; позволяет ребенку проявлять себя и общаться без помощи слов. Большая двигательная активность на фоне эмоционального подъема при выполнении музыкально-ритмической гимнастики несет огромный оздоровительный заряд.

Значение музыкальных ритмов для снижения эмоционального напряжения огромно, И. Р. Тархановым еще в прошлом веке было доказано, что ритмичные движения и мажорная музыка увеличивает работоспособность мышц, активизирует все внутренние физиологические процессы организма, а также ускоряет работу мозга, позволяя ему отдохнуть от напряжения.

В. М. Бехтерев установил взаимосвязь между спокойной музыкой и ее влиянии на организм человека. Вовремя прослушивания спокойной музыки дыхание человека выравнивается, становится глубоким, а гармоничное звучание замедляет пульсацию крови. Подобное воздействие на процессы в организме человека осуществляют также монотонные удары метронома. В свою очередь ритмические движения способствуют активизации различных систем в организме ребенка: мобилизуется физическая сила, вырабатывается грация, четкая координация движений, укрепляют и развивают мышцы, улучшается дыхание и кровообращение, что, следовательно, способствует выработке многочисленных веществ, которые так необходимы детскому организму. Быстрота реакции, координация движений, осознанное овладение танцевальными, ритмическими движениями имеют значение и для умственного развития детей.

Существует большое количество рекомендаций по подбору соответствующих ритмов, способствующих регуляции психологического и физического состояния человека. Но прослушивание музыки и движение в такт музыки, имеют существенное отличие. Не без причины ритмическую гимнастику, временами сравнивают с аэробикой (аэробика – двигательная тренировка при наиболее благоприятном усвоении организмом кислорода). Т.С. Лисицкая выделяла, что особенность ритмической гимнастика заключается в гармоничном соединении дозируемой двигательной активности, которая свойственна бегу, воздействия на мышцы и суставы, которое присуще спортивной гимнастике, и эмоциональность, установленная современными музыкальными ритмами. В этом ее преимущество как средства профилактики психоэмоционального напряжения по сравнению с другими видами физкультурной деятельности, и при этом, с учетом нагрузки на сердечно-сосудистую систему, как при оздоровительном беге, она не утомляет дошкольников, в ней гораздо активнее работают суставы, а значит, она является средством развития гибкости [Лисицкая, 1985, 48].

Изучив теоретические основы проблемы эмоционального напряжения детей старшего дошкольного возраста, мы приступили к изучению уровня эмоционального напряжения детей старшего дошкольного возраста. Диагностика уровня эмоционального напряжения у старших дошкольников осуществляется с помощью научно-обоснованных методик: «Цветовой тест» (М. Люшер) и проективный тест – «Дерево» (М.З. Друкаревич). Методики направлены на выявление следующих симптомокомплексов: чувство незащищенности, тревожность, неуверенность в себе, чувство неполноценности, враждебность к окружающим, наличие конфликтной (фрустрирующей) ситуации в жизни ребенка, трудности в общении и установлении контактов, депрессивные тенденции [Юрчук, 2008].

Исследование проводилось на базе МДОАУ № 145 г.Оренбурга в естественных условиях. В исследовании участвовали дети старшего дошкольного возраста, в количестве 11 человек 5-6 лет.

Выявление уровня эмоционального напряжения детей старшего дошкольного возраста осуществлялось в индивидуальном обследовании в процессе проведения цветового теста М. Люшера [Ясюкова, 2002, 50, 96]. Каждому ребенку индивидуально предъявлялись восемь различных по цвету карточек, и предлагалось сделать выбор наиболее привлекательных цветов на момент тестирования. Набор карточек предъявлялся дважды. Ребенку задавались вопросы: «На какой из этих цветов похоже твоё настроение, когда ты идёшь в детский сад? Покажи этот

цвет». «На какой из этих цветов больше всего похоже твое настроение дома в выходные дни?», «На какой из этих цветов больше всего похоже твое настроение, когда ты играешь с друзьями?». Номера выбранных ребенком цветов заносились в бланк ответов.

На втором этапе ребенку предлагалось другое задание: «А сейчас мы будем выбирать цвета заново. Из разложенных перед тобой цветов выбери тот, который тебе больше всего нравится, и кажется самым красивым». Выбранный ребенком цвет убирался со стола. Далее дошкольнику предлагалось аналогичным образом выбрать среди оставшихся карточек и так далее до конца. Последовательность выбранных цветов отмечалась в бланке ответов.

В завершении данной методики производился расчет значений аутогенной нормы и вегетативного коэффициента по формулам А. И. Юрьева и К. Шипоша, приведенным в методическом руководстве «Цветовой тест М. Люшера» В. И. Тимофеева и Ю. И. Филимоненко. Выполнение теста было оценено в баллах при соотнесении обоих выборов ребёнка. Таким образом тест М. Люшера выявил у 6 детей экспериментальной группы наличие тревожности и эмоционального напряжения.

Для более достоверных результатов по выявлению уровня эмоционального напряжения детей старшего дошкольного возраста в индивидуальном обследовании проводился проективный тест «Дерево» [Ясюкова, 2002, 52, 104]. Проективный тест – «Дерево» М.З. Друкаревича проводился следующим образом. Каждому ребенку индивидуально выдавался чистый лист бумаги и цветные карандаши: «А теперь на своем листе нарисуй любое дерево, какое ты захочешь». Ребенку не давались никаких дополнительных инструкций (по типу: посмотри в окно, что ты видел по дороге в сад, вспомни что было на прогулке, что вы рисовали на занятии, и т.д.). Рисунок ребенка, раскрывается в проективной психодиагностике как портрет своего внутреннего мира, в котором проецируются отношение дошкольника к самому себе, характер взаимоотношений с окружающими, а также личностные переживания и проблемы.

По завершению теста, был проведен анализ рисунков, используя три аспекта оценки – детали рисунков, их пропорции и перспектива, которые предлагает автор данной методики М.З. Друкаревич. Для интерпретации рисунков нами было использовано 12 показателей, по ним определялась степень проявления эмоциональных состояний каждого ребенка.

Тест М. Люшера выявил у 6 детей экспериментальной группы наличие тревожности и эмоционального напряжения, что было подтверждено и выполнением теста М.З. Друкаревич «Дерево». Выявленные особенности эмоциональной сферы у старших дошкольников и уровень эмоционального развития детей, показал необходимость коррекционной работы по формированию эмоциональной сферы у дошкольников исследуемой группы.

Ритмическая гимнастика нами рассматривалась и была использована как средство снятия эмоционального напряжения у детей старшего дошкольного возраста. Достаточным условием она становилась тогда, когда осуществлялась при непосредственном педагогическом руководстве, создавалась эмоционально-положительная обстановка, не разрушалась инициатива, самостоятельность, творчество и свобода выбора ребенка. Нами было отмечено, что после ритмической гимнастики у детей появлялось чувство бодрости, исчезала вялость и скованность движений. У агрессивных детей или детей с плохим настроением негативные эмоции практически исчезали, ребята становились более открытыми и дружелюбными как с педагогом, так и со сверстниками, что положительно сказывается на дисциплине всей группы. Так же нами было замечено, что дети с нетерпением ждут таких занятий, и ритмическая гимнастика начала проявляться и в самостоятельной деятельности детей на прогулке. У неуверенных в себе детей начали проявляться такие качества как смелость и творческий подход, ведь если у ребенка

хорошо получаются упражнения, то возникает ощущение свободы и легкости движения. Ребенок радуется точности выполнения, а музыкальное сопровождение эмоционально обогащает детей, дает возможность полнее понять движение и лучше его выполнять. В форме ритмической гимнастики также организовывалась утренняя гимнастика, проводились музыкально-ритмические паузы между интеллектуально нагруженными занятиями. Она хорошо поднимала тонус и настроение детей после дневного сна.

На контрольном этапе эксперимента была проведена повторная диагностика с целью выявления уровня эмоционального напряжения у детей старшего дошкольного возраста. Задания для повторной диагностики были идентичны предыдущему комплексу. Анализ результатов диагностики на этапе контрольного эксперимента показал, что уровень эмоционального напряжения у детей старшего дошкольного возраста изменился. Сравнивая результаты констатирующего и контрольного этапов, можно сделать вывод о том, что в ходе систематической и последовательной работы при соблюдении необходимых условий уровень эмоционального напряжения у детей старшего дошкольного возраста значительно снизился.

Таким образом можно сделать вывод, что ритмическая гимнастика является эффективным средством не только физического, но и разностороннего развития ребенка. При специально организованных занятиях ритмической гимнастикой дошкольники учатся испытывать определенные чувства и эмоции, которые связаны с восприятием музыкальных произведений и двигательной активностью. Также, в ходе выполнения совместных физических упражнений формируется эмоциональное единство детей старшего дошкольного возраста, что благоприятно и эффективно сказывается на снятии эмоционального напряжения, дает расслабление и насыщает детей позитивной энергией.

Библиография

1. Алямовская, В. Г. Предупреждение психоэмоционального напряжения у детей дошкольного возраста. Книга практического психолога / В. Г. Алямовская, С. Н. Петрова - М.: Скрипторий 2000, 2002. - 80 с.
2. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. / Л.И. Божович - СПб: Питер, 2008. - 400 с.
3. Гогоберидзе, А. Г. Детство с музыкой: современные педагогические технологии музыкального воспитания и развития детей раннего и дошкольного возраста. / Л.И. Божович, В.А. Дергунская. – СПб: ДЕТСТВО-ПРЕСС, 2010 – 67-89 с.
4. Казанская, В.Г. Психология и педагогика. Краткий курс / В.Г. Казанская. – СПб.: Питер, 2008. – 240с.
5. Калинина, Р.Р. Психолого-педагогическая диагностика в детском саду / Р.Р. Калинина. – СПб.: Сфера, 2011.
6. Крюкова, С.В. Удивляюсь, злюсь, боюсь, хвастаюсь и радуюсь. Программы эмоционального развития детей дошкольного и младшего школьного возраста: Практическое пособие - М.: Генезис, 2010. 5-е изд.- 198с.
7. Куликов Л.В. Психология настроения. Л., 1997
8. Кэмпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. М.: Прогресс, 1980
9. Лисицкая, Т.С. Ритмическая гимнастика: Методика и физиологическое воздействие / Т.С. Лисицкая. – М.: ФиС, 1985. – 158 с.
10. Лютова, К.К. Тренинг эффективного взаимодействия с детьми. / К.К. Лютова, Г.Б. Мониная– СПб.: Речь. 2005
11. Маршчук, В. Л. О преодолении состояний эмоциональной напряженности с помощью физических упражнений. Психологические вопросы спортивной тренировки. - М., Физ-ра и спорт, 1967, вып.5, стр.25-30.
12. Немов, Р.С. Общая психология в 3 т. Том III в 2 кн. Книга 2. Свойства личности 6-е изд., пер. и доп. – М.: Юрайт, 2019. – 395 с.
13. Немов, Р.С. Психологический словарь. – М.: Владос. 2013 – 562 с.
14. Обухова, Л.Ф. Детская психология: теория, факты, проблемы. / Л.Ф. Обухова. - М.: Просвещение, 2012.
15. Прихожан, А.М. Психология тревожности: дошкольный и школьный возраст. – СПб.: Питер, 2009.
16. Сафронова, Я. Ю. Ритмическая гимнастика в физическом развитии дошкольника // Молодой ученый. — 2017. — №47.1. — С. 135-137. — URL <https://moluch.ru/archive/181/46635/>
17. Терехина, Р.Н. Программа раннего физического развития детей (от рождения до 10 лет) / Р.Н. Терехина, Е.Н. Медведева, А.А. Супрун, Е.С. Крючек, Р.Б. Цаллагова, О.А. Двейрина, В.С. Терехина, З.Н. Кудрявцева; под общей редакцией Р.Н. Терехиной, Е.Н. Медведевой. – М.: Спорт, [б.и.], 2019. – 356 с.

18. Урунтаева, Г.А. Дошкольная психология / Г.А. Урунтаева. – М.: Академия. 2009.
19. Фомина, Н.А. Музыкально-двигательное физическое воспитание дошкольников / Н.А. Фомина, С.Ю. Максимова, Е.П. Прописнова. – Волгоград: Учитель. 2014 – 238 с.
20. Юрчук, Е.Н. Эмоциональное развитие дошкольников. / Е.Н Юрчук. - М. Сфера 2008
21. Ясюкова, Л.А. Методика определения готовности к школе. Прогноз и профилактики проблем обучения в начальной школе. СПб.: ГМНПП Импатон 2002.

The role of rhythmic gymnastics in relieving emotional stress in preschool children

Natal'ya N. Khripchenko

Master student,
Institute of Pre-School and Primary Education,
Orenburg State Pedagogical University,
460014, 19, Sovetskaya st., Orenburg, Russian Federation;
e-mail: ipp@ospu.su

Natal'ya V. Mikhailova

PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Lecturer at the Department of Pedagogy of Preschool and Primary Education,
Orenburg State Pedagogical University,
460014, 19, Sovetskaya st., Orenburg, Russian Federation;
e-mail: mnv270795@mail.ru

Abstract

Emotional stress of preschool children is an actual problem of modern preschool education. This article presents and discusses various approaches to emotional stress, as well as considered rhythmic gymnastics as a means of relieving emotional stress in children of preschool age. The authors also presented a diagnostic model that included: color test M. Lusher and projective test Tree under the authorship of M. Z. Dukarevich and the results of diagnostics of children's emotional stress. Correction of emotional stress in preschool children was carried out through a series of rhythmic gymnastics complexes. In the form of rhythmic gymnastics, morning gymnastics was organized, musical and rhythmic pauses between intellectually loaded classes were held, they raised the tone and mood of children after a day's sleep. The authors proved that the musical-rhythmic activity contributes not only to the physical development of children: improved coordination of movements, improved posture, increased vitality, but also creates a child's cheerful, joyful mood and a positive effect on the mental state of the child's body. When performing complex rhythmic gymnastics, children were given the opportunity to Express themselves in motion, to show their feelings, experiences, their understanding of the musical image, which led to an improvement in their psychological and physiological state.

For citation

Khripchenko N.N., Mikhaylova N.V. (2019) Rol' ritmicheskoy gimnastiki v snyatii emotsional'nogo napryazheniya u detey starshego doshkol'nogo vozrasta [The role of rhythmic gymnastics in relieving emotional stress in preschool children]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 8 (2A), pp. 197-204.

Key words

Senior preschool age, emotional stress, diagnostics of emotional stress, rhythmic gymnastics.

References

1. Alyamovskaya, V. G. (2002) Prevention of psychoemotional stress in children of preschool age. The book of a practical psychologist . V. G. Alyamovskaya, S. N. Petrova M.: Scriptoria, 80 p.
2. Bozovic L.I. (2008) Personality and its formation in childhood. . L.I. Bozovic St. Petersburg: Peter, 400 p.
3. Gogoberidze, A. G. (2010) Childhood with music: modern pedagogical technologies of musical education and development of children of early and preschool age. . L.I. Bozovic, V.A. Dergunskaya. SPb: CHILDHOODPRESS, 6789 p.
4. Kazan, V.G. (2008) Psychology and pedagogy. Short course . V.G. Kazan. SPb.: Peter, 240s.
5. Kalinina, R.R. (2011) Psychological and pedagogical diagnostics in kindergarten . RR Kalinin. SPb.: Sphere
6. Kryukova, S.V. (2010) I am surprised, angry, afraid, bragging and rejoicing. Programs of the emotional development of children of preschool and primary school age: A Practical Guide Moscow: Genesis, 5th ed. 198c.
7. (1997) Kulikov L.V. Psychology of mood. L.
8. Shch. Kampbell D. (1980) Models of experiments in social psychology and applied research. M.: Progress.
9. Lisitskaya, T.S. (1985) Rhythmic gymnastics: Methods and physiological effects . TS Lisitskaya. M.: FiS, 158 p.
10. Lyutova, K.K. (2005) Training effective interaction with children. . K.K. Lyutov, G.B. Monina SPb.: Speech.
11. Marshtuk, V.L. (1967) On overcoming states of emotional tension through exercise. Psychological issues of sports training. M., Phys. And sport, issue 5, pp. 2530.
12. Nemov, R.S. (2019) General psychology in 3 tons. Volume III in 2 books. Book 2. Personality characteristics 6th ed., Trans. and add. M.: Yurayt, 395 p.
13. Nemov, R.S. (2013) Psychological dictionary. M.: Vlados. 562 seconds
14. Obukhova, L.F. (2012) Child psychology: theory, facts, problems. . L.F. Obukhov. M.: Education.
15. Parishioners, A.M. (2009) Psychology of anxiety: preschool and school age. SPb.: Peter.
16. Safronova, Ya. Yu. (2017) Rhythmic gymnastics in the physical development of a preschooler . Young Scientist. №47.1. p. 135137. URL <https://moluch.ru.archive/181/46635>.
17. Terekhina, R.N. (2019) The program of early physical development of children (from birth to 10 years) . R.N. Terekhina, E.N. Medvedeva, A.A. Suprun, E.S. Kryuchek, rb Tsallagova, O.A. Dveyrina, V.S. Terekhina, Z.N. Kudryavtsev; under the general editorship of R.N. Terekhinoy, E.N. Medvedeva. M.: Sport, [b.i.], 356 p.
18. Uruntaeva, G.A. (2009) Preschool psychology . G.A. Uruntaeva. M.: Academy
19. Fomina, N.A. (2014) Musicalmotor physical education of preschoolers. N.A. Fomina, S.Yu. Maximova, E.P. Prescription Volgograd: Teacher. 238 seconds
20. Yurchuk, E.N. (2008) Emotional development of preschoolers. . E.N. Yurchuk. M. Sphere
21. Yasyukova, L.A. (2002) Methodology for determining school readiness. Prediction and prevention of learning problems in primary school. SPb.: GMNPP Imaton.

УДК 159.9**Вклад индивидуально-психологических и когнитивных особенностей в увеличение риска попадания в дорожно-транспортное происшествие (часть 1)****Васильченко Алеся Сергеевна**

Младший научный сотрудник,
лаборатория психогигиены и психопрофилактики,
Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии
им. В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации,
119001, Российская Федерация, Москва, переулок Кропоткинский, 23;
e-mail: vasilchenko.alesya@gmail.com

Аннотация

В статье изложены результаты исследования вклада индивидуально-психологических и когнитивных особенностей в увеличение риска попадания в дорожно-транспортное происшествие. Было обследовано 139 человек в возрасте от 18 до 59 лет (средний возраст $30,44 \pm 9,56$). Из них не были участниками ДТП – 74 человека в возрасте от 18 до 58 лет (средний возраст $26,46 \pm 6,85$); попадали в ДТП 65 человека в возрасте от 19 до 59 лет (средний возраст $34,91 \pm 10,19$). Из них были признаны невиновными 22 человека в возрасте 20 – 53 лет (средний возраст $33,18 \pm 9,26$); виновными – 32 человека в возрасте 20 – 59 лет (средний возраст $35,78 \pm 10,11$). Диагностический комплекс включал патопсихологическое обследование познавательных процессов, а также специфические методики, направленные на исследование индивидуально-психологических и когнитивных особенностей. Было обнаружено, что высокой значимостью для прогнозирования риска попадания в дорожно-транспортное происшествие являются нарушения эмоционально-волевой сферы; высокие показатели склонности к риску, а также нарушения когнитивных процессов: памяти, внимания, восприятия. Выделенные параметры являются значимыми для прогноза попадания в дорожно-транспортное происшествие.

Для цитирования в научных исследованиях

Васильченко А.С. Вклад индивидуально-психологических и когнитивных особенностей в увеличение риска попадания в дорожно-транспортное происшествие (часть 1) // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 2А. С. 205-215.

Ключевые слова

Дорожно-транспортное происшествие, опасное вождение, факторы риска, индивидуально-психологические особенности, когнитивные особенности.

Введение

Впервые термин «опасное вождение» был предложен в 2003 г. психологами C.S. Dula и E.S. Geller. Исследования зарубежных и отечественных авторов позволили выделить ряд общих характеристик опасного вождения [Лобанова, 2014, 2017, 2015; Петров, 2016; Dula, Geller, 2003; Naatanen, Summala, 1976; Rothengatter, 1988; Summala, 1988]. Во-первых, преднамеренность действий и рискованность поведения, создающие угрозу участникам дорожного движения, согласно мотивационным моделям вождения водители сами выбирают приемлемую степень риска, на которую они готовы пойти [Naatanen, Summala, 1976]. Было показано, что в основе опасного поведения на дороге лежит низкий уровень самоконтроля, как индивидуально-типологическая характеристика личности: стремление к риску и импульсивность тесно связаны с агрессивным и высокоскоростным стилями вождения у водителей-участников ДТП [Булыгина и др., 2017, 2016; Шпорт, Васильченко, Шалимов, 2017].

Во-вторых, нарушения обработки информации, обусловленные снижением когнитивных функций или сильным эмоциональным состоянием. Согласно эмпирическим исследованиям к факторам риска совершения ошибочных действий, особенно в критических ситуациях относят: замедленность действий, низкую скорость моторно-двигательных операций; низкий уровень пластичности; высокий уровень эмоционального напряжения; аффективные расстройства [Булыгин и др., 2016; Панченко, Гаража, Плохих, 2012; Chan, Singhal, 2013; Dahlen et al., 2005]. Полученные результаты показали, что для водителей, признанных виновными в дорожно-транспортном происшествии, характерны системные нарушения процесса саморегуляции в виде нарушения связанности этапов саморегуляции между собой, низкие показатели переменных планирование, моделирование, оценивание результатов, общий уровень саморегуляции, а также выраженность в структуре самоконтроля трудностей удержания аффекта раздражительности [Булыгина и др., 2015, 2016; Шпорт, Васильченко, Шалимов, 2017].

В-третьих, личностное отношение водителей к предписаниям правил дорожного движения (ПДД) и правилам техники безопасного управления транспортным средством как таковым. Согласно исследованиям водителей, неоднократно нарушавшим ПДД, к характерологическим особенностям этой категории водителей относят гибкие установки по отношению к социальным нормам, низкое чувство вины, выраженные экстрапунитивные реакции. Было показано, что характерными особенностями профиля водителей – участников ДТП, признанных виновными, по методике «Многофакторный опросник стиля вождения», отражающего особенности поведения на дороге, являются высокие показатели диссоциативного, высокоскоростного, опасного и агрессивного стилей вождения, сопряженные с поиском новых ощущений, гневом, пренебрежением правилами дорожного движения, низким уровнем саморегуляции [там же; Васильченко, Кабанова, Казаковцев, 2018].

Таким образом, опасное вождение возможно охарактеризовать тремя основными проявлениями: преднамеренность действий и рискованность поведения, снижение когнитивных функций и измененное эмоциональное состояние, личностное отношение водителей к предписаниям ПДД. Несмотря на то, что опасное вождение включает в себя множество вариантов поведения, ранее проводившиеся научные исследования были нацелены на определение путей более точного измерения опасного вождения и выявление общих причин

такого вождения, поскольку понимание и прогнозирование особенностей опасного вождения может являться залогом повышения безопасности дорожного движения.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на экстенсивность разработки проблемы личностных факторов в области безопасности дорожного движения, согласованность исследовательских выводов несколько сомнительна. Поскольку они составляют лишь небольшой процент причин аварий на дорогах. Системный подход к решению проблем обеспечения безопасности дорожного движения предполагает учет максимально возможного количества факторов, влияющих на возникновение ДТП. Р.А. Rimmo и L. Aberg еще в 1999 г. предположили, что в отношении безопасности вождения черты личности могут быть не так важны, как когнитивные факторы, которые включают в себя такие конструкции, как невнимательность, импульсивность и когнитивные нарушения (т. е. рассеянность или предрасположенность к когнитивным ошибкам).

Таким образом, *целью* настоящего исследования было изучение вклада индивидуально-психологических и когнитивных особенностей в увеличение риска попадания в дорожно-транспортное происшествие.

Материал и методы исследования

Были обследованы 139 человек в возрасте от 18 до 59 лет (средний возраст $30,44 \pm 9,56$). Из них не были участниками ДТП – 74 человека в возрасте от 18 до 58 лет (средний возраст $26,46 \pm 6,85$); попадали в ДТП 65 человека в возрасте от 19 до 59 лет (средний возраст $34,91 \pm 10,19$). Из них были признаны невиновными 22 человека в возрасте 20 – 53 лет (средний возраст $33,18 \pm 9,26$); виновными – 32 человека в возрасте 20 – 59 лет (средний возраст $35,78 \pm 10,11$).

Критерии включения:

стаж управления транспортным средством не менее 1 года;
разрешение на управление транспортным средством категории «В».

Критерии исключения:

стаж управления транспортным средством менее 1 года;
отсутствие разрешения на управление транспортным средством категории «В».

Помимо стандартного психологического обследования познавательных процессов применялись специфические методики, направленные на исследование индивидуально-психологических и когнитивных особенностей:

I. Блок – оценка индивидуально-психологических особенностей:

1) опросник уровня агрессивности Басса-Перри (адаптация Ениколопова С.Н., Цибульского Н.П., 2007);

2) опросник самоконтроля (Grasmick Н. с соавт., 1993; адаптация Булыгиной В.Г., Абдраязовой А.М., 2008);

3) опросник BIS/BAS (БИС-БАС) (Carver С.С., White Т.Л., 1994, стандартизированный Князевым Г.Г. и Слободской Е.Р., 2007);

4) многофакторный опросник стиля вождения (О. Taubman-Ben-Ari, М. Mikulincer, О. Gillath, 2004; адаптация И. А. Фурманов, Н. С. Астрейко, 2016);

5) шкала базисных убеждений (Janoff-Bulman R., 1989; адаптация Падуна М. А., Котельниковой А. В., 2007);

6) опросник «Способы совладающего поведения» (Folkman S., Lazarus R.S., 1988; адаптация Крюковой Т.Л., Куфтяк Е.В., Замышляевой М.С., 2004);

- 7) методика диагностики степени готовности к риску Шуберта (Ильин Е.П., 2012);
 - 8) Мельбурнский опросник принятия решений (адаптация Т.В. Корниловой, 2007);
 - 9) опросник «Уровень субъективного контроля» (Бажин Е.Ф., Голынкина Е.А., Эткинд Л.М., 1984);
 - 10) опросник «Стиль саморегуляции поведения» (Моросанова В.И., 1988);
 - 11) шкала диагностики враждебности Кука-Медлей (Cook W.W., Medley D.M., 1954, адаптация Собчик Л.Н.);
 - 12) пятифакторный опросник личности (Хромов А.Б., 2000);
- II. Блок – оценка когнитивных функций:
- 1) корректурный тест Ландольта (Сысоев В.Н., 2003);
 - 2) корректурная проба (Тест Бурдона) (Бурдон Б., 1895);
 - 3) методика «Фигуры Готтшальдта» (Готтшальдт К., 1926);
 - 4) тест Торндайка (Торндайк Э.Л., 1930);
 - 5) проба Н.И. Озерецкого на динамический праксис «Кулак – ребро – ладонь» (Хомская Е.Д., 2007);
 - 6) исследование кратковременной памяти (метод Джекобса) (Чернобай А.Д., Федотова Ю.Ю., 2005);
 - 7) методика «Словесный лабиринт» (Черемискина И.И., 2007);
 - 8) тест Мюнстерберга на восприятие (Калягин В.А., 2006).

Результаты и обсуждение

Для выявления индивидуально-психологических и когнитивных особенностей водителей – участников дорожно-транспортных происшествий общая выборка была разделена на две группы: водители – не попадавшие в ДТП; водители – участники ДТП, был применен непараметрический метод критерий U Манна-Уитни статистического анализа. Согласно результатам группу водителей-участников ДТП отличает высокая склонность к риску, выраженные нарушения эмоционально-волевой сферы, а также высокие показатели параметра психической неустойчивости. Характерными особенностями поведения на дороге являются высокие показатели высокоскоростного, опасного и агрессивного стилей вождения, характеризующиеся преднамеренным нарушением правил дорожного движения, низким уровнем развития процесса моделирования и оценки результатов деятельности. Среди когнитивных нарушений в группе водителей-участников ДТП обращается на себя внимание низкие значения параметра избирательной внимания, ригидность мышления, нарушения критичности мыслительной деятельности. Также в группе водителей-участников ДТП значимо ниже показатели параметров, отражающих базовые убеждения, «доброжелательность окружающего мира» и «убеждение о контроле», характеризующиеся высоким уровнем тревожности и напряженности в межличностном контакте; в ситуациях на дороге, оцениваемых ими как опасные или высокоаварийные, преобладают чувства напряженности, страха, азарта (табл. 1).

Для выделения переменных, значимых для прогноза попадания в дорожно-транспортное происшествие, проведен дискриминантный анализ. Зависимая переменная – фактор попадания в ДТП; ее значение представлено в дихотомической шкале от 0 (не был участником ДТП) до 1 (участник ДТП). Качество классификаций оценивалось с помощью ROC-кривых.

В группе водителей-участников ДТП значимыми переменными для прогноза попадания в дорожно-транспортное происшествие являются «убеждение о контроле» (коэффициент линейной дискриминантной функции (ЛДФ) = -1,035), уровень избирательности внимания (ЛДФ = -0,87), индекс полезависимости восприятия (ЛДФ = 0,73), параметр «точность внимания» (ЛДФ = 0,7), склонность к риску (ЛДФ = 0,59), параметр 5-ти факторного опросника личности «общительность-замкнутость» (ЛДФ = 0,59), а также предпочтение физической активности в структуре самоконтроля (ЛДФ = 0,38).

Таблица 1 – Результаты сравнения по переменной «водители – участники дорожно-транспортных происшествий / никогда не попадавшие в ДТП»

Статистические критерии ^а				
	U Манна-Уитни	W Вилкоксона	Z	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Поиск риска Грасмик	1870,50	4571,50	-2,01	,044
Высокоскоростной стиль вождения	491,50	1086,50	-2,12	,034
Уровень избирательности внимания ТМ	99,50	450,50	-2,53	,012
Нарушения мышления (Лабиринты)	1,00	2,00	-2,08	,037
Отсутствие ориентации на успех	27,50	63,50	-2,15	,031
Психическая неустойчивость	1854,00	4555,00	-2,61	,009
Нарушения эмоционально-волевой сферы	1869,50	4570,50	-2,5	,013
Отсутствие чувства экспертной ситуации	27,50	63,50	-2,15	,031
Оценка ситуации как опасной (опросник чувств)	36,00	207,00	-3,19	,001
Оценка ситуации как высокоаварийной (опросник чувств)	42,50	195,50	-2,63	,008
Доброжелательность окружающего мира	295,50	526,50	-2,46	,014
Убеждения о контроле	314,00	545,00	-2,22	,026
Общий уровень готовности к риску	214,50	592,50	-2,18	,030
Опасный стиль вождения	462,00	1057,00	-2,81	,005
Агрессивный стиль вождения	459,00	1054,00	-2,48	,013
а. Группирующая переменная: АварийностьБезУчетВины				

Для оценки выделенных переменных были построены ROC-кривые (рис.1).

Вероятность ошибки первого рода, когда выделенные переменные соответствуют группе водителей, не попадавших в ДТП, составляет 28%. Вероятность ошибки второго рода, когда показатели не соответствуют группе, составляет 22%. Значение показателя площади под кривой AUC = 0,83 говорит о высоком качестве модели. Это позволяет сделать вывод о том, что выделенные нами переменные можно оценить как надежные и прогностически значимые показатели оценки попадания в дорожно-транспортное происшествие (табл.2).

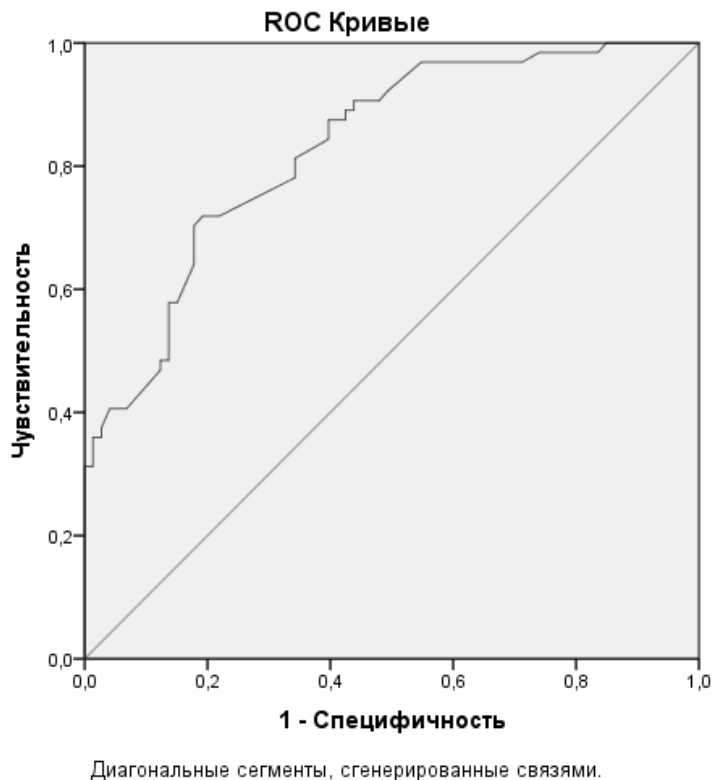

Рисунок 1 – График ROC-кривой модели классификации по переменной «участие в дорожно-транспортном происшествии»

Таблица 2 – Результаты прогнозного моделирования по переменной «участие в дорожно-транспортном происшествии»

Площадь под кривой						
Переменные результата проверки: Вероятности принадлежности к группе 1 для анализа 1						
Область	Стандартная ошибка ^а	Асимптотическая знч. ^б	Асимптотический 95% доверительный интервал		Чувствительность	1-Специфичность
			Нижняя граница	Верхняя граница		
,83	,03	,000	,76	,9	,72	,22
Для переменной или переменных результата проверки: Вероятности принадлежности к группе 1 для анализа 1 есть по крайней мере одна связь между группой положительного актуального состояния и группой отрицательного актуального состояния. Статистика может быть смещена.						
а. В соответствии с непараметрическим предположением						
б. Нулевая гипотеза: = действительная площадь = 0,5						

Для выявления индивидуально-психологических и когнитивных особенностей водителей – участников дорожно-транспортных происшествий в группах водителей, признанных виновными в ДТП, и водителей, признанных невиновными в ДТП, был применен непараметрический метод критерий U Манна-Уитни статистического анализа. Группу лиц, виновных в ДТП значимо отличали, высокие значения склонности к риску в структуре самоконтроля, низкий уровень планирования и оценивания результатов. Высокие значения параметра «нарушения внимания», а также низкий уровень избирательности внимания,

скорости переработки зрительной информации. Нарушения эмоционально-волевой сферы, высокие значения шкал психической неустойчивости и общего уровня готовности к риску (табл.3).

Таблица 3 – Результаты сравнения по переменной водители – участники ДТП, признанные виновными / признанные невиновными

Статистические критерии ^а				
	U Манна-Уитни	W Вилкоксона	Z	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Поиск риска Грасмик	232,00	508,00	-1,98	,048
Нарушения внимания	105,50	241,50	-2,89	,004
Уровень избирательности внимания ТТ	4,50	49,50	-3,54	,000
Уровень избирательности внимания ТМ	28,00	199,00	-2,25	,025
Скорость переработки зрительной информации	66,00	366,00	-2,66	,008
Психическая неустойчивость	243,50	519,50	-2,93	,003
Нарушения эмоционально-волевой сферы	229,00	505,00	-3,18	,001
Планирование ССП	13,00	133,00	-3,4	,001
Оценивание результатов ССП	19,50	139,50	-2,98	,003
Общий уровень готовности к риску	15,00	36,00	-2,5	,012
а. Группирующая переменная: АварийностьСчетомВины				

В группе водителей-участников ДТП, признанных виновными, значимыми переменными для прогноза попадания в дорожно-транспортное происшествие являются нарушения восприятия (ЛДФ = 0,81), нарушения эмоционально-волевой сферы (ЛДФ = 0,75), нарушения памяти (ЛДФ = 0,55), параметр «доверчивость-подозрительность» (ЛДФ = 0,49).

Для оценки выделенных переменных были построены ROC-кривые (рис.2).

Вероятность ошибки первого рода, когда выделенные переменные соответствуют группе водителей, признанных невиновными в ДТП, составляет 23%. Вероятность ошибки второго рода, когда показатели не соответствуют группе, составляет 22%. Значение показателя площади под кривой AUC = 0,9 говорит о высоком качестве модели. Это позволяет сделать вывод о том, что выделенные нами переменные можно оценить как надежные и прогностически значимые показатели оценки вклада фактора «виновность в ДТП» (табл.2).

Таблица 4 – Результаты прогнозного моделирования по переменной «участие в дорожно-транспортном происшествии водители, признанные виновными»

Площадь под кривой						
Переменные результата проверки: Вероятности принадлежности к группе 2 для анализа 1						
Область	Стандартная ошибка ^а	Асимптотическая знч. ^б	Асимптотический 95% доверительный интервал		Чувствительность	1-Специфичность
			Нижняя граница	Верхняя граница		
,9	,04	,000	,83	,98	,77	,22
Для переменной или переменных результата проверки: Вероятности принадлежности к группе 2 для анализа 1 есть по крайней мере одна связь между группой положительного актуального состояния и группой отрицательного актуального состояния. Статистика может быть смещена.						
а. В соответствии с непараметрическим предположением						
б. Нулевая гипотеза: = действительная площадь = 0,5						

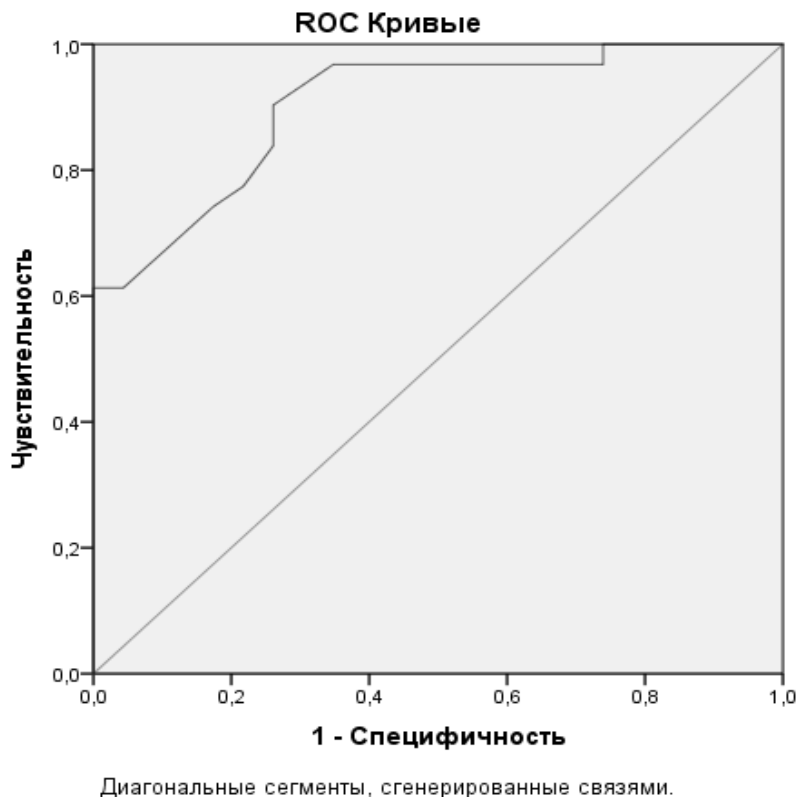

Рисунок 2 – График ROC – кривой модели классификации по переменной «участие в дорожно-транспортном происшествии водители, признанные виновными»

Заключение

Таким образом, результаты статистического анализа с применением метода дискриминантного анализа и построения ROC показали высокое качество прогнозных моделей. Высокой значимостью для прогнозирования риска попадания в дорожно-транспортное происшествие являются нарушения эмоционально-волевой сферы в группе водителей – участников ДТП признанных виновными; склонность к риску; и нарушения памяти (общий уровень нарушения памяти, согласно результатам проб 10 слов, запоминание двух групп слов, динамический праксис, методика Джекобсона), внимания (уровень избирательности и продуктивности внимания), восприятия (полезависимость восприятия, скорость переработки зрительной информации).

Результаты позволяют говорить о значимости разноуровневых индивидуально-психологических и когнитивных характеристиках для риска попадания в дорожно-транспортное происшествие. Что позволят рекомендовать включать в диагностические процедуры при оценке групп риска методики, направленные на оценку высших психических функций, а также эмоционально-волевой сферы и склонности к риску.

Библиография

1. Булыгина В.Г. и др. Клинико-психологические факторы высокорискового поведения и обеспечение безопасности дорожного движения // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2017. № 4. С. 00-40. doi: 10.25016/2541-7487-2017-0-4-00-40

2. Булыгина В.Г. и др. Психология высокорискового вождения (обзор зарубежных исследований) // Психология и право. 2016. Том 6. № 2. С. 72-92. doi:10.17759/psylaw.2016060206
3. Васильченко А.С., Кабанова Т.Н., Казаковцев Б.А. Индивидуально-типологические и когнитивные факторы опасного вождения у лиц с зависимостью // Актуальные проблемы психиатрии, наркологии и психотерапии. М., 2018. С. 104-105.
4. Лобанова Ю.И. Вождение как деятельность, поведение и стилевая характеристика // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2014. № 4. С. 97-107.
5. Лобанова Ю.И. О возможностях прогноза аварийности водителей // Вестник Южно-Уральского Университета. Серия: Психология. 2017. № 1. С. 74-87.
6. Лобанова Ю.И. Стилль вождения: определяющие факторы, характеристики, направления оптимизации // Российский гуманитарный журнал. 2015. № 1. С. 76-84.
7. Панченко О.А., Гаража М.В., Плохих В.В. Психологические критерии надежности профессиональной деятельности водителей автомобильного транспорта // Актуальные проблемы транспортной медицины. 2012. Т. 29. № 3. С. 60-63.
8. Петров В.Е. Психологический анализ проблемы опасного стиля управления транспортным средством // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 8. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2016/08/70377>
9. Шпорт С.В., Васильченко А.С., Шалимов Д.Р. Психологические маркеры опасного поведения на дорогах // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2017. Т. 6. № 4А. С. 118-133.
10. Chan M., Singhal A. The emotional side of cognitive distraction: Implications for road safety // Accident Analysis and Prevention. 2013. Vol. 50. P. 147-154.
11. Dahlen E.R. et al. Driving anger, sensation seeking, impulsiveness, and boredom proneness in the prediction of unsafe driving // Accident Analysis and Prevention. 2005. Vol. 37(2). P. 341-348.
12. Dula C.S., Geller E.S. Risky, aggressive, or emotional driving: Addressing the need for consistent communication in research // Journal of Safety Research. 2003. Vol. 34. P. 559-566.
13. Naatanen R., Summala H. Road User Behavior and Traffic Accidents. New York: North Holland Publishing Company, 1976. P. 140.
14. Rothengatter T. Risk and the absence of pleasure: A motivation approach to modelling road user behavior // Ergonomics. 1988. Vol. 31. P. 599-607.
15. Summala H. Risk control is not risk adjustment: The zero-risk theory of driver behavior and its implications // Ergonomics. 1988. Vol. 31. P. 491-506.

The contribution of individual, psychological and cognitive features to the increased risk of being involved in a traffic accident (part 1)

Alesya S. Vasil'chenko

Junior Research Associate,
Psychohygiene and Psychoprophylaxis Laboratory,
Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology
of the Ministry of Health of the Russian Federation,
119001, 23, Kropotkinskii lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: vasilchenko.alesya@gmail.com

Abstract

The article presents the results of a study of the contribution of individual, psychological and cognitive features to the increased risk of being involved in a traffic accident. 139 people aged from 18 to 59 years old (mean age 30.44 years $\pm$ 9.56) took part in the study. 74 people aged from 18 to 58 years (mean age 26.46 $\pm$ 6.85) were not involved in the accident. 65 people between the ages of 19 and 59 years old (average age 34.91 $\pm$ 10.19) were involved in accident: 22 of them aged 20–53 years (mean age 33.18 $\pm$ 9.26) were considered to be innocent; 32 people aged 20–59 years old

(average age 35.78 ± 10.11) were considered guilty. The diagnostic complex included pathopsychological examination of cognitive processes, as well as specific methods aimed at studying the individual, psychological and cognitive features. It was found that violations of the emotional-volitional sphere; high rates of risk appetite, as well as violations of cognitive processes: memory, attention, perception, are of high significance for predicting the risk of being involved in a traffic accident. The results suggest the importance of different levels of individual psychological and cognitive characteristics for the risk of being involved in a traffic accident. Thus, the highlighted parameters are important for predicting a traffic accident.

For citation

Vasil'chenko A.S. (2019) Vklad individual'no-psikhologicheskikh i kognitivnykh osobennostei v uvelichenie riska popadaniya v dorozhno-transportnoe proisshestvie (chast' 1) [The contribution of individual, psychological and cognitive features to the increased risk of being involved in a traffic accident (part 1)]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 8 (2A), pp. 205-215.

Keywords

Traffic accident, dangerous driving, risk factors, individual and psychological features, cognitive features.

References

1. Bulygina V.G. et al. (2017) Kliniko-psikhologicheskie faktory vysokoriskovogo povedeniya i obespechenie bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya [Clinical and psychological factors of high-risk behavior and road safety]. In: *Mediko-biologicheskie i sotsial'no-psikhologicheskie problemy bezopasnosti v chrezvychajnykh situatsiyakh* [Medico-Biological and Socio-Psychological Problems of Safety in Emergency Situations], 4, pp. 83-99. <https://doi.org/10.25016/2541-7487-2017-0-4-83-99>
2. Bulygina V.G. et al. (2016) Psikhologiya vysokoriskovogo vozhdeniya (obzor zarubezhnykh issledovaniy) [Psychology of high-risk driving (review of foreign studies)]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 6(2), pp. 72-92. doi:10.17759/psylaw.2016060206
3. Chan M., Singhal A. (2013) The emotional side of cognitive distraction: Implications for road safety. *Accident Analysis and Prevention*, 50, pp. 147-154.
4. Dahlen E.R. et al. (2005) Driving anger, sensation seeking, impulsiveness, and boredom proneness in the prediction of unsafe driving. *Accident Analysis and Prevention*, 37(2), pp. 341-348.
5. Dula C.S., Geller E.S. (2003) Risky, aggressive, or emotional driving: Addressing the need for consistent communication in research. *Journal of Safety Research*, 34, pp. 559-566.
6. Lobanova Yu.I. (2014) Vozhdenie kak deyatel'nost', povedenie i stilevaya kharakteristika [Driving as an activity, behavior and style characteristics]. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University], 4, pp. 97-107.
7. Lobanova Yu.I. (2017) O vozmozhnostyakh prognoza avariynosti voditelej [On the possibilities of predicting the accident rate of drivers]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo Universiteta. Seriya: Psikhologiya* [Bulletin of the South Ural University. Series: Psychology], 1, pp. 74-87.
8. Lobanova Yu.I. (2015) Stil' vozhdeniya: opredelyayushhie faktory, kharakteristiki, napravleniya optimizatsii [Driving style: determining factors, characteristics, directions of optimization]. *Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal* [Russian Journal of Humanities], 1, pp. 76-84.
9. Naatanen R., Summala H. (1976) *Road User Behavior and Traffic Accidents*. New York: North Holland Publishing Company.
10. Panchenko O.A., Garage M.V., Plohikh V.V. (2012) Psikhologicheskie kriterii nadezhnosti professional'noi deyatel'nosti voditelei avtomobil'nogo transporta [Psychological criteria for the reliability of professional activities of drivers of road transport]. *Aktual'nye problemy transportnoi meditsiny* [Actual problems of transport medicine], 29, 3, pp. 60-63.
11. Petrov V.E. (2016) Psikhologicheskii analiz problemy opasnogo stilya upravleniya transportnym sredstvom. [Psychological analysis of the problem of a dangerous style of driving a vehicle]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya*

-
- i innovatsii* [Modern scientific research and innovations], 8. Available from: <http://web.snauka.ru/issues/2016/08/70377> [Accessed 12/04/2019]
12. Rothengatter T. (1988) Risk and the absence of pleasure: A motivation approach to modelling road user behavior. *Ergonomics*, 31, pp. 599-607.
 13. Shport S.V., Vasil'chenko A.S., Shalimov D.R. (2017) Psikhologicheskie markery opasnogo povedeniya na dorogakh [Psychological markers of dangerous behaviour on the road]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 6 (4A), pp. 118-133.
 14. Summala H. (1988) Risk control is not risk adjustment: The zero-risk theory of driver behavior and its implications. *Ergonomics*, 31, pp. 491-506.
 15. Vasilchenko A.S., Kabanova T.N., Kazakovtsev B.A. (2018) Individual'no-tipologicheskie i kognitivnye faktory opasnogo vozhdeniya u lits s zavisimost'yu [Individually typological and cognitive factors of dangerous driving in addicts]. In: *Aktual'nye problemy psikhatrii, narkologii i psikhoterapii* [Actual problems of psychiatry, narcology and psychotherapy]. Moscow.

УДК 37.013

Взаимосвязь саморегуляции деятельности и профессионального выгорания педагогов общеобразовательного учреждения

Назарова Фаина Фаритовна

Аспирант,

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
150000, Российская Федерация, Ярославль, ул. Республиканская, 108;
e-mail: ff.nazarova@mail.ru

Аннотация

Проблема профессионального выгорания специалистов и, как следствие, достаточно большая текучесть кадров, является одной из серьезных проблем современной системы образования. Синдром профессионального выгорания представляет собой совокупность психологических и поведенческих проявлений, возникающих в ответ на длительные стрессовые ситуации трудовой среды и оказывающих отрицательное влияние на личностное и профессиональное самочувствие специалистов. В данной статье описываются особенности саморегуляции и профессионального выгорания педагогов общеобразовательных учреждений, личностные характеристики и особенности профессиональной деятельности, влияющие на профессиональное выгорание учителей в общеобразовательной школе. Дано определение профессионального выгорания, а также классификация стадий феномена. В статье рассмотрена взаимосвязь саморегуляции деятельности и профессионального выгорания учителей общеобразовательного учреждения, связь данных характеристик с возрастом и стажем учителей.

Для цитирования в научных исследованиях

Назарова Ф.Ф. Взаимосвязь саморегуляции деятельности и профессионального выгорания педагогов общеобразовательного учреждения // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 2А. С. 216-222.

Ключевые слова

Профессиональное выгорание, саморегуляция деятельности, педагоги, педагогический стаж, психология.

Введение

В последние годы все большее внимание ученых с разных уголков света приковано к изменениям, происходящим с человеком в ходе выполнения его профессиональной деятельности [Бабич, 2009]. Синдром профессионального выгорания и факторы, увеличивающие шанс возникновения профессионального выгорания, становятся темой множества научных работ, которые проводят психологи во всем мире. Множество работ посвящены характерным чертам профессионального выгорания тех людей, чья работа имеет сильную связь с постоянным общением с другими людьми, а также с трудностями психологического и физического характера, с которыми эти люди сталкиваются во время выполнения профессиональных обязанностей [Шапарь, 2012].

Множество исследований показывают, что синдром выгорания обладает своими причинами, стадиями и последствиями. Кроме того, это влечет за собой ряд профилактических и реабилитационных мер, которые необходимо предпринять, чтобы обеспечить своевременную помощь учителям [Орел и др., 1998]. Личные достижения учителей существенно различаются в зависимости от их пола, организации работы и успеваемости [Koltunovich, 1989]. Согласно результатам многих исследований за последние годы, уровень профессионального выгорания педагогов в общеобразовательных школах на уровне среднего или выше него. Примечательно, что было установлено, что пол и доход существенно не влияют на выраженность выгорания [Бабич, 2009].

Впервые изучением вопросов профессионального выгорания занялся Х. Фрейденбергер в 1974 году в своих трудах по исследованию персонала больниц. Синдром выгорания такими учеными как К. Маслах, С. Джексон и А. Пайнс. Разработанные этими учеными модели профессионального выгорания стали основой для последующих исследований по данной тематике. Сама концепция явления много раз менялась. В 1981 году К. Маслах и С. Джексон объявили об обнаружении ими того факта, что выгорание является синдромом эмоционального истощения и цинизма, часто проявляющимся у сотрудников, имеющих дело с людьми, и приводящим к развитию отрицательного отношения к тем людям, с которыми им приходится общаться по долгу службы [Maslach, Jackson, 1986]. По словам К. Маслаха, люди, которым необходимо работать в сфере услуг и помощи, тратят много времени на взаимодействие с окружающими их людьми [там же].

Основная часть

Согласно общепринятой классификации, существует три стадии профессионального выгорания у людей педагогических профессий. Первый этап начинается с приглушения эмоций, когда пропадают позитивные эмоции, и возникает состояние тревоги и неудовлетворенности. Второй этап включает появление различных неловких ситуаций в отношениях с учениками. На третьем этапе учителя теряют свои жизненные ценности, их равнодушие ко всему становится опасным, причем равнодушие распространяется даже на собственную жизнь [Пискунова, 2016].

Преподавание необходимо отнести к группе профессий из области «человек-человек», которые характеризуются напряженным психоэмоциональным состоянием. Одной из причин данного состояния, безусловно, является синдром выгорания.

В этом аспекте нами рассматривается саморегуляция, как фактор, имеющий связь с профессиональным выгоранием педагогов в общеобразовательных учреждениях.

Саморегуляция является характеристикой, которая показывает способность индивида управлять своими поступками и состоянием, как психологическим, так и физиологическим. К рассмотрению проблемы саморегуляции в психологии обращались в своих трудах С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский и многие другие выдающиеся деятели.

Цель: исследования взаимосвязи профессионального выгорания учителей общеобразовательной школы с саморегуляцией деятельности и зависимости данных показателей от стажа и возраста.

Материал и методы. Для проведения исследования были опрошены 289 учителей в возрасте от 23 до 55 лет – 87 мужчин и 202 женщины. Стаж работы опрошенных учителей варьировал от 4 месяцев до 37 лет. В исследовании участвовало 90 учителей начальных классов и 199 учителей среднего звена.

В качестве методов исследования были использованы следующие методики:

- Определение психического выгорания (А. А. Рукавишников) [Орел и др., 1998];
- Стиль саморегуляции поведения (В.И. Моросанова) [Моросанова, 2015].
- Статистический расчет данных был произведен с применением коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Результаты и обсуждение

Результаты исследования по методике «Определение психического выгорания» (А.А. Рукавишников) представлены в таблице 1.

**Таблица 1 – Результаты исследования по методике
«Определение психического выгорания» (А.А. Рукавишников)**

Результаты	Психоэмоциональное истощение	Личностное отдаление	Профессиональная мотивация	Индекс психического выгорания
Хсреднее	26,32	24,05	23,99	74,37
Стандартное отклонение	10,57	13,02	9,97	19,09
коэффициент вариации	0,4	0,54	0,42	0,26

Результаты исследования представлены также в диаграмме 1.

Далее было проведено исследование по методике «Стиль саморегуляции поведения» (В.И. Моросанова). Результаты представлены ниже.

**Таблица 2 – Результаты исследования по методике
«Стиль саморегуляции поведения» (В.И. Моросанова)**

	Планирование	Моделирование	Программирование	Оценка результатов	Гибкость	Самостоятельность	Общий уровень саморегуляции
Х среднее	5,69	5,76	5,92	5,89	5,48	5,93	34,67
Стандартное отклонение	1,69	1,6	1,44	1,6	1,57	1,47	6,7
Коэффициент вариации	0,3	0,28	0,24	0,27	0,29	0,25	0,19

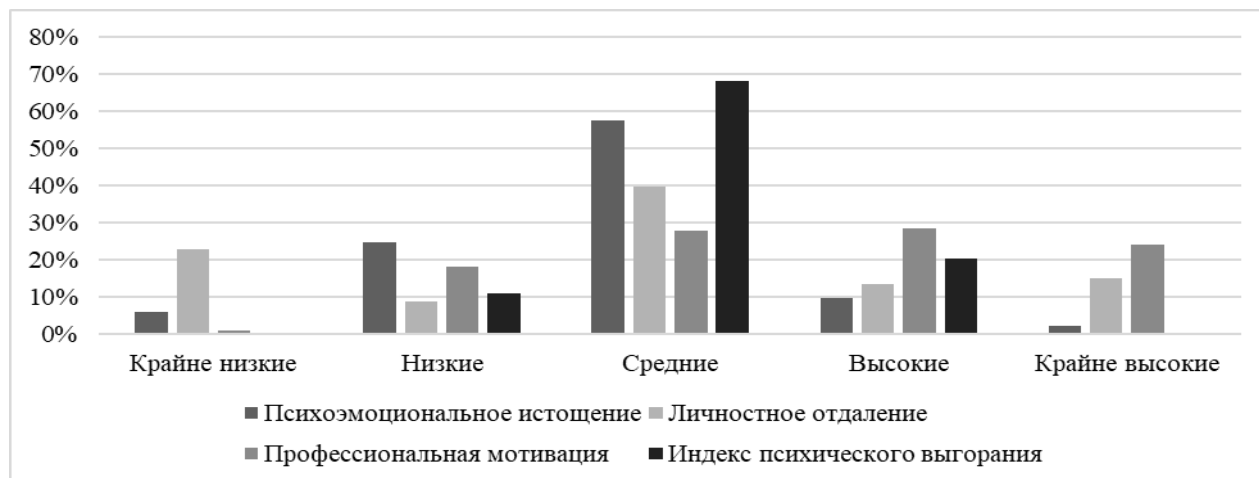

Рисунок 1 – Результаты исследования по методике «Определение психического выгорания» (А.А. Рукавишников)

Данные по методике также были представлены в виде диаграммы (рис. 2).

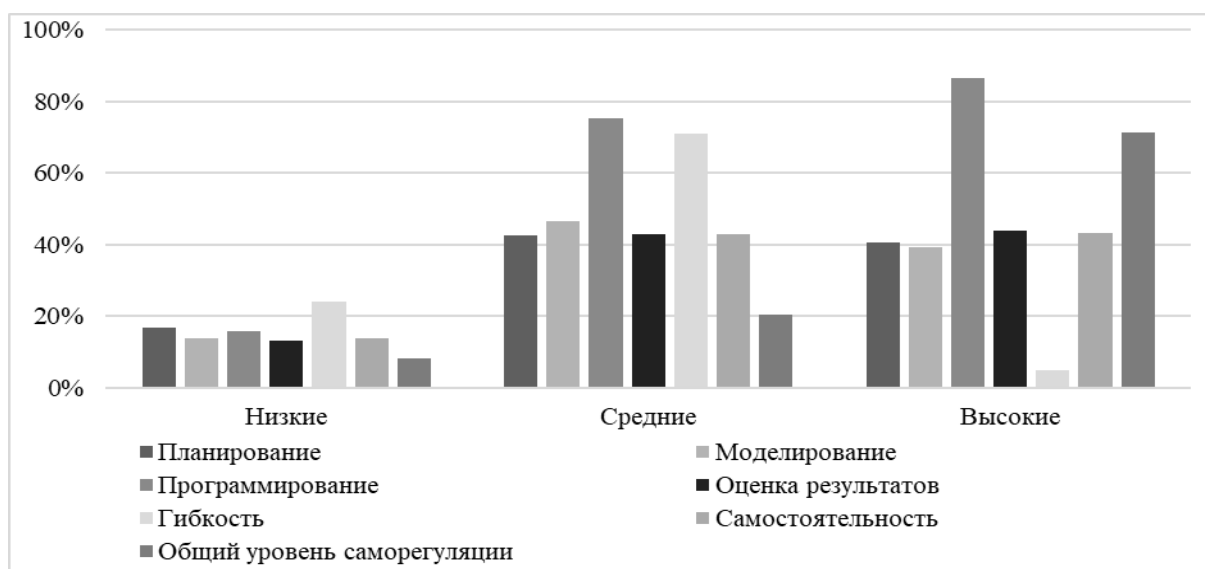

Рисунок 2 – Результаты исследования по методике «Стиль саморегуляции поведения» (В.И. Моросанова)

Далее представим результаты ранговой корреляции с применением корреляционного критерия Спирмена. По результатам статистического исследования, была найдена прямая корреляционная связь между возрастом и стажем педагогической деятельности и психоэмоциональным истощением, личностным отдалением, индексом выгорания и уровнем саморегуляции ($r > 0,01$) и обратная связь между возрастом и педагогическим стажем и профессиональной мотивацией ($r > 0,01$).

Между общим уровнем саморегуляции была выявлена прямая статистически значимая связь с такими шкалами, как психоэмоциональное истощение, личностное отдаление и индекс психического выгорания; отрицательная же связь была выявлена со шкалой профессиональная мотивация ($r > 0,01$).

Заключение

Из полученных по итогам проведенного исследования данным можно сказать, что максимально высокие баллы по методике «Определение психического выгорания» (А.А. Рукавишников) были выявлены по шкале профессиональная мотивация – уровень энтузиазма и рабочей мотивации по отношению к выполняемой деятельности. Самый низкий уровень показателей был выявлен по шкале психоэмоциональное истощение – показатель истощения физических, эмоциональных и энергетических ресурсов работника в сфере «человек-человек». В целом по каждой методике подавляющее большинство респондентов получило средние показатели. В общем по группе исследования можно сделать вывод, что у педагогов уровень профессионального выгорания выражен не столь значительно.

По итогам проведенного исследования по методике «Стиль саморегуляции поведения» (В.И. Моросанова) можно отметить, что наиболее высокие результаты были выявлены по шкале Программирование. Высокие результаты по данной шкале показывают сформировавшуюся у человека необходимость в продумывании планов собственных действий и своего поведения для выполнения поставленных целей, о продуманности разрабатываемых программ для действий.

Самые низкие баллы были получены респондентами по школе Гибкость. Люди с низкими показателями по этой шкале в условиях быстрой смены обстановки чувствуют себя «не в своей тарелке», у них появляется неуверенность, они с трудом принимают перемены в своей жизни, негативно относятся к изменениям обстановки.

В целом по группе нужно подчеркнуть высокие результаты по саморегуляции. Респонденты отличаются самостоятельностью в принятии решений, гибкостью в плане привыкания к изменившимся условиям и адекватно на перемены условий, они обладают в большей степени осознанным процессом выдвижения и достижения целей. При высокой мотивации для достижения поставленных целей подобные люди могут создавать особый стиль саморегуляции, дающий возможность смягчать влияние личностных особенностей и характера, препятствующих получению желаемого результата.

Статистический анализ данных выявил, что чем больше возраст испытуемых и больше педагогический стаж, то тем выше показатели психоэмоционального истощения, личностного отдаления и психического выгорания в целом, а уровень профессиональной мотивации с годами снижается.

То же самое можно утверждать про уровень саморегуляции – с возрастом и увеличением педагогического стажа уровень саморегуляции растет.

Между двумя показателями – саморегуляцией и профессиональным выгоранием так же существуют статистически значимые связи – чем выше показатели саморегуляции, тем сильнее выражены показатели профессионального выгорания педагогов.

Библиография

1. Бабич О.И. Профилактика синдрома профессионального выгорания педагогов: диагностика, тренинги, упражнения. Волгоград: Учитель, 2009. 122 с.
2. Моросанова В.И. Диагностика саморегуляции человека. М.: Когито-Центр, 2015. 304 с.
3. Орел В.Е. и др. Разработка русскоязычной версии личностного теста NEO PI-R // Психология и практика. 1998. Т. 4. Вып. 1. С. 277-279.
4. Осухова Н.Г. Профессиональное выгорание, или как сохранить здоровье и не «сгореть» на работе. М.: Первое сентября, 2011. 56 с.
5. Пискунова А.В. Психологические особенности эмоционального выгорания учителя // СтРИЖ. 2016. №5 (09). С. 116-120.

6. Рыжов В.В. Личность: творчество и духовность. СПб., 2012. 489 с.
7. Шапарь В.Б. Практическая психология. Психодиагностика групп и коллективов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2012. 448 с.
8. Шереметова О.В. Управление профессиональным стрессом и профессиональное выгорание работников: пути решения // Материалы Российской научно-практической конференции с международным участием «Бизнес. Наука. Образование: проблемы, перспективы, стратегии». Вологда, 2015. С. 660-665.
9. Chrousos G.P. Stressors, stress, and neuroendocrine integration of the adaptive response // *Ann. N.Y. Sci.* 1998. V. 851. P. 311-335.
10. Koltunovych T. Empathy and burnout in male and female helping professions // *Research in Nursing and Health.* 1989. V. 12.
11. Maslach C., Jackson S.E. The measurement of experienced burnout // *Journal of Occupational Behavior.* 1986. Vol. 2. P. 99-113.

The relationship of self-regulation activities and professional burnout of teachers of educational institutions

Faina F. Nazarova

Postgraduate,
Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky,
150000, 108, Respublikanskaya st., Yaroslavl, Russian Federation;
e-mail: ff.nazarova@mail.ru

Abstract

The problem of professional burnout of specialists and, as a result, a sufficiently large turnover of personnel is one of the serious problems of the modern education system. Burnout syndrome is a set of psychological and behavioral manifestations that occur in response to long-term stressful situations of the working environment and have a negative impact on the personal and professional well-being of specialists. This article describes the features of self-regulation activities and professional burnout of teachers of educational institutions, personal characteristics and features of professional activity that affect the professional burnout of teachers. The article discusses the relationship of self-regulation and professional burnout of teachers, the relationship of these characteristics with age and experience of teachers. Statistical analysis of the data revealed that the older the subjects and the greater the pedagogical experience, the higher the indicators of psycho-emotional exhaustion, personal distance and mental burnout as a whole, and the level of professional motivation decreases over the years. The same can be said about the level of self-regulation with age and an increase in the pedagogical experience, the level of self-regulation increases. Between two indicators, self-regulation and professional burnout, there are also statistically significant links, the higher the self-regulation indicators, the more pronounced are the indicators of professional burnout of teachers.

For citation

Nazarova F.F. (2019) Vzaimosvyaz' samoregulyatsii deyatel'nosti i professional'nogo vygoraniya pedagogov obshcheobrazovatel'nogo uchrezhdeniya [The relationship of self-regulation activities and professional burnout of teachers of educational institutions]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 8 (2A), pp. 216-222.

Keywords

Professional burnout, self-regulation activities, teachers, teaching experience, psychology.

References

1. Babich O.I. (2009) *Profilaktika sindroma professional'nogo vygoraniya pedagogov: diagnostika, treningi, uprazhneniya* [Prevention of professional burnout syndrome teachers: diagnosis, training, exercises]. Volgograd: Uchitel' Publ.
2. Chrousos G.P. (1998) Stressors, stress, and neuroendocrine integration of the adaptive response. *Ann. N.Y. Sci.*, 851, pp. 311-335.
3. Koltunovych T. (1989) Empathy and burnout in male and female helping professions. *Research in Nursing and Health*, 12.
4. Maslach C., Jackson S.E. (1986) The measurement of experienced burnout. *Journal of Occupational Behavior*, 2, pp. 99-113.
5. Morosanova V.I. (2015) *Diagnostika samoregulyatsii cheloveka* [Diagnosis of human self-regulation]. Moscow: Kogito-Tsentr Publ.
6. Orel B.E. et al. (1998) Razrabotka russkoyazychnoi versii lichnostnogo testa NEO PI-R [Development of the Russian-language version of the NEO PI-R personality test]. *Psikhologiya i praktika* [Psychology and Practice], 4, 1, pp. 277-279.
7. Osukhova N.G. (2011) *Professional'noe vygoranie, ili kak sokhranit' zdorov'e i ne «sgoret'» na rabote* [Professional burnout, or how to maintain health and not burn out at work.]. Moscow: Pervoe sentyabrya Publ.
8. Piskunova A.V. (2016) Psikhologicheskie osobennosti emotsional'nogo vygoraniya uchitelya [Psychological features of emotional burnout of the teacher]. *StRIZh* [Student e-zine], 5 (09), pp. 116-120.
9. Ryzhov V.V. (2012) *Lichnost': tvorchestvo i dukhovnost'* [Personality: creativity and spirituality]. St. Petersburg.
10. Shapar' V.B. (2012) *Prakticheskaya psikhologiya. Psikhodiagnostika grupp i kollektivov* [Practical psychology. Psychodiagnostics of groups and groups]. Rostov-on-Don: Feniks Publ.
11. Sheremetova O.V. (2015) Upravlenie professional'nym stressom i professional'noe vygoranie rabotnikov: puti resheniya [Management of professional stress and professional burnout of workers: solutions]. In: *Materialy Rossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Biznes. Nauka. Obrazovanie: problemy, perspektivy, strategii»* [Materials of the Russian scientific-practical conference with international participation "Business. The science. Education: problems, perspectives, strategies"]. Vologda.

УДК 159.9

Стилевые особенности достижения профессионализма: анализ и обобщение результатов эмпирического исследования

Чернышенко Эдуард Александрович

Адъютант,
Военный университет Министерства обороны Российской Федерации,
123001, Российская Федерация, Москва, ул. Большая Садовая, 14;
e-mail: chernyshenko_eduard@mail.ru

Аннотация

В настоящей статье представлен анализ результатов эмпирического исследования стиливых особенностей достижения профессионализма руководителей воинских подразделений. С помощью специальных психодиагностических методик были выделены три эффективных стиля достижения профессионализма и один неэффективный. Выделенные стили имеют существенные различия по всем критериям и показателям оценки стиливых особенностей достижения профессионализма. Дана психологическая характеристика руководителям воинских подразделений, использующих в организации своего профессионального развития тот или иной стиль достижения профессионализма. Выделенные стили достижения профессионализма, их последующий анализ и систематизация позволяют выработать рекомендации по диагностике стиливых особенностей достижения профессионализма и осуществлению коррекции стиля в целях обеспечения эффективного профессионального становления руководителей воинских подразделений. В силу высокой ригидности таких глубинных структур личности как стиливые особенности самодетерминации и самоидентификации, мероприятия по коррекции стиля достижения профессионализма необходимо проводить с обязательным глубоким анализом его профиля и выработкой строго индивидуализированных рекомендаций в отношении конкретного руководителя.

Для цитирования в научных исследованиях

Чернышенко Э.А. Стилевые особенности достижения профессионализма: анализ и обобщение результатов эмпирического исследования // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 2А. С. 223-230.

Ключевые слова

Профессионализм, профессиональная деятельность, профессиональное развитие, стиль, индивидуальность, руководитель, воинское подразделение, самодетерминация, самоидентификация, саморегуляция.

Введение

В настоящее время высшим руководством страны предпринимаются действенные меры по интенсивному переоснащению подразделений вооруженных сил и других силовых структур новыми высокоэффективными системами вооружения. Так к 2020 году новейшие образцы военной техники в российской армии должны составить минимум 70% [Гаврилов, 2013, www]. С развитием современных видов вооружений меняется и система управления войсками, что в свою очередь, предъявляет новые, более высокие требования к уровню профессионализма военно-управленческих кадров. В настоящее время в силовых структурах уделяется большое внимание развитию профессионализма руководителей воинских подразделений. В этих целях принимаются эффективные меры по профессиональному развитию командиров всех степеней, которые позволяют значительно сократить период их становления в должностях руководителей воинских подразделений. Но проблема поиска пути достижения профессионализма, отвечающего требованию высокой эффективности за счет максимальной адаптации индивидуальности руководителя подразделения к требованиям военно-профессиональной деятельности, остается весьма актуальной.

Основное содержание

В психологии феномен профессионализма человека рассматривается как сложное психическое образование высшего порядка, как конечный результат профессиональной социализации человека, как венец развития личности профессионала. Другими словами, под профессионализмом понимается формируемое в процессе профессионального развития интегральное психическое образование, детерминированное осуществляемой трудовой деятельностью, профессиональной средой и индивидуальностью человека, и гарантированно обеспечивающее высокую эффективность выполнения конкретной профессиональной деятельности [Чернышенко, 2018, 125]. На пути к профессионализму человек прилагает определенные усилия для развития в себе качеств необходимых для приобретения желаемого положительного результата в своем профессиональном развитии. Указанные психологические качества носят индивидуализированный характер и проявляются в индивидуальном стиле достижения профессионализма.

Под стилем достижения профессионализма руководителей воинских подразделений следует понимать индивидуальный способ развития высших психических свойств личности, который направлен на совершенствование взаимодействия руководителя подразделения с профессиональной средой, на основе развития совокупности его профессионально ориентированных характеристик (психологических, физиологических, поведенческих, операциональных) и проявляющийся в особенностях его саморегуляции, самодетерминации и самоидентификации как субъекта профессионализации.

Для диагностики стиля достижения профессионализма руководителей воинских подразделений по саморегуляционному критерию использовался многошкальный опросный метод «Стиль саморегуляции поведения В.И. Моросановой – 2013» [Моросанова, 2015]. Для диагностики стиля достижения профессионализма по самоидентификационному критерию была использована пятая версия методики «Опросник стилей конструирования идентичности»

М. Берзонски, в адаптации Ю.Е. Зайцевой [Зайцева, 2015, 5-18]. Для оценки стиля достижения профессионализма по самодетерминационному критерию использовалась методика «Русскоязычный опросник каузальных ориентаций» [Дергачева, 2008, 96-106]. Кроме того, в состав батареи тестов включена краткая форма личностного опросника Г. Айзенка [Слободская, 2006, 94-105]. Обработка результатов всей экспериментальной части исследования основывалась на использовании результатов тестирования и статистических методов анализа.

В результате проведенного исследования было выделено четыре стиля достижения профессионализма руководителей воинских подразделений, один из которых является неэффективным стилем (10,3 % респондентов выборки) и три эффективными (29,7 % респондентов выборки). Дальнейший анализ полученных данных показал, что эффективные и неэффективные стили имеют ярко выраженные различия по всем показателям.

Руководители подразделений, обладающие неэффективным стилем достижения профессионализма имеют безличную каузальную ориентацию с умеренной выраженностью внешней и крайне низкой выраженностью внутренней каузальной ориентации. То есть подавленная в процессе социализации личности потребность в автономии и компетентности сформировала у таких руководителей амотивирующую систему самодетерминации, при этом в условиях крайней необходимости они руководствуются в основном внешней мотивационной системой. Кроме того, указанные респонденты отличаются максимальным избеганием ситуаций выбора новых ценностно-смысловых элементов при осуществлении деятельности по профессиональному самоопределению, а при крайней необходимости предпочитают нормативный стиль профессиональной самоидентичности. Они обладают низким общим уровнем саморегуляции, который частично компенсируется развитыми способностями к моделированию значимых условий и к программированию своей деятельности. Для таких руководителей характерно выжидание и уход от принятия решений, касающихся вопросов профессионального самоопределения и дальнейшего профессионального развития. Предпочитают не задумываться о своем профессиональном будущем, цели своего профессионального развития выдвигают ситуативно, зачастую несамостоятельно, с трудом привыкают к переменам в профессиональной среде.

Руководители подразделений, обладающие неэффективным стилем достижения профессионализма, сверхдлительно находятся в пассивной форме профессионального развития, которая детерминирована только внешними социальными ситуациями профессионального развития (далее – ССПР). Все решения, касающиеся их профессионального развития, как правило, принимаются извне, то есть высшим руководством или значимыми близкими людьми. При вынужденном разрешении социальных ситуаций профессионального развития руководители с неэффективным стилем достижения профессионализма способны компенсировать безличность мотивационной структуры и диффузность самоидентичности проявлениями внешней каузальной ориентации и нормативной самоидентичностью. В таких случаях они ориентируются на социально-признанные и уже известные решения и ответы на вопросы, касающиеся профессионального самоопределения и профессионального развития, которые они ищут в кругу своего близкого социального окружения. Помимо этого, компенсаторные возможности при разрешении ССПР подключаются на уровне саморегуляционных процессов, в части касающейся способности моделирования значимых условий и формирования адекватной программы действий по достижению поставленных извне целей профессионального развития. Однако они не всегда

замечают изменение ситуации, что также часто приводит к неудачам в достижении целей профессионального развития.

При проведении исследования помимо неэффективного стиля было выделено три эффективных стиля достижения профессионализма. Эффективные стили условно были обозначены как «самодостаточный» стиль (9,7 % респондентов выборки), «карьерный» стиль (7,5 % респондентов выборки) и «гармоничный» стиль (12,4 % респондентов выборки).

Руководители воинских подразделений, обладающие «самодостаточным» стилем достижения профессионализма имеют выраженную интернальную каузальную ориентацию, которая прямо коррелирует с информационным стилем самоидентичности и высокой развитостью саморегуляционных процессов. Такие руководители испытывают чувство компетентности, осмысленности, целенаправленности и значимости их профессиональной жизни, обладают высоким уровнем самодетерминации, стремятся к самостоятельному выбору направлений своего профессионального развития и тяжело переносят давление извне. Они знают, чего они хотят от своей профессиональной деятельности, их система морально-нравственных и профессиональных ценностей устойчива и достаточно эффективна по отношению к изменяющейся обстановке. Высокий уровень автономии у таких руководителей был сформирован в раннем онтогенетическом возрасте и сохраняется на протяжении всей жизни. Стилевое своеобразие «самодостаточного» стиля применительно к военно-профессиональной деятельности заключается в компенсации высокой потребности в автономии, средним уровнем выраженности безличной каузальной ориентации. Достаточно выраженный уровень безличности развивался у таких руководителей, скорее всего, в онтогенетические периоды поздней юности и зрелости, и отражает, в том числе, специфику профессиональной деятельности военнослужащего, подверженного существенным ограничениям его потребности в автономии при осуществлении повседневной профессиональной деятельности. В данном случае компенсаторный механизм стиля, как ни парадоксально, направлен не на компенсацию отсутствующих или не развитых структур личности, а наоборот, на компенсацию выраженных личностных характеристик, которые в определенных профессиях могут оказывать препятствие в профессиональном развитии субъекта труда. Безличность каузальной ориентации здесь проявляется, скорее, в некоторой осторожности при принятии решений, касающихся профессионального самоопределения и отнесения своей самости в отношении новых ценностно-смысловых категорий профессиональной деятельности, что также отражается в выраженном информационном стиле самоидентичности. Кроме того, компенсация высокой автономии безличностью и контролем носит, в том числе, и адаптационный стилиевой эффект, заключающийся в подключении механизмов психологической защиты, позволяющей эффективно адаптировать потребность в автономии к специфике военно-профессиональной деятельности. Руководители с «самодостаточным» стилем при осуществлении метапрофессиональной деятельности опираются на самостоятельные внутренние позиции, они ориентированы на получение максимально полной информации при принятии решения о значимости той или иной профессиональной позиции, того или иного направления профессионального развития. Руководители с «самодостаточным» стилем достижения профессионализма открыты переменам и динамичны в устанавливаемых отношениях, готовы вновь и вновь отождествлять себя с новым, осуществлять активный поиск и знакомство с максимально разнообразными видами мировоззренческих ответов на ключевые вопросы профессиональной деятельности.

Следующий стиль, который имеет акцентуированный профиль, по результатам исследования обозначен как «карьерный» стиль. Руководители с «карьерным» стилем достижения профессионализма имеют внешнюю каузальную ориентацию, потребность в автономии у них в значительной степени подавлена, когнитивные процессы, направленные на поддержание идентичности, имеют полезависимый характер, но при этом высокоразвитые саморегуляционные процессы позволяют выдвигать, удерживать и достигать поставленных целей в профессиональном развитии. Метапрофессиональная деятельность таких руководителей мотивируется экстернальной каузальной ориентацией и основывается на внешних требованиях или ожидаемой награде. Планируя и осуществляя метапрофессиональную деятельность, они постоянно пребывают в состоянии поиска внешних признаков успешности, которые, в свою очередь, подвигают их к высоким достижениям в их профессиональном развитии. При принятии решений относительно планов профессионального развития, осознания и принятия новых ценностей профессиональной жизни, внедрения новых элементов в существующую систему профессиональной идентичности, такие руководители опираются на мнение значимого близкого социального окружения, а также на общественно признанные нормы и свой профессиональный опыт. Они не склонны к когнитивной переработке новых ценностно-смысловых регуляторов профессиональной деятельности и стремятся найти в отношении них уже готовые решения. Отличаются консервативной установкой относительно своего профессионального будущего, верностью избранному направлению профессиональной деятельности, стремлением к защите достигнутых позиций в профессиональной среде. Они настойчивы в достижении целей профессионального развития, способны выделить значимые условия их достижения, что проявляется в адекватности программ текущей профессиональной деятельности перспективным планам профессионального развития, в соответствии получаемых результатов принятым целям. Особенность данного стиля достижения профессионализма, в условиях осуществления военно-профессиональной деятельности, заключается в высоких компенсаторных возможностях внешней каузальной ориентации при недостаточной самодетерминации. Кроме того, некоторая степень несамостоятельности в постановке целей профессионального развития, компенсируется нормативным стилем самоидентичности и в целом развитыми регуляторными процессами.

«Гармоничный» стиль имеет умеренно выраженный профиль по всем стилевым критериям и занимает некоторое промежуточное положение среди эффективных стилей достижения профессионализма. Данный стиль характеризуется смешанной интернально-экстернальной каузальной ориентацией, смешанным нормативно-информационным стилем самоидентичности и развитой системой саморегуляции. Руководители подразделений с таким стилем достижения профессионализма отличаются гибкой самодетерминационной системой и высокой адаптивностью к изменяющимся условиям профессиональной деятельности. Они отличаются достаточной самостоятельностью в вопросах планирования своего профессионального будущего, осознанно и внутренне детерминированно осуществляют работу по достижению выдвинутых целей, контролируют ход ее выполнения, адекватно оценивают, как промежуточные, так и конечные результаты деятельности. При этом для них важно социальное одобрение выдвинутых ими планов профессионального развития и результатов профессиональной деятельности. А в случае диссонанса между внутренними профессиональными устремлениями и мнением значимых близких, склонны к существенной коррекции своей метапрофессиональной деятельности. Они верят в зависимость получаемых результатов от поведенческих реакций и, в стремлении достичь успеха, находятся в поиске признания результатов своей профессиональной деятельности.

В вопросах профессиональной самоидентификации относительно новых ценностно-смысловых регуляторов профессиональной деятельности такие руководители ориентируются на уже сформировавшуюся систему самоидентичности. Они опираются на свой профессиональный опыт и мнение значимых других, но при этом склонны к глубокому переосмыслению и осознанному встраиванию новых ценностных позиций в существующую систему профессиональной самоидентичности. Достаточно развитая система саморегуляции позволяет им эффективно управлять собой сообразно целям профессионального развития, направлять свое поведение в соответствии с требованиями профессиональной деятельности и достигать поставленных целей наиболее оптимальным способом. Несмотря на то, что в своих профессиональных планах они не всегда способны осознанно предусмотреть все внешние и внутренние значимые условия их реализации, гибкость и самостоятельность регуляционных процессов позволяют им оперативно производить коррекцию программы метапрофессиональной деятельности.

Заключение

Выделенные стили достижения профессионализма, их последующий анализ и систематизация позволяют выработать рекомендации по диагностике стилевых особенностей достижения профессионализма и осуществлению коррекции стиля в целях обеспечения эффективного профессионального становления руководителей воинских подразделений. В силу высокой ригидности таких глубинных структур личности как стилевые особенности самодетерминации и самоидентификации, мероприятия по коррекции стиля достижения профессионализма необходимо проводить с обязательным глубоким анализом его профиля и выработкой строго индивидуализированных рекомендаций в отношении конкретного руководителя.

Библиография

1. Белинская, Е. П. Адаптация русскоязычной версии опросника стилей идентичности М.Берзонски [Электронный ресурс] / Е. П. Белинская, И. Д. Бронин // Психологические исследования (электронный журнал). – 2014. – № 7 (34). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n34/964-belinskaya34.html> (дата обращения: 22.07.2018).
2. Бронин, И. Д. Психометрические показатели четвертой версии опросника стилей идентичности М. Берзонски / И. Д. Бронин // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 1 (3). – С. 86-92.
3. Гаврилов Ю. Почти без тайн // Российская газета: столичный выпуск. – 2013. – 28 июня. URL: <https://rg.ru/2013/06/27/ukazy-site.html> (дата обращения: 12.03.2019).
4. Дергачева, О.Е. Русскоязычная адаптация опросника каузальных ориентаций / О. Е. Дергачева, Л. Я. Дорфман, Д. А. Леонтьев // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2008. – №3. – С. 91-106.
5. Зайцева, Ю. Е. Конструирование личной идентичности в ситуации жизненного выбора: к методологии исследования субъективных стратегий / Ю. Е. Зайцева // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 12. Социология. – 2015. – №1. – С. 5-18.
6. Моросанова В. И. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ): Руководство. – М.: Когито-Центр, 2004. – 44 с.
7. Слободская, Е. Р. Краткая форма личностного опросника Айзенка (ЛЮА-К) и ее использование для оценки риска употребления психоактивных веществ / Е. Р. Слободская, Г. Г. Князев, М. В. Сафронова // Психологический журнал. – 2006. – № 3. – С. 94-105.
8. Чернышенко Э. А. Феномен профессионализма человека в социально-гуманитарных науках [Электронный ресурс] // Вестник современных исследований: электрон. науч.-практич. период. изд. – 2018. – № 7-3 (22). – С. 122-126.
9. Mik-Meyer N. The power of citizens and professionals in welfare encounters: The influence of bureaucracy, market and psychology. – 2017.
10. Mines R. A., Stone W. Working with Impaired Executives: What EA Professionals Need to Know. – 2016.

Style features of achieving professionalism: analysis and synthesis of the results of empirical research

Eduard A. Chernyshenko

Adjunct,
Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
123001, 14, Bolshaya Sadovaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: chernyshenko_eduard@mail.ru

Abstract

This article presents an analysis of the results of an empirical study of the stylistic features of the achievement of professionalism of the leaders of military units. With the help of special psychodiagnostics methods, three effective styles of achieving professionalism and one ineffective were identified. The selected styles have significant differences in all criteria and indicators for assessing the stylistic features of the achievement of professionalism. A psychological characteristic is given to the heads of military units using this or that style of achieving professionalism in the organization of their professional development. Dedicated styles for achieving professionalism, their subsequent analysis and systematization make it possible to work out recommendations for diagnosing the stylistic features of achieving professionalism and implementing style correction in order to ensure the effective professional development of the leaders of military units. Due to the high rigidity of such deep personality structures as stylistic features of self-determination and self-identification, measures for correcting the style of attaining professionalism should be carried out with a mandatory in-depth analysis of its profile and the development of strictly individualized recommendations for a manager.

For citation

Chernyshenko E.A. (2019) Stilevyye osobennosti dostizheniya professionalizma: analiz i obobshcheniye rezul'tatov empiricheskogo issledovaniya [Stylistic features of achieving professionalism: analysis and synthesis of empirical research results]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennyye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 8 (2A), pp. 223-230.

Keywords

Professionalism, professional activity, professional development, style, individuality, leader, military unit, self-determination, self-identification, self-regulation.

References

1. Belinskaya, E. P. Adaptation of the Russian-language version of M. Berzonsky's identity style questionnaire [Electronic resource] / E. P. Belinskaya, I. D. Bronin. Psychological studies (electronic journal). - 2014. - № 7 (34). URL <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n34/964-belinskaya34.html> (appeal date 07.22.2018).
2. Bronin, I. D. (2015) Psychometric indicators of the fourth version of the M. Berzonsky identity questionnaire / I. D. Bronin. Herald of Kemerovo State University. № 1 (3). - p. 86-92.
3. Gavrilov Yu. (2013) Almost without secrets. Rossiyskaya Gazeta Moscow issue. 28 June. URL <https://rg.ru/2013/06/27/ukazy-site.html> (access date 12.03.2019).

-
4. Dergacheva, O.E. (2008) Russian-language adaptation of the questionnaire of causal orientations / O. E. Dergacheva, L. Ya. Dorfman, D. A. Leontiev. Moscow University Bulletin. Series 14 Psychology. №3. - p. 91-106.
 5. Zaitseva, Yu. E. (2015) Designing personal identity in a situation of life choice on the methodology of researching subjective strategies / Yu. E. Zaitseva. Bulletin of St. Petersburg State University. Series 12. Sociology. №1. - p. 5-18.
 6. Morosanova V.I. Questionnaire "Style of self-regulation of behavior" (SMTA) Guide. - M . Kogito-Center, 2004. - 44 p.
 7. Slobodskaya, E. R. The short form of the personal questionnaire by Eysenck (LOA-K) and its use to assess the risk of substance use / E. R. Slobodskaya, G. G. Knyazev, M. V. Safronova. Psychological journal. - 2006. - № 3. - p. 94-105.
 8. Chernyshenko E. A. The Phenomenon of Human Professionalism in the Social and Humanitarian Sciences [Electronic resource]. Herald of Contemporary Studies electron. scientific practical period. ed. - 2018. - № 7-3 (22). - P. 122-126.
 9. Mik-Meyer, N. (2017). The power of citizens and professionals in welfare encounters The influence of bureaucracy, market and psychology.
 10. Mines, R. A., & Stone, W. (2016). Working with Impaired Executives What EA Professionals Need to Know.

УДК 37.013**Типологические особенности ценностного
отношения к здоровью педагогов****Петрова Лариса Витальевна**Кандидат психологических наук,
психолог-консультант,
акушер,Краснотурьинская городская клиническая больница (Пелымское отделение),
624440, Российская Федерация, Краснотурьинск, ул. Чкалова, 20;
e-mail: Petrova_Loravita@mail.ru**Аннотация**

В статье представлены актуальные вопросы здоровья и здорового образа жизни. Формирование ценностного отношения к здоровью старших школьников важная роль отводится педагогам (школе). Определены показатели ценностного отношения к здоровью и здоровому образу жизни педагогов. Принятие здорового образа жизни – это условие потребности жизненных приоритетов каждой личности. Тема статьи аргументируется ценностным отношением к здоровью значимых взрослых (педагогов), являющихся активными трансляторами формирования ценностного отношения подростков к здоровью и здоровому образу жизни. Полученные данные правомерно использовать в психологической службе образования. В частности, данные могут быть использованы педагогами, классными руководителями образовательных учреждений при формировании позитивных установок ориентиров учащихся, своих детей и сохранении собственного здоровья. Анализ ценностного отношения к здоровью педагогов показал важность активности значимых взрослых. Посредством обучения и воспитательного процесса, направленного на формирование жизненно важных ценностей и осознание ценности здорового образа жизни старших школьников.

Для цитирования в научных исследованиях

Петрова Л.В. Типологические особенности ценностного отношения к здоровью педагогов // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 2А. С. 231-236.

Ключевые слова

Здоровье, образ жизни, моделирующие конструкты познавательный, эмоционально-ценностный, поведенческий, педагоги, старшие школьники.

Введение

Здоровье выступает индикатором устойчивого развития нации, а с психологической точки зрения и фактором эмоционально благополучного развития общества, закладывая основу для оптимальной жизнедеятельности каждого гражданина. Психолого-педагогическим анализом понятия здоровье и его составляющих занимались [Амосов, 2016; Апасенко, 2000; Глейтман, 2001; Гундаров, 2001], беря во внимание термин «количество здоровья», здоровье человека понимается как свойство организма, которое можно количественно оценить по состоянию отдельных физиологических параметров. Ценностную природу здоровья выделяли: Б.С. Братусь, [Братусь, 2014] использует терминологию «психическое здоровье» [Дубровина, 2007; Казначеев, 2013], «психологическое здоровье» [Митина, 2005; Пивоваров, 2001], «личностное здоровье» [Кореяков, 2003]; похожая терминология – «духовное здоровье».

Основная часть

Особенности ценностного отношения к здоровью раскрыты в работах: [Кабаева, 2002; Белов, 2002; Филатова, 2004; Шмойлова, 2007 и др.]. Исследовали возрастные особенности отношения к здоровью и ценности здорового образа жизни Л.В. Баль [Баль, 2005], С.В. Барканова [Барканова, 2003], О.С. Васильева [Васильева, 2001], И.В. Марина [Марина, 2011], Е.Н. Сухомлинова [Сухомлинова, 2012], О.А. Плаксина [Плаксина, 2008] и другие.

Дефиниция «здоровье» характеризуется сложностью, многозначностью и неоднородностью состава, одновременно отражая биологические, психические и духовные аспекты человека в мире.

Всемирная организация здравоохранения дает следующее понятие здоровья: «Здоровье – это состояние полного физического, психического и социального благополучия, а не только отсутствие каких-либо болезней и дефектов» [Амосов, 2016, 35].

Здоровье тесно связано с образом жизни наиболее полное определение понятия образа жизни дает Р. Рывкина. С точки зрения ученого образ жизни понимается, как совокупность нескольких различных и взаимосвязанных видов социальной активности. Выделяются следующие значимые виды социальной активности:

- различные виды экономической деятельности (например, индивидуально-трудова́я деятельность);
- комплекс занятий в сфере домашнего хозяйства (например, удовлетворение повседневных бытовых потребностей);
- занятия в сфере образования (например, обучение в вузе);
- формы проведения свободного времени (например, отдых и развлечения);
- способы поддержания здоровья (например, занятия спортом);
- участие в политической жизни страны;
- трудовая и территориальная мобильность;
- проявление девиантного поведения.

По мнению Р. Рывкиной, в системе образа жизни кристаллизуются те стандарты поведения, которые были сформированы у индивида и которые меняются под воздействием условий его жизни [Баль, 2005, 109].

Несмотря на наличие четких определений понятия «здоровье» и «здоровый образ жизни», их содержательная наполненность характеризуется сложностью, многозначностью и неоднородностью состава, в нем одновременно отражаются фундаментальные аспекты биологического, социального, психического и духовного бытия человека в мире.

Теоретико-эмпирической базой построения модели послужили работы Е.Н. Сухомлиновой, концепции Б.И. Додонова, А.К. Марковой, Т.А. Матис, А.Б. Орлова, И.В. Мариной в которых процесс формирования ценности здорового образа жизни представляет собой психолого-педагогическую работу по позитивному преобразованию внутренней позиции в сфере здоровья в сторону осознания его ценности, позитивного отношения и готовности к приложению своих усилий в этой сфере.

В проведенном Е.Н. Сухомлиновой исследовании выделены три компонента ценностного отношения к здоровью, являющимися для нас моделирующими конструктами, а именно: когнитивный (познавательный), эмоционально-оценочный (эмоционально-ценностный) и поведенческий. Несмотря на технологичность и целенаправленность процесса формирования ЗОЖ ценностное отношение к здоровью должно опираться на актуальное, уже сформированное состояние данного личностного образования (имеющиеся ценности и отношение к ЗОЖ); учитывать индивидуально-психологические особенности (психологические нормы, состояние здоровья, показатели жизнестойкости).

Познавательный – предполагает не только усвоение теоретических знаний и практических умений в области здоровьесбережения, но и осознание ценности здоровья как неотъемлемого условия полноценной жизни. Он связан со знанием о здоровом образе жизни, формирующем интерес к здоровью и здоровьесбережению. Эмоционально-ценностный – включает в себя эмоциональную оценку ценности здоровья, которая проявляется в удовлетворении потребности в здоровье, положительного к нему отношения. Поведенческий – связан с творческим применением освоенных знаний, умений и навыков в здоровьесберегающей деятельности, в том числе привычкой к ЗОЖ [Братусь, 2014, 10].

Представленная модель учитывает внутренние и внешние основания формирования ЗОЖ.

В нашем исследовании приняли участие 18 педагогов. Исследование проводилось на базе МКОУ СОШ № 1 п. Пелым; МАОУ СОШ № 1 г. Ивдель; МАОУ СОШ № 64 г. Екатеринбург в средних образовательных учреждениях.

Методики исследования: познавательного компонента (анкетирование с целью выявления состояния здоровья и отношение к здоровому образу жизни; Опросник «Отношение к здоровью» Р.А. Березовской), эмоционально-ценностного компонента (методика «Ценностные ориентации» М. Рокича; опросник «Уровень притязаний личности» В.К. Гербачевского), поведенческого («Тест жизнестойкости» С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева; 16-ти факторный личностный опросник Кетелла; Опросник СОМО С.В. Духновского).

Анализ анкетных данных показал, как педагоги, считают, здоровье значимой жизненной ценностью, которая очень важна для ребенка, а также то, что она формируется в семье. Абсолютно здоровых педагогов нет, однако нет и тех, кто стремился бы вести здоровый образ жизни и благодаря хорошим отношениям с ребенком передавать данную ценность. Педагоги мало внимания и времени уделяют своему здоровью и здоровью близких. Причинами подобного поведения являются: недостаток времени и знаний здоровьесберегающих технологий. Источниками получения информации о здоровье, как важной познавательной составляющей ЗОЖ информация СМИ у педагогов 72,2%; через врачей-специалистов 88,9%; от друзей,

знакомых 94,4%, научно-популярные книги о здоровье педагоги получают 83,3%: Эмоционально-ценностный аспект свидетельствует о том, что у 9,2% педагогов ценность здоровья имеет высокий уровень в 83,3%, средний в 16,7% случаев, низкого уровня нет, т.е. для педагогов здоровье представляет собой наиважнейшую ценность. В целом можно заключить, что здоровье для педагогов является значимой ценностью. Наряду со схожими установками в отношении к здоровью у педагогов были выявлены следующие различия в жизненных ценностях: здоровье ($U = 355,500$; $P = 0,021$), интересная работа ($U = 247,500$; $P = 0,000$), образованность ($U = 355,500$; $P = 0,028$), терпимость ($U = 265,500$; $P = 0,001$), широта взглядов ($U = 321,000$; $P = 0,007$). Мотивация к здоровому образу жизни у педагогов проявляется жизненно важным приоритетом к работе и образованию.

Для поддержания ЗОЖ, как важного поведенческого аспекта педагоги придерживаются диеты в 33,3%. Для сохранения здоровья: заботятся о режиме сна и отдыха педагоги 55,5%, а закаляются педагоги 38,9%; посещают врача педагоги 50%; следят за весом 38,9%; ходят в баню (сауну) педагоги 50%; избегают вредных привычек педагоги 72,2%; посещать спортивные секции у педагогов (38,9%), практикуют специальные оздоровительные системы 50%. Однако, все указанные действия не имеют системного характера и появляются в ситуации болезни или угрозы здоровью.

Корреляционный и факторный анализ данных позволяет выделить следующую типологию отношения к здоровью и ценности здорового образа жизни у педагогов и родителей:

1 тип. Ценность ЗОЖ носит сформированный характер. Ярко выражен внутренний мотив, познавательный мотив, Ценность «Здоровье», умение мобилизовать усилия, исполнительность, практика оздоровительных процедур, использование профилактических мероприятий в отношении своего здоровья, закаливание, занятие спортом, ориентация на результат. Данный тип выявлен у 16,6 % педагогов (3 чел.).

2 тип. Ценность ЗОЖ сформирована, но не практикуется. На высоком и среднем уровне выражены ценность семьи, здоровья. Ведущими мотивами являются мотив избегания и самоуважения. В поведении присутствует непримиримость, смелость, не обращение внимания на здоровье. Данный тип выявлен у 50% педагогов (9 чел.).

3 тип. Ценность ЗОЖ не сформирована. Ведущими являются материальные ценности, ценности развития и образования. Для занятий спортом, у данной группы нет силы воли, условий и необходимой поддержки. Происходит игнорирование болезни, не обращение внимания на здоровье приводит к чувству вины и злости. Данный тип выявлен у 33,3% (6 чел.) педагогов.

Заключение

Проведенный анализ позволяет выделить психологические критерии здорового образа жизни педагогов: достаточная информированность о здоровом образе жизни, ведущая к позитивному отношению, как к своему здоровью, так и здоровью окружающих; потребность в здоровом образе жизни и бережное отношение к своему здоровью; положительное отношение к ограничениям, а также ситуациям, позволяющим сохранить здоровье или способствующим его укреплению.

Важными условиями формирования ЗОЖ педагоги считают собственное состояние здоровья, а также интерес, мотивацию обусловленные жизненными приоритетами и личной активностью.

Библиография

1. Амосов Н.М. Энциклопедия здоровья. М., 2016. 462 с.
2. Баль Л.В. Педагогу о здоровом образе жизни детей. М.: Просвещение, 2005. 189 с.
3. Баль Л.В., Барканова С.В. Формирование здорового образа жизни российских подростков. М.: Владос, 2003. 191 с.
4. Братусь Б.С. Аномалии личности. М.: Мысль, 2014. 301 с.
5. Васильева О.С., Филатов Ф.Р. Психология здоровья человека: эталоны, представления, установки. М.: Академия, 2001. 352 с.
6. Кабаева В.М. Формирование осознанного отношения к собственному здоровью у подростка: автореф. дис. ... канд. псих. наук. М., 2002. 18 с.
7. Казначеев В.П. Здоровье нации. Просвещение. Образование. Новосибирск, 2013. 184 с.
8. Марина И.В. Модель формирования ценностного отношения к здоровью в образовательном пространстве вуза // Социальное воспитание. 2011. С. 101-108.
9. Маркова А.К., Матис Т.А., Орлов А.Б. Формирование мотивации учения. М., 2010. 448 с.
10. Митина Л.М. Профессиональная деятельность и здоровье. М.: Академия, 2005. 311 с.
11. Митяева А.М. Здоровый образ жизни. М.: Академия, 2008. 144 с.
12. Плаксина О.А. Проблема формирования ценностного отношения студентов университета к здоровому образу жизни // Педагогический журнал. 2008. № 13. С. 391-396.
13. Сухомлинова Е.Н. Формирование ценностного отношения к здоровью старших школьников: автореф. дис. ... канд. псих. наук. Сочи, 2012. 18 с.

Typological features of the value attitude to the health of teachers

Larisa V. Petrova

PhD in Psychology,
Consultant Psychologist,
Obstetrician,
Krasnoturinsk City Clinical Hospital (Pelym branch),
624440, 20, Chkalova st., Krasnoturinsk, Russian Federation;
e-mail: Petrova_Loravita@mail.ru

Abstract

The research presented in the article presents topical issues of health and healthy lifestyle. The formation of the value attitude to the health of senior schoolchildren plays an important role for teachers and the school. Some indicators of the value attitude to health and a healthy lifestyle of teachers are determined. Adopting a healthy lifestyle is a condition of the need for the life priorities of each individual, state the author of the paper. The topic of the article is justified by the value attitude to the health of significant adults (school teachers), who are active translators of the formation of the adolescent's value attitude to health and a healthy lifestyle. The obtained data is legitimate to use in the psychological service of education. In particular, the data can be used by teachers, class teachers of educational institutions in the formation of positive attitudes of students, their children and maintaining their own health. The analysis of the value attitude to the health of teachers showed the importance of the activity of significant adults. It should be formed through the training and educational process, aimed at the formation of vital values and awareness of the value of a healthy lifestyle of older students.

For citation

Petrova L.V. (2019) Tipologicheskie osobennosti tsennostnogo otnosheniya k zdorov'yu pedagogov [Typological features of the value attitude to the health of teachers]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 8 (2A), pp. 231-236.

Keywords

Health, lifestyle, modeling constructs cognitive, emotional-value, behavioral, teachers, senior students.

References

1. Amosov N.M. (2016) *Entsiklopediya zdorov'ya* [Encyclopedia of health]. Moscow.
2. Bal' L.V. (2005) *Pedagogu o zdorovom obraze zhizni detei* [For teachers about a healthy lifestyle of children]. Moscow: Prosveshchenie Publ.
3. Bal' L.V., Barkanova S.V. (2003) *Formirovanie zdorovogo obraza zhizni rossiiskikh podrostkov* [Formation of a healthy lifestyle of Russian teenagers]. Moscow: Vlados Publ.
4. Bratus' B.S. (2014) *Anomalii lichnosti* [Anomalies of personality]. Moscow: Mysl' Publ.
5. Kabaeva V.M. (2002) *Formirovanie osoznannogo otnosheniya k sobstvennomu zdorov'yu u podrostka. Doct. Dis.* [Formation of a conscious attitude to their own health in adolescents. Doct. Dis.]. Moscow.
6. Kaznacheev V.P. (2013) *Zdorov'e natsii. Prosveshchenie. Obrazovanie* [Health of the nation. Education]. Novosibirsk.
7. Marina I.V. (2011) Model' formirovaniya tsennostnogo otnosheniya k zdorov'yu v obrazovatel'nom prostranstve vuza [Model of formation of the value attitude to health in the educational space of the university]. In: *Sotsial'noe vospitanie* [Social education].
8. Markova A.K., Matis T.A., Orlov A.B. (2010) *Formirovanie motivatsii ucheniya* [Formation of learning motivation]. Moscow.
9. Mitina L.M. (2005) *Professional'naya deyatel'nost' i zdorov'e* [Professional activities and health]. Moscow: Akademiya Publ.
10. Mityaeva A.M. (2008) *Zdorovyi obraz zhizni* [Healthy lifestyle]. Moscow: Akademiya Publ.
11. Plaksina O.A. (2008) Problema formirovaniya tsennostnogo otnosheniya studentov universiteta k zdorovomu obrazu zhizni [The problem of the formation of the value relationship of university students to a healthy lifestyle]. *Pedagogicheskii zhurnal* [Pedagogical Journal], 13, pp. 391-396.
12. Sukhomlinova E.N. (2012) *Formirovanie tsennostnogo otnosheniya k zdorov'yu starshikh shkol'nikov. Doct. Dis.* [Formation of the value attitude to the health of senior schoolchildren. Doct. Dis.]. Sochi.
13. Vasil'eva O.S., Filatov F.R. (2001) *Psikhologiya zdorov'ya cheloveka: etalony, predstavleniya, ustanovki* [Psychology of human health: standards, ideas, attitudes]. Moscow: Akademiya Publ.

Правила для авторов

Уважаемые авторы! Представляем вашему вниманию обновленные требования, которым должны строго соответствовать направляемые нам рукописи.

Структура статьи, присылаемой в редакцию для публикации:

- 1) заголовок (название) статьи;
- 2) автор(ы): фамилия, имя, отчество (полностью);
- 3) данные автора(ов): телефон, адрес, научная степень, звание, должность и место работы, рабочий адрес, e-mail;
- 4) аннотация (авторское резюме);
- 5) ключевые слова;
- 6) текст статьи должен быть разбит на части: введение, тематические подзаголовки, заключение или выводы;
- 7) список использованной литературы в алфавитном порядке;
- 8) пункты 1-5 и 7 должны быть продублированы на английском языке (требования к аннотации см. далее).

Все материалы должны быть присланы в документе формата .doc, шрифт TimesNewRoman, кегль 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный, сноски с примечаниями постраничные, нумерация сносок сплошная. Ссылки в тексте на библиографический список оформляются в квадратных скобках; указываются фамилия автора из списка, год издания работы и страница: [Иванов, 2003, 12].

Требования к аннотации на английском языке

Англоязычная аннотация должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной (**не быть калькой русскоязычной аннотации**);
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье, по схеме: предмет, тема, цель работы; метод или методология проведения работы; область применения результатов; выводы);
- «англоязычной» (написанной качественным английским языком);
- **объем от 150 до 250 слов.**

При невозможности предоставить англоязычную аннотацию необходимо предоставить аналогичный текст на русском языке, с требуемым объемом и структурой.

Фамилии авторов статей на английском языке представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, в нашем издательстве – Британского института стандартов (www.translit.ru, меню **Варианты**, пункт **BSI**).

Оформление библиографических ссылок в тексте

Ссылки в тексте оформляются в стиле [Фамилия (фамилии), год, страница]. Например, такая ссылка:

Иванова П.П., Петров А.А. К вопросам о детских тарелочках // Жизнь. 2012. № 2. С. 343.

будет выглядеть в тексте как

[Иванова, Петров, 2012, 343].

При ссылке на интернет-ресурс ссылка выглядит как [Иванов, 2009, www] или (при невозможности установить год) [Иванов, www].

Постраничные сноски используются в случае смысловых комментариев, ссылок на архивы и неопубликованные документы. Допустимо указывать в постраничных сносках группы источников (например, ряд работ или диссертаций по какой-либо теме), которые не включаются в библиографию.

В библиографию включаются ссылки на использованные в работе:

- книги;
- статьи в периодике, коллективных монографиях, сборниках по итогам конференций;
- диссертации и авторефераты;
- нормативные акты;
- электронные ресурсы.

В библиографию не включаются (даются в постраничных сносках) ссылки на:

- архивы;
- неопубликованные документы.

Правила оформления библиографии на русском языке

Библиография оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка».

Правила оформления библиографии на английском языке

Английский вариант библиографии, с заголовком References, пишется согласно Гарвардской системе оформления библиографических ссылок, по следующей схеме:

Авторы (транслитерация), год публикации, транслитерация названия статьи, перевод названия статьи на английский язык (в квадратных скобках), транслитерация названия источника (книга, журнал), перевод названия источника (в квадратных скобках), место издания, издательство, страницы.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении учёных // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190-199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

Более подробные правила и примеры Гарвардской системы оформления представлены по ссылке <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> или <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

Если у вас нет возможности оформить английские список литературы и аннотацию по нашим правилам, это сделают специалисты издательства. Обращайтесь, вам обязательно помогут!

Об издательстве

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает 14 научных журналов:

№	Название журнала	Направление
1	Вопросы российского и международного права	юридические науки
2	Культура и цивилизация	культурология
3	Технические науки: теория, методика, приложения	технические науки
4	«Белые пятна» российской и мировой истории	история
5	Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке	философия
6	Вопросы биологии и сельского хозяйства: теории и ситуации, проблемы и решения	биологические и сельскохозяйственные науки
7	Фундаментальные и клинические медицинские исследования	медицина
8	Экономика: вчера, сегодня, завтра	экономика
9	Педагогический журнал	педагогика
10	Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования	психология
11	Искусствоведение	искусствоведение
12	Социологические науки	социология
13	Теории и проблемы политических исследований	политология
14	Язык. Словесность. Культура	филология

Журналы выходят на русском и английском языках, основное содержание номеров составляют статьи ведущих российских и зарубежных ученых и начинающих исследователей, а также сообщения о выходе книг по теме изданий.

Журналы издательства «АНАЛИТИКА РОДИС» рассчитаны на ученых, специалистов, аспирантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами современной науки.

Услуги издательства

Помимо выпуска научных журналов издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает научные издания, монографии, авторефераты, а также художественную литературу.

Рукописи изданий, поступающих к нам, подвергаются корректуре, редактированию и, при необходимости, научному редактированию. Техническое оформление в издательстве «АНАЛИТИКА РОДИС» включает вёрстку, раз-

работку оригинал-макетов, дизайн обложек и иллюстраций. На каждом этапе работы авторы имеют возможность оценить результаты и внести свои коррективы, пожелания и дополнения.

Наши специалисты осуществляют помощь в оформлении научных работ – от статей до диссертаций, по требованиям ГОСТа, ВАК или конкретных научных организаций, а также техническое, литературное и научное редактирование, корректуру.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» имеет широкие научные связи с отечественными и зарубежными учёными и организациями.

Rules for authors

Dear authors! We present you the updated requirements that the manuscript must strictly comply with.

Structure of an article for publication sent to the publisher:

- title (name);
- author (s): the surname, first name, patronymic (in full);
- author (s) details: phone, address, academic degree, title, occupation and place of work (+address), e-mail;
- annotation (author's abstract);
- key words;
- the text of the article must be split into several parts: introduction, subject subtitles, conclusion or summary;
- list of references;
- Items 1-5 and 7 must be accomplished in English (see below the requirements for annotations).

All materials must be sent in .doc format, Times New Roman, size 14, indented first-line, one-and-a-half line spacing, per-page footnotes and solid footnotes numeration. References to the bibliography in the text are to be made in square brackets: [Ivanov, 2003, 12].

The requirements for abstract in English and bibliographical references

An abstract in English must be:

- informative (be free of common words);
- original (**without being a calque (loan-translation) of Russian-language annotation**);
- substantive (to reflect the main content of an article and research results);
- structured (to follow result description logic in the article according to the scheme: subject, topic, work objective, method or work performance methodology, application range of the results; summary);
- "English-speaking" (written in high-grade English);
- **volume from 150 to 250 words.**

Let's see the following structural variant of a bibliographical ref in English for articles from journals, collections and conferences:

The authors (transliteration), year, title of the article in transliteration, translation of the title into English in square brackets, the name of the source (transliteration and translation), place, publishing house and pages.

Example:

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

At that while **preparing the list** of literary sources of the **English-language** part of the article our **publishing house insists on using Harvard system of bibliographical references delivery**. You can find the possible typography variants on <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> or <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

If for some reasons you cannot formalize English list of references and abstract in accord with our rules, our specialists will do it for you. Please, contact us, we are always ready to help!

About the publishing house

Publishing house "ANALITIKA RODIS" issues 14 scientific journals:

№	Name of the journal	Scientific area
1	Matters of Russian and international law	Jurisprudence
2	Culture and civilization	Culturology
3	Technical sciences: theory, methodology, applications	Technical
4	"White spots" of the Russian and world history	History
5	Context and reflection: philosophy of the world and human being	Philosophy
6	Questions of biology and agriculture: theories and situations, problems and solutions	Biological and agricultural
7	Basic and clinical medical research	Medical
8	Economics: Yesterday, Today and Tomorrow	Economics
9	Pedagogical Journal	Education science
10	Psychology. Historical-critical reviews and current researches	Psychology
11	Art Studies	Art Studies
12	Sociological Sciences	Sociological Sciences
13	Theories and Problems of Political Studies	Political science
14	Language. Philology. Culture	Philology

Journals are published in Russian and English. The articles of leading experts, as well as researchers working on dissertations, are published in each journal respective to its coverage, along with the reports of the books output of leading contemporary researchers!

The journals of the "ANALITIKA RODIS" publishing house are designed for specialists, students and postgraduate students, as well as anyone interested in problems of modern science.